

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПРОБЛЕМЫ
ТЕКСТОЛОГИИ
ФОЛЬКЛОРА

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

XXVI

ЛЕНИНГРАД

1991

Редакционная коллегия:

*С. Н. Азбелев, А. А. Горелов, В. И. Еремина,
Т. Г. Иванова (отв. редактор), В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова*

Рецензенты:

О. А. Черепанова, С. Н. Азбелев

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ ФОЛЬКЛОРА

**Русский фольклор
XXVI**

*Утверждено к печати Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Н. Немнонова*. Технический редактор *О. В. Иванова*
Корректоры *Г. Д. Адейкина, А. В. Келле-Пелле* и *Н. В. Романенкова*

ИБ № 44418

Сдано в набор 06.04.90. Подписано к печати 03.02.91. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 24.50. Усл. кр.-от. 24.68. Уч.-изд. л. 27.20.
Тираж 1400. Тип. зак. № 289. Цена 3 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Р 4604000000-526
042 (02)-91-748-90-I

© Коллектив авторов, 1991

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Т. Г. ИВАНОВА

СПЕЦИФИКА ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Начиная с конца 1950-х гг. в советском литературоведении отмечается стойкий интерес к текстологическим проблемам. Свидетельством тому — вышедшие в последние годы три библиографических указателя, отражающие литературу по данному вопросу.¹ Параллельно литературоведению в фольклористике в это же время также зародилось внимание к текстологии. Однако следует подчеркнуть, что если литературоведение к концу 1950-х гг. уже имело теоретические обобщения в этой области,² то наука об устном народном творчестве только приступала к осмыслению своих текстологических проблем. И в настоящее время фольклористическая текстология отстает от литературоведческой на несколько десятилетий.

Не вдаваясь в дискуссию о том, что же такое текстология — самостоятельная наука, охватывающая литературоведческий, фольклористический (и даже шире — историко-документальный) материал или же особый раздел в каждой из перечисленных дисциплин, в своей статье мы хотим заострить внимание на специфике и основных задачах фольклорной текстологии.

Сегодня мнения большинства ученых сходятся в том, что объектом текстологии является текст произведения и что текстология включает в себя и вопросы издания текстов, и изучение их истории, и исследование текста как такового. Метод текстологии заключается в сравнительно-историческом сопоставлении текстов, дошедших до нас в различных источниках.³ Эти основные положения полностью применимы и к фольклористической текстологии. Но фольклорный текст отнюдь не равнозначен литературному. В индивидуальном творчестве создание произведения и реализация замысла в каком-то тексте — это два одновременных, неразрывных, сопутствующих друг другу процесса. Если нет текста литературного произведения, то нет и самого произведения. В народной поэзии дело обстоит иначе. Произведение как таковое существует в коллективной памяти носителей фольклора. Текст же произведения каждым из сказителей при каждом отдельном акте исполнения воссоздается (не создается!)

---

¹ Лебедева Е. Д. 1) Текстология русской литературы XVIII—XX вв.: Указатель советских работ на русском языке, 1917—1975. М., 1978; 2) Текстология: Труды Международной энциклопедико-текстологической комиссии при Международном комитете славистов. Указатель докладов и публикаций, 1958—1978. М., 1980; 3) Текстология: Вопросы теории. Указатель советских работ за 1917—1981 гг. М., 1982. См. рец.: Беленький И. Л. Библиографические указатели по текстологии // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 260—262.

² Винокур Г. О. Критика поэтического текста. М., 1927; Гофман М. Л. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Пг., 1922; Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922, и др.

³ См. подробнее: Прохоров Е. И. Текстология как научная дисциплина // Лебедева Е. Д. Текстология русской литературы XVIII—XX вв.: Указатель советских работ на русском языке, 1917—1975. М., 1978. С. 7—20. Азбелев С. Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. 1966. № 4. С. 81—106.

заново. Не зафиксированный с помощью каких-либо технических средств (карандаш и бумага, магнитофон, грампластинка и т. д.) фольклорный текст, отзвучав, исчезает, перестает существовать. Подчеркнем еще раз: речь идет о тексте, а не о самом произведении. Чтобы текст продолжал жить, он должен быть записан кем-то из фольклористов. Собирателем должен быть посредником между исполнителем и читателем. В идеале ученый, записывающий фольклор, обязан передать текст абсолютно точно, не привнося в него ничего от себя. Но вся история фольклористики показывает, что личность собирателя, его представления о точности записи, его способы фиксации народной поэзии, понимание диалекта, строфики песенных форм и т. д. — все это так или иначе сказывалось на том тексте, который получал читатель.

Таким образом, зафиксированный фольклорный текст — это всегда продукт деятельности двух человек: сказителя и собирателя. Исходя из указанной специфики фольклорного текста в текстологии науки об устно-поэтическом творчестве целесообразно, на наш взгляд, выделить следующие разделы: 1) историко-фольклорная текстология, изучающая жизнь текста в устах сказителя; 2) историко-фольклористическая текстология, отвечающая на вопросы, как записывались собирателями, редактировались и издавались публикаторами тексты в разные периоды развития науки; 3) эдиционная текстология, разрабатывающая современные приемы и правила записи и издания фольклорных произведений.⁴

Историко-фольклорная текстология направлена на изучение вариантной природы текстов устнопоэтического творчества. Сопоставляя, сравнивая один вариант сказки (былины, песни и т. д.) с другим, выявляя региональные версии и редакции какого-либо фольклорного произведения, выстраивая схему генеалогического соотношения текстов, подчас устанавливая книжные источники для какого-либо варианта, исследователь вступает в сферу текстологии. Текст сам по себе (а не заложенные в нем языческие представления, не его социальное содержание, не поэтические приемы, которые создают художественную ценность произведения фольклора, и т. д.) в данном случае становится объектом исследования ученых. Фольклористы в работах такого рода не всегда пользуются понятием «текстологический анализ». Тем не менее по сути дела они занимаются текстологией фольклора. Те методы исследования, которые мы подвели под понятие «историко-фольклорная текстология», давно апробированы, осознаны, закреплены нашей наукой. Значимость их всеми признана. Достаточно сказать, что только в былиноведении в последние годы вышло в свет две монографии, частично или полностью построенных на методах историко-фольклорной текстологии.⁵

Сложнее обстоит дело с проблемами, относящимися ко второму и третьему из выделенных нами разделов фольклорной текстологии. Историко-фольклористическая и эдиционная текстология тесно связаны между собой: они относятся к практике издания текстов устнопоэтического творчества. В каждый из периодов развития нашей науки имеются свои представления об эдиционных принципах публикации фольклорного материала. В методах записи и редактирования народной поэзии собиратели и издатели в той или иной степени руководствуются писаными или неписаными правилами своего времени. Уровень развития фольклористики регламентирует отношение ученого к изданию текстов. Со сменой очередного этапа в развитии науки уходят в прошлое и эдиционные представления данного периода. Эдиционная текстология со временем превращается

⁴ Ср. с разделами, предложенными К. В. Чистовым (Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора: Доклад на заседании эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов. М., 1963. С. 2—3).

⁵ Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982; Аникин В. П. Былины: Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984.

в историко-фольклористическую текстологию. Вопросы эдиционной текстологии — «как надо записывать фольклор», «как надо редактировать и издавать произведения народной поэзии» в той же формулировке, по в прошедшем времени — становятся центром внимания историко-фольклористической текстологии.

Надо отметить, что до сих пор в нашей фольклористике существует определенное небрежение к той стороне устнопоэтического текста, которая идет от собирателя (издателя). В 1956 г. В. Я. Пропп, обращаясь к проблеме текстологического редактирования записей фольклора, указывал: «Вопросы эти в нашей издательской практике не только не решены, но и не поставлены».⁶ В 1963 г. Б. Н. Путилов писал: «Надо прямо сказать, что в области теории фольклорной текстологии сделано пока еще очень мало, а на практике приходится то и дело встречаться с фактами странного невнимания к текстологическим аспектам, с несерьезным отношением к изданию текстов со стороны отдельных фольклористов и работников издательств, с систематическими нарушениями самых элементарных эдиционных требований.»⁷ Через тринадцать лет В. П. Кругляшова опять-таки признает текстологическую ненадежность некоторых наших изданий. «К настоящему времени достаточно четко выяснено, — пишет исследовательница, — что научная достоверность текстов обусловлена комплексом обстоятельств, среди которых существенную роль играют приемы собирания и записи произведений, подготовки текстов к печати, цели и задачи публикации, принципы издания. Фольклорные публикации последних лет убеждают в актуальности этой проблемы, так как фольклорная практика (как издательская, так и исследовательская) расходится с теми рекомендациями, которые, казалось бы, приняты советскими фольклористами».⁸ Сегодня, несмотря на очевидные достижения в деле издания устной поэзии, мы также вынуждены говорить и о недостаточной разработке теоретических вопросов фольклорной текстологии, и о неудовлетворительном качестве некоторых изданий.

В своей статье мы не стремимся дать какие-либо рекомендации, касающиеся современной эдиционной текстологии. Без длительных комплексных разработок, без консультаций с издательствами, а возможно, и без официальных документов, регламентирующих различные типы фольклорных изданий, всякая попытка упорядочить хаос, царящий в деле издания фольклора, будет безрезультатной. Укажем только на некоторые проблемы, стоящие перед современной эдиционной текстологией: это совершенствование различных типов фольклорных изданий; разработка правил передачи диалекта в текстах народной поэзии;⁹ решение вопросов орфографии и пунктуации;¹⁰ научное обоснование расположения в сборниках текстов различных жанров, т. е. проблема композиции сборника; нотировка песенных форм фольклора; комментирование произведений устнопоэтического творчества¹¹ и т. д. Все это вопросы, до сих пор окончательно не решенные отечественной фольклористикой. Успешное их решение во многом зависит от учета того опыта, который накоплен предше-

⁶ Пропп В. Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 197.

⁷ Путилов Б. Н. Вопросы текстологии произведений русского фольклора // Издание классической литературы: Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963. С. 18.

⁸ Кругляшова В. П. К истории и методике собирания преданий // Фольклор Урала: Народная проза. Свердловск, 1976. С. 3—4.

⁹ Пропп В. Я. Текстологическое редактирование записей фольклора. С. 196—206.

¹⁰ Хроленко А. Т. Свод русского фольклора и орфография (проблема разграничения устойчивых словесных комплексов и сложных слов в устнопоэтическом тексте) // Русский фольклор: Полевые исследования. Л., 1985. Т. 23. С. 163—174.

¹¹ Власова З. И. О принципах публикации современных песенных записей // Русский фольклор: Полевые исследования. Л., 1984. Т. 22. С. 107—120; Иванова Т. Г. Фольклор в изданиях последних лет // Русская литература. 1985. № 2. С. 218—227.

ствующими поколениями ученых; поэтому мы в своей статье сосредоточим основное внимание на проблемах историко-фольклористической текстологии.

Необходимость планомерных и интенсивных разработок в этой области до настоящего времени не осознана большинством ученых. Фольклористы, как правило, не подвергают критическому анализу имеющиеся в их распоряжении тексты, априорно утверждая их подлинность, достоверность и точность. Излишняя доверчивость исследователей по отношению к опубликованным текстам порой ставит под сомнение некоторые оригинальные изыскания и наблюдения. Задачи фольклористики в сфере историко-фольклористической текстологии определяются понятием «филологическая критика текстов». Основные проблемы можно сформулировать следующим образом: 1) текстологическая оценка классических собраний русской народной поэзии, выяснение принципов записи и публикации фольклора у каждого из собирателей; 2) изучение эволюции эдиционно-текстологических принципов в отечественной фольклористике; 3) атрибуция фольклорных записей; 4) выявление фальсифицированных текстов.

Как видим, список задач историко-фольклористической текстологии не отличается особым своеобразием, если соотнести его с подобным же перечнем проблем в литературоведении. Там также есть необходимость в атрибуции отдельных текстов, в выявлении подделок, в установлении подлинного авторского текста и т. д. Однако внутреннее содержание указанных задач в фольклористике весьма специфично по сравнению с древней и новой русской литературой. Неразработанность же многих теоретических положений фольклорной текстологии значительно осложняет решение ее задач. В данной статье мы сосредоточим основное внимание на первой из перечисленных проблем — текстологической оценке записей народной поэзии.

* * *

Как мы уже говорили, опубликованный текст есть только отражение, не всегда точное, того, что звучало в устах сказителя. Между устным и напечатанным текстом существует целая цепочка превращений: полевая запись, перебеленная рукопись, опубликованный вариант.¹² На каждом из указанных этапов своей жизни текст претерпевает определенные изменения.

Прежде всего надо открыто признать, что точность записи фольклорного произведения при помощи карандаша и бумаги (а именно так создавались классические собрания русской устной поэзии, которыми гордится наша культура) весьма относительна. Собиратели, записывая произведения от «руки», физически не могут успеть зафиксировать полностью устнопоэтический текст. Особенно большие потери при таком виде работы несли прозаические жанры фольклора.

Простейшие эксперименты подтверждают эту мысль. Трех фольклористам, имеющим достаточный опыт в полевой работе, было предложено записать с магнитофонной ленты фрагмент сказки, не останавливая магнитофон и не возвращаясь к уже прозвучавшим частям текста. Отрывок для прослушивания был дан следующий: «*Значит, обе заблудились. „Ну что теперь делать, — говорит, — будем? Давай, — говорит. . . служивый ему, — давай, — говорит, — я пойду, — говорит, — залезу на эту на деревину, посмотрю, нет ли где-нибудь огонька. Чтобы. . . может быть. . . по. . . жилья поблизости“.* Вот он залез на деревину. Потом и кричит. *Говорит: „Эй, охотник, охотник! Стань вот в ту сторону лицом“, — говорит. Показал, в какую сторону становиться. Там огонек есть. Вот этот*

¹² Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора. С. 21—30.

охотник встал. Он слез с дерева. Вот они поехали. Ехали-подъехали. Подъезжают к дому. Дом большущий, забор высокий-высокий, огороженный. Покричали-покричали — никто не отзывается. Токо собаки одни. . . кричат».¹³

Ниже приводятся тексты, которые успели зафиксировать участники эксперимента:

а) Обеи заблудились». Ну что делать будем? Давай я залезу на деревину, нет ли где огонька. Жилья поблизости». . .

б) Обеи заблудились». Ну, что теперь делать будем? Залезу на дерево посмотришь, нет огонька, жилья поблизости». Залез на дерево (или деревину?). Кричит: Охотник, охотник! Стань на ту сторону! Охотник стал <. . .> Дом большущий, забор высокий-высокий». Никто не отзывается». . .

в) Обеи заблудились». Ну что теперь делать будем? Давай я залезу на деревину, нет ли где огонька, жилья поблизости. Залез на деревину. Кричит: Охотник, охотник, стань на ту сторону лицом! <. . .> Дом большущий». . . Покричали-покричали — никто не открывает.

Результаты эксперимента столь очевидны, что даже не нуждаются в комментариях. Совершенно ясно, что ни один из собирателей, работавших только с бумагой и карандашом, никогда не успевал записывать дословно естественно звучащие прозаические фольклорные тексты. Чтобы наиболее полно зафиксировать содержание сказки, фольклористы вынуждены были прибегать к различным способам. В одних случаях они просили исполнителя замедлить темп речи, диктовать текст; в других — рассказывать сказку с остановками. Но продиктованная сказка — это уже препарированный текст. Он подобен песне, которая была записана не с пения, а с пересказа. Естественность исполнения при диктовке текста нарушается. Здесь искажается стихийный, бессознательный процесс творения сказки. При записи сказки паузами, делаемыми сказочником для того, чтобы собиратель успел записать весь текст, также разрушается живая ткань рассказа. Попытки фиксации сказки одновременно несколькими фольклористами (каждый из собирателей записывает свою часть текста), по свидетельству участников такого метода работы, не давали абсолютно надежного текста.

Многие собиратели XIX в., вероятно, ограничивались лишь конспективной записью сказочного сюжета. Примером могут служить материалы, собранные А. С. Пушкиным. Приведем одну из его записей: «Царь Кащей Бессмертный не хотел дочери своей выдать замуж покамест сам будет жив. Дочь пристает к нему: „Где де твоя смерть?“ — „В баране, — отвечает Кащей, — в козле, в венике“. Дочь велит вызолотить рога барану и козлу, вызолачивает и веник — напрасно, Кащей жив. Наконец, он объявляет, что смерть его на море, на океане, на острове Буяне, а на острове дуб, а в дубе дупло, а в дупле сундук, а в сундуке заяц, а в зайце утка, а в утке яйцо. Иван царевич идет за смертью Кащея. Голод. Попадается ему собака, ястреб, волк, баран, рак. Иван царевич говорит им каждому: „Я тебя съем,“ — но оставляет им живот. Приходит к морю, волк его перевозит, баран рогами сваливает дуб, собака ловит зайца, ястреб ловит утку, рак лапами выносит из моря яйцо. Кащей тотчас занемог, дочь его получает яйцо; отец просит от нее месяца, недели, дня и проч.».¹⁴

¹³ Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, инвентарный № 1837—1838, пленка № 5 («Сказка о солдате» А. И. Подшиваловой из д. Кянда Онежского р-на Архангельской обл. Запись 1980 г.). Курсивом в расшифровке выделены слова, сказанные скороговоркой, «проглоченные». Многоточием обозначены места, где сказочница останавливалась, зашлапалась, обдумывая дальнейшее изложение.

¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1963. Т. 3. С. 453—454.

Естественно, что тексты, зафиксированные неточно и не полностью, при подготовке к изданию приходилось как-то обрабатывать: заполнять лакуны, создавать связный текст и т. д. В конечном счете — пересказывать текст своими словами. Во многих классических сборниках по сути дела мы, видимо, и имеем дело именно с такими воссозданными собирателями текстами. Интересный материал для наблюдений в этом плане дают недавно опубликованные З. И. Власовой конспективные записи сказок, сделанные видимым собирателем XIX в. П. И. Якушкиным. Сказки этого фольклориста, как известно, попали в собрание А. Н. Афанасьева. Сравнение конспектов с текстами в афанасьевском издании позволяет проследить, как создавался связный, удобный для публикации текст:

Якушкин

Афанасьев

Жил купец богатый, умер. Оставил сына. Тот пропил все, осталось одно платье. Ходит он по торгу, собой-то видной. . . На ту пору красная девушка, дочь купецкая, сидела под окошечком, вышивала ковер разными шелками. Увидала она купецкого сына. . . Полюбился ей купецкий сын. «Пусти меня, — говорит она матери, — за него замуж!» Старуха не хотела и слышать, да потолковали со стариком: может быть, жениным счастьем и он будет счастлив, и дочь все пристаёт — взяли да и отдали. Первенчали.¹⁵

Жил-был купец богатый, умер, оставался у него сын Иван Бессчастный; пропил он, промотал все богатство и пошел искать работы. Ходит он по торгу, собой-то видный; на ту пору красная девушка, дочь купецкая, сидела под окошечком, вышивала ковер разными шелками. Увидала она купецкого сына. . . Полюбился ей купецкий сын. «Пусти меня, — говорит матери, — за него замуж!». Старуха и слышать было не хотела, да потолковала со стариком: «Может быть жениным счастьем и он будет счастлив, а дочь наша в сорочке родилась!» Взяли ее да и отдали — первенчали.¹⁶

В данном случае неважно, кто ввел в текст фразы «промотал все богатство и пошел искать работы», «дочь наша в сорочке родилась» и др. — П. И. Якушкин или А. Н. Афанасьев, — нагляден сам пример: он дает нам четкое представление о том, насколько достоверны с текстологической точки зрения записи классических сказочных собраний.

Было бы неверным полагать, что со схематичной записью текста мы встречаемся только в прозаических жанрах фольклора. Песенные формы устнопоэтического творчества таят для собирателя свои сложности, и здесь фольклористы также вынуждены были вырабатывать различные приемы фиксации материала, свидетельствующие о невозможности порой записать текст дословно. В одной из статей нам уже доводилось приводить запись П. Н. Рыбниковым былины «Илья Муромец и Соловей Разбойник» сказителя Федотова (Дутикова).¹⁷ Полевая рукопись собирателя представляет собой по сути дела схематичное изложение основных моментов этого эпического сюжета. Другая былина Федотова — «Смерть Василия Буслаева» — была записана собирателем таким же способом.¹⁸

Отдельные тексты, опубликованные в сборнике П. Н. Рыбникова, — это по сути дела не спетые сказителем былины, а воссозданные собирателем старины. Конспективность записи и воссоздание полного текста собирателем — это определенный этап развития фольклористической

¹⁵ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина / Подгот. текстов З. И. Власовой Л., 1983. Т. 1. С. 279. Здесь и далее курсивом выделены разночтения в текстах.

¹⁶ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 3. № 332, с. 24.

¹⁷ Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии // Русская литература. 1982, № 1. С. 137—138.

¹⁸ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909. Т. 1. № 65. (Далее: Рыб.). (Ср.: Рыб., 1, № 65, и ЦГАЛИ, ф. 1345, оп. 2, ед. хр. 345, л. 75).

текстологии. Мы должны признать это открыто и не пытаться идеализировать прошлое нашей науки.

Даже если фольклористы XIX в. отказывались от такого метода фиксации эпических песен и стремились записать текст целиком, они все равно вынуждены были отражать некоторые фрагменты условно. Автограф А. С. Пушкина с записью баллады «Во славном городе во Киеве» («Сестра и девять братьев-разбойников»), воспроизведенный в 79-м томе «Литературного наследства», наглядно свидетельствует о том, что поэт повторяющиеся типические места песни не фиксировал, а обозначал прочерком. Так обозначены строки 36—43 в этой балладе; издателями они воссозданы по аналогии со стихами 1—9.¹⁹ Этот же прием записи старин можно обнаружить в рукописях А. Ф. Гильфердинга, А. В. Маркова, О. Э. Озаровской и т. д.²⁰

Если вспомнить другую крупную песенную форму — обрядовую и необрядовую лирику, то и здесь в классических собраниях XVIII—XIX вв. мы можем говорить лишь об относительно точных текстах. Общеизвестно, что при записи песенной лирики не все собиратели отражали эмоциональные частицы, словообрывы, распевы и другие особенности фольклорного лирического текста.

Таким образом, приходится говорить об относительной точности текстов не только в классических собраниях сказок, но и в сборниках П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. В. Маркова, в песенных изданиях А. И. Соболевского, П. В. Шейна и др.

Укажем еще на одну сторону записей, сделанных без современной звукозаписывающей аппаратуры. Собирателей нередко подстерегают ошибки слуха. Неверно расслышав какое-то слово или фразу и не имея возможности несколько раз прослушать произведение и уточнить «темное место», фольклорист порой вводит в текст различного рода нелепости. Характерный пример приводит К. В. Чистов.²¹ Е. В. Барсов первую строку одной из песен И. А. Федосовой записал как «Вот у Мани красно солнышко» (вместо «Во тумани красно солнышко»). Анализируя современные песенные издания, З. И. Власова обнаруживает многочисленные случаи ошибок того же типа.²²

Не будем множить примеры неточной записи фольклора. Нам важно подчеркнуть, что хотя субъективная установка на точность фиксации народной поэзии существует в нашей науке уже с 1830-х гг., со времени «Песенной прокламации» П. В. Киреевского,²³ объективные причины не позволяли собирателям, работавшим с карандашом и бумагой, получить абсолютно точную запись фольклорного произведения.

После полевой записи в жизни каждого текста, как правило, следовал следующий этап превращений: перебелвание. Современному ученому представляется непреложным законом то полсжение, по которому белой текст должен быть абсолютно адекватен черновому материалу. Всякое вмешательство в текст оригинала, правка его считаются нарушением текстологических правил. Эта же мысль присутствует уже и в «Песенной прокламации» П. В. Киреевского. Однако на практике на протяжении длительного периода развития отечественной фольклористики многие собиратели, искренне считавшие, что они передают сказительский текст предельно точно, при переписывании полевых записей допускали различ-

¹⁹ Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. С. 187 (Литературное наследство; Т. 79).

²⁰ Подробнее см.: Иванова Т. Г. Классические собрания были в свете текстологии.

²¹ Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора. С. 42.

²² Власова З. И. О принципах публикации современных песенных записей. С. 116—118.

²³ Соймонов А. Д. «Песенная прокламация» П. В. Киреевского // Сов. этнография. 1960. № 4. С. 147—150.

ного рода разночтения с полевой рукописью. В сознании фольклористов не было установки на полную идентичность текстов оригинала и копии. Нельзя было присочинять новый эпизод, мотив — это рассматривалось как неправомерное искажение фольклорного текста. Но опущение (или добавление, замена) какого-либо слова (особенно так называемых вставных частиц) или формулы не считалось злостным вмешательством в сказительский текст.

Приведем пример. Н. П. Борисов, шенкурский учитель словесности, получил от своего корреспондента И. А. Ядовина былинку «Илья Муромец и Соловей Разбойник». 16 июня 1843 г. он отослал этот текст М. П. Погдину. Начало старины в его автографе звучит следующим образом:

Во славном во городе во Муроме,
 Во селе Карацáрове
 Тут жил-был старик Иван Тимофе́льцъ.
 У них сын был Илья Муромецъ
 Он просил у родимова батюшки
 Благословенья великова,
 Навеки нерушимова. . .²⁴

За несколько месяцев до отсылки этой былины, 2 апреля, Н. П. Борисов в письме к тому же М. П. Погдину процитировал этот фрагмент несколько иначе:

Во славном городе во Муроме,
 Во селе Карачарове
 Жил-был старик Иван Тимофе́евич;
 У него был сын Илья Муромецъ,
 Он был на возрасте,
 Как быть сокол на възлете;
 Он просил у роднова батюшки
 Благословенья великова,
 Навеки нерушимова. . .²⁵

Разночтения между полевой записью и белой рукописью одной и той же былины мы найдем и у собрателей XX вв. (например, в материалах, собранных О. Э. Озаровской).²⁶ Это типичный текстологический просчет в науке на определенном этапе ее развития.

Вольное отношение к оригиналу при переписывании фольклорных текстов (безразлично, является ли этот оригинал полевой записью или же перебеленной рукописью), внесение отдельных разноречий (на уровне фонетики, вставных слов, некоторых формул, строк) не столь уж невинны, как может показаться на первый взгляд. Порой при издании фольклорных текстов такого рода текстологические вольности могут привести к серьезным промахам и ошибкам. Характерным примером может служить одна из страниц истории собрания П. В. Киреевского. Внимательное чтение старой серии «Песен» обнаруживает поразительное сходство двух текстов былины на сюжет «Илья Муромец и нахвальщик»: Кир., 1, с. 46—52 (в сборнике текст помечен Шенкурским уездом, собиратель П. Ф. Кузмищев) и Кир., 4, с. 6—12 (Шенкурский уезд, собиратель А. Харитонов). А. И. Баландин первый из этих текстов недавно атрибутировал как запись упомянутого выше учителя словесности из Шенкурска Н. П. Борисова. Уже П. А. Бессонов, готовя былины П. В. Киреевского к печати, заметил сходство этих двух текстов и писал по поводу рукописи А. Харитонова: «Бы-

²⁴ Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Рукописный отдел (РО), ф. 125, п. 32, л. 63. (Далее: ГБЛ); Ср.: Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1861. Вып. 1. С. 77 (Далее: Кир.).

²⁵ Цитирую по ст.: Баландин А. И. К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского (Записи Н. П. Борисова) // Фольклор: Издание эпоса. М., 1977. С. 252.

²⁶ Ср. полевую запись былины «Дунай-сват» кулойского сказителя Н. Крычагова и перебеленный текст (Институт русской литературы, РО, архив О. Э. Озаровской, материал не зашифрован; кол. 12, п. 1, ед. хр. 1).

лина эта одинакова с той, какая помещена у нас в 1-м выпуске, отд. IV, № 1; но здесь несколько особых слов и оборотов: вместо того чтобы их выписывать со сносками на 1-й выпуск, мы нашли удобнее напечатать всю былинку, тем более, что та записана г. Кузмищевым, а эта г. Харитоновым, и при нескольких разноречиях, доказывают обе, как верно они записаны со слов». ²⁷ Однако сопоставление указанных текстов позволило нам прийти к выводу, что перед нами две разные копии одного и того же текста, правда, копии, имеющие некоторые разночтения. Оба текста совпадают между собой строка в строку. Исключение составляют пропуски в том или другом тексте нескольких стихов, что вполне объяснимо невнимательностью кого-либо из переписчиков. Б. Н. Путилов указывает, что «совпадение текстов строка в строку с наличием внутри строк небольшой количественно, но иногда существенной правки» ²⁸ есть признак, который должен насторожить ученого. В нашем случае из 208 стихов текста А. Харитонова в 108 строках по сравнению с автографом Н. П. Борисова имеются определенные разночтения (51.9 %). Но все разноречия носят несущественный характер. Это либо различный графический облик одних и тех же слов, либо пропуски повторяющихся предлогов, отдельных слов и строк. Приведем список разночтений, встретившихся на протяжении стихов 16—55:

Рукопись А. Харитонова

Кир., 4, с. 6—12
(=ГБЛ, ф. 125, п. 30, л. 8—12 об.)

- ст. 16: На охоте стрелял гусей, лебедей
ст. 23: На эти степи *Цысарския*
ст. 28: Мы что на заставушке углядели
ст. 34: Положили на Ваську Долгополого
ст. 37: *Не ладно, ребятушки, удумали*
ст. 48: *Не ладно, ребятушки, положили*
ст. 51: На бою-драке *Гришка* *призахвастнется*
ст. 53: Положились на Алешу Поповича
ст. 55: *Состигать* *нахвальщика* в чистом поле

Рукопись Н. П. Борисова

Кир., 1, с. 46—52
(=ГБЛ, ф. 125, п. 49, л. 145—151 об.)

- На охоте стрелять гусей, лебедей
ст. 20: *Ископоть велика — полпечи*
На эти степи *Цицарские*
Что на заставушке углядели
Положили на Ваську *Долгополова*
На бою-драке *призахвастается*
Положились на Алешу *на* Поповича
Настигать *нахвальщика* в чистом поле

В остальных стихах характер разночтений того же порядка, то есть настолько незначительный, что позволяет с твердой уверенностью говорить в данном случае о двух копиях одной и той же былины.

Как же эти копии оказались в собрании П. В. Киреевского?

А. Харитонов, топограф, работавший в середине 1840-х гг. в Шенкурском уезде Архангельской губернии, был одним из корреспондентов Н. П. Борисова, который, как показал А. И. Баландин, был координатором собирательской работы в Шенкурске. Факт знакомства этих людей подтверждается письмом Н. П. Борисова к М. П. Погодину от 30 июня 1844 г. ²⁹ По всей вероятности, А. Харитонов передал Н. П. Борисову свою копию с записанной им былины «Илья Муромец и нахвальщик». Н. П. Борисов в свою очередь переписал этот текст вместе с другими произведениями устного народного творчества в отдельную тетрадь, озаглавленную им «Исторические песни, служащие дополнением к древним Русским стихотворениям. Собраны в Шенкурском уезде Архангельской губернии». Эта тетрадь была отослана им в Архангельск адмиралу П. Ф. Кузми-

²⁷ Кир., 4, с. 6.

²⁸ Путилов Б. Н. Текстологические заметки к песням разинского цикла // Русская народная поэзия. Горький, 1961. С. 95 (Фольклористические записки, № 1):

²⁹ Баландин А. И. К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского. С. 254.

щеву.³⁰ П. Ф. Кузмищев 8 октября 1848 г. переслал ее М. П. Погодину, а тот передал П. В. Киреевскому. На обложке тетради П. В. Киреевский сделал приписку: «адмиралом Кузмищевым». Таким образом, заглавие стало читаться: «Исторические песни. . . Собраны в Шенкурском уезде . . . адмиралом Кузмищевым». На основании этой приписки в издании «Песен» П. В. Киреевского все тексты из тетради Н. П. Борисова были атрибутированы П. Ф. Кузмищеву.

А. Харитонов, безусловно, оставил у себя список интересующей нас былины и увез его с собой в Архангельск, где поселился в конце 1840-х гг. К 1849 г. у него, судя по всему, составилось свое собрание фольклора. Собиратель переписал тексты (былины и сказки) на листах плотной бумаги полного формата и отослал их В. И. Далю. Это было в январе 1849 г.³¹ В. И. Даль передал сказки А. Н. Афанасьеву, а былины — в собрание П. В. Киреевского (по всей вероятности, уже тогда, когда собрание было в руках П. А. Бессонова). Так в собраниях П. В. Киреевского оказались два разных списка одной и той же былины.

Если бы при неоднократном копировании этого текста и А. Харитонов, и Н. П. Борисов строго придерживались оригинала (т. е. полевой рукописи А. Харитонova), то в собрании П. В. Киреевского встретились бы два абсолютно одинаковых текста. И издатель, без сомнения, установил бы, что перед ним не два разных варианта одной и той же былины, а два списка с одного и того же текста. Разночтения же, имеющиеся в рукописях Н. П. Борисова и А. Харитонova, ввели П. А. Бессонова в заблуждение и побудили его опубликовать копии как две различных былины. И до сих пор ученые, изучая старину «Илья Муромец и нахвальщик», рассматривают эти тексты из собрания П. В. Киреевского как два отдельных варианта. Так «невинное» отклонение при копировании от текста оригинала привело к крупной текстологической ошибке.

Перейдем, наконец, к третьему этапу жизни фольклорной записи — к работе издателя (редактора) с текстом устного произведения. Идеальное отношение редактора к фольклорному тексту представляется следующим: издатель печатает произведение, не изменяя в нем ни одной буквы. Но история фольклористики и современная издательская практика знают многочисленные примеры обратного порядка. Издатель часто относится к фольклорному тексту, имеющему научное значение, как к художественному тексту писателя и поэта: он считает возможным и чуть ли не обязательным для себя, как и в работе с современными ему авторами романов и стихов, давать собирателю (составителю сборника) различные рекомендации, которые, по его мнению, должны «улучшить» текст. Насколько неправомочными бывают такие редакторские рекомендации для авторских художественных произведений, как «улучшения» становятся своей противоположностью, показывает Б. Сарнов (сам редактор) в своей статье «Разбойник Мерзавио и редактор».³² Для изданий же фольклора всякое вмешательство в текст должно быть признано просто антинаучным. Оправданными, да и то с большими оговорками, могут быть только некоторые изменения в фонетике.³³ Редактор может и должен оказать собирателю помощь в орфографической и пунктуационной подаче материала. Любое же изменение текста на уровне слова, формулы, стиха и т. д. — это уже превышение редакторских полномочий. Таковым нам мыслится главный и

³⁰ См.: ГБЛ, ф. 125, п. 49, л. 143—166.

³¹ См. сохранившийся отрывок письма к В. И. Далю: ГБЛ, ф. 125, п. 30, л. 31 об.

³² Сарнов Б. Разбойник Мерзавио и редактор // Редактор и книга: Сб. статей. М., 1962. Вып. 3. С. 19—40.

³³ Естественно, здесь мы говорим только о научных и научно-популярных изданиях и не касаемся детских фольклорных книг и авторских переложений устнопоэтических произведений.

непреложный принцип работы редактора (издателя) с фольклорным текстом.

Практика, однако, показывает, что в руках издателя текст нередко продолжает претерпевать дальнейшие изменения. Порой это вызвано элементарной невнимательностью издателя. Не вчитавшись в рукопись, не изучив почерк собирателя, издатель допускает невольные ошибки неправильного прочтения отдельных слов и выражений. Эти просчеты в чем-то аналогичны ошибкам слуха собирателей. Так, в результате небрежного подхода к рукописям сибирского фольклориста А. Макаренко в обереге для отпущения свадьбы участники обряда призывают богородицу прикрыть их свадебный поезд «невестинной ризой» вместо «нетленной ризой». В том же сборнике строки одного из приговоров дружки «Не так бежал — Очень рано поспешал, Как ясный сокол летел», рисующие образ дружки, спешащего в день венчания в дом невесты, печатаются как «Не так рано въезжал, Очень скоро помешал, Как ясный сокол летел».³⁴

К сожалению, приходится констатировать, что у фольклористов отсутствует определенная культура работы со старыми записями; у них нет необходимых навыков чтения рукописного материала. И в этом специалисты по народному творчеству намного отстают от литературоведов, занимающихся литературой XVIII—XIX вв. Трудно себе представить, что ученый, обнаруживший неизвестную рукопись А. С. Пушкина или Л. Н. Толстого, будет публиковать ее, ограничившись кратковременным знакомством с ней и приблизительным прочтением непонятно написанных слов и фрагментов. Литературовед сделает все, чтобы прочесть текст как можно точнее. У фольклористов же до сих пор не выработалась установка на бережное отношение к рукописям собирателей. В подсознании ученых утвердилось мнение, что рукописи собирателей не столь неприкосновенны как автографы писателей. Маленькая ошибка в прочтении фольклорного произведения простительна и вполне невинна — полагают некоторые издатели. Однако не искажает ли упомянутая «невестина риза» смысл свадебного оберега в такой же степени, как «село Горохино» вместо пушкинского «История села Горюхина»? На основании образа «нетленной ризы» богородицы можно строить какие-то выводы о проникновении христианских мотивов в народную поэзию, но «невестина риза» поставит в тупик любого исследователя.

Ошибки прочтения, как ни досадны сами по себе, могут быть оправданы их случайностью и ненамеренностью. Гораздо опаснее целенаправленное вмешательство в фольклорную запись.

О работе П. А. Бессонова-издателя в нашей фольклористике писалось много.³⁵ Дополним выводы ученых некоторыми своими наблюдениями. П. А. Бессонов было свойственно вмешиваться в ритмику текстов. Путем введения приема подхвата из одной длинной, казавшейся ему испорченной строки он делал два стиха. Так, в тексте собирателя А. Харитоновой «Илья Муромец» (Кир., 4, с. 1—6; Ср.: ГБЛ, ф. 125, п. 30, л. 4—7 об.) стих 71 записан как «Сидят у околенок малы деточки Соловьиныя»; П. А. Бессонов же публикует «Сидят у околенок малы деточки, *Малы деточки Соловьиныя*». Примерами подобного рода пестрит издание «Песен, собранных П. В. Киреевским».

П. А. Бессонов стремился также, подчеркивая простонародное звучание былин, литературные формы произношения заменять на диалектные. Например, в сборнике «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» в бы-

³⁴ Примеры взяты из сборника Р. П. Потаниной «Русская свадебная поэзия Сибири» (Новосибирск, 1984. № 46 и 17). Подробнее об этом издании см.: Иванова Т. Г. Фольклор в изданиях последних лет. С. 220.

³⁵ *Соймонов А. Д.* Записи былин первой половины XIX в. в собрании П. В. Киреевского. (К истории собрания и изучения) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1960. Т. 5. С. 367—381.

лине Т. Г. Рябина «Добрыня и Василий Казимирович» издатель зачеркивает букву «е» в окончаниях глаголов «хвастает», «похаживает», «выговаривает», придавая этим словам стяженно-просторечное выражение.³⁶ В старине «Хотен Блудович» этого же сказителя видна повсеместная замена форм «себя», «тебя» на «собя», «тобя» и т. д.³⁷

Можно указать и более значительную текстологическую правку, сделанную П. А. Бессоновым. Например, рукопись А. Харитонова с текстом былины «Василий Буслаев» в руки издателя попала в дефектном виде: начало ее было где-то утеряно (см.: ГБЛ, ф. 125, п. 31, л. 9—12 об.). Сохранившийся текст начинался со строки «Бежат они добры молодцы ко Ваське Буслаеву» (ср.: Кир., 5, с. 1—6, ст. 22—23). П. А. Бессонов, желая как-то восполнить возникший пробел, добавил к этой шенкурской былине 19 стихов из былины того же сюжета в сборнике Кирши Данилова.³⁸ Эти 19 стихов П. А. Бессонов скопировал на отдельном листе и подложил к шенкурскому тексту (ГБЛ, ф. 125, п. 31, л. 8). Чтобы как-то связать две столь разных части былины — стихи из Кирши Данилова и шенкурский вариант — издатель пришлось сочинить два стиха: «Вылезают добры молодцы из избицы, Котельная Пригарина да Потанюшко Хромельский» (по старой серии Киреевского это стихи 20—21). Указанные стихи вписаны рукой П. А. Бессонова на рукописи А. Харитонова (ГБЛ, ф. 125, п. 31, л. 9). Так им был воссоздан полный текст старины.

Неверным было бы полагать, что П. А. Бессонов является каким-то исключением в истории науки. Такого рода вольное отношение к фольклорным текстам — это, скорее, правило, пусть и не безусловное, а не исключение. Наивно также считать, что подобное отношение к тексту — пройденный этап фольклористики, что в современных изданиях мы не найдем аналогичных просчетов. Наша рецензия на недавний сказочный сборник Н. В. Соболевой³⁹ показала, что практика намеренного усиления диалекта и просторечия в фольклорных текстах до сих пор не изжита в научных изданиях. Допускается также и вмешательство в идейно-художественный смысл произведений народного творчества. Например, в сборнике Г. Я. Симиной «Пинежские сказки» в тексте «Про Илью Муровца»⁴⁰ по настоянию издательства пришлось снять следующую концовку сказки: «Владимир-князь говорит: „Ну, чем тебя будем забавлять?“ Вынес ему вина. А он говорит: „Я этим не забавляюсь, мне, — говорит, — на кони лесу повозить разрешите“. — „А што ты будешь из лесу делать?“ — „Я, — говорит, — буду церковь строить“. — „Каку ты будешь церковь ставить? Ты построй церковь соборную пресвятые богородици“. И построил он церковь соборную пресвятые богородици. Всё боле.» Видимо, здесь сказалось желание редактора отмежевать образ народного богатыря от какого бы то ни было христианского влияния.

Отсутствие текстологических оценок собраний русской народной поэзии заставляет фольклористов «вслепую» обращаться к любому изданию, не задумываясь, подходят ли выбранные ими тексты для данного вида исследования или нет. Подобная доверчивость в отношении текстологической достоверности собраний часто ставит некоторые интересные выводы под сомнение. Так, М. Л. Гаспаров, изучая эпический стих, применяет статистический метод. Им обследовано 15 000 строк былин. Такое обилие материала позволяет делать научно обоснованные выводы. Од-

³⁶ См.: Рыб., 1, № 8; Ср.: ГБЛ, ф. 125, п. 28, л. 124—144.

³⁷ См.: Рыб., 1, № 15; Ср.: ГБЛ, ф. 125, п. 28, л. 50 об.—53.

³⁸ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977. С. 48—65.

³⁹ Иванова Т. Г. Публикации и исследования Н. В. Соболевой русских сказок Сибири // Русский фольклор. Л., 1989. Т. 25. С. 201—205.

⁴⁰ Пинежские сказки / Собраны и записаны Г. Я. Симиной. [Архангельск], 1975. № 43; Ср. ИРЛИ, архив Г. Я. Симиной.

нако надо отметить, что к решению проблемы народного стиха М. Л. Гаспаров подходит с литературоведческих, а не с фольклористических позиций. Как литературовед он отбирает для наблюдений ранние сборники фольклора, «которые могли оказать влияние на практику первых поэтов, введших народный стих в литературу»⁴¹ (собрания М. Д. Чулкова, Кирши Данилова, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга). С точки зрения фольклориста, такой выбор неудовлетворителен: эти издания содержат неточные записи устнопоэтических произведений. Для фольклориста совершенно ясно, что, прежде чем изучать влияние народного стиха на творчество поэтов XVIII—XX вв., надо исследовать сам стих устной поэзии. И делать это необходимо по текстологически строго достоверным материалам. Для исследования былинного стиха безусловно целесообразнее обратиться к старым записям на фонографе, а также к собраниям последних лет, содержащим потные расшифровки с магнитофонных лент.

Точно так же неправомерно при изучении ритмической организации сказок полагаться на материал из собрания А. Н. Афанасьева.⁴² Очевидно, что в значительной степени в этом издании мы имеем дело не с точными записями, а с пересказами сюжетов, сделанными самими собирателями.

Таким образом, текстологическая оценка классических собраний русского фольклора — это не частная задача, касающаяся истории фольклористики, а необходимейшее условие для обеспечения дальнейшего успешного развития науки об устном народном творчестве.

* * *

В своих суждениях по поводу текстологии фольклора мы уже не раз употребляли термины «полевая запись», «перебеленный текст», «расшифровка фонограммы» и т. д. С этими понятиями ученые встречаются в любой историко-фольклористической работе. Попытаемся же определить их сущность.⁴³

Автограф. Данное понятие в фольклорной текстологии имеет то же значение, что и в литературоведении. Как правило, автограф — это собственноручная полевая или беловая запись собирателя, реже — рукопись самого сказителя. Понятием «автограф» фольклористы-текстологи оперируют в том случае, если в их распоряжении имеются также копии, сделанные с записей собирателя (или сказителя) другими лицами. При отсутствии таких копий ученые чаще всего конкретизируют понятие «автограф», говоря о полевых или беловых записях собирателя или о «самозаписях» сказителя.

Как известно, в истории отечественной фольклористики сложную историю копирования имело знаменитое собрание П. В. Киреевского. Например, списки с записей П. И. Якушкина делались М. В. Киреевской, П. И. Бартеневым, Е. И. Елагинной, Н. А. Костровым и рядом неустановленных лиц. Текстолог, работающий с фондом П. В. Киреевского, по необходимости должен стать почерковедом. Из нескольких рукописей, содержащих один и тот же текст, ему надо установить автограф собирателя (или во всяком случае определить основной список), выяснить хро-

⁴¹ Гаспаров М. Л. Русский былинный стих // Исследования по теории стиха. Л., 1978. С. 13.

⁴² Федотов О. И. Эмбриональные элементы стиха в русской народной сказке // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. М., 1985. С. 179—188.

⁴³ Основные понятия историко-фольклорной текстологии — «редакция», «версия», «вариант» и др. — рассмотрены в статье С. Н. Азбелева «Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу» (В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 260—302).

пологическую последовательность возникновения копий, а также атрибутировать имена переписчиков. Образцом внимательного изучения рукописей из собрания П. В. Киреевского могут послужить издания, подготовленные Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.⁴⁴ В комментариях к этим сборникам читатель найдет много интересных наблюдений и замечаний, касающихся текстологических проблем.

Полевая рукопись (запись). При первом приближении полевая рукопись фольклориста может показаться адекватной по своей сути черновику писателя. Действительно, внешне они очень похожи: запись ведется торопливо, многие слова не дописываются, сокращаются; собиратель, как и писатель, вводит какие-то свои значки для обозначения тех или иных моментов текста (перестановка слов или строк, знак повтора какого-либо фрагмента и т. д.). Однако на самом деле полевая запись фольклориста и черновик писателя — это явления прямо противоположные. С. М. Бонди, виднейший текстолог-пушкинист, говоря о черновиках, отмечал: «... основное различие между черновиком и беловиком — это то, что беловик есть документ статический, дающий результаты работы, черновик же фиксирует самый процесс ее».⁴⁵ Черновик отражает все нюансы творческого процесса писателя; он демонстрирует, как рождается текст произведения. Все изменения, вносимые в рукопись, свидетельствуют о воле автора; они обязательны для исследователя. В фольклористике же, напротив, полевая запись по природе своей статична. Она отражает единичный акт исполнения устнопоэтического произведения. Второе (и последующее) исполнение песни, сказки, былины и т. п. не отрицает текст первой записи. Они дадут новые, самостоятельные, не зависящие друг от друга тексты. Запись фольклорного произведения собирателем, подчеркиваем еще раз, — это не творческий процесс, а механический. В полевую рукопись в дальнейшем могут быть внесены отдельные формальные дополнения (расшифровка сокращений, расстановка знаков препинания и т. д.), но никакие изменения самого текста в ней не должны иметь места. Всякого рода собирательские привнесения в сказительский текст надо расценивать как неправомерное вмешательство ученого в фольклорное произведение.

Характеризуя черновик писателя, С. М. Бонди указывает: «Текст... черновика, в сущности, не есть текст... Всякий черновик включает в себя неотъемлемо момент времени. Это как бы ряд различных снимков на одной пластинке, ряд несовместимых друг с другом слоев текста».⁴⁶ Работая над черновиком, текстолог-литературовед стремится «развернуть рукопись во времени, расслоить ее»⁴⁷ и прочесть верхний, поздний слой записи. Окончательный текст литературного произведения, как правило, — это текст беловика или же верхний слой черновика. В фольклористике второй слой записи может быть вызван разными причинами. Как мы уже говорили, фольклорист, не поспевая за исполнителем, часто на месте повторяющихся формул и типических мест оставляет лакуны. Впоследствии он вписывает сюда недостающие фрагменты. В качестве примера такого рода двуслойной полевой рукописи укажем на записи А. Ф. Гильфердинга, хранящиеся в рукописном отделе Библиотеки Академии наук в Ленинграде. Сама запись здесь делалась карандашом; лакуны заполнялись чернилами.⁴⁸ В данном случае второй слой записи за-

⁴⁴ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подгот. текстов к печати, ст. и коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977; Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина. Т. 1—2 / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. З. И. Власовой. Л., 1983—1986.

⁴⁵ Бонди С. М. Черновики Пушкина: Статьи 1930—1970 гг. М., 1971. С. 152.

⁴⁶ Там же. С. 153.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Подробнее см.: Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. С. 139—140. См. также статью З. И. Власовой в наст. издании.

кономерен, вполне оправдан и даже обязателен. Если его не ввести в текст, то он будет неполным и часто просто бессмысленным. Здесь фольклорист-текстолог, без сомнения, должен принять второй слой записи, естественно в комментариях к изданию отметив особенности полевой рукописи собирателя.

С двуслойной полевой рукописью мы имеем дело и тогда, когда собиратель записывал песню (былину и т. д.) сначала со слов, а затем правил полученный текст, слушая повторное пение сказителя. Именно так работала А. М. Астахова.⁴⁹ Имея дело с такого рода полевыми записями, текстолог обязан «расслоить» текст на два акта исполнения: продиктованный и спетый. Не исключена также вероятность, что на текст, полученный от одного певца, собиратель накладывал разночтения, прозвучавшие у другого сказителя. В конечном счете задача текстолога сводится к тому, чтобы выяснить причину появления второго слоя записи в рукописи и, осмыслив ее, дать читателю текст, наиболее близкий к звучавшему в устах исполнителя.

Перебеленная (беловая, чистая) рукопись (запись). При рассмотрении этого понятия опять-таки напрашивается аналогия с одним из явлений литературоведения — писательским беловиком. И перебеленная запись фольклориста, и беловая рукопись писателя отражают материал, как правило, готовый к печати. Это четко и ясно переписанные тексты. Однако, если в филологии беловик и черновик отличаются друг от друга своей содержательной стороной (черновик фиксирует процесс творчества, беловик — его результат), то в фольклористике, как известно, при записывании материала со стороны собирателя творческого момента как такового нет. Полевая и беловая рукописи фольклориста различаются лишь формально, т. е. по своему внешнему виду.

Беловые рукописи собирателей подчас также несут в себе два слоя записи. Например, перебеленные тетради А. М. Астаховой максимально точно отражают ее полевые рукописи. Особой системой скобок (круглые и квадратные) она указывает, какие фрагменты текста звучали при первом и при повторном исполнениях былины. Как и в том случае, когда текстолог имеет дело с полевыми записями А. М. Астаховой, здесь также надо расслоить текст на два акта исполнения.

Гораздо чаще второй слой записи в перебеленных рукописях фольклористов свидетельствует о редакторской правке, сделанной уже не самим собирателем, а издателем. В таких случаях современный текстолог, естественно, должен снять все редакторские привнесения и вернуться к первоначальному тексту собирателя.

Самозапись сказителя. В русской фольклористике имеются примеры, когда исполнители (чаще всего сказочники и былинщики) сами записывали свои произведения. По мнению многих ученых, знаменитый сборник Кирши Данилова является записью сказителем своего репертуара. Точность фиксации фольклорного текста в таких случаях свидетельствуется самим народным певцом. Самозаписи исполнителей интересны также тем, что сказители — в подавляющем большинстве своем полуграмотные крестьяне, — руководствуясь фонетикой, а не правилами орфографии, неизбежно отражали диалектные формы речи данного региона. Однако не следует забывать, что всякая самозапись сказителя есть результат его внутренней диктовки. Исполнитель сам себе диктует текст сказки или былины. В такой ситуации естественный процесс звучания фольклорного произведения, присутствующий лишь в сознании записывающего словесный текст исполнителя, претерпевает некоторые изменения. В глазах исследователя расшифровка фонограммы устнопоэтического текста, без

⁴⁹ Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. С. 144—146. См. также статью С. Н. Азбелева в наст. издании.

сомнения, является более авторитетной, более точной формой отражения фольклорного произведения, чем самозапись сказителя.

Расшифровка фонограммы. Первые звукозаписи фольклора были сделаны в конце XIX—начале XX вв. при помощи фонографа. На валиках этого прообраза современной звуковоспроизводящей техники можно было запечатлеть лишь отдельные фрагменты текста. Чтобы записать целиком старину, понадобилось бы несколько десятков валиков, то есть необходимо было бы каждый раз при смене валика останавливать певца и тем самым нарушать процесс исполнения былины. В связи с указанными техническими возможностями фонографа фольклористы от эпохи первых звукозаписей устной поэзии (а это период с 1896-го по 1950-е гг.) практически не имеют целиком зафиксированных текстов. Записи на фонографе сыграли большую роль для развития этномузыковедения; для фольклористов-словесников же их значение весьма относительно. Только с появлением магнитофона, позволившего фиксировать на пленке весь текст, фонограмма стала главным и наиболее авторитетным способом записи текста.

На первый взгляд может показаться, что понятие «расшифровка фонограммы» не вызывает сложностей в его осмыслении. Представляется все просто: текстовая расшифровка фонозаписи должна быть полностью адекватной звучащему тексту. Но при ближайшем рассмотрении этого вопроса возникают некоторые проблемы.

Сам процесс расшифровки звукозаписи, пусть даже выполненной на очень высоком техническом уровне, оказывается довольно трудным делом, требующим определенных навыков и опыта. Исполнители иногда невнятно произносят отдельные слова (см. в приведенном выше фрагменте сказки А. И. Подшиваловой первое слово «значит» — оно почти «проглочено» сказчицей). Другие лексемы получают в речи информатора фонетический облик, который сложно передать графически (в указанном сказочном отрывке литературное слово «говорит» звучит примерно как «гарит»). Порой при расшифровке трудно уследить за повторяющимися «любимыми» вставными словечками сказителя (так, в языке А. И. Подшиваловой при передаче прямой речи героев через каждые два-три слова идет глагол «говорит»). Эти и другие особенности речи исполнителей создают определенные сложности при прослушивании фонограммы.

Звукозапись ставит перед учеными еще одну проблему: весь ли текст, зафиксированный на магнитную ленту, может считаться фольклорным текстом? Собирателям известно, что при записи сказители порой отвлекаются посторонними разговорами: в избу зашел кто-то из родных — между вошедшим и исполнителем завязывается разговор; мимо окна прошла соседка — сказительница считает необходимым как-то прокомментировать ее появление и т. д. Все реплики оказываются зафиксированными на магнитофонной пленке. Надо ли их рассматривать как явление фольклорного текста? Должны ли они расшифровываться или можно данные фрагменты опускать, обозначая их каким-либо знаком (например, отточием в скобках)? Решение этого вопроса нам представляется относительно простым. Вероятно, в подобных случаях мы имеем дело все-таки не с фольклорным текстом, и расшифровщик может игнорировать данные реплики. Однако комментарии сказителя, высказанные по поводу исполняемого им произведения, естественно, относятся к фольклорному тексту.

Несколько сложнее обстоит дело с другими явлениями текста, перед которыми нас ставит фонограмма. Все знают, что речь исполнителя (особенно это касается прозаических текстов) не всегда течет плавно, без перерывов, без оговорок; без поисков необходимых слов и оборотов. Обычно такие «мелочи» при записи фольклора от руки никак не отражаются собирателем: он просто не успевает их фиксировать. Другое дело фонограмма: здесь все словообрывы, все паузы, все незаконченные предложения, не имеющие правильного грамматического оформления, закрепляются

на магнитной ленте. Должны ли все перечисленные особенности речи исполнителей быть отражены на бумаге? Насколько нам известно, впервые на «шероховатость» фольклорного текста обратил внимание в своей недавней статье Г. Л. Венедиктов. Он предлагает для неграмматической паузы, задержки речи ввести знак «--», обрыв предложения или слова обозначать многоточием, а словесную поправку знаком «z». Пример Г. Л. Венедиктова с использованием указанных знаков следующий: «Дед купил --оку. . . z рыбы на -- базаре и. . .»⁵⁰ (ср. также в сказке А. И. Подшиваловой: «Чтобы -- может быть -- по. . . z жилья поблизости»). Предложенная методика расшифровки звукозаписей фольклорных произведений неприемлема для большинства собирателей. Вероятно, с ней согласятся не все ученые. Здесь есть над чем подумать. В тех случаях, когда фольклорный исполнитель одно слово в своем рассказе заменяет другим, он, если пользоваться текстологическими категориями, выражает свою творческую волю, которой по законам текстологии должен следовать расшифровщик фонограммы. Исходя из этого положения, пример, приведенный Г. Л. Венедиктовым, на бумаге должен выглядеть следующим образом: «Дед купил рыбы на базаре и. . .».

Как видим, и самые совершенные технические средства записи произведений народной поэзии не освобождают фольклориста от необходимости решения множества текстологических проблем.

---

⁵⁰ Венедиктов Г. Л. Опыт фиксации фольклорной прозы как творческого процесса // Русский фольклор: Полевые исследования. Л., 1985. Т. 23. С. 101.

В Л А С О В А З. И.

ПРИНЦИПЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА

(по записям и изданиям его «Онежских былин»)

В задачу современной фольклорной текстологии входит не только определение достоверности текстов, но и «изучение истории текста на всех стадиях его возникновения, фиксации и воспроизведения».¹ С этой целью полезно обратиться к записям, считающимся в науке образцовыми. Таковыми для своего времени были и записи, и первые издания «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга.

Уже первое их издание стало крупнейшим явлением в истории науки.² Оно обозначило принципиально новый этап в исследованиях не только народного эпоса, но и других жанровых систем: сказок, причитаний, песен. Сборник былин в записях Гильфердинга до сих пор остается одним из наиболее надежных источников: в нем зафиксировано относительно хорошее состояние эпоса, когда начавшийся его распад еще не затронул основных эпических гнезд олонецкого севера; кроме того, Гильфердинг дал качественно новую и для своего времени наиболее точную запись текстов.

Однако и научная биография Гильфердинга, и его фольклорное наследие до сих пор остаются недостаточно исследованными. Сведения, которые можно было бы о нем получить в период подготовки второго издания «Онежских былин», когда были еще живы многие его друзья, коллеги и знакомые, не были собраны — исчерпывающей биографии выдающегося ученого и собирателя фольклора нет. Личный архив его не сохранился. Немногие документы, в том числе эпистолярные и мемуарные свидетельства, сохранившиеся в архивах современников, не были использованы при подготовке последних изданий. Создание научной биографии Гильфердинга с объективной оценкой его научной и общественной деятельности остается одной из задач истории русской фольклористики. Недостаточно изучены и принципы его текстологической работы.

* * *

Интерес к славянским языкам, культуре и истории характерен для всей научной деятельности Гильфердинга. Свои первые статьи он читал в салоне Елагиных. Упоминания об этом есть в переписке А. П. Елагиной

---

¹ Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора: Доклад на заседании эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов. М., 1963. С. 3.

² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873.

со своими сыновьями. Интерес к записям фольклора, забота о судьбе народного песенного наследия занимали семью Елагиных-Киреевских и их друзей на протяжении десятилетий. Вероятно, они произвели определенное впечатление и на Гильфердинга, бывавшего в салоне Елагиных в студенческие годы и позднее. В бытность свою консулом в южно-славянских землях он предпринимал попытки записей славянского фольклора, легенд, преданий и песен. Открытия, сделанные П. Н. Рыбниковым в Олонецкой губернии, привлекли его внимание. Так возник замысел о поездке на север для изучения на месте русского народного эпоса. Первые сообщения о результатах экспедиции Гильфердинга вызвали большой интерес не только в России, но и в Европе. До появления сборника были в печати известный русист, библиотекарь Британского музея В. Р. Ролстон обратился к Гильфердингу с письмом, как только прочел в газетах про его отчет об экспедиции в заседании Русского географического общества. Узнав, что собиратель готовит статью об экспедиции, Ролстон просил прислать ему корректуру, чтобы иметь возможность своевременно использовать ее в своей работе по русскому фольклору. В связи с письмом Ролстона Гильфердинг обратился к редактору журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу со специальной просьбой о высылке корректурных листов.³

Рецензенты первого издания «Онежских былии» были единодушны в их высокой оценке. Они сразу поняли непреходящее значение сборника для изучения эпоса. Неизвестный рецензент «Голоса» подчеркивал достоверность и беспристрастность свидетельств собирателя и указывал на богатство материала, «освещающего многое новым светом, чисто народным.⁴» Н. Д. Квашнин-Самарин заметил, что сборник содержит много «открытий, и каждое из них бросает яркий свет на эпос», а среди былин «шные были вовсе неизвестны, а другие явились в новых и любопытных вариантах».⁵

Н. И. Баталин и М. И. Колосов указали на значение сборника «в этнографическом и филологическом отношении, на появление биографических сведений о певцах, на народные объяснения отдельных слов и выражений».⁶ Л. Н. Майков отличительным свойством труда Гильфердинга считал ответственное отношение к предмету исследования: «Именно благодаря этой сознательности, этой умелости этнографа-наблюдателя и собирателя и получились новые и богатые плоды — обширный запас данных и материалов, которые ждут теперь дальнейшей научной разработки».⁷

Особенно важна оценка А. Н. Пыпина, человека из противоположного Гильфердингу лагеря. Он писал, относя собирателя к числу «самых гуманных и вольномыслящих деятелей»: «Исследователь понял свою задачу

³ Речь идет о статье Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» (Вестник Европы. 1872. № 3). Он писал Стасюлевичу: «... библиотекарь Британского музея Ральстон (может быть, Вам известный), вычитав где-то о том, что я составил статью о былинах, писал мне, чтобы я ее прислал ему, так как он готовит по-английски книгу о русской народной поэзии. На это я отвечал ему, что статья моя выйдет только в марте, и послал ему первые листы печатаемого мною сборника былин, а также статейку „Голоса“, в которой были помещены краткий отчет о моей статье по поводу чтения отрывков из нее в одном из заседаний Географического общества. Но мой англичанин этим не удовлетворился. . . Посылаю Вам при сем в подлиннике письмо Ральстона. Если Вас это не затруднит особенно, то не откажите, пожалуйста, велеть подать себе какой-нибудь оттиск моей статьи хоть в гранках и отправьте его тотчас под бандеролью по следующему адресу. . .» (письмо от 1 февраля 1872 г. // РО ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 421).

⁴ Голос. 1873. № 141. 23 мая. С. 1—2.

⁵ Квашнин-Самарин Н. Д. Новые источники для изучения русского эпоса // Русский вестник. 1874. Т. 13, № 9, 10. С. 1—44, 768—803. Рецензент отметил также «искусный способ записыванья, сохранивший размер былин и многие частности, сгладившиеся у прежних собирателей» (с. 42—43).

⁶ Филологические записки. Воронеж, 1873. Вып. 1. С. 42—44; 1874. Вып. 2. С. 1—17.

⁷ Журнал Министерства народного просвещения. 1873. № 8. С. 447—459 (критические и библиографические заметки).

так широко и серьезно, как только можно было бы желать; специальная задача не закрыла от него вопроса о целом быте виденного им народа, и он относится к этому народу с таким вниманием, с таким разумением его тяжких нужд, говорит о них с такой убедительностью и иногда такой смелостью, которые вызывают самое полное сочувствие».⁸

Второе издание вновь привлекло внимание научной общественности в связи с тем, что его первые тома по времени выхода почти совпали с 25-летием со дня смерти Гильфердинга.⁹ В связи с юбилейной датой в докладах, статьях и лекциях намечалась дальнейшая разработка проблем, впервые поставленных собирателем. На заседании этнографического отдела Русского географического общества (РГО) выступил со специальной лекцией В. Ф. Миллер. Он с гордостью говорил о том, что нигде в Европе «интерес к народу, его жизни, его духовному складу не поднят так высоко, как в нашем отечестве», и далее, оценивая сборник онежских былин, назвал его «образцовым для своего времени в полном смысле этого слова»: «Соблюдение былинных размеров, точность в передаче особенностей местного говора, указание местностей, биографические данные о сказителях, даже сведения о лицах, от которых тот или другой сказитель «перенял» былины, дневник путешествия, личные наблюдения местных бытовых особенностей — все это делает сборник Гильфердинга незаменимым источником для изучения современного состояния народной эпической традиции».¹⁰

Следует отметить еще оценку А. М. Лободы. «С появлением в печати собранного Гильфердингом материала стало ясно, какую массу нового, подчас едва уловимого на первый взгляд, сумел он извлечь оттуда, где уже была собрана обильная жатва», — писал Лобода и сравнивал Гильфердинга с Рыбниковым, прибегая к аллегории: «Записи Рыбникова — это сказочный мертвец, уже спрыснутый мертвой водой, но еще ожидающий живой воды < . . . ». У Рыбникова пропадает стих, язык, этнографическое освещение былин. Сведения о том, где и как были найдены былины, появились у него лишь в 3-й части издания, уже после замечаний по этому поводу критики, да и то далеко не в полном виде. Нельзя поэтому особенно удивляться тому, что открытие Рыбникова было встречено с недоверием < . . . ». Опыт Рыбникова Гильфердинг развил в целую систему. Его записи. . . буквально передают не только содержание, но и самый склад былины, ее форму, дух, язык. . .».¹¹

Несмотря на то, что прошло более сотни лет после выхода в свет двух первых изданий, многое в их подготовке остается неясным до сегодняшнего дня. Неизвестен точный состав участников первого издания, не ясны до конца роль П. А. Гильтебрандта, который в это время жил в г. Вильно и неожиданно для себя из помощника Гильфердинга превратился в редактора, причина приглашения в редакторы О. Ф. Миллера и внезапный отказ от его услуг. В редакцию второго издания входили кроме К. Н. Бестужева-Рюмина А. Н. Веселовский и Л. Н. Майков, но в чем заключалось участие последних при подготовке издания — неизвестно.

Сам Гильфердинг очень спешил со сборником. Он писал Стасюлевичу, что предполагает выпустить сборник в апреле 1872 г.¹² Именно поэтому, вероятно, его полевые записи не были переписаны набело, а переплетены в два фолианта, снабжены оглавлением, биографическими заметками о певцах и отданы в набор. Попытка перебелить тексты делалась. Наряду с по-

⁸ *Письма* А. А. Ф. Гильфердинга // Вестник Европы. 1872. № 8. С. 905—906.

⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд. СПб. 1894. Т. 1; СПб., 1896. Т. 2; СПб., 1900. Т. 3.

¹⁰ Миллер В. Ф. Былинное предание в Олонецкой губернии // Русская мысль. 1894. Кн. 3. С. 1—18.

¹¹ Лобода А. М. Памяти А. Ф. Гильфердинга (К 25-й годовщине его смерти) // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 89—97.

¹² РО ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 421, письмо первое.

левыми записями в том вpletено около сорока копий, часть их написана чернилами, часть карандашом самим Гильфердингом. Возможно, что спеша с изданием текстов, он отказался от начатого было копирования, которое отняло бы слишком много времени, так как в двух фолиантах его записи составляют около полутора тысяч листов, более трех тысяч страниц. Копии, писанные чернилами, хорошо известным почерком собирателя, не имеют подлинников. Поскольку архив Гильфердинга не сохранился, выяснить судьбу этих текстов не удалось. Печатаение сборника по полевым записям несомненно затрудняло работу наборщиков. В рукописи много исправлений, вставок на полях и на отдельных листах, перечеркиваний, отсылок, очень мелко написанных примечаний. На некоторых листах под отчеркнутой линией, означающей остановку в наборе, сохранились фамилии наборщиков и кое-где следы типографской краски. Гильфердинг с огорчением писал Погодину: «Я надеялся доставить Вам в конце апреля довольно массивный том былии, мною собранных прошедшим летом. К сожалению, печатание тянется медленно так, что этот том, как я теперь вижу, будет готов не раньше осени».¹³ Сборник вышел даже не осенью, а лишь в следующем 1873 г. Гильфердингу не суждено было увидеть свой сборник изданным. По словам П. А. Гильтебрандта, он успел просмотреть в корректуре 21 лист. Часть рукописи «доводили» до сдачи в типографию недостаточно сведущие в эпосе люди, неточно выполнившие расшифровку сокращений. Редакторы издания многое исправляли в корректуре, восстанавливая подлинный характер текста. Только этим можно объяснить многочисленные расхождения между печатным текстом первого издания и чернильными дписями в полевых записях.

Первое издание оказалось не свободным от опечаток, пропусков и кое-где от неточного деления на стихи. Ошибки вкрались даже в «Дневник путешествия». В нем ошибочно указана дата первого дня работы Гильфердинга — 20 июня. Должно быть — 28 июня, так как именно эта дата стоит под текстом первой записанной собирателем былины. Не все тексты указаны в дневнике, отчего напряженность работы каждого дня выявлена не в полной мере. Вступительная заметка П. А. Гильтебрандта крайне лаконична. Она не раскрывает ни состав участников издания, ни характер подготовки рукописи к печати.

Впервые статья «Олонецкая губерния и ее народные рассоды» была опубликована при жизни Гильфердинга в журнале «Вестник Европы» (1872, № 3). При перепечатывании ее были допущены две опечатки.¹⁴ Обе они сохранились во всех последующих изданиях, только в четвертом к ним добавились еще 12 опечаток.¹⁵

¹³ ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, № 127, письмо третье, л. 6—7.

¹⁴ Так, Гильфердинг цитирует начало рябининской былины о Дунае (стихи 15—13):

Очужки у ней бы ясных соколов,
Бровушки у ней бы черных соболей.

В стихе 15 напечатано вместо *соколов — соболей* (Онежские былины. 1-е изд. СПб., 1873, № 81; 4-е изд. М.: Л., 1949. Т. 1. С. 87; далее в тексте указывается том и страница или номер стиха по 4-му изданию). 2-я опечатка на с. 82 — пропуск повторения в песне о Краснощекове, нарушающий строфику стиха (пропущенные слова в цитате выделены курсивом):

Ой, ростужится, расплатется
Наш пруской, наш пруской, наш пруской король,
Ай сидючись-то на украсушки,
Ой на крутой — на крутой горы.

¹⁵ Семь из них повторил А. И. Баландин, добавив пропуск стиха. См.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Сост. вступ. ст. и коммент. А. И. Баландина. Архангельск, 1983. С. 57. Укажем наиболее существенные из них: с. 74, ст. 4: . . . *исповолжаную* (а не *-ню*); стихи 15—16 переставлены, что искажает традиционный порядок поведения гостя при входе в дом: сначала полагалось креститься, потом кланяться. Должно быть: «Крест кладет по-писаному, | А поклоны ведет по-

Первое советское издание «Онежских былин» было предпринято во второй половине 1930-х гг., один из самых трагических периодов в жизни страны. Внутриполитическая обстановка была чрезвычайно напряженной, что не могло не отразиться и на состоянии науки о фольклоре. В 1936 г. прошла дискуссия по эпосу, была подвергнута критике историческая школа и пересмотрены те научные выводы, к которым пришло русское эпосоведение в предреволюционные годы. В историко-литературных работах осуждению подвергалось и славянофильство как одна из форм общественной мысли. Условия для подготовки нового издания записей Гильфердинга были чрезвычайно неблагоприятны. Один из участников готовящегося издания (А. И. Никифоров) был арестован. Все эти обстоятельства сказались и на оценке научной деятельности Гильфердинга. Если сейчас и в Большой советской, и в Исторической, и в Краткой литературной энциклопедиях о нем говорится как о выдающемся ученом, чьи основные работы по истории балтийских и южных славян сохраняют свое научное значение, если он характеризуется как создатель новых методов в эпосоведении, то в 1930-е гг. оценка его деятельности была иной. Публикация «Онежских былин» в третьем издании была начата со второго тома, вышел и третий, а с подготовкой первого тома, где должна была быть статья о Гильфердинге, возникли затруднения. Печатаение первого тома совпало с началом Великой Отечественной войны, набор был рассыпан, рукопись тома не сохранилась. Возможными авторами статьи о Гильфердинге в первом невышедшем томе могли быть М. К. Азадовский, редактор издания, или А. М. Астахова. Позднее, в «Истории русской фольклористики» Азадовский дал четкую характеристику деятельности Гильфердинга, указав, что им была создана новая методика записи фольклорного текста и разрушены старые мифическо-романтические представления о массовом эпическом творчестве. «Весьма замечательно, — писал Азадовский, — что < . . . > решительный удар по славянофильской романтике был нанесен ученым, вышедшим из той же славянофильской среды. < . . . > Гильфердинг был одним из первых академических ученых, который обратился непосредственно к изучению живого фольклорного материала; он приступил к этому делу во всеоружии научной методологии, внося в дело собирания строгий филологический метод и исследовательские навыки. . . Записи былин, сделанные Гильфердингом, превосходят все предыдущие сборники точностью в передаче филологических особенностей».¹⁶ Отметив, что экспедиция Гильфердинга — одно из крупнейших событий в русской науке, Азадовский вслед за О. Ф. Миллером повторил, что открытия, сделанные в этой экспедиции, имеют общеевропейское значение. Если не считать замечания о славянофильских «заблуждениях», то надо сказать, что оценка Азадовского не противоречила оценкам, принятым ранее в русской науке, к тому же углубила их.¹⁷

Предпринято во второй половине 1940-х гг. четвертое издание готовилось в период между двумя печальной памяти правительственными постановлениями — о журналах «Звезда» и «Ленинград» и о компаративизме. Видимо, в какой-то связи с атмосферой, их породившей, оказалась оценка деятельности Гильфердинга в четвертом издании «Онежских былин». Он был искусственно противопоставлен Рыбникову, обвинен в формализме,

ученому, — а не наоборот. В четвертом с конца стихе цитируемого отрывка должно быть: «Стал его Владимир *выспрашивать*, | Стал его Владимир *выведывать*» (здесь же дважды повторен один глагол); с. 77, ст. 7 должно быть: «И князьев-бояр *жаловал*» (а не «пожаловал»); на с. 80, в ст. 14: вместо «*Зговорил* наша надежа государь-царь» напечатано «сговоряла»; на с. 82, в ст. 2: «Из тиху *ли ты* Дону казак» (выделенные слова пропущены); на с. 83: вместо «Надеюсь, что меня не обвинят в этой слабости» напечатано «области» и др. Примеры показывают, что ни в одном издании не было сверки с первой прижизненной публикацией статьи, рукопись которой не сохранилась.

¹⁶ Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1962. Т. 2. С. 227.

¹⁷ Там же. С. 226—229.

его метод записи назван формалистическим, личный элемент в былинном сказительстве — элементом формальным; он оказался создателем теории вариативности, которая «несла в себе новую опасность, выразившуюся в эмпирическом подходе к народному творчеству». Кроме того, оказывается, что Гильфердинг «ориентировал на отрыв формы от содержания».¹⁸ Обвинения не были каким-либо образом документированы. Фактически Гильфердинг оказывался ответственным за те крайности, которые возникли в советском эпосоведении в 1930-х гг. В статье игнорировались факты, установленные учеными, путешествовавшими по следам Гильфердинга, и предшествовавшие данной работе оценки научно-общественной деятельности ученого.¹⁹ Эта новая и противоречащая прежним оценка находится в некоторой связи с выводами комментаторов. Определение одного из приемов сокращения текста Гильфердингом как «механический перенос» несомненно послужило одним из поводов для обвинения его в формализме.

Подготовку текстов осуществляли А. И. Никифоров и Г. С. Виноградов. Первым сверено 243 текста, вторым — последние 78 текстов третьего тома. Талантливые, широкообразованные ученые с большим опытом собирательской работы, оба они были отличными текстологами. Их глазами тщательно выверены рукописные листы с полевыми записями и выявлены дополнительные двенадцать текстов вариантов и редакций первоначальных записей, опубликованных как приложения. Выполненная ими текстологическая работа, наряду с бережным отношением к каждой букве и знаку рукописей, поражает высокой степенью внимательности и может служить школой будущим текстологам. Следует заметить, что иногда внимательное изучение текстов не было исчерпывающим. Некоторые формулировки, характеризующие принципы записи Гильфердинга, должны быть уточнены. Наблюдения, позволяющие внести некоторые уточнения, были сделаны в процессе текстологической подготовки «Онежских былин» для публикации в Своде русского фольклора.

* * *

Два фолианта полевых записей Гильфердинга хранятся в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР под шифром 17.10.18. Тексты записывались на листах 36×22 см с двух сторон. Каждый сказитель для краткости обозначен или порядковой буквой алфавита, или цифрами. Когда алфавит кончился, собиратель стал обозначать сказителей цифрами, начав сразу с цифры 34. Так, 18 текстов Рябина обозначены буквой Н, 14 текстов Петра Калинина — ером и т. д. На обороте последнего листа каждого текста ставились знак сказителя (расшифрованный при первой записи), обозначение сюжета, дата и место записи. Знак сказителя стоит перед началом каждого текста, сразу под названием. Краткие рабочие обозначения сюжета, написанные под знаком собирателя на оборотах листов, не всегда

¹⁸ Базанов В. Г. А. Ф. Гильфердинг и его «Онежские былины» // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 28. То же с незначительными изменениями — в его книге «Карелия в русской науке и фольклористике XIX века» (Петрозаводск, 1965. С. 286). В последнем варианте статья о Гильфердинге в книге В. Г. Базанова «Поэзия русского севера» (Петрозаводск, 1981. С. 78—90) эти обвинения сняты, но противопоставление Рыбникову осталось, как и некоторые другие положения, продиктованные внутрисюжетной обстановкой в стране конца 1940-х начала 1950-х гг.

¹⁹ См. например: Соколов Ю. По следам Рыбникова и Гильфердинга // Художественный фольклор. 1929. № 2—3: «Надо отдать справедливость Гильфердингу: и в записи текстов, и во внимательном проникновении в природу, быт края он обнаружил великую правдивость» (с. 9); Харузина В. Н. На севере. М., 1890. С. 67—71. (Она подтверждает знание былин старообрядцами и описывает исполнение былины сказителем Н. П. Прохоровым по прозвищу «Утка»).

совпадают с окончательными названиями былин, написанными, очевидно, позднее. При записи каждый лист вверху отмечался только знаком собирателя. Позднее тексты перенумеровывались, снабжались названиями, написанными крупно и отчетливо, а знак зачеркивался. Так, Никитин Федор — Щ: «Щ. 9 бр<атьев>-разб<ойников>». В публикации: «№ 176. Братья-разбойники и сестра»; Федулов Павел Антонович: «36. Илья и Соловей». В публикации: «№ 212. Илья Муромец и Соловей-разбойник»; П. А. Войнов: «43. Чурило» — в публикации: «№ 229. Молодость Чурилы». А. И. Никифоров считал, что «в ряде случаев Гильфердинг начинал запись с заглавия, т. е. писал со слов крестьян-сказителей», но «трудно сказать, насколько точно они отражают самые крестьянские заглавия» (1, с. 704).

Формулировку рабочих заглавий со слов крестьян давал сам Гильфердинг, иногда дополняя их необходимыми уточнениями; позднее, вписывая заглавие перед текстом, он придавал ему большую точность: М. И. Тряпицын — «44. Начало Дюка», в публикации — «№ 243. Дюк»; М. Ф. Нягозеркин — «38. Илья (то же, что Дюк)», в публикации — «№ 216. Поездки Илья Муромца» и т. д. Естественно, названия, состоящие из одного имени, различней с рабочим обозначением сюжета не имеют («Ставер», «Кострюк», «Садко», «Дунай» и пр.).

Исписанные листы складывались вчетверо и помещались в сумку или портфель. Они не измяты и не протерты на сгибах: все говорит о их бережном и аккуратном хранении. В Петербурге они были расправлены и разложены, так что следы перегиба на листах мало заметны. На поля вносились замечания певцов и самого собирателя по ходу исполнения, вписывались пропущенные и позднее припомнившиеся стихи. Если при повторном исполнении возникали большие куски нового текста, они записывались на отдельном листе, помечались специальным знаком — он ставился и в раннее написанном варианте, чтобы было ясно, где место вставки. Некоторые стихи вписывались между строк.

Видимо, должны были существовать отдельные листы с записями биографических сведений о певцах. Краткие заметки есть кое-где при текстах. Самых же «полевых» биографий не сохранилось. Заметки о сказителях написаны, все без исключения чернилами и на листах меньшего размера. Только биография В. П. Щеголенка представлена аккуратными листами корректур из журнала «Всемирная иллюстрация», где впервые была опубликована вместе с некоторыми текстами.²⁰

Отсутствуют полевые записи текстов, с которых выполнены копии чернилами. В двух из них недостает листов (№ 80, 114). В этом случае тексты третьего и четвертого издания даны по второму. Часть текстов (31) записана карандашом, без исправлений и сокращений, столь аккуратно, что эти записи можно принять за беловые копии. А. И. Никифоров в этих случаях воздерживался от определения. Трудно решить, аккуратная ли это полевая запись или беловая копия, выполненная в полевых условиях. На наш взгляд, вряд ли у собирателя было время для переписывания; его полевой дневник свидетельствует о крайне напряженной работе. Два текста (№ 163 «Добрыня и Маринка», № 169 «Ставер») имеют и полевую запись, и беловую копию, причем «Ставра» исполняли явно два или три раза (хоровое пение трех женщин, вероятно, не очень согласное) — так много исправлений в тексте. Различия полевых записей и беловых копий в этих двух текстах так велики, что А. И. Никифоров заподозрил Гильфердинга в «свободном обращении с текстом», хотя такие случаи единственные. Особенно подозрительна была для текстолога копия, текста

²⁰ Гильфердинг А. Ф. 1) Трофим Григорьевич Рябинин, певец былин // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 497—517; 2) Василий Петрович Щеголенок // Всемирная иллюстрация. 1872. № 149. С. 301—302.

№ 163: «Любопытно, — пишет он, — что на 158 стихов Г<ильфердинг> допустил 76 исправлений полевой записи» (2, с. 702). Речь идет о записи былины «Добрыня и Маринка» от слепого певца Иева Еремеева, который принял приглашение собирателя, ехавшего 30 июня из Петрозаводска в Горское, сесть к нему в лодку, поскольку им было по пути. Дорогой он «упросил Еремеева сказать свои старины»: «Старик Иев Еремеев запел превосходную былинку про превращения Добрыни под магическим действием нашей русской Царцен — Маринки» (1, с. 37—38). В рукописи четыре из пяти былин Еремеева помечены 30 июня и словами «На Онеге», видимо, они были записаны прямо в лодке. На другой день, 1 июля, в Горском был записан пятый текст и, более чем вероятно, проверены предыдущие четыре, поскольку в первый раз они были записаны и исполнены в не совсем удобной обстановке. Это предположение подтверждается и тем, что 1 июля за целый день записаны только три текста: один от Еремеева и два в хоровом исполнении Макаровой и Пастуховой с сестрой. Для Гильфердинга, при его целеустремленности и необыкновенной рабочей организованности, это очень мало. Поэтому возможно и другое объяснение копии с 76 исправлениями: 1 июля кроме записанных заново трех текстов были прослушаны и записанные накануне в лодке, а отдохнувший Еремеев мог лучше припомнить и несколько иначе исполнить текст. Подобные различия имеются в вариантах текстов, записанных, например, от Т. Г. Рябина в Петербурге. Как известно, не все полевые записи сохранились.

Обвинение Гильфердинга в «свободном обращении с текстом» стоит в противоречии со всей методикой его собирательской работы, характеризующейся бережным отношением к тексту. Собиратель проявлял даже известную щепетильность. Так, по его словам, записи от К. Романова представляли большую сложность: «При всем старании невозможно было записать его былины с напева, так как он, раз „взял былинку на голос“, уже не в состоянии был остановиться. Потому былины, здесь печатаемые, не представляют размера с тою верностью, с какою Романов его действительно соблюдает. . . При том Романов, совершенно беззубый, произносил так невнятно, что собиратель некоторых стихов не мог хорошенько расслышать и принужден был в этих случаях придерживаться текста Рыбникова» (2, с. 148).

Второй, чрезвычайно существенный, момент в оценке А. И. Никифоровым текстологической работы Гильфердинга — пресловутые «механические переносы общих мест» (см.: 1, с. 703, примечания, п. 2²¹). По нашим подсчетам, из 334 текстов собрания (считая приложения) перенос повторяющихся «типических мест» имеет место только в 48 текстах. Уже само это соотношение показывает, что переносы не были для собирателя «системой». Рассмотрим некоторые примеры «переносов» начиная с первого дня работы: 28 июня, в первый день приезда в Петрозаводск, дважды записана от А. Е. Чукова былина «Добрыня и Алеша» (общий объем — 717 стихов). При этой первой записи естественно желание собирателя понять содержание, вникнуть в особенности диалекта, освоить индивидуальную манеру сказителя. Собиратель упоминает, что текст был сначала пропет, затем записан «пословесно» и еще раз — с напева (1, с. 64). «Вторая редакция была столь отлична от первой, — писал А. И. Никифоров, — что Г<ильфердингу> пришлось вносить много поправок, перестановок стиха; замен отдельных слов, выбросить целых 15 стихов и на специальном дополнительном листе сделать четыре больших вставки» (см.: 2, 685). Первая редакция текста, записанная под диктовку, опубликована в виде приложения. В ней эпизод с посылкой дружины за сошкой Микулы от-

²¹ См. также: *Иванова Т. Г.* Классические собрания былин в свете текстологии // *Русская литература.* 1982. № 1. С. 139—140.

сутствует. Во второй редакции текста собиратель, видимо, с трудом поспевая за певцом, допустил перенос четырех стихов, но не «механически», а сверяя. Зафиксировано отличие во втором стихе формулы (здесь и далее выделено курсивом):

Он убит лежит да на чистом поли, Буйна голова <i>да</i> испроломана.	Он убит лежит да на чистом поли, Буйна голова <i>его</i> испроломана.
(ст. 102—103)	(ст. 220—221)

В той же былине есть и другие «общие места», но все они записаны полностью, например, известное: «*Тут как день за днем да будто дождь дождит*» при повторении: «*Опять день за днем да будто дождь дождит*» (ст. 92, 127). Дважды записав от Т. Г. Рябинина былину «Илья и Соловей-разбойник», Гильфердинг попросил уже в Петербурге спеть эту былину в третий раз и в специальном примечании отметил появление нового стиха в устойчивой, казалось бы, формуле: «Рябинин вместо „Тот и лежа лежит“ пел: „Тот и век не стоит“» (ст. 74—75). Налицо постоянное внимание к повторяющимся в тексте стихам, образующим устойчивые формулы.

В Лелпкове 4 июня было записано 18 текстов (в «Дневнике путешествия» ошибочно показано 19). Их общий объем — 3997 стихов (почти четыре тысячи!). Это один из самых напряженных дней экспедиционной работы: пришлось прослушать пятых певцов, освоиться с индивидуальной манерой каждого. В пяти из восемнадцати текстов собиратель вынужден был прибегнуть к переносам. Он полностью записал в этот день старины от Романова, С. Неклюдиной, В. Аксенова, но в одном, сравнительно небольшом тексте Сарафанова (№ 108) и четырех — Д. Суриковой допустил переносы. У Сарафанова на 127 стихов перенесены два: «Какова ты есть роду-племени, / Какого отца-матери»; в другом случае перенос представляет устойчивую формулу, повторенную через шесть стихов почти без изменения:

По коленушки ноги в серебри, По локоточки руки в золоти, И по косицам часты звезды, А сзади у них светел месяц.	По коленушки ноги в серебри, По локоточки руки в золоти, И по косицам часты звезды, И сзади у них светел месяц.
(ст. 157—160)	(ст. 167—170)

Из пяти текстов Суриковой в четырех переносы: № 138 (351 стих), № 140 (228 стихов), № 141 (260), № 142 (132), и один записан полностью со всеми типическими местами и повторяющимися формулами. Вспоминая о работе с нею, Гильфердинг писал: «Чересчур ветхий и почти глухой старик Кузьма Романов и замечательная, впрочем, сказительница Домна Сурикова никак не могли приладиться к песенной передаче былины. Когда они начинали сказывать ее нараспев, то не в состоянии были остановиться, чтобы не пропеть вдруг целую тираду, которую мог бы записать разве степограф; когда же я их останавливал и просил повторить то же потише (т. е. помедленнее. — З. В.), то впадали в прозаический пересказ, в котором стихосложение исчезало» (1, с. 65). Сурикова, как и Рябинин, отличалась хорошей памятью и отличным знанием текста. А. М. Астахова обоих относит к первому типу певцов с точным знанием текста. Переносы в текстах Суриковой можно объяснить двумя обстоятельствами (третье указал сам собиратель, характеризуя манеру пения): точным и уверенным исполнением, когда повторяющиеся формулы почти не имели отличий, и тем, что, видимо, работа с нею пришлась на конец исключительно напряженного рабочего дня, когда внимание ослабевало и сказывалась сильная усталость. Ведь в этот день собирателем было записано 18 «старин»!

Проследим, на какие дни работы падают переносы стихов: 5 июля — записано шесть былин от двух певцов, объем — более 1000 стихов, перенос

в одной (№ 120) всего двух стихов, которые любой певец может повторить без изменения, т. е. с буквальной точностью; 6 июля — записано 11 текстов от трех певцов, около 3000 стихов, переносы в двух (№ 75 (616 стихов) и № 102 (329 стихов)) почти самых длинных былинах этого дня, когда даже довольно большие тексты Щеголенка были записаны полностью, как и № 77 от Рябикина — 353 стиха; 7 июля — записано 9 текстов от трех певцов, 2413 стихов, переносы в двух текстах: № 80 (1022 стиха) и № 115 (241 стих), при этом достаточно длинные тексты, от 300 до 400 стихов записаны были в этот день полностью.

Следующие две недели Гильфердинг работает, ни разу не прибегая к переносам. Он использует для сокращения записи лишь краткое обозначение имен (одной буквой) и названий и опускает буквально повторяющиеся части стиха в двух, параллельно идущих. Выработался необходимый рабочий ритм, приблизительно равномерное распределение нагрузки. Лишь 19 июля, после работы в Данилове, где в совокупности было записано восемь былин с повторением и уточнением текстов, и после переезда в этот день в Чолмужи, где тогда же записаны еще три былины, он допустил перенос в тексте из 589 стихов (№ 157).

Можно предполагать, что усталость переходит в сильное переутомление к началу второго месяца работы. Переносы стихов появляются в дальнейшем чаще не только в больших текстах (№ 52 — 1129 стихов), но и в сравнительно небольших по объему. Проследим по датам, как учащается записывание с переносами: 23 июля — 8 текстов, 1412 стихов; 27 июля — 3 былины, 1839 стихов; 28 июля — 5 былин, 1005 стихов. Далее, 6, 7, 10—15-го августа, 17-го и 18-го, причем 6, 7 и 17-го августа записано по 13 текстов, 14-го — 11, 15-го августа — 9. К концу экспедиции Гильфердинг явно форсирует работу, стремится записать побольше и уже пренебрегает незначительными отличиями при повторении формул, используя переносы. При записи 72 исполнителей переносы стихов имеют место у 23. Это, как правило, записи от сказителей с хорошей памятью и твердым знанием текста: Т. Г. Рябикина, Д. В. Суриковой, И. А. Касьянова, П. Л. Калинина, П. А. Воинова и др., — у которых собиратель отметил не только четкость исполнения, но и «изящество дикции». И напротив, при записи 13 текстов от Щеголенка Гильфердинг только в двух случаях допустил перенос формулы в два и три стиха, остальное записано целиком. Он заметил склонность певца к импровизации, на что указал и в его характеристике.

Как видно из сказанного, в переносах нет системы. Их необходимость обусловлена разными обстоятельствами: качеством исполнения, степенью напряженности работы, нарастающей усталостью (собиратель признавался, что записывал «до полного физического утомления»). Кроме того, можно было бы говорить о системе, если бы переносы имелись в большей части текстов, а не в 48 из 334.

Переносы не имеют и четкого «механического» характера. В повторяющихся «типических» местах записывались начала стихов, отмечалась разница в повторяющихся формулах, о чем не упоминается в примечаниях третьего и четвертого изданий, где к тому же в ряде случаев есть ошибочные указания на «переносы» (№ 217: ст. 13—16 совпадают со стихами 26—29 и 84—87; № 218: ст. 20—25 — со стихами 76—81 — в рукописи они записаны полностью).

Только к повторному исполнению «типических» мест относится следующее утверждение А. И. Никифорова: «Собиратель ч а с т о (разрядка моя. — *З. В.*) не записывал целиком строки, а отмечал лишь начальные одно-два слова стиха и так иногда на протяжении нескольких строк» (1, с. 702—703). Ни разу в обоих фолиантах рукописи объемом более полутора тысяч листов нет подобным образом сделанной первоначальной записи текста. Именно факт записи начальных слов стиха при повторениях —

с фиксацией происшедших в формулах изменений — дает основание снять определение переноса как «механического». Сравним формульные на-смешки Сокольника над Ильей Муромцем:

Уж ты старая собака, ты седатый пес!	Уж ты старая-собака, седатый пес
Тебе ли ездить во чистом поле,	
Во чистом поле да на добром кони?	[Пропуск двух стихов]
Жил бы ты во городи во Киеви,	Жил бы ты во городи во Киеви
Пас бы ты гусей да лебедей,	И пас бы ты гусей да лебедей,
Да ведь пернатых серых утушек.	Да ведь пернатых серых утушек.
(№ 114, ст. 30—35)	(1. Л. 543)

Бранная формула сократилась на два стиха, исчезло повторное *ты* в первом стихе, появился союз *и* в пятом, остальное повторено без изменений.

Фиксируя повторения, собиратель, скорее всего, следил по ранее написанному тексту и отмечал только изменения, возникающие в стихе. Это было легко сделать, ведь былины записывались на отдельных листах, а повторения следовали иногда через несколько стихов даже на одной странице. При быстром темпе исполнения собиратель, видимо, не успевал записывать и начальные слова повторяющихся мест, а лишь отмечал горизонтальной чертой начало повторяющейся тирады и обозначал начало и конец буквами. Позднее в таких случаях при подготовке рукописи к печати на странице появлялась написанная чернилами помета: «Повторить от А до Б». Если в одном и том же тексте появлялись повторения разных «общих мест», то использовались другие буквенные обозначения: В—Г, Е—Ж и др.²²

Итак, переносы формул и «типических мест» в записях Гильфердинга не имели системы и в большинстве случаев не были «механическими».

К методу сокращенной записи у Гильфердинга наряду с переносами формул можно отнести разные виды сокращения слов. Сюда относятся прежде всего сокращения имен (Д<обры>ня, Д<обры>нюшка, к<нязь> В<ладимир>) и названий (К<иев>-град). Сокращались многократно повторяющиеся эпитеты: лук розр<ывчатой>, полаты белок<аменны>, гусельшки яр<овчаты>, князь ст<ольнѣ>к<иевской>. Сокращения допускались после двух и трехкратных повторений этого слова. Точность их раскрытия легко проверить по первым точным их написаниям в одних и тех же устойчивых словосочетаниях.²³

К системе сокращенной записи текста может быть отнесен прием пропусков буквально повторяющихся частей стиха (слов или словосочетаний):

Ай вы скажите мне про ту дорожку прямохожую,
[Ай вы скажите мне про ту] дороженьку да прямоезжую. (№ 210, ст. 150)
Одна строчка строчена так чистым серебром,
Друга-то [строчка строчена] красным золотом. (№ 85, ст. 301—302)

Количество сокращений находится в прямой зависимости от объема каждого конкретного произведения, при этом большая часть сокращений падает на имена и названия.

²² Переносы показаны далее в прямых скобках.

²³ При раскрытии сокращений (или «дописей» — по Никифорову) сокращенная часть слова или стиха показана в угловых скобках; но в прямых скобках — пропуск части стиха при буквальном ее повторении в рядом стоящих стихах. Этот же принцип подготовки текстов для публикации в Своде русского эпоса принят при цитировании в прилагаемых примерах.

* * *

Важная сторона работы Гильфердинга, вошедшая в число его научных открытий, — индивидуальная работа со сказителем. Благодаря внимательному отношению к каждому певцу, выяснению его личных обстоятельств постепенно возникало взаимное доверие и, следовательно, взаимное внимание к тексту. Проникаясь симпатией к собирателю, певцы стремились как можно больше угодить ему. Этот момент представлен в записях репликами, объяснениями, замечаниями, звучащими в ходе исполнения. Сначала певцы опускают неудобные на их взгляд стихи, затем, как бы проникаясь доверием, решаются дополнить пропуск. Так, Корсаков выпустил бранные слова Добрыниной матери неузнанному ею сыну: «Ай же ты молодая скоморошина, | Ты кабацкая кака пи е подпорина» — и с ними пропустил следующие затем десять стихов, но потом спел их (1, с. 23, ст. 140—150). Они записаны на полях с пометой: «Вставить, что отмечено, ниже». Калинин опустил бранные слова по адресу князя и княгини. Этот отрывок записан на полях с примечанием: «Это он потом велел включить, говоря, что вспомнил, что так поется». Стихи были перечеркнуты и воспроизведены в примечаниях к тексту:

Князь тут у будто пёс да меледёнської,
А княгиня — будто сука меледёнская.
Князь тот — будто пёс на цепочке,
А княгиня — будто сука на веревочке —
От живого мужа женщину просватали. (1, № 5, с. 710)

Чтобы спеть такие стихи «генералу» (Гильфердинг имел чин статского советника, что соответствовало по табели о рангах генеральскому чину), надо было проникнуться к нему абсолютным доверием.²⁴

Именно у Гильфердинга певец-сказитель впервые предстал как живое лицо, со своими взглядами, вкусами и манерой исполнения, — и не только в биографических заметках и эпических текстах, а более всего — в репликах, диалогах, пояснениях. В последних изданиях воспроизведены разнообразные замечания, дающие представление о характере работы собирателя с людьми. У него певцы поправляют друг друга, уточняют содержание, иногда допевают или дополняют текст. Иевлеву помогает Рябинин. На полях отмечено: «Рябинин помог», к следующим затем стихам пометка: «Опять Иевлев» (2, с. 691); «Старик Аксенов плохо помнил эту былинку, и некоторые стихи ему подсказывала Степанида Конева» (2, с. 696). В. Я. Мореходов из Кижей дополнил «Рахту Рагнозерского» «памятной ему подробностью, что московского князя звали Василий, а Рахте перед единоборством завязали глаза» (1, с. 715). Эти подробности рисуют естественную и непринужденную обстановку, простоту взаимного общения, и в этом огромная заслуга Гильфердинга, сумевшего в условиях социального классового антагонизма, обострившегося после отмены крепостничества и грабительской реформы, с большим замедлением осуществлявшейся, поставить себя на равную ногу с представителями «податного сословия», оценить талантливость, одаренность, бескорыстие олончан.

Гильфердинг был неизменно внимателен к незнакомым словам, необычным формам слов или новообразованиям наряду с архаизмами. Сурикова спела «потеси» — слово отмечено звездочкой, а на полях ее ответ: «Так

²⁴ Эпитет «меледёнской», не прокомментированный А. И. Никифоровым, также включает в себе элемент отрицательной характеристики. М е л е д и т ь — заниматься пустяками, шататься праздно. М е л е д а — мешкотное дело (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1935. Т. 2. С. 322). Пословицу «меледу меледишь» Даль комментирует так: «делать без пути и конца все одно и то же». Один из героев его рассказов отмечен прозвищем «Меледа».

слыхала».²⁵ Аксенов спел про оратая, «на пивы оручиво», и добавил: «Это, знать, в лесу», а Гильфердинг, видимо, не понял смысла и отметил слово.²⁶ Аксенов же спел «Кологривый жеребец и сивогривый живобец» (2, № 133, ст. 29, 90) и пояснил: «Так слыхал». Слово подчеркнуто, чтобы обратить внимание на одну из необъяснимых причуд языка. В стихе «Едет со левыя фланки» (№ 105, ст. 167) подчеркнуто последнее слово. Сохранено выражение «меж обедней и меж завтреней» вместо более привычного — «заутреней» (2, № 135, ст. 93). К слову «веселятися» на полях — «sic». Постоянное внимание собирателя к слову может служить примером и сейчас, так как именно о внимании к слову чаще всего забывают фольклористы, увлекаясь записью текстов.

Появление Гильфердинга в среде онежских сказителей с его внимательным и дружелюбно-уважительным отношением к людям, произвело на них сильное впечатление, которое хорошо выразил И. А. Касьянов в своих воспоминаниях о нем. Не ради платы, а совершенно из других побуждений сопровождал его А. Е. Чуков по всему Заонежью. «Уже в самый день моего приезда (в Петрозаводск. — З. В.), — пишет собиратель, — я имел удовольствие услышать его прекрасные былины. Мы с ним сошлись так (курсив мой. — З. В.), что он охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и был мне весьма полезен». Пока шла запись, он ходил по окрестным деревням — «иногда далеко, верст за 40 и даже за 50 — „доставать сказителей“ — как он выражался» (1, с. 40). Андрей Сорокин провожал Гильфердинга с Сумозера на Водлозеро, Касьянов провел с ним целый день, гуляя вдоль берега и беседуя, пока ветер не давал ехать дальше. Он же «пособил носиться в лодку и проводил глазамы, покуда было можно видеть».

В воспоминаниях, написанных вскоре после внезапной смерти Гильфердинга, Касьянов сумел правдиво и с большой искренностью передать и свое восхищение, и некоторое сомнение, возникавшее в нем, настолько непохож был «господин» и «генерал» на известных ему губернских и уездных чиновников. Позднее, оказавшись по делам в Петербурге, он разыскал квартиру собирателя: «И думал я, что такой ли будет здесь весьма добрый, как был в наших местах, или не припустит и на глаза?» — и убедился в неизменном дружелюбии и приветливом гостеприимстве своего «генерала»: «Сама генеральша наливала нам чай и с закускою. Но и опять я удивился, что генеральша сама наливает чай простому мужику».²⁷ Касьянов был одним из пяти грамотных певцов и в 1872 г. сам написал целую рукопись, состоящую из шести тетрадей с описанием свадоб, текстам заговоров, былин, исторических песен и лечебника.²⁸

А. М. Лобода отметил в деятельности Гильфердинга весьма существенную сторону его отношения к народу. У других собирателей оно грешило «или излишней официальнойностью, или же другою крайностью — панибратством». Обращение Гильфердинга «было чуждо обеих крайностей: «Полный сердечности и вместе с тем глубокого внутреннего достоинства, Гильфердинг умел затрагивать в человеке лучшие его чувства и сблизиться на их почве; он таким образом не только имел счастье избежать участия в своего рода потворстве слабостям простого люда, но и содействовал облагораживанию его — влиянием своей личности».²⁹

Большую заботливость о певцах былин проявил ученый-собиратель и в Петербурге. Он начал хлопотать о медалях для наиболее выдающихся сказителей задолго до приезда их по его приглашению в столицу. Как

²⁵ «Потеси» — «потпнськи», т. е. потпнчки (см.: № 138, ст. 29, 90).

²⁶ «Оручиво» — значит орущего, т. е. пахущего землю.

²⁷ Русская старина. 1872. № 12. С. 4—5.

²⁸ Бахтин В. С. Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга // Русский фольклор. М.; Л., 1957. Вып. 2. С. 220—230.

²⁹ Лобода А. М. Памяти А. Ф. Гильфердинга. С. 98.

председатель этнографического отдела РГО он пригласил прежде всего Т. Г. Рябинина, но организовывал выступления также и И. А. Касьянова, и В. П. Щеголенка.

Т. Г. Рябинин около месяца жил, скорее всего, у Гильфердинга, который так писал Л. Н. Майкову 22 ноября 1871 г.:

«Многоуважаемый Леонид Николаевич!

Граф Литке настоятельно просит, чтобы Отделение наше (этнографический отдел РГО. — *З. В.*) скорее представило свой доклад о медалях, так как последнее заседание Совета (имеется в виду Совет РГО. — *З. В.*) будет в начале декабря. Кстати, приехал *сегодня* Рябинин, и для слушания его я полагаю назначить экстренное собрание Отделения *в пятницу 3 декабря*. Потому прошу Вас похлопотать, чтобы до того времени Ваша Комиссия кончила свое дело и доклад ее о медалях мог бы быть прочитан в том же экстренном собрании. Пожалуйста, устройте это. Кстати, посылаю Вам одно предложение в Комиссию. Если Рябинина будет Вам интересно послушать прежде собрания, то милости прошу ко мне в четверг или пятницу вечером, в какой день будет для Вас удобнее; потрудитесь также дать знать Аполлону Николаевичу.

Ваш А. Гильфердинг». ³⁰

Хлопоты Гильфердинга о медалях для выдающихся сказителей встретили, однако, противодействие. Рябинин не получил медали в Петербурге, позднее она была вручена ему в Петрозаводске.³¹ Гильфердинг позаботился, чтобы были сделаны портреты Рябинина и Щеголенка. Они были гравированы акад. Л. А. Серяковым и опубликованы вместе с биографическими заметками и текстами былин. Корректирный лист с заметкой о сказителе В. П. Щеголенке и опубликованным текстом был вплетен в рукопись «Онежских былин», а полевые записи этого текста не сохранились, возможно были отданы прямо в набор.³²

Гильфердинг не только открыл роль индивидуального элемента в сказительстве, но и привлек внимание к личности сказителя. Рассказывая в печати об олонецких певцах, организуя их выступления, проявляя всевозможную заботу о приглашенных и приезжавших без приглашения, он добивался общественного и официального признания их заслуг, самих народных талантов и ценности эпического творчества.

* * *

Одним из текстологических открытий Гильфердинга была фиксация колебания звуков в произношении одного певца в одних и тех же словах:

- Что на Русп у вас нунчу деется?
- У нас на России нунь диется. . . (№ 1, ст. 56—57)

То же в словах: билицу и биллч (№ 148, ст. 87—88), по яфанту — по яфонту (№ 43, ст. 69—70) и др. Позднее А. Д. Григорьев также обратил внимание на эту особенность произношения певцов и просил не винить собирателя в небрежности.³³ Гильфердинг зафиксировал появление глас-

³⁰ РО ИРЛИ, шифрованный фонд, № 4838.

³¹ Подробно история с медалями освещена К. В. Чистовым в его книге «Русские сказители Карелии» (Петрозаводск, 1980. С. 72—80).

³² *Гильфердинг А. Ф.* 1) Певец былин в Петербургской губернии // *Русская старина*. 1871. Т. 4. С. 451—459; 2) Трофим Григорьевич Рябинин, певец былин // Там же. 1872. Т. 5. С. 497—515; 3) Василий Петрович Щеголенок // *Всемирная иллюстрация*. 1872. № 149. С. 301—303. Былины И. Я. Гусева не были включены в корпус первого издания.

³³ *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни. М., 1904. Т. 1. С. XXI X.

ного звука в твердых окончаниях слов: «Михайло Потыка сын Иванович» (№ 9, ст. 355), «Да не знамы тебе ни имени, ни вотчины» (№ 255, ст. 204). «Стольней князь да Владимиръ» (№ 16, ст. 12) и др. О том же говорит примечание собирателя к исполнению Фепопова, который «неоднократно протягивает буквы ь и ь: вместо ь — почти ы, вместо ь — почти и. Везде, где он это делал, над буквами поставлена черточка» (1, с. 561). В записях показано и намеренное удвоение гласного звука, если этого требовали ритм стиха и строфика:

Ту прпехали коо граду ко Киеву (2, № 148, ст. 329)

Отмечено собирателем изменение рода слов: «дерево калино» (№ 62, 10), «Стала путь да во всю-то Русь» (№ 120, ст. 418).

Можно было бы не привлекать внимания к подобным детальным особенностям записи, если бы они не показали ту предельную границу внимания и точности, которые оказались возможными даже при больших перегрузках в работе. При всей четкости работы и внутренней организованности Гильфердинга напряжение и усталость сказывались в появлении недописанных слов, описок, в произвольном соединении двух стихов в один. Такие случаи редки. Они потому и бросаются в глаза, что при чтении рукописи привыкаешь к исключительной аккуратности записей. В третьем и четвертом изданиях погрешности записи воспроизведены без каких-либо оговорок в примечаниях. Так, Андрей Сарафанов сначала спел: «Ай же ты, волчья шерсть, не слыхал что ль свисту соловьиного» (№ 104, ст. 35). Здесь певец спохватился, что пропустил часть стиха, и дополнил. Гильфердинг, вероятно, не вник и, фиксируя дополнение на полях, написал: «„Ты медвежья шерсть“ — прибавлено без толку». Между тем, дополнение восстанавливало истинный вид стиха и строфы, она должна была звучать так:

— Ай же ты волчья сыть, ты медвежья шерсть,
Не слыхал ты крику звериного,
Не слыхал что ль свисту соловьиного? (№ 104, ст. 83).

Именно так пел Сарафанов дальше, когда формула повторилась.

Переутомлением собирателя можно объяснить появление недописанных слов или стиха: «Подавал ка<к> чару зелена вина» (№ 228, ст. 322), «Не засвистал да в треть свисту <соловьиного>» (№ 104, ст. 96) и др.

Иногда описки появляются под влиянием соседнего окончания: «Берет в⁷ руку клюку богатырскую» — в первом издании исправлено на «берет в руки», «Волоса долга да дума коротка» (№ 186, ст. 79). К опискам можно отнести пропуск букв («гридня соловая» вместо «столовая» — № 57, ст. 291), произвольную замену гласных (Чурилушка вместо Чурилушка — № 152, ст. 161, к Дюкову батюшко — № 159, ст. 20) и др.

В целом описки в рукописях Гильфердинга сравнительно редки; значительно больше опечаток в первых двух изданиях, в последних же количество разного рода опечаток еще более возросло. На некоторые мы хотели бы обратить внимание читателя. Так, неисправленными остались соединения двух стихов в один: «И принял солнышко Владимир-князь его во Киев-град» (№ 106, ст. 4). В рукописи же читаем:

И принял солнышко Владимир-князь,
<И принял> его во Киев-град³⁴, —

т. е. не восстановлено повторение в начале стиха, для которого оставлено место, и два рядом стоящих стиха слились в один (ср. также № 107, ст. 62, 83 и др.³⁵). Видимо, из-за неотчетливого исполнения строф деление

³⁴ РО Библиотеки АН СССР, шифр 17.10.18. Т. 1, л. 524.

³⁵ Ср. также: Он поехал ко своей матушке, | Ай ко матушке, ай ко Семигорке, бабе-то Владимирке» (№ 114, ст. 55—56). В рукописи: «Ай ко матушке, ай ко Семи-

на стихи иногда оказывается настолько неверным, что стих звучит прозой: «Солнышко Владимир-князь, дай ты малой коморошинке | Местечко поиграть в гусельшки яровчаты! | Солнышко Владимир-князь отвечает он да таковы слова» (№ 107, ст. 162—164). Должно быть так:

— Солнышко Владимир-князь,
Дай ты малой коморошине местечко
Поиграть во гусельшки яровчаты.
Солнышко Владимир-князь —
Отвечает он да таковы слова.

Имеет место пропуск слов в стихе, в рукописи написанном полностью: «И уйми-тко [свое] чадо милое, дите любимое» (№ 44, ст. 97); «Через матушку-[реку] — Пучай-реку» (№ 9, ст. 604); «На бою [стару] смерть не писана» (№ 190, ст. 13); «Куды махнет — [туды] улица» (№ 190, ст. 59); «Не видли [добра] молодца поедучись» (№ 190, ст. 90); «Да мы с [той] поры Бермяту в старинах скажем» (№ 224).

В некоторых случаях тексты последних изданий даны по двум первым без сверки с рукописью: «Ах ты мой *батьушко* возлюбленный» (№ 109, ст. 62), в рукописи — «таенько»; «С молодым Котешком *перевидеться*» (№ 19, ст. 58), в рукописи — «переведаться»; «Возьми так русскую *красную*» (№ 40, ст. 62) вместо «красавицу» и др.³⁶

В примечании к тексту № 120 говорится: «В стихе 312 слово „пеловой“ можно прочесть и как „меловой“, „неловой“; на поле к этому слову приписка Гильфердинга»: „мякина“» (2, с. 694). Нет необходимости в указании возможных вариантов прочтения, так как приписка как раз и указывает на единственно правильное — «пеловой» — от слова «пелева» (мелкая мякина, образующаяся при молотье), ср. в песне: «Выше соломы пелева летит».

По-разному переведены на современную орфографию слова с буквой ъ: переулки киевски и кеевски, калики и калеки, каличий и калечий, но имеют место и прямые смысловые ошибки: вместо «смирная свадебка» — «смерная» (№ 100, ст. 120), вместо «не утѣшишь сердца» (т. е. не успокоишь) — «не утешишь» (№ 87, ст. 30).

Следует также обратить внимание на раздельное написание «Ай» в начале стихов, эту своеобразную примету издания. По образцу первых двух изданий оно принято и в последних. В рукописи написание слитное, за редкими исключениями, когда краткое *и* звучало несколько длиннее и по смыслу оказывалось ближе к союзу, хотя и в этих случаях нельзя исключить некоторую субъективность восприятия. В подавляющем же большинстве случаев в полевых записях написание слитное. Разделение, скорее всего, было проведено при чтении корректур и не везде строго выдержано. Для нашего времени это разделение столь же искусственно, как и написание союза «если» в два слова — «есть ли», как писали еще в начале XIX столетия.

Пересмотра требует пунктуация. Местами она дана полностью по первым двум изданиям, местами — в соответствии с правилами современной грамматики, полностью не соблюдаемыми. Складывается впечатление, что при окончательной подготовке текстов что-то мешало составителям довести работу до конца на том уровне, который был принят вначале. Тем не менее последние два издания «Онежских былин», хотя и не вполне воплотили первоначальный замысел — показать тексты такими, как в рукописи, — были для своего времени несомненным шагом вперед в освоении фольклорного наследия Гильфердинга. Только благодаря громадной текстологиче-

горке, | Ко Семпгорке, бабе-то Владимирке», т. е. пропуск повторения привел к соединению двух стихов в один.

³⁶ На эту опisku указывает К. В. Чистов в докладе «Современные проблемы текстологии русского фольклора». С. 37—38.

ской работе, выполненной составителями при подготовке к печати двух рукописных фолиантов, стал возможен пересмотр оценок, данных в конце 1930-х—начале 1950-х гг. текстологическим приемам Гильфердинга, так как были установлены наиболее типичные для собирателя принципы текстологической работы. В настоящее время назрела необходимость в новом критическом подходе к достигнутому, чтобы сделать новый шаг вперед. Таким шагом явилось бы новое академическое издание «Онежских былин». «За последние годы в изучении наследия Гильфердинга не сделано сколько-нибудь заметных успехов», — писал В. С. Бахтин еще в 1957 г. Эти слова можно с полным правом повторить и сейчас. Одной из задач настоящей статьи и была попытка обосновать необходимость обращения к наследию Гильфердинга с современных научных позиций.

С. Н. АЗБЕЛЕВ

О ПЕРЕИЗДАНИИ БЫЛИН В ЗАПИСЯХ А. М. АСТАХОВОЙ

Разносторонняя научная деятельность Анны Михайловны Астаховой была настолько результативна, что писавшие о ней порой как бы затруднялись выделить главное в богатейшем наследии, накопившемся за полвека неутомимой работы маститой исследовательницы и собирательницы русского фольклора. И все же истинно непреходящее значение принадлежит, конечно, труду А. М. Астаховой-собиравателя (ею записано 10 тысяч текстов), прежде всего — собирателя былин. Думается, мы вправе говорить о научном подвиге Анны Михайловны, которая «вписала свое имя в один ряд с самыми замечательными русскими собирателями былин <...> запечатлела последний, достойный полного внимания этап в их развитии» и при этом «представила свой труд в образцовом порядке».¹ В отличие от наследия других собирателей русского эпоса мы располагаем и полевыми тетрадями А. М. Астаховой, и выполненными ею же беловыми копиями; все это она бережно сохранила и передала для архивного хранения — притом, что записи изданы ею самой.²

Значение «Былин Севера» по-прежнему чрезвычайно велико. И сейчас, спустя почти сорок лет после выхода второго тома, книги эти — необходимое пособие для каждого исследователя русского эпоса. Все еще остаются непревзойденными комментарии, выполненные впервые с такой обстоятельностью и с таким превосходным знанием всей совокупности огромного массива былинных текстов, записанных и опубликованных предшественниками А. М. Астаховой. В существенной мере сохраняют свое значение библиографии вариантов и исследований вошедших в издание былинных сюжетов, обзоры основных результатов изучения их. По богатству содержащейся в этих книгах научной информации двухтомник А. М. Астаховой превосходит не только все предшествовавшие ему издания былин, но и все последующие. По количеству же былинных текстов, подготовленных к печати и изданных самим собирателем, издание А. М. Астаховой уступает одной только коллекции записей А. Д. Григорьева, печатание которой с перерывами продолжалось 35 лет.

При всем том «Былины Севера», важные по заключенному в них материалу, не могли не отобразить состояние нашей фольклористики и эдичной практики [в то время, когда были изданы. Сегодня книги А. М. Астаховой нельзя расценивать как эталон научной публикации былинных текстов. Вероятно, это осознавала уже сама Анна Михайловна, и именно с этим было связано ее стремление сберечь для будущего свои полевые тетради. . . Из сопоставления с ними недочеты издания оче-

---

¹ Лихачев Д. С. Слово об Анне Михайловне Астаховой // Лихачев Д. С. Прошлое — будущее: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 468.

² Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / Записи, вступит. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938; Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л. 1951. Все полевые записи и беловые копии хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ.

видны, а особенности их подсказывают оптимальные пути новой публикации записей А. М. Астаховой. То и другое требует специального разговора с приведенным аргументацией.³

Не повторяя приводившихся Т. Г. Ивановой примеров сопоставления печорских записей А. М. Астаховой с текстом «Былин Севера», проанализируем его особенности на основе чрезвычайно трудоемкой работы по подготовке к переизданию мезенских записей непосредственно по полевым тетрадям с привлечением беловых копий и издания А. М. Астаховой. Переиздание готовили А. Н. Мартынова и Л. И. Петрова.⁴

Прежде всего следует сказать, что сами полевые записи А. М. Астаховой — вероятно, предельно точное отображение звучавших текстов, насколько оно осуществимо для собирателя, работающего в одиночку, без помощи технических средств (и без установки на *полную фонетическую* точность, которой старался придерживаться А. Д. Григорьев). А. М. Астахова почти не прибегала к опущению повторяющихся эпизодов и формул; регулятором полноты ее полевых записей была только возможность поспевать за речью сказителя при максимальном напряжении собирателя. Нередко А. М. Астахова работала с исполнителями двукратно: сначала записывала былинку со слов, а затем просила спеть ее и в произведенной только что записи фиксировала отличия пропетого варианта от сказанного.

Записи велись в тетрадях карандашом; в таких же тетрадях чернилами были позднее выполнены беловые копии, текст которых раскрывает сокращения полевых записей.⁵ В тех случаях, когда запись производилась в два приема, полевая рукопись содержит два слоя текста, отображающие иногда двукратное пение, но, как правило, сначала сказывание, потом пение. Сказанный вариант, если он был записан под диктовку исполнителя, имеет немного сокращений: главным образом это обозначение числительных цифрами, повторов — прочерками; сокращения собственных имен, применяемые, как правило, только после полного написания имени при его первом упоминании. Во время пения собирательница отмечала (обычно другим карандашом) между строк и на поле отличия спетого варианта. При значительном расхождении нескольких строк подряд или при дополнении текста рядом стихов фиксация таких фрагментов спетого варианта выносилась в конец записи со знаками отсылок в первоначальном тексте.

В белой рукописи А. М. Астахова сводила воедино два варианта, не смешивая их. Скобками разных видов выделялись части текста, присутствовавшие только в спетом варианте или только в сказанном. Если имелось разноречие, А. М. Астахова писала в строке чтение сказанного

³ В частности потому, что в представлениях фольклористов (и, пожалуй, не только фольклористов) образ Астаховой-собирателя как бы отождествлен с образом Астаховой — издатели своих записей. Неоспоримые заслуги собирателя как бы исключают даже предположение, что превосходное по своему научному аппарату издание может иметь изъяны в способах передачи текстов. Уверенность, что «Былины Севера» безупречны по точности воспроизведения записей, чрезвычайно устойчива и повторяется в печати даже после того, как Т. Г. Иванова привела примеры текстовых изменений, внесенных в это издание (Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии // Русская литература. 1982. № 1. С. 144—146). Г. Г. Шаповалова пишет: «А. М. Астахова в высшей степени бережно относилась к подлинному тексту, полностью отклоняла любые привнесения и изменения со стороны собирателя или публикатора. Эта ее установка, ее принципы работы над текстами былин блистательно оправдали себя в двухтомнике „Былины Севера“» (Шаповалова Г. Г. Анна Михайловна Астахова // Русский фольклор. Л., 1987. Т. 24. С. 206).

⁴ Им же подготовлены и отрецензированы 63 варианта от 15 исполнителей (см. примеч. 18). После редакторской работы автора этой статьи материал приводимых ниже примеров слыхен им повторно.

⁵ Две записи осуществлены не самой А. М. Астаховой, а И. М. Левиной. Сохранилась одна из этих двух полевых записей (на листах, а не в тетради). Вторая есть только в белой копии А. М. Астаховой.

варианта, а над строкой — спетого, обозначая эти чтения теми же видами скобок. Например:

- (А) ехал [Ильюша] по чисту́ полю
 (А) по тому (де) раздольицу широкому,
 (А) наехал (ле) [Ильюша] на росстаньюшки.
 (А) [на те росстаньюшки] широки [е]
 (А) подписана доска (ли) ест исподрезана.
 (А поставлены буквы да позолочены)
 [Золотыми буквами поставлена].⁶

В круглых скобках — все, что присутствовало только в спетом варианте, в квадратных скобках — отличия сказанного варианта.

В архиве А. М. Астаховой не обнаружены рукописные оригиналы уже подготовленных ею к изданию былин. Это был самостоятельный этап работы, ибо оформление текстов в издании существенно отличается от оформления их в беловых копиях. Вместе с тем сопоставление с изданием доказало, что именно эти копии служили исходным материалом для последующей работы по подготовке текстов к печати. А. М. Астахова, по-видимому, дополнительно сверялась с полевой записью только изредка — если у нее возникали сомнения в правильности отдельных мест беловой копии.

Издание дает в принципе всегда спетый вариант. Но нет ни одного случая, где бы этот принцип оказался повсюду выдержан. В спетые варианты оказались введены (как правило, без оговорок) строки из вариантов сказанных, что дает, в сущности, «сводные» тексты, далеко не во всем совпадающие с реально звучавшими. При этом есть и текстовые отступления от обоих вариантов. Есть примечания, вводящие читателей в заблуждение относительно вариантов одной былины; само наличие двух записей, послуживших материалом для одного опубликованного текста, в комментариях к нему далеко не всегда оговаривается.

Независимо от опечаток и неточностей, появившихся по недосмотру, издание содержит довольно многочисленные редакционные поправки, как бы «улучшающие» былинные тексты, — в противоречии с тем, что было документировано полевыми записями.

Необходимо продемонстрировать сказанное на конкретных примерах, охарактеризовав типы изменений, одни из которых вносились при самой публикации, другие — на стадии оформления предшествовавших изданию беловых копий. Осуществленные А. М. Астаховой с большим тактом превосходного знатока былинного материала, эти изменения не могли быть выявлены без обращения к ее рукописям.

Публикуя спетый вариант, А. М. Астахова иногда приводила в подстрочных примечаниях отличия варианта сказанного. Но большинство таких отличий, если даже иметь в виду не менее важные расхождения, чем оговоренные публикатором, осталось не упомянуто. При этом трудно выявить какую-либо систему отбора. Например, в тексте № 11 («Подсокольник») разноречия сказанного варианта приведены только в трех случаях, не оговорены другие столь же существенные отличия. Так, после строки 164

Да уж ты мелкий лес да между ног пусти —

в сказанном варианте следовало дополнительно:

Догоняй поганого Сокольника
 До того до города до Клева.

⁶ РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 14, ед. хр. 13, л. 18. Дальнейшие ссылки даются в тексте, причем одинаковый номер разряда опускается, а остальные данные приводятся сокращенно.

Вместо строк 308—310

Замахнулся стар да во первой нахóн —
В плечю рука да устояласи.
Он стал его допразнивать —

в сказанном варианте была одна строка:

Сам говорит да таково слово.

После строки 366

Забежал тут Сокольник во белой шатёр —

в сказанном варианте следовало:

Как других богатырей не случилось
А спал-то стар да во белом шатре.

После строк 368—369

Да был у старого на груди чудён ведь крест,
Да не мал, не велик — полтора пудá —

в сказанном варианте следовало:

Не мог он проткнуть тот крест.

(Ср.: к. 5, п. 14, ед. хр. 3, л. 10, 17 об., 20 об.; там же, ед. хр. 7, л. 13, 17, 18 об.—19).

Есть и десятки менее существенных отличий сказанного варианта, ни одно из которых в издании не упоминается. Аналогично обстоит дело во всех других текстах, записанных дважды.

При напевном исполнении некоторые стихи не пелись, а сказывались. А. М. Астахова отмечала это на полях полевой тетради, оговаривала в сносках белой рукописи, а затем — в сносках издания. Но большая часть подобных указаний полевой записи в издании не отразилась. Например, напечатанный на с. 193 стих 250 был не спет, а сказан; примечание об этом есть в белой рукописи, оно восходит к соответствующей пометке рукописи полевой. Но в издании такое примечание отсутствует (ср.: к. 5, п. 14, ед. хр. 3, л. 44 об.; там же, ед. хр. 7, л. 31 об.). Подобных примеров можно привести много.

А. М. Астахова в очень редких случаях оговаривала включение ею отдельных строк сказанного варианта в текст варианта спетого. Как правило, это делалось без оговорок. Например, в былине № 14 («Про Василия Буслаевича») стих 201 издания — «Ударились с Викулой о велик заклад» — был только в сказанном варианте. При песенном исполнении М. Г. Антонов этот стих опустил, что было отмечено А. М. Астаховой в полевой записи (к. 5, п. 14, ед. хр. 3, л. 42) но не зафиксировано в рукописи перебеленной (к. 5, п. 14, ед. хр. 7, л. 30), и в издании, осуществленном по спетому варианту и включившем, однако, этот стих, никак не обозначено.⁷

В былине М. Г. Антонова «Подсокольник» (№ 11) опубликованный по спетому варианту текст содержит введенные без оговорок из сказанного варианта стих 4:

Да как в том шатре новом белополотненном —

⁷ Отсутствующий при пении стих имел окружение в виде комплекса стихов, повторявшегося в былине не раз и содержавшего в других случаях этот стих при пении. Как можно думать, данное обстоятельство и побудило собирательницу «восстановить» его здесь. Однако опущение стиха исполнителем необязательно считать его обмолвкой. Текст был вполне осмыслен при исполнении без этого стиха. Ср. по изданию стихи 200, 202 и 203:

Да тут то с Викулой он оспоровал
Не о сти рублей да не о тысеце,
О своих о буйныи поньце головах. . .

и стих 155:

Сам коню да приговариват.

Отсутствие этих стихов в спетом варианте было указано собирательницей и в полевой записи, и в белой рукописи (к. 5, п. 14, ед. хр. 3, л. 3 об. и 10; ед. хр. 7, л. 7 и 12 об.).

В тексте № 11 проявилась и другая особенность издания. Добавлена без оговорки половина строки, отсутствовавшая здесь в записи не только спетого варианта, но и сказанного. Приведем это место для сравнения. Сказанный вариант (к. 5, п. 14, ед. хр. 3, л. 9 об.; там же, ед. хр. 7, л. 12 об.):

А не видели побежки лошадиныя, поездки боґатырския;

спетый вариант (там же):

Да как не видели побежки лошадиныя, поездки боґатырския;

издание (стихи 152 и 153):

Да как не видали побежки лошадиныя,
А не видали поездки боґатырския.⁸

В былине № 30 («Дюк Степанович»), напечатанной по спетому варианту, из сказанного без оговорок вставлены строки 9, 28, 44 и первая фраза прозаического фрагмента после стиха 52, помимо этого, внесено несколько малосущественных разноречий (ср. полевую запись: к. 5, п. 14, ед. хр. 4, л. 43 об.—46). В данном случае смешение двух вариантов началось уже при оформлении белой рукописи. В ней не было отмечено скобками, что стих 9 и фраза после стиха 52 в спетом варианте отсутствовали (там же, ед. хр. 8, л. 21—22 об.). Нет здесь и некоторых других отметок, которые должны были в соответствии с принятой А. М. Астаховой системой фиксировать присутствие не только строк, но и отдельных слов лишь в сказанном варианте. Эта рукопись имеет ряд карандашных помет, содержащих как бы наметки изменений, внесенных в текст при издании (которому, однако, как видно, предшествовала и еще некоторая правка).

Былина № 43 («Про ласкова князя Владимира») дает мозаику чтений двух пропетых вариантов (ибо исполнитель не мог передать былину сказыванием). В данном случае полностью было зафиксировано только первое исполнение (к. 5, п. 14, ед. хр. 5, л. 60 об.—81 об.). При повторном исполнении, имевшем порой существенные расхождения не только целых строк, но более крупных частей текста, собирательница смогла полностью зафиксировать небольшие текстовые отличия, а более крупные — часто не успевала (исполнитель пел быстро). В таких случаях А. М. Астахова делала пометы общего характера на поле: «иначе пропел», «иначе», «все иначе» (л. 63 об., 66, 67, 68, 79). В белой рукописи такие места даны по первому варианту, остальной текст — по второму. То же сделано (без оговорок) в издании. Но при этом есть отступления от текста зафиксированных частей второго варианта, а есть и отступления от обоих вариантов.

После стиха 19 (по нумерации стихов в издании) сказитель при втором исполнении пропел стих 21, затем дважды стих 20, потом второй раз стих 21 (см. л. 61 об.). Эти повторы переданы и белой рукописью (к. 6, п. 8, ед. хр. 4, л. 60). В издании они оказались сняты, а сама последовательность стихов 20 и 21 здесь не соответствует ни первому исполнению, ни второму. Совпадавшие при обоих исполнениях или записанные при фиксации второго исполнения строки и части строк в издании иногда имеют иной порядок слов, чем в полевой тетради и белой рукописи.

⁸ Решение дополнить текст созрело уже после оформления белой рукописи, так как в ней оно не отразилось. Но в карандашной полевой записи позднее чернилами под словами «а не видали» сделан прочерк и на поле против этого места чернилами поставлен знак вопроса.

При этом как бы «улучшена» ритмика текста. Таковы стихи 110, 127, 260, 274, 275.⁹

Правка записанного текста, пмеючая довольно ясную цель опубликовать его в «улучшенном» виде, видна и в былине № 44. Ее полевая запись, выполненная И. М. Левпной, не сохранилась, но есть беловая копия А. М. Астаховой (к. 5, п. 14, ед. хр. 11, л. 1—6 об.). Здесь строка 143 в спетом варианте, по которому печатался текст, содержала обмолвку сказителя при передаче диалога Ильи Муромца с князем: на месте обращения «Владимер князь стольно-киевской», прозвучавшего в сказанном варианте, при пении ошибочно сказались слова «старый-старенькой» (л. 4 об.). При издании А. М. Астахова без оговорок опустила их и ввела чтение сказанного варианта в текст варианта спетого. Без оговорок добавлена из сказанного варианта в другом месте целая строка (в издании — стих 134), хотя мотивы этого добавления менее очевидны: текст был вполне осмыслен и без вставленного стиха.¹⁰

Аналогичная правка — в следующей былине № 45 («Дунай»). Текст напечатан по спетому варианту, но из сказанного добавлены без оговорок стихи 30 и 31, хотя не только в полевой записи, но и в беловой копии ясно отмечено их отсутствие в спетом варианте (текст которого, впрочем, осмыслен и без них). Некоторые мелкие «улучшения» опубликованного текста были внесены уже на стадии оформления беловой рукописи: в стихе 14 добавлено «да», в стихе 71 добавлено «тут» и т. п. Согласно полевой записи, этих слов не было ни в сказанном варианте, ни в спетом. Нельзя объяснить такие отличия предположением, что, перебеливая текст, собирательница восполнила по памяти пропущенное ею в момент записывания. Полевая запись и в данном случае была выполнена И. М. Левиной (эта запись сохранилась), а беловая рукопись принадлежит А. М. Астаховой. Она уехала из Нисогор к тому времени, когда туда прибыл А. И. Палкин, работать с которым была оставлена И. М. Левина (к. 5, п. 4, ед. хр. 10^a, л. 1—9 — полевая запись; ед. хр. 10, л. 2 § 10 — беловая копия).¹¹

⁹ В записи было в отличие от издания: «розбудить не можот» (ст. 110), «опять лёг» (ст. 127), «колоколы завонили» (ст. 260), «себе невесту» (ст. 274 и 275).

¹⁰ При публикации этого текста, переданного в основном по спетому варианту, почти не попали в издание отмеченные А. М. Астаховой как черта, особенно характерная для исполнительской манеры А. И. Палкина, вставки гласных звуков при пении. В беловой рукописи А. М. Астахова отметила эти вставки круглыми скобками — так же, как и все другие отличия спетого варианта, но при подготовке текста издания другие отличия были в него внесены, а упомянутые вставки в большинстве случаев опущены (иногда вместо вставного гласного при этом оказалось помещен вставной «ь»); но в случаях, когда такой гласный вставлялся между словами, он иногда сохранен. Вот два примера (сначала дается строка по беловой рукописи, а затем та же строка по изданию).

Ст. 48: И заходил(и) он во с(и)ветлу гриднюш(и)ку
И заходил и он во сьветлу гриднюшку.

Ст. 162: (Де) [и] 40 же боцёк (да) пива п(ы)ян(ы)го
Де сорок же боцёк да пива пьяного.

Последовательного опущения таких вставок, как видим, нет. Нет и последовательной передачи (даже в этих только случаях) чтений сказанного варианта. Налицо как бы усреднение двух вариантов, имеющее, по-видимому, целью «улучшить» спетый вариант: частично с помощью замены его чтений чтениями варианта сказанного, частично путем «исправления» его чтений — иногда «с учетом» сказанного варианта.

¹¹ Так же, как при публикации предыдущего текста, здесь были сняты характерные для этого исполнителя вставные гласные. Во втором томе помещена статья А. М. Астаховой «Некоторые наблюдения в области исполнения былин», где, в частности, рассматривается эта особенность исполнительской манеры А. И. Палкина. А. М. Астахова привела здесь, по ее словам, «все случаи вставок, которые удалось уловить в текстах А. И. Палкина» (Былины Севера. Т. 2. С. 686); далее приводятся полностью те строки, которые содержат вставки. Однако фактически многие из этих вставок оказались пропущены. Так, при воспроизведении (на с. 687) цитированного мною выше стиха 48 пропущено вставное «и» после «заходил» (хотя оно напечатано в первом томе при издании этого текста). Как сообщила А. М. Астахова (Былины Севера. Т. 1. С. 307), ей не удалось повидать А. И. Палкина, следовательно, суждения

Разносторонний пример существенных изменений, которые претерпевали тексты полевых записей при монтаже двух вариантов, дает былина № 27 («Дунай»).

Исполнитель начал ее сразу спел (стихи 1—27), а остальную часть сначала пересказал, затем спел. В издании этот дважды исполненный текст — строки 28—120 (119),¹² данные в основном по спетому варианту, — имеет более двух десятков крупных и мелких привнесений из сказанного варианта. В частности, из него вставлены полностью стихи 32, 35, 37, 51, 52, 57, 63, 75 (74), 78 (77), 91 (90), 100 (99), 106 (105) и большая часть стиха 62. Соответствующие части спетого варианта опущены (ср. полевую запись — к. 5, п. 14, ед. хр. 5, л. 12 об.—20). В данном случае текстовый монтаж был произведен уже в белой рукописи (к. 6, п. 8, ед. хр. 4, л. 38 об.—42 об.).

Только одно из привнесений оговорено — к строке 100 (99) дано примечание: «При пении этот стих пропущен». Читателю приходится думать, что все остальное передает в точности спетый вариант. Такое впечатление укрепляют примечания к стихам 53, 95 (94) и 104 (103), где сообщены отличия этих строк в сказанном варианте. Читатель принужден думать, что во всем остальном сказанный вариант не имел существенных расхождений со спетым вариантом. На самом деле в сказанном варианте совсем иное содержание было у стихов 34, 59 и 60, там вовсе отсутствовали стихи 29, 42, 43, 71 (70), 82 (81), 83 (82), 92 (91), 94 (93) и 118 (117), не считая нескольких десятков менее существенных текстовых различий.

Издание этой былины имеет изъяны и в передаче важных примечаний, сделанных собирательницей при записывании. Сказитель, плохо помнивший былинку, по-видимому, забыл имя ее главного героя, А. М. Астахова помогла ему вспомнить. В полевой записи сказанного варианта (л. 15 об.) это было отмечено. Стихи 46—48 там записаны так:

Уж бы сватом-то послать да Илью Муромца,
А второго-то послать Д<обрын>юшку Микфитица,
А третьего-то послать (я подсказала) Дуна я

сына Ивановича.

В белой рукописи (л. 39 об.) есть слова в скобках «я подсказала», позднее они зачеркнуты карандашом. В издании эти слова опущены, а к последнему слову содержавшей их строки дана такая сноска: «Дальше, сказал, хорошо не помнит» (с. 237). В полевой записи и белой рукописи подобного рода примечание относилось не к этому месту текста; оно было там на 20 строк ранее — в сноске к стиху 28, после которого началось двукратное исполнение. В издании примечание не только попало не на свое место, но и заметно изменило смысл.

В полевой записи после стиха 28 была помета: «Дальше не помнит. Стал говорить» (л. 14 об.). В белой рукописи она развернута: «Дальше сказал, что не помнит хорошо. Стал говорить. До сих пор пел» (л. 39). В издании перенесена только первая фраза, прекращение пения не оговорено.

У читателя, таким образом, создается ряд ошибочных представлений: будто вся былина была спета; будто сказанный ее вариант имел только в четырех строках отличия от спетого; будто спетый вариант напечатан полностью; будто в него добавлена лишь одна строка из сказанного варианта.

о его исполнительской манере основаны только на интерпретации записей и, вероятно, личных впечатлений И. М. Левиной.

¹² При публикации этой былины в нумерацию на поле каждой пятой строки вкралась ошибка: между № 60 и 65 не 5 строк, а 6, соответственно каждый последующий номер стоит на одну строку ниже, чем следовало. Здесь и далее указываются фактические номера строк, а в скобках — номера их по изданию.

Следует, однако, упомянуть, что в беловой рукописи содержалось несколько примечаний, не перенесенных в издание: были отмечены пропуски при пении стихов 51, 52, 78 (77), 106 (105), отличия в сказанном варианте стихов 49, 62, 63. Таким образом, некоторая часть (правда, сравнительно небольшая) текстовых операций, выполнявшихся при монтаже двух вариантов, первоначально оговаривалась девятью примечаниями беловой рукописи. Из них в издание перешли только четыре.

Бывали случаи, когда спетый и сказанный варианты, помимо текстуальных расхождений, существенно различались по полноте: передав былинку полностью без напева, исполнитель при повторном исполнении — напевном — уставал и обрывал пение задолго до окончания текста. В подобных случаях А. М. Астахова присоединяла к спетому варианту окончание варианта сказанного. При этом делалось примечание, что с такого-то места исполнитель не пел, а сказывал, из чего у читателя следует ошибочный вывод, будто перед ним фиксация одного акта исполнения, бывшего не до конца напевным, тогда как в действительности напечатана контаминация частей двух одновременных текстов. Это вполне отчетливо видно при сопоставлении с полевыми и перебеленными рукописями. Например, в изданном тексте № 1 («Илья Муромец и Соловей Разбойник») к спетому варианту добавлены 28 строк сказанного варианта (ср.: к. 5, п. 14, ед. хр. 1, л. 64—66; там же, ед. хр. 13, л. 24—25).

Подобным же образом она поступила с двухчастной былинкой № 14 («Про Василия Буслаевича»). Но здесь в спетом варианте отсутствовало не окончание, сравнительно небольшое по протяженности, а большая часть второго сюжета (стихи 462—673). На этом примере хорошо видны как процесс записывания, так и процесс изменения записанного текста на пути к изданию.

Сначала М. Г. Антонов продиктовал собирательнице две былины о Василии Буслаеве, одну за другой. Этот вариант занесен в полевою тетрадь мягким карандашом (к. 5, п. 14, ед. хр. 3, л. 32 об.—66 об.). Когда Антонов стал петь, отличия от сказанного текста А. М. Астахова отмечала поверх прежней записи более твердым карандашом другого оттенка. Эти пометы идут до листа 55 об., где после строки сказанного варианта «Волхов реку проехали» (которая отмечена как отсутствовавшая в спетом варианте и замененная в нем словами «пшли рекой Вслховой»), тем же твердым карандашом проведена косая черта и рядом с ней написано: «дальше уже не пел, устал». На этом прекращаются пометы: далее в полевой записи никаких различий между двумя вариантами не зафиксировано. Следовательно, Антонов, прекратив пение, дальнейший текст повторно не сказывал: на протяжении 211 стихотворных строк и нескольких прозаических два исполнения былины не могли совпадать текстуально.

В беловой рукописи, как обычно, различия двух вариантов обозначены с помощью круглых и прямых скобок. Этим способом отмечено, что строка «Пошли рекой Волховой» была только в спетом варианте, а следующая строка «Волхов реку проехали» была только в варианте сказанном. Между ней и следующей строкой поставлен знак сноски. Сама же сноска внизу страницы беловой рукописи имеет несколько иной текст, чем приведенная мной выше помета полевой записи: «Отсюда не пел, только сказывал. Устал петь» (к. 5, п. 14, ед. хр. 7, л. 38). Такое примечание можно понять двояко, но, скорее, в том смысле, что после прекращения пения продолжалось исполнение сказыванием.

При подготовке издания примечание было еще несколько изменено: «Отсюда не пел, только сказывал, так как устал петь» (с. 198). Здесь может быть уже лишь одно толкование: устав петь, Антонов предложил исполнение былины сказыванием.¹³ Читатель оказывается в заблуждении.

¹³ Вероятно, по недосмотру произошла также некоторая путаница при передаче относящегося к этой сноске фрагмента самого былинного текста. Строка «Волхов реку

Тем более что в комментарии к этой былине речь идет только об одном варианте, об одном тексте объемом 680 стихов.

Большинство былин А. М. Астахова записала по однократному исполнению. В этих случаях возможность текстового монтажа, продиктованного стремлением напечатать записанное в «лучшем» виде, ограничивались наличием звукозаписей на фонограф, выполненных Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд и фиксировавших сравнительно небольшие начальные фрагменты ряда былин. Все такие возможности в издании использованы. Но и помимо этого нет ни одной былины, которая была бы опубликована без отступлений от записанного текста.

Например, в былине № 12 («Про татарское нашествие») более тридцати случаев несоответствия издания полевой записи (ср.: к. 5, п. 14, ед. хр. 3, л. 77 об.—91 об.; беловая рукопись: там же, ед. хр. 7, л. 50 об.—57 об.). Из них первые 13 обусловлены тем, что начало записи выправлено по фонограмме. Это оговорено, но не оговорено, что фонограмма фиксировала другой акт исполнения; замененные чтения основного варианта не соотносятся. Большинство остальных поправок представляет собой добавления частицы «да» в начале некоторых стихов. Нельзя объяснить эту правку предположением, что «да» в начале стиха опускалось в момент записывания, а затем проставлялось по памяти. В начале стихов 62, 82 и 89 эта частица есть в полевой тетради, а в начале стихов 13, 17, 25, 34, 40, 41, 50, 160, 181 и 183 она добавлена в издании — при том, что в этих случаях «да» отсутствовало не только в полевой тетради, но и в беловой рукописи А. М. Астаховой. Есть также изменения отдельных букв, подчас трудно объяснимые.¹⁴

Но существуют и иного рода отличия от полевой записи, влияющие на передачу содержания. В беловой рукописи и в издании по-разному сокращены недописанные в полевой тетради части прозаического фрагмента между стихами 171 и 172. Беловая рукопись: «. . . Тут был Олёша Попович, Самсон Колыбанович. Когда двенадцать день прошли. . .». Издание: «. . . Тут был Олёша Попович, Самсон Колыбанович, братья суздальцы. . .». В полевой тетради сначала были сокращенно зафиксированы слова о суздальцах (опущенные в беловой копии), а затем — слова о 12 днях (опущенные в издании). Полного отображения полевой записи нет, таким образом, ни в одной из двух ее расшифровок (ср.: к. 5, п. 14, ед. хр. 3, л. 85 об.—86; там же, ед. хр. 7, л. 55; издание, с. 178).¹⁵

Замена начальных строк записанного от руки текста расшифровкой фонограммы, отобразившей иной вариант, порой еще менее правомерна,

проехали» попала в издание между строками 462 и 463 как ремарка исполнителя, а знак сноски, сообщившей о прекращении пения, ошибочно проставлен здесь после следующей строки «Вышли в море Вирянское», относительно которой из полевой рукописи ясно, что она не была пропета. Видимо, эта неточность издания произошла вследствие того, что в беловой рукописи знак сноски сначала был проставлен после окончания предыдущей строки, а потом зачеркнут и проставлен между двумя строками, но близко к окончанию следующей строки; при использовании для издания беловой рукописи (без обращения к полевой записи) этот знак был ошибочно воспринят как относящийся к окончанию следующей строки.

¹⁴ Так, в стихе 13 — «Отцу-матушки да на пропитанье» — нет отличий издания от записи, а в стихе 17 — «Отцу-матушки да на воспитанье» — в последнем слове «и» вместо «ь» изменяет число слогов; в записи читается «воспитанье». В стихе 151 текст издания — «Ты уж думу думай не со мною, а с боярами» — содержит два изменения, переводящие народную речь в литературную: в записи было «не со мной, а со боярами». Есть и другие поправки подобного рода: например, «педесят» превратилось в «петь-десят», «в чистом полю» стало «во чистом полю», — иногда, как видим, эти поправки также меняют число слогов.

¹⁵ Аналогична во многом передача былины № 29 («Иван Годянович»). Начало ее издано по фонограмме, фиксировавшей другой акт исполнения. Но и помимо этого есть изменения текста, есть пропуски, возникшие, возможно, по недосмотру. Так, в стихе 20 слова полевой записи и беловой копии «позволь мне да жонитисе» переданы в издании «позволь да женитисе». Подобных текстовых отклонений здесь более десятка (ср.: к. 5, п. 14, ед. хр. 4, л. 50—59 об.; там же, ед. хр. 8, л. 24 об.—28).

чем неоговоренный монтаж двух записей от руки. Такова былина № 41 («Во стольнем во городе во Кieve»). В данном случае вариант, записанный от руки, был исполнен одним сказителем, а вариант, записанный на фонограф, — двумя. Протяженность его — 11 стихов; содержанию их соответствуют только 6 строк в варианте одного исполнителя, о чем в издании не сообщается. Аналогично обстоит дело с началом былины № 13 («Поездки Ильи Муромца»), где первые 10 строк варианта, записанного от руки, заменены 19 строками варианта, записанного на фонограф. В подобных случаях монтаж двух вариантов отличается от монтажа по «двуслойной» записи в сущности только компактностью привнесения, сравнительно небольшого по общей своей протяженности (что было обусловлено техническими возможностями записи на фонограф).

Происхождение не связанных с фонограммами текстовых отступлений издания от полевой записи, как мы уже видели, различно. В одних случаях они появились только в самом издании, в других — уже в белой рукописи. Так, в тексте № 35 только издание содержит в конце стиха 56 пропуск слов «Василиста Микуличня», а в стихе 123 пропущено слово «сын», в прозаической строке после стиха 133 (по фактическому счету это стих 134, так как в постановке номеров есть ошибка) пропущено «как», в стихе 29 пропущено «да». Всех этих пропусков не было в белой рукописи (ср.: к. 5, п. 14, ед. хр. 4, л. 87 об.—98 — полевая запись; ед. хр. 13, л. 131 об.—136 — белая копия).

В тексте № 33 среди двух десятков отклонений в издании от полевой записи есть пропуски слов, читавшихся не только в полевой, но и в белой рукописи: «он» (ст. 100), «день» (ст. 105), «то» (ст. 135), «да в путь» (ст. 150); однако предлог «со» в стихе 3 был пропущен уже при оформлении белой рукописи; уже на этом этапе вместо слова «спят» (в прозе между стихами 170 и 171) появилось «сидят», что также перешло в издание. Это нельзя считать сознательным изменением, так как по общему смыслу текста должно быть именно «спят» (к. 5, п. 14, ед. хр. 4, л. 98 об.—112 — полевая запись; к. 6, п. 8, ед. хр. 4, л. 24—30 — белая копия). Аналогичному недосмотру обязана, очевидно, своим происхождением ошибка в прозаической части текста № 47 (с. 331 издания): фраза без сказуемого «Конь на бкарачь» была уже в белой рукописи (к. 5, п. 14, ед. хр. 9, л. 8 об.), тогда как в полевой тетради записано «Конь пал бкарачь» (ед. хр. 6, л. 14 об.).

Однако в некоторых случаях гораздо более вероятно сознательное опущение или изменение. Так, в тексте № 40 между стихами 97 и 98 и в полевой записи, и в белой рукописи (к. 5, п. 14, ед. хр. 6, л. 74; там же, ед. хр. 9, л. 31 об.) есть ремарка исполнителя:

Выскакивал Илеюшко тогда на резвы ноги
 (верно пресвета богородица ему силу прибавля)
 И клал он Сокольника добросовестно на сыру землб.

В издании ремарка опущена, хотя все другие сказительские ремарки этой былины сохранены.

В той же былине есть пропуск, перешедший в издание из белой рукописи. В начальном прозаическом фрагменте 4-я строка издания в полевой записи содержала такой текст: «Вот, — говорит, — если ты беременна, если родится дочь. . .» (к. 5, п. 14, ед. хр. 6, л. 66 об.). В белой рукописи слова «если ты беременна» отсутствуют (ед. хр. 9, л. 27), нет их и в издании.

В уже цитированном тексте № 33 стих 87 в полевой записи содержал слово, переданное сокращенно: «прав-ую»; такой способ сокращения применялся А. М. Астаховой в ее полевых записях при фиксации былины с пения повсеместно, в белой рукописи все сокращенные этим способом слова написаны полностью, с добавлением опущенных в середине букв. В данном случае раскрытие сокращения из контекста, казалось бы, доста-

точно ясно: «за веру православную». Однако обозначенные в полевой записи прочерком буквы оказались ничем не восполнены в белой рукописи: здесь читается «правую» — так же и в издании.

В тексте № 34 при издании между стихами 248 и 249 оказалась пропущена строка полевой записи «Прибегал тут Дунай да сын Иванович», которая есть и в белой копии (ср.: к. 5, п. 14, ед. хр.: 4, л. 86 об.; ед. хр. 13, л. 131). Вероятно, перед нами сознательное опущение, вызванное стремлением «улучшить» текст, ибо слова эти (с небольшими отличиями) повторяются чуть ниже в стихе 250.

К сознательным изменениям следует отнести и разного рода мелкие текстовые «улучшения».¹⁶

Иногда белая рукопись отображает самый процесс внесения изменений собирательницей. В тексте № 34 (к. 5, п. 14, ед. хр. 4, л. 70 об. — 87 об.; там же, ед. хр. 13, л. 123—131) начало стиха 20 в полевой записи читается ясно: «И-за то же столику»; в белой рукописи около «и» над строкой проставлен знак вопроса, позже другими чернилами подставлено «з»; в издании напечатано «Из-за». Вместо «то» в белой рукописи читается «то(го)», причем над вторым слогом проставлен знак вопроса, позже зачеркнутый другими чернилами; в издании напечатано «тоho».¹⁷

Не уклоняясь далее в частности, вернемся к сказанному вначале.

Достаточно ясно, что публикация записей А. М. Астаховой, выполненная ею самой, не отвечает современному пониманию эдиционных принципов базового академического издания фольклорных текстов, которое является вполне надежным материалом для их исследования и дальнейших воспроизведений в антологиях. Не может стоять вопрос о более или менее усовершенствованном переиздании этих записей на основе печатного текста «Былин Севера». Необходимо каждую запись заново публиковать по рукописям, беря за основу текст полевых тетрадей, а белые копии и существующее издание использовать как вспомогательный материал.

¹⁶ Так, текст № 40 содержит перестановку слова в третьей прозаической строке после стиха 49. В полевой рукописи было: «Вы, говорит, Добрыня Микитичь, мне не нужны» (к. 5, п. 14, ед. хр. 6, л. 70 об.); при оформлении белой рукописи слово «мне» передвинуто вперед и следует за словом «говорит», очевидно, — для исключения иного смысла, возможного при игнорировании читателем запятой после «говорит» (к. 5, п. 14, ед. хр. 9, л. 29 об.). Другим «улучшением» того же текста является изменение слова в стихе 36. В издании читается: «сподоблялся скоретово», тогда как в полевой записи было «снарежался скоретово» (в белой рукописи пропущено). По-видимому, цель изменения — привести текст к единообразию, ибо в начале его (стихи 1—2) аналогичная формула давала в этом месте чтение «сподоблялся» (а выше — «снарежался»). Подобного рода изменения есть и в других случаях. Например, в тексте № 35 в стихах 114 и 115 полевая запись вполне четко фиксировала различное окончание слов: «понаведу» и «поразведу». Белая рукопись и издание дают в обоих случаях одинаковое. Иногда, напротив, возникали позднейшие разночтения при одинаковом написании в полевой записи. Стихи 77 и 85 этого же текста содержали слово «прежного». Так оно читается и в белой рукописи, но издание в стихе 77 дает чтение «прежнего». В данном случае мы, возможно, имеем дело с опечаткой, явившейся результатом «исправления» текста наборщиком; то же — в стихе 12: полевая запись и белая рукопись дают чтение «женой», издание — «женой». Однако некоторые из подобных «исправлений» оказались уже в белой рукописи этого текста, где, например, в стихе 93 читается «киёвской» вместо «киёвськой» полевой записи.

¹⁷ Иного рода пример дают стихи 147 и 155 того же текста. Имя богатыря Добрынь в них полевая запись давала почти одинаково:

Д-шк Ми-чь блад (ст. 147)

Д-шк М-ч блад (ст. 155).

В первом случае белая рукопись и издание дают такую расшифровку: «Добрынюшка Микитичь блад». Во втором случае белая рукопись давала расшифровку: «Добрынюшка Микитич блад», но последняя буква первого слова была затем исправлена: «Добрынюшко». Мотивом поправки послужила, вероятно, форма «Дунаюшко» в предыдущем стихе, тогда как стиху 147 в аналогичном контексте предшествовала иная форма — «Дунай».

Этим определялась общая специфика работы по подготовке к переизданию мезенских записей А. М. Астаховой. Из приводившихся примеров видно, с какого рода случаями приходилось в основном сталкиваться исполнителям этого труда. В ходе его предлагались и отработывались на практике текстологические принципы и приемы, которые в дальнейшем могут быть использованы при сходных текстологических ситуациях.¹⁸

Один из принципов состоял в том, что новое издание, не повторяя недочеты прежнего, должно, однако, следовать, насколько это возможно, той системе фиксации текста, какая применена самой собирательницей в ее полевых записях, в частности — следовать ее системе передачи диалектных особенностей фонетики.¹⁹ Необходимо было с максимальным вниманием отнестись к тому, что писала А. М. Астахова, характеризуя систему записывания и воспроизведения материала. Привожу наиболее важные в этом отношении фрагменты ее предисловия.

«В печатаемых текстах составитель в точности сохраняет все морфологические и основные фонетические особенности речи, отмеченные им во время записи. Но явления ассимиляции согласных и переход звонкого в глухой на конце слова < . . . > обозначаются привычной орфографией. Твердое произношение *ж* или *ш* и мягкое *ч* особыми начертаниями отмечаются лишь в тех случаях, где эта твердость или мягкость усилена сравнительно с литературной речью, напр., *Ивановичъ* рядом с *Иванович* (обычное произношение) или *дѣржѣтъ* рядом с *дѣржит*.

Все колебания произношения в пределах одного и того же произношения в таких, напр., случаях, как окончания глаголов (*тъся, тса, тсе, тца, тця* и др.) чередование *ч* и *ц* (*Никитич — Никитиц*) и т. п. < . . . > сохраняются в точности.

Буквой *h* обозначается *г* ффрикативное, *ā* — удлинение звука *а* при стяжении (*расхаживѣтъ*), *é* — произношение *е* вместо обычного в данном случае *ѣ*. Апостроф (') обозначает пропуск звука или шепотно-глухое его произношение, ухом не улавливаемое, напр., *вид'ли, С'ловьюшко*. < . . . >

Наблюдаемое у некоторых исполнителей явление вставки гласных звуков (напр., *дѣвбе, дѣбѣрые* молодцы), как правило, не фиксируется, чтобы не усложнять текста, поскольку данное явление — момент специально музыкально-исполнительский < . . . > По тем же основаниям не сохранены и случаи образования дифтонгов (*любѣ'мой, доса'да*), которые особенно характеризуют печорский стиль музыкального исполнения *былин*».²⁰

Из приведенных отрывков видно, что А. М. Астахова не вела последовательно фонетической записи, как это делал, например, А. Д. Григорьев. В ее полевых тетрадях немного случаев фиксации совпадающих с нормами литературной речи оглушений звонких согласных и ассимиляции,²¹ но довольно много других отклонений от современной орфографии — особенно в окончаниях на *ш, ч, ц*, а также и иных случаях, оговоренных (а в некоторой своей части не оговоренных) цитированным предисловием.

¹⁸ А. Н. Мартынова готовила и текстологически комментировала былины № 1—7, 11, 13—25 (в их числе 10 — в двух вариантах); Л. И. Петрова — № 12, 26—30, 32—35, 37—41, 43—47, № 1—4 Приложения и две неизданных (из них 6 — в двух вариантах). Былины, фиксированные дважды, готовились по «двухслонным» полевым записям, представлявшим особые трудности для расшифровки. Вместе с редактором обсуждались принципы и приемы работы.

¹⁹ Считаю приятным долгом поблагодарить за конкретные лингвистические консультации по этим вопросам А. С. Герда, рекомендациями которого мы руководствовались помимо общих предложений, намеченных им ранее совместно с В. В. Колесовым.

²⁰ Былины Севера. Т. 1. С. 4—5.

²¹ Фиксированные последовательно в полевой записи И. М. Левиной, они были сняты в белой копии А. М. Астаховой.

Внимательная и чуткая к нюансам устного слова собирательница улавливала разницу в произношении не только «Никитиц» и «Никитиць» или «до единого» и «воску ярова», но и конечного звука в таких случаях, как «хвастаеш» и «застрелишь» или «Иванович» и «Ивановичь». Твердое «ч» и мягкое «ш» на конце слов — реально существующая «аномалия» живой речи; стремление зафиксировать эту реальность побуждало отходить от привычных орфографических условностей.

Однако при дальнейшей передаче фиксированных фонетических особенностей исполнения есть случаи отхода беловой рукописи и издания от полевой записи. Например, в тексте № 33, в стихе 188 было записано «свещу», а в беловой рукописи и в издании — «свещу», в стихе 202 «вечера» превратилось в «вещера»; в тексте № 34, стихе 92 в полевой тетради было «посвататьце», а в беловой рукописи и в издании читается «посватацьце»; в тексте № 35, в стихе 46 чтение «имуцество» перешло в «имущество».²² Такого рода примеры, впрочем, не являются частыми. Довольно часто А. М. Астахова обозначала в полевой тетради неясность звука, колебавшегося между «ц» и «ч»: писала «ч», а над ним «ц» либо наоборот. В издании же одинаковые обозначения оказались переданы порой по-разному, а разные обозначения — одинаково. Например, в тексте № 33 разные обо-

значения «не пиваючи» и «не едаючи» в стихе 107 изданием унифицированы: «не пиваючи», «не едаючи»; в следующем тексте № 34 такого же рода

разные обозначения переданы тоже одинаково, но иначе: «Ивановиць» (стих 88) и «Ивановичь» (стих 94) в издании унифицированы как «Ивановиць», — при том, что обе былины спеты одним исполнителем и записаны в один день, а приведенные выше двойные обозначения полевой записи были точно скопированы в беловой рукописи.

При подготовке нового издания были сохранены все морфологические и фонетические особенности, отмеченные А. М. Астаховой во время записи, но в отличие от публикации в «Былинах Севера» передача отразивших такие особенности написаний дается всегда в соответствии с полевой рукописью (при ее неясности — с беловой), а двойное обозначение нечеткого звука дается всегда по основному написанию в строке полевой тетради и беловой рукописи («ц» передается всюду «ц», а «ч» — всюду передается «ч»)²³.

Сохраняются все оговоренные А. М. Астаховой ее надстрочные обозначения (но передача фрикативного «г» осуществляется иным образом, чем в «Былинах Севера»). Сохраняется употребление дефиса соответственно тому, как это было оговорено А. М. Астаховой и выполнялось ею практически.

Вставные гласные, о которых специально говорит А. М. Астахова в пирированном предисловии, в мезенских полевых тетрадях ею почти не фиксировались. Они были зафиксированы только И. М. Левиной в двух

²² Есть и случаи достаточно явной позднейшей «диалектизации» текста сравнительно с его полевой записью. Например, в былине № 40 ремарку сказителя между стихами 93 и 94 полевая запись передавала так: «Потянул, розыскивает ножик-то»; в беловой рукописи читается «потенул» вместо «потянул»; в издании это изменение сохранено, но внесено еще второе: «розыскиват» вместо «розыскивает» (к. 5, п. 14, ед. хр. 6, л. 73 об.—74; там же, ед. хр. 9, л. 31). В начале этого же текста слово «сподоблялся» полевой записи читается несколько иначе в беловой рукописи и в издании — «сподоблялсяса» (ед. хр. 6, л. 67 об.; ед. хр. 9, л. 28).

²³ В передаче двух записей И. М. Левиной, которая в отличие от А. М. Астаховой фиксировала последовательно ассимиляции согласных и переход звонкого в глухой (см. выше, примечание 21), сохранены почти все упрощения, какие внесла при публикации ее текстов А. М. Астахова. Это диктовалось стремлением по возможности придерживаться при переиздании текстов собрания А. М. Астаховой ее принципов передачи текста.

записях от сказителя А. И. Палкина. Но у него такой прием исполнения проявился особенно ярко, что было оговорено А. М. Астаховой при характеристике этого сказителя и побудило ее привести отдельно только для текстов А. И. Палкина все строки его былин, содержавшие вставные гласные (Былины Севера. Т. 2. С. 686—688). Таким образом, в издании А. М. Астаховой запись от А. И. Палкина частью опубликованы дважды: первый том содержит соответствующие строки с опущением вставных гласных (недостаточно последовательным), а второй том — с сохранением этих гласных (тоже недостаточно последовательным — см. выше, с. 44). При подготовке нового издания тексты А. И. Палкина воспроизводились с последовательным сохранением вставных гласных, но все они заключены в скобки. Этим обозначено двойственное отношение к ним собирательницы и предоставляется возможность опускать их при цитировании. (Фиксации дифтонгов в мезенских полевых тетрадах почти не встречаются).

Вставные гласные (или так называемые огласовки) порой довольно ясно прослушиваются в звукозаписях мезенских былин. В текстах, печатаемых при нотных расшифровках фонограмм, эти огласовки будут обозначены таким же способом, как и в текстах, записанных от А. И. Палкина.

Знаки ударения сохраняются всюду, где они были проставлены А. М. Астаховой; случаи, когда это сделано в издании при отсутствии такого знака в полевой записи, оговариваются в примечаниях.

Заглавия былин даются соответственно тому, как это было оговорено А. М. Астаховой. По оговоренному ею способу переданы и ремарки исполнителей. Случаи, когда в полевой записи не зафиксирована ремарка, присутствующая в издании А. М. Астаховой, оговариваются в примечаниях, а ремарка сохраняется. По оговоренному А. М. Астаховой способу печатаются прозаические пересказы и прозаические формулы перехода.

Такова соотносительность оговоренных А. М. Астаховой правил передачи текстов с правилами их передачи при новом издании материалов ее мезенского собрания. Отличия от публикации текстов в «Былинах Севера» состоят в следующем.

Каждый текст печатается на основе полевой записи.²⁴ В случаях неясных чтений и очевидных описок соответствующее место печатается по белой копии или по изданию с оговоркой в примечаниях. В примечаниях оговариваются также особенности полевой записи, имеющие значение для понимания и передачи текста. Здесь же печатаются все примечания А. М. Астаховой к своим записям, снабженные указаниями на их принадлежность собирателю.

Сокращения полевой записи (неполно записанные слова, цифровые обозначения числительных, повторы, обозначенные соответствующим образом в рукописи) раскрываются по белой копии и изданию, как правило, без оговорок (но с выделением курсивом слов и букв, для которых возможно иное раскрытие сокращения). Оговариваются в примечаниях случаи расхождения между белой копией и изданием в раскрытии сокращений и случаи, когда раскрытие сокращения полевой записи, осуществленное собирательницей, представляется спорным. Слова, целиком пропущенные из-за недостатка времени в момент записи и восполненные по памяти в белой копии, а также недописанные при записи части слов, восполнение которых в белой копии представляется спорным, заключаются в прямые скобки и снабжаются примечаниями. В тех редких случаях, когда восполнение сокращенно записанного выполнено в нашем издании иначе, чем это было сделано в «Былинах Севера», соответствующие части текста заключаются в угловые скобки, а в примечаниях дается обоснование.

²⁴ Исключение сделано для былины № 44, полевая запись которой, выполненная И. М. Левинной, не сохранилась. Этот текст печатается по белой копии А. М. Астаховой.

Каждая былина, дважды записанная от одного исполнителя, публикуется в корпусе текстов по спетому варианту. Если отличия сказанного варианта невелики, приводятся его разночтения, помещаемые в комментариях. (Разночтения подведены по системе, принятой в публикациях средневековых письменных текстов, соотносятся своими порядковыми номерами с соответствующими местами основного текста былины в корпусе). Здесь же печатается полностью окончание сказанного варианта, если спетый вариант не имеет окончания. В случаях, когда отличия сказанного варианта настолько многочисленны, что пользование громоздкими разночтениями было бы неудобно, сказанный вариант полностью помещается в комментариях.²⁵

Начальные фрагменты былин, записанные на фонограф одновременно с записью этих же былин от руки, представляют собой иные варианты их и поэтому печатаются полностью, в виде нот с подтекстовками.²⁶

В основную нумерацию текстов войдут при двукратной записи только спетые варианты, сказанные обозначаются литерными номерами; при наличии звукозаписи начала былины в основную нумерацию входит полный текст ее, а расшифровка звукозаписи снабжается литерным номером.

Целесообразно при новом издании опираться на результаты максимально внимательного прочтения полевых записей А. М. Астаховой (с полным, но реалпстичным учетом ее последующих собственных расшифровок), воспроизвести каждый былинный вариант с максимальной степенью точности, какая возможна на основе ее рукописей. Материал, вошедший в «Былины Севера» — «наиболее значительное собрание русских былин, записанных в советское время»,²⁷ следует публиковать в том именно виде, в каком он фактически предстал перед собирательницей, в каком был ею услышан, отображен в ее полевых тетрадах.

Таковы принципы, предлагаемые для обсуждения на основе практической работы участников подготовки к переизданию мезенских записей А. М. Астаховой.

---

²⁵ Исключение сделано для текста № 43, записанного сба раза с пения. Эта былина печатается в корпусе по первому варианту, поскольку именно он зафиксирован полностью; второй, неполно записанный вариант отображается только в разночтениях, несмотря на значительность отличий от первого варианта.

²⁶ Эта работа выполняется Ю. И. Марченко.

²⁷ Чистов К. В. Анна Михайловна Астахова // Советская этнография. 1971. № 5. С. 187.

В. И. ЕРЕМИНА, В. И. ЖЕКУЛИНА

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ БЫЛИН

Современный уровень развития фольклористики позволяет приступить в настоящее время к созданию Свода русского фольклора, в том числе — Свода русского былинного эпоса. Предполагается публикация всех вариантов былин, известных по различным изданиям или хранящихся в архивах страны и личных архивах собирателей.

Основная задача издания «Русский былинный эпос» не только собрать воедино огромное количество былин, записанных собирателями в прошлом веке и в наше время, но и дать научно достоверную публикацию текстов, снабдив их примечаниями, содержащими самую разнообразную информацию. Задача эта трудна не только потому, что в поле зрения составителей Свода должна попасть любая записанная былина или ее отрывок, но и потому, что каждый текст должен быть опубликован с учетом требований, предъявляемых к научным изданиям типа Свода и в соответствии с современными эдичионными нормами. Идея Свода, таким образом, выдвигает на первый план практическую текстологию — тщательный анализ текстов, прежде всего ранее опубликованных, с целью максимального их приближения к первоисточнику.

Понятие первоисточник былины (оригинал, основной текст) неоднозначно. В зависимости от методики и условий записи, судьбы коллекции и других причин каждый былинный текст может иметь свой особый первоисточник: полевую запись от руки; магнитофонную запись; текст, переписанный сразу же в поле или какое-то время спустя; опубликованный текст. У былины может быть один первоисточник или несколько, например полевая запись от руки, магнитофонная запись и переписанный текст. Первоисточник может быть полным текстом или ущербным, записанным одним собирателем или несколькими, запечатлевшим пение или сказывание былины.

Как показывает опыт авторов этой статьи, занимавшихся текстологией печорских и пудожских былин для публикации их в издании «Русский былинный эпос», к одним первоисточникам следует относиться с полным доверием, к другим — с долей сомнения.

Так, самые достоверные первоисточники — тексты, записанные на фонографе и магнитофоне. Как правило, меньше сомнений вызывают полевые записи, особенно если они сделаны одновременно несколькими собирателями. Менее авторитетны былинные тексты, дошедшие до нас только в переписанной рукописи. Еще большее недоверие вызывают тексты, известные нам лишь по машинописным копиям или публикациям. Однако ради справедливости заметим, что не ко всем публикациям, которые из-за отсутствия полевой записи приходится считать первоисточниками, следует относиться с сомнением. Если текст опубликован самим собирателем, его можно воспринимать с большей долей доверия. Примером тому могут

служить многие тексты былин, записанные Н. Е. Ончуковым и опубликованные им же в сборнике «Печорские былины» в 1904 г.

Каждый первоисточник былины имеет и свою «внутреннюю» специфику: особые знаки и пометы, которыми пользуется собиратель при записи; его описки и сокращения слов, ошибки исполнителей; неправильно расшифрованную магнитофонную запись, редакторские правки, эдиционные нормы разного времени.

Все эти особенности в совокупности определяют методику текстологической подготовки былин для переиздания, в основе которой лежит «индивидуальный» подход к каждому тексту. Покажем это на конкретных примерах, рассмотрев разнообразные и непохожие случаи, встречающиеся при подготовке былинных текстов.

Для текстологического анализа взяты былины, записанные в период с 1901 г. по 1929 г. на Печоре и в Пудожье. Это былины Н. Е. Ончукова, записанные им на Низовой Печоре летом 1901-го и весной 1902 г., а также записи, сделанные там же А. М. Астаховой и участниками экспедиции, организованной Государственным институтом истории искусств в 1929 г. Пудожские былины были записаны в 1926—1928 гг. во время экспедиций в Заонежье, возглавляемых Ю. М. и Б. М. Соколовыми. Ограничение временных рамок оправдано, так как позволяет отобрать равнозначные по способу записи тексты: собиратели этого периода, как правило, писали тексты от руки, не всегда использовали фонограф, а если и записывали текст на восковые валики, то чаще всего лишь короткие отрывки как образец напева. Многие фоновалики из коллекции А. М. Астаховой 1929 г. в настоящее время прослушиваются с трудом, а судьба фонозаписей экспедиций 1926—1928 гг. достоверно неизвестна, хотя упоминание о них имеется во вступительной заметке к сборнику «Онежские былины», подготовленному к публикации в конце 1930-х гг. Ю. М. Соколовым и В. И. Чичеровым и вышедшему в свет в 1948 г.

Выбор былин для текстологического анализа из названных коллекций объясняется тем, что здесь мы встречаемся с разнообразной методикой записи, с различной степенью сохранности самих коллекций, что позволяет с большей объективностью показать, как приходится решать судьбу каждого отдельного текста, добываясь максимального приближения к первоисточнику. Принятая нами «рабочая» классификация анализируемых текстов помогает не только разобраться с каждым конкретным случаем, но и выработать типовой подход: оставить текст при новой публикации неприкосновенным, сделать частичные правки (на уровне отдельных слов, стихов, отрывков), разъединить сведенный собирателем текст и т. д.

Все анализируемые тексты печорских и пудожских былин прежде всего разделяются нами на две группы: 1) былины, записанные одним собирателем; 2) былины, записанные одновременно двумя или несколькими собирателями.

БЫЛЫНЫ, ЗАПИСАННЫЕ ОДНИМ СОБИРАТЕЛЕМ

В нашем случае — это тексты, записанные Н. Е. Ончуковым (1901—1902 гг.) и А. М. Астаховой (1929 г.).

Коллекция Н. Е. Ончукова. Судьба полевых записей Н. Е. Ончукова неизвестна. Ни в одном архивном хранилище не удалось найти пока не только оригиналов, но и гранж или машинописных копий печорских былин, хотя в одном из писем Н. Е. Ончукова упоминается о передаче им образцов записанных былин в Академию наук для публикации их в «Известиях Отделения» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3075). Таким образом, мы располагаем лишь опубликованными текстами, причем только 10 из 66 записанных былин были изданы Н. Е. Ончуковым дважды, ос-

новной же состав былин стал известен науке в 1904 г. по сборнику «Печорские былины».¹

Исходя из этого при подготовке текстов былин к переизданию за первоисточник нами принимается опубликованный самим собирателем текст. Анализ текстов и методики записи Н. Е. Ончукова, а также сопоставление двух публикаций былин (1902 и 1904 гг., 1903 и 1904 гг.) позволяет каждый из 66 текстов отнести к одному из выделенных типов.

Первый тип. Объединяет былины, опубликованные только один раз (в 1904 г.) и не содержащие никаких примечаний собирателя относительно характера записи и особенностей текста. Их подавляющее большинство: № 2, 3, 6, 7 и др.

Тексты эти должны публиковаться без всяких изменений, лишь с учетом эдиционных норм нашего времени (убираются ъ, ъ, по-прежнему обозначаются призвук, долгота звука и т. д.).

К второму типу отнесены былины, также опубликованные лишь единожды, но содержащие примечания собирателя, поясняющие особенности его записи. Былины этого типа (№ 1, 23, 46, 48 и некоторые др.) записаны Н. Е. Ончуковым не полностью. Так, в былине № 1 — «Застава богатырская», спетой Ф. Е. Чуркиной, опущен повторный рассказ Пльи Муромца о том, что он видел в «трубочку подзорную», когда «зрел он, смотрел на все стороны» (почти 50 стихов), как «составляющий буквальное повторение предыдущего» (с. 8).

В былине «Ставер Годинович» (№ 23), спетой П. Р. Поздеевым, выпущен большой отрывок — повторение того, чем хвастал Ставер и что на него наговорили бояре, т. е. 41 стих (с. 116).

К стиху 51 былины № 46 («Фатенко»), записанной от Д. К. Дуркина, сделано примечание: «Подробный рассказ совершенно в тех же выражениях — выпускается» (с. 194). В этом случае Н. Е. Ончуков не записал более 20 стихов, посчитав их абсолютно идентичными спетым раньше. Казалось бы логичным при подготовке таких былин к новой публикации восстановить пропущенные места, предоставив читателям полный текст. Но воспроизведение «совершенно в тех же выражениях», как правило, не свойственно природе фольклорного текста, тем более, что даже хорошо заученный текст или его часть один и тот же певец при повторном пении исполняет иначе. Это могут быть лишь минимальные отклонения (добавлены или опущены частицы, междометия, изменено окончание или суффикс и т. п.), но даже самые незначительные разночтения не дают нам основания считать вторичное исполнение «буквальным повторением». Так, в былине «Фатенко» (№ 46), воспроизведя лишь один стих из повторного рассказа матери Фатена — Овдотьи Блудовой вдовы, собиратель не обратил внимания на то, что исполнительница начинает его вовсе «не в тех же выражениях». Строки 10—11: «А сидели-де у князя на честном шпру Кабы две-де вдовы право купчёвыш» — и далее диалог Овдотьи Блудовой вдовы и Маршны Чусовой вдовы. Повторное воспроизведение начинается со строки 51: «Уж сидели мы у князя на честном шпру. . .» — и далее примечание собирателя, что рассказ как идентичный предыдущему опускается. Попытка реконструировать текст показала, что для логического воспроизведения выпущенного отрывка былины приходится значительно менять падежные и глагольные окончания, форму слов, домысливать отдельные стихи, а главное — заменять диалог монологом.

Отсюда следует, что былины второго типа реконструкции не подлежат. Учитывая однако, что опущенные части текста принадлежат тому же ис-

¹ Печорские былины / Записал Н. Ончуков. СПб., 1904; *Ончуков Н. Е.* Печорские былины // Изв. Отделения русского языка и словесности имп. АН. 1902. Т. 7, кн. 3. С. 277—355; *Ончуков Н. Е.* Новые былины из записей на Печоре // Изв. Отделения русского языка и словесности имп. АН. 1903. Т. 8, кн. 3. С. 298—326.

полнители, они или восстанавливаются в подстрочнике, или дается отсылка к ранее спетым стихам былины.

К этому же типу отнесены былины, близкие предыдущим, но с той разницей, что в примечании к опущенным местам былины собиратель отсылает читателя к тексту другого исполнителя (№ 70, 86). Так, былина № 70 — «Садко», записанная от В. Д. Шишолова, не имеет начала, потому что, по мнению собирателя, оно «точно такое же, как и у Игнатия Дуркина и потому не приводится» (с. 278). Былина № 70 начинается со стиха: «. . . Да пошел-де Сатко да запечалился». При попытке «привязать» начало былины (это 39 стихов), спетой И. М. Дуркиным (№ 55), выяснилось, что один «стыковой» стих, с которого начинается былина Шишолова, соответствует двум стихам былины Дуркина (40—41: «Кабы тут ноньце Садко тут запечалился, Он пошел нонь Садко как во божью церкву»). Дальнейшее развитие сюжета обоих исполнителей различно и укладывается у Дуркина в 14 стихов, а у Шишолова — в 35. Если бы Н. Е. Ончуков записал полный текст былины В. Д. Шишолова, мы имели бы еще один полноценный вариант былины о Садко.

Другая былина — «Дунай» (№ 86) — записана от П. Г. Маркова «не с начала: описание пира Владимира со всеми речами его и его богатырей о холостой жизни выпущено; то же самое читатель может найти в „Дунае“, спетом мне Д. К. Дуркиным», — пишет в примечании Н. Е. Ончуков (с. 338).

Если так же, как и в предыдущем случае, попытаться соединить начало былины Дуркина (это 106 стихов!) с текстом Маркова, тут же обнаруживается разница в стихах, которые являются переходными к другому сюжетному эпизоду былины и спеты обоими исполнителями.

П. Г. М а р к о в (№ 86)

Д. К. Д у р к и н (№ 45)

¹ Выходили удалы добры молодцы, ¹⁰⁷ Выходили молодцы да все
² Выходили молодцы да вон на улицу на улицу

При новой публикации в тексты, подобные 70 и 86, никакие изменения не вносятся, а опущенные места былин приводятся не в подстрочнике, а в комментарии к конкретному тексту со ссылкой на текст другого исполнителя. Простая отсылка к былине, без воспроизведения опущенных мест, обеднит и так ущербный по записи текст и осложнит работу исследователей.

Третий тип объединяет 10 былин, которые были опубликованы Н. Е. Ончуковым дважды (№ 19, 24, 26, 28, 45, 57 — в 1902 и 1904 гг.; № 14, 51, 66 — в 1903 и 1904 гг.). При сличении двух публикаций обнаруживается незначительное расхождение текстов: добавления или выпадения частиц, предлогов, союзов, замена суффиксов и окончаний, фонетические разночтения и пр. Так, при сопоставлении былины «Данило Денисьевич» (№ 76), записанной от Н. П. Шалькова и опубликованной в 1903 и 1904 гг., выявляются следующие разночтения:

1903 г.

1904 г.

⁴⁸ Набежал-то Данил вор Денисьевич	Набежал-то Данилко вор Денисьевич
⁵⁰ Да крычит-то, громит зычным голосом	Да крычит-то, громит да зычным голосом
⁵¹ . . . милыя братцы. . .	. . . мпилье братцы. . .
⁵⁶ Подъезжали-то робята к круту берегу	Подъезжали-то робята 'круту берегу. . .

Аналогичные расхождения наблюдаются и в других текстах.

Повторное переиздание былин этого типа нами дается по публикации 1904 г., как последней по хронологии. Разночтения указываются в комментариях к текстам.

Коллекция А. М. Астаховой. Все фольклорные записи А. М. Астаховой, сделанные на Печоре в 1929 г., сохранились и находятся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (кол. 6, п. 8). Собрание включает полевые карандашные записи текстов былин и перебеленные тексты. Кроме того, имеются фонозаписи некоторых былин, сделанные сразу же, при первом исполнении, или через несколько дней. Полевые и перебеленные записи дают представление о методике работы собирателя: в большинстве случаев А. М. Астахова записывала былинку дважды — сначала сказанный варпант, затем делала по нему правки во время повторного пения былинны. Запись былинны «с голоса» приводила к многочисленным исправлениям сказанного варианта. Эти уточнения, добавления, разночтения отмечались собирателем при помощи системы знаков: скобок, прочерков и др. Так, квадратными скобками в перебеленном варианте отмечены места, принадлежащие сказанному варианту и не спетые исполнителем. Круглыми скобками выделены места спетого варпанта. Записанные таким способом былинны опубликованы А. М. Астаховой в первом томе сборника «Былинны Севера» (М., 1938) как сводные тексты.

Задача текстологов заключается в данном случае в определении правомерности такого сведения с учетом особенностей каждого варпанта. Анализ полевой записи, перебеленного текста, имеющейся фонозаписи и публикации каждой из 43 изданных А. М. Астаховой былин позволяет выделить некоторые типовые случаи.

Первый тип объединяет былинны, записанные со слов исполнителя только один раз (№ 59, 65, 80, 81, 89 и некоторые др.). Сохранились полевая и перебеленные записи этих былин, при сопоставлении показывающие минимальные разночтения. Это наиболее бесспорный случай — былинны при переиздании публикуются по полевой записи.

К второму типу отнесены былинны, записанные на фонограф (№ 57, 69, 70 и 71 и др.). Как правило, фиксировалось начало былинны, иногда всего лишь 1—2 стиха (например, № 71 — «Дюк Степанович» от В. П. Носова). Нередко текст повторно записывался через несколько дней после первого исполнения (былинны на фонограф записывали Е. В. Гиппус и Э. В. Эвальд), причем былинку «Про старого» (№ 57) Е. В. Чупров повторно для фонографа исполнил вместе с братьями и сыном, при записи начала этой былинны не были спеты стихи 9—15.

При сопоставлении полевой тетради, перебеленного текста, фонозаписи и публикации этих былин выявляются многочисленные разночтения, правки в полевой записи, вписанные дополнительно, вне текста, строки.

Особенности записи этой группы текстов дают основание для публикации былин как самостоятельных вариантов, без элементов сведения. В комментариях к текстам указываются все разночтения. Записанные на фонограф отрывки публикуются с нотными расшифровками как самостоятельные варианты.

Третий тип — былинны, сначала записанные со слов сказителя, затем выправленные при пении. Это наиболее многочисленная группа текстов в коллекции А. М. Астаховой (№ 50, 55, 59, 75, 86, 96 и др. — всего около 30). В перебеленной записи эти былинны даются сводным текстом, в котором круглыми скобками отмечены добавления из спетого варианта, а в квадратные — заключены части текста, принадлежащие только сказанному варианту. Приведем пример полевой записи и перебеленного текста былинны «Илья Муромец» (№ 95), строки 47—49.

Полевая запись

[Увидел] Илеюшко солнце красное
[Увидел] Илеюшко людей добрыхх.

Перебеленная запись

Увидел Плеюшко свету белого
(Свету белого) увидел солнце красное,
Увидел Илеюшко людей добрыхх.

В сборнике «Былины Севера» опубликован сводный вариант этой былины без указания в тексте или комментарии разночтений спетого и сказанного.

При сопоставлении спетого и сказанного вариантов, перебеленного и опубликованного текстов былин этого типа выявляются множественные случаи несовпадений во всех источниках: замена частиц, союзов, предлогов, суффиксов, окончаний глаголов и прилагательных, перестановка слов в стихе и изменение порядка стихов в тексте, добавление или выпадение больших кусков текста, иное фонетическое звучание слов и т. д.

Фактически при такой методике записи мы имеем дело с двумя самостоятельными вариантами одной былины как результатом двух актов исполнения, см., например:

При сказывании

- ² У ласкова у князя. . .
⁷ Все на пиру. . .
¹⁹ Он сапог о сапог. . .
³⁰ А уж я как. . .
⁴⁸ . . . Семёна. . .

(№ 76, «Дунай», записано от А. Р. Овчинниковой. Тетр. 2, л. 22—24 об.)

При пении

- Как у ласкова у князя. . .
 Да как все ле на пиру. . .
 Он на сапог ле о сапог. . .
 А как уж я. . .
 . . . Семенушка. . .

- ³ Жила-была. . .
⁴ . . . Омелфа Тимофеевна. . .
⁵ Было. . . ча до. . .
⁸ На той. . .
⁸² На трех дубах. . .

- Да жила-была. . .
 . . . Ёмелфа Тимофеевна. . .
 Кабы было. . . цадо. . .
 Он на той жо. . .
 Ах на трёх-де дубах да. . .

(№ 95, «Илья Муромец», записано от П. И. Дитяевой. Тетр. 5, л. 22—24 об.)

При подготовке таких текстов к публикации первоисточником становится полевая запись спетой былины, так как именно во время пения проявляются характерные особенности этого жанра. Сводный текст «расчленяется» на спетый и сказанный варианты, нами публикуется спетый вариант, а все разночтения из сказанного и опубликованного вариантов указываются в комментарии.

Но в ряде случаев такое разъединение дает неполноценный текст былины. Собиратель не всегда успевает записать за исполнителем не только во время пения, но и в момент сказывания былины, нередко пишет неразборчиво, одинаково сокращает слова в том и другом варианте, затрудняя затем в их расшифровке. Так, во время исполнения П. И. Дитяевой былины «Чурила и неверная жена» (№ 97) А. М. Астахова недописала последнее слово в строке 14; в перебеленном тексте оно осталось нерасшифрованным, а в опубликованной былине оно конкретизировано — «петишолковые» (тетр. 14, л. 6 об.; тетр. 5, л. 18 об.).

В полевой записи былины «Состязание Добрыни с князем Владимиром» (№ 96) не записано начало строки 24: «. . . от города до города»; в перебеленном тексте ее вообще нет; в опубликованном — «Съездить от города до города» (тетр. 14, л. 24 об.; тетр. 5, л. 5 об.). В строках 12—15 этой же полевой записи есть только начала стихов; в перебеленном тексте они не дописаны, имеется приписка: «Посмотреть по другим сборникам». Опубликовано:

Каблук о каблук поколачиват,
 Белыми руками розмахиват,
 Златыми перстнями побрякиват,
 Русыми кудрями потряхиват.

В былине «Сорок калик» (№ 99), записанной от Дитяевой П. И., в строке 18 полевой записи последнее слово неразборчиво; в перебеленном — «стоит(?)», в опубликованном тексте былины — слово «челобитием». В полевой записи этой же былины в строке 75 последнее слово сокра-

щено — «сп.»; в перебеленной расшифровано как «спать», а в опубликованной былине дано «спаленку». В строке 82 соответственно: «на тое же кр. . .» (далее неразборчиво); «на тое же крыльцо красное»; «на тое же крыльцо на прекрасное» (тетр. 14, л. 55 об.; тетр. 5, л. 35).

В былине «Фатенко» (№ 98), записанной от П. И. Дитятевой, в строке 21 полевой записи: «Когда жёрнышко не най. . .» (далее недописано. Тетр. 14, л. 14); перебеленный текст: «Когда жёрнышко не найдет, тогда голодом живет» (тетр. 5, л. 12 об.); опубликованный текст: «Когда жёрнышко не найдет, тогда голодом».

Иногда разночтения связаны с обмолвками исполнителей. Так, при повторном пенпи былины «Чурилла и неверная жена» (№ 97) П. И. Дитятева оговорилась в стихе 19, назвав Пермь Чурилой: «Ко тому же Чурилле на крылечушко» вместо «Ко тому же Пермь. . .», как было правильно сказано при первом исполнении (тетр. 14, л. 7). Примеры различных несоответствий можно продолжить и дальше.

Учитывая характер дефектов записи сказанного и спетого вариантов каждой конкретной былины этого типа, а также правки, сделанные самим собирателем, мы допускаем в отдельных случаях частичную реконструкцию текста. Реконструированные места былины заключаются в скобки, а в комментарии указываются разночтения по всем имеющимся источникам текста.

Таким образом, в пределах группы текстов, записанных одним собирателем, относительно легко выделяются однотипные былины, что облегчает их текстологическую подготовку при новом научном переиздании.

Значительно сложнее текстологическая подготовка былин, записанных одновременно несколькими собирателями. Рассмотрим конкретные случаи на примере пудожских былин.

БЫЛИНЫ, ЗАПИСАННЫЕ ОДНОВРЕМЕННО НЕСКОЛЬКИМИ СОБИРАТЕЛЯМИ

Коллекция «Заонежская экспедиция». Былины, собранные экспедициями 1926—1928 гг. в Пудожский край, были опубликованы в сборнике «Онежские былины» в 1948 г. Цель экспедиций состояла в обнаружении тех изменений, которые произошли с эпосом за 60 с лишним лет после того, как во второй половине XIX в. в тех же местах вели свои записи П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг. Все материалы экспедиций 1926—1928 гг. были сданы в архив Государственной Академии художественных наук. Затем их передали сначала в Московское отделение Государственного института материальной культуры, потом в Государственный Литературный музей, а затем в ЦГАЛИ, где они и находятся в настоящее время. Естественно, что при многократном вынужденном путешествии из архива в архив часть рукописных материалов была утрачена, что затрудняет теперь текстологическую работу. Материалы эти для текстологов очень непросты, так как с целью получения наибольшей достоверности фиксации текста (при минимальной возможности использования фонографа) запись производилась одновременно несколькими собирателями, а затем сводилась воедино.

Наша задача посмотреть, что же представляет собой сводный текст при подобной методике записи.

Первый тип. Былина «Илья Муромец» («Добрыня и Алеша») была записана в июле 1928 г. от Е. Д. Силкиной в д. Семеново на р. Шале (р. Водле) одновременно четырьмя собирателями. С. П. Бородин (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 8, л. 26—29) записывал начало и иногда середину стихов, Ю. А. Самарин (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 19, л. 20—21 об.) писал только середину стихов, Э. Г. Бородина (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, л. 28—29) записывала концы стихов. В. И. Чичеров свел отрывочные записи всех четырех

собирателей. Перебеленная в полевых условиях запись былины (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 3, л. 22об.—23 об.) и легла в основу печатного текста.² Сличение изданного текста с перебеленным при повторном корректирующем сравнении с неполными записями всех собирателей показало, что точность воспроизведенного текста при использовании данного метода записи чрезвычайно высока. Незначительные единичные разночтения между печатным и рукописными текстами (снятие «оканья» в стихах 22, 45, «цоканья» в стихе 44, замена «а» на «и» в глагольном окончании — увидишь) связаны, скорее всего, не со случайными упущениями В. И. Чичерова при составлении единого текста былины, а с редакторскими требованиями определенного единообразия подачи печатного текста. При иной методике записи, когда былина записывается всеми собирателями полностью, сводный текст имеет, как правило, больше погрешностей при сравнении его с полевыми записями. Качество подобного текста в большей степени, чем в предыдущем случае, зависит от опыта собирателей, степени знания ими традиции, размера былины и ряда других причин. Так, былина «Дюк Сепанович» (№ 71 — 340 стихов) была записана от П. Е. Миронова в 1928 г. в д. Семеново на р. Шале тремя собирателями, причем каждый из них пытался зафиксировать былину полностью. Сохранились в ЦГАЛИ полевые записи данной былины, сделанные Б. М. Соколовым (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 2, л. 300—308), В. И. Яковлевой (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 35, л. 115—130) и В. И. Чичеровым (ф. 1456, оп. 1, тетр. 3, ед. хр. 33, л. 63 об.—70 об.). В. И. Чичеров перебеливает свой текст (правка по карандашной записи), согласуя ее с записями других собирателей. Сличение всех полевых записей со сводной записью и печатным текстом показало, что расхождения в основном касаются способов фонетической подачи текста (он — ён, улицу — улицу, потюхошенько — потюхошенько и т. д.), пропусков или добавления отдельных букв (благословеньице — благословленьице, крест — крес и т. д.), частиц или предлогов (становись-ко [ко] мне; я из той [из] земли), последовательного несоблюдения «цоканья» и т. п.³ При всех указанных недостатках, которые необходимо оговаривать в комментариях, сводная запись в данном случае все же должна рассматриваться как вполне авторитетный источник для дальнейших публикаций. Авторитетность сводного текста былины резко снижается, когда речь идет о менее удачных записях собирателей или о неполной сохранности этих записей в архиве. Совмещение двух указанных моментов характерно для значительного числа пудожских былин. Например, былина «Добрыня и Алеша» (№ 49) была записана в августе 1926 г. от Фадеевой в д. Мелентьевской собирателями С. П. Бородиным (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 4, л. 155—160 об.), Э. Г. Бородиной (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 11, л. 192—203) и Ю. М. Соколовым (рукопись в архиве отсутствует).⁴ Обе сохранившиеся полевые записи представляют собой текст, где перемежаются полные и неполные строки. Сводный текст также был составлен собирателями в полевых условиях (почерк каждого из них при подготовке единого текста четко определяется). В записи былины Э. Г. Бородиной (ед. хр. 11) проведена правка с учетом записи С. П. Бородина (стихи с 1-го

² Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948. № 67 (Летописи Государственного литературного музея; кн. 13). (Далее номера опубликованных в этом издании былин даются в тексте статьи).

³ В записи В. И. Яковлевой (ед. хр. 35) есть несколько смысловых несовпадений по сравнению с другими полевыми записями: дополнительный третий стих («А был споржен ядиной сын»); в 122-м стихе вместо «пить питыця-естушки» — «носить питыця-есмушки», в 238-м стихе вместо «не идь-ко ты» — «Дюк ты» и другие несовпадения (стихи 239, 266, 296, 301, 310, 314).

⁴ В сборнике «Онежские былины» среди записавших эту былину значится Ю. А. Самарин, а не С. П. Бородин (раздел «Комментарии», с. 886). Запись Ю. А. Самарина в архиве не обнаружена.

по 60-й и со 162-го по 238-й сводились совместно),⁵ стихи с 60-го по 162-й остались несведенными (зафиксированы только их концы). Таким образом, перед нами неполный сводный текст былины. Сличение 98 несведенных собирателями стихов с печатным текстом производилось нами одновременно по двум тетрадам. Сведенный Э. Г. Бородиной и С. П. Бородиным текст должен был бы по логике вещей иметь минимальные расхождения с печатным. Однако, как мы попытаемся показать далее, неточностей он имеет очень много, и причины этого достаточно легко вскрываются. Прежде всего совершенно очевидно, что собиратели не успевали с абсолютной достоверностью фиксировать текст — отсюда нередко встречаются разные прочтения одного и того же места былины. Например, в сведенном рукописном тексте 32-й стих звучит следующим образом: «А воспроговорит Добрынюшка Никитинец». В рукописи С. П. Бородина слова «Добрынюшка Никитинец» зачеркнуты и сверху написано: «князь Владимир стольно киевской», после чего слово «Владимир» тоже зачеркнуто. В рукописи Э. Г. Бородиной этот стих читается так: «А воспроговорит князь <ст.> киевской». Очевидно, при составлении окончательного варианта данного стиха шел спор и, следуя логике развития сюжета, а не точной фиксации текста, была оставлена формула «Добрынюшка Никитинец», а надо было бы сохранить со специальной оговоркой тот вариант, что произнес исполнитель, даже если он и ошибся.

36-й стих в рукописи С. П. Бородина отсутствует. Э. Г. Бородиной он записан так: «Я их из Москвы в Москву». В сводном же тексте былины строка изменяется с целью уточнения смысла: «А свезу-то их я из Москвы в Москву».

Аналогичные перестановки, замены и дополнения могут быть отмечены в 164, 165, 192, 193-м стихах и некоторых др.

Далее, попытка С. П. Бородина записывать текст полностью (строки с 1-й по 34-ю) себя не оправдала, так как здесь множество неточностей в записях окончаний слов, неизбежные пропуски частиц, слов и даже целых стихов. Попытка воспроизвести полностью начало былины отняла у собирателя неоправданно много сил: он устал, его дальнейшую запись отличает значительно менее точная подача текста, чем у Э. Г. Бородиной, которая писала от начала до конца только последнюю часть стихов. В дальнейшей записи С. П. Бородина совсем отсутствуют строки 36, 70, 126, 138 и др. В сведенной рукописи они реставрируются с учетом записи второго собирателя.

Покажем в этой связи характерные для данного текста случаи разночтений. Стихи 57—59 сведены и опубликованы следующим образом:

Я бы силушкой да в Илью Муромца,
А я бы богатством тебя споробдила
А во того во Дюка во Степанова.

В обеих рукописях эти стихи выглядят так:

А я бы силушкой // да в Илью Муромца⁶
. . . . . // споробдила
А во того в // бы во Дюка Степанова.

Таким образом, 57-й стих сводного текста не соответствует полной его записи в рукописях; 58-й стих реставрирован по последнему слову и по аналогии с 60 и 62 стихами; 59-й выровнен, но грешит неточностями по сравнению с рукописью. Стихи 163—164 опубликованы по сведенной левой записи:

⁵ Стихи 210, 212, 224, 226, 232, 234—237 остались несведенными, а стихи 227, 231, 233 в этой единице хранения вообще отсутствуют.

⁶ Здесь и далее в анализируемой былине слева от знака дана запись С. П. Бородина, справа — запись Э. Г. Бородиной.

А не едал ты обеда сладкого
А приехал ко своей ко матушке.

Тот же текст в полевых тетрадах выглядит так:

А не видал // ты обеда-то сладкого
А приехал-то // ко своей-то матушки.

Подобные неточности в печатном тексте по сравнению с полевой рукописью, без сомнения, нуждаются в дополнительной правке при подготовке новой публикации текста.

Рассмотрим еще несколько характерных примеров разночтений. В рукописи Э. Г. Бородиной 181-му стиху: «А направил он коня через стену городбую», предшествует строка: «А направил он коня доброго», отсутствующая как в сводной, так и в опубликованной записях; в стихе 183 («А приежжает он к крыльцо ко опальному») вставлены как уточняющие смысл слова «к крыльцо» без скобок, отсутствующие в полевой записи. Начало 193-го стиха С. П. Бородин (а ему следует в данном случае доверять, так как начальные строки былины фиксировались именно им) записывает: «А только мѣстечка», — «. . .на запецки!» — добавляет Э. Г. Бородин. Сводный же стих печатается с измененным началом: «А еще всего-то мисто на запецки!».

Стих 209 («А пьешь чару до дна, — да увидашь добра») отсутствует в обеих полевых записях. Он вносится в сводный текст, очевидно, по аналогии со стихом 215 или был записан Соколовым, что проверить сейчас невозможно.

Итак, даже неполный текстологический анализ былины «Добрыня и Алеша» показал, что сводный текст, составленный Э. Г. Бородиной и С. П. Бородиным, значительно менее точен по сравнению с предыдущими, так как разночтения здесь затронули смысловую суть текста, привели к недопустимым с точки зрения современной текстологии фольклора текстовым реставрациям.

Таким образом, даже те немногие, характерные, но далеко не исчерпывающие случаи составления сводного текста самими собирателями в полевых условиях, показали разную степень его авторитетности как источника, что должно быть учтено всякий раз, когда речь пойдет о научном переиздании этих былин.

Второй тип. К данному типу могут быть отнесены достаточно уникальные случаи записи былин, где всеми собирателями была продемонстрирована особая точность фиксации текста. При записи «на карандаш» это было доступно только собирателям высочайшей квалификации, да и то только в тех случаях, когда былина оказывалась сравнительно небольших размеров. Примером тому может служить былина «Сорок князей» (женитьба Ивана Годиновича) (№ 65), записанная в 1928 г. в д. Семеново на р. Шале от А. А. Соловьевой В. И. Чичервым, Б. М. Соколовым и В. И. Яковлевой. В ЦГАЛИ сохранились две полевые записи (Б. М. Соколова — ф. 1456, оп. 1, тетр. 1, ед. хр. 25, л. 35—39 и В. И. Чичерова — ф. 1456, оп. 1, тетр. 1, ед. хр. 32, л. 33—37).⁷ В. И. Чичеров перебелил свою полевую запись (Там же, л. 33 об.—36 об.) и опубликовал ее без учета одновременной записи той же былины, сделанной Б. М. Соколовым. Таким образом, перебеленному тексту одной записи определена была роль «сводного», хотя он не являлся таковым по существу. При повторной публикации запись Б. М. Соколова должна была бы рассматриваться нами как самостоятельная. Однако характер текстологической работы в данном случае оказывается принципиально иным. Трижды проведя сличение печатного текста (с каждой из полевых и с перебеленной записями), мы пришли к выводу, что уровень записи обоих собирателей был настолько

⁷ Запись былины В. И. Яковлевой в архиве не обнаружена.

- 45 А знала бы ты, [девка] телят поить! 45 Она спит-то с Чурилой будто муж
с женой.
Если правду говоришь — замуж А говорит Вельма да сын
возьму, Васильевич:
А неправду говоришь — голову срублю». «Ай же ты девка ты телячишна,
А бежала видь назад-то тут. Уж как знала бы коров кормить
Приходил Вельма-то сын Васильевич, Уж как знала бы телят поить
50 У ворот-то он колотится, 50 Если правду говоришь, ты замуж
возьму,
У ворот-то он заложается, А не правду говоришь ты голову
срублю!»
На фатеру Вельма да сам дадается. А выходил Вельма да со божьей
первы,
А выходила Катя, Катеринушка, А приходил Вельма да колотится,
У ней волосы были вси растрепанны. . . У ворот Вельма он сдоложается,
55 На квартиру Вельма да сам дадается. А выходила Катя-Катеринушка,
Отворяла воротыця дубовыи,
У ей волосы были да вси растрепаны. . .

Даже если оставить в стороне фонетические и морфологические расхождения, то нельзя не обратить внимание на тот факт, что очень многие стихи в записи С. П. Бородина 1926 г. отсутствуют в тексте, опубликованном В. И. Чичеровым. Дополнять один текст другим в данном случае мы не имеем права, так как это одновременные записи, а потому вопрос о возможной реконструкции «полного» текста от одного исполнителя с научной точки зрения совершенно несостоятелен. Обе записи с соответствующими коррекциями и отсылками в комментарий должны быть опубликованы как самостоятельные в порядке хронологии их записи.

2) Если случай с одновременными записями для текстологов очевиден, то характер использования (или наоборот — неиспользования) неучтенных издателем полевых записей других собирателей (если был факт одновременной записи былины) далеко не всегда так легко разрешим. Былина «Илья Муромец и Калин-царь» (№ 5) была записана в 1928 г. в д. Семёново от Г. А. Якушова двумя собирателями — Э. Г. Бородиной (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тетр. 1, л. 40—47 об.) и Ю. А. Самариным (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 19, л. 33—40), писавшим сначала вторую половину стиха, потом другим карандашом дополнившим начала стихов. Тетрадь с записью С. П. Бородина в архиве не обнаружена.

Основной публикуемого текста послужила, по всей вероятности, именно последняя запись. Предположить, что записи Э. Г. Бородиной или Ю. А. Самарина подменили собой «сводный» текст, практически невозможно, так как печатный текст имеет множество несоответствий с каждой из этих полевых записей, начиная от пропусков или подстановки букв, произвольности написаний окончаний слов до пропусков целых стихов, их перестановок, словесных замен и т. д.

Выборочно продемонстрируем то, в какой степени отдельные места печатного текста не совпадают и с полевой записью Э. Г. Бородиной, и с полевой записью Ю. А. Самарина.

Опубликованный текст	Полевая запись Э. Г. Бородиной (ед. хр. 12)	Полевая запись Ю. А. Самарина (ед. хр. 19)
35 Впервыи курил бы видь зелена вина, Вторые курил бы пиво пьяное, В-третьих курил бы медá сахарьнии На моё видь свадьбу великую.	35 Впервых курил бы видь зелена вина, Злодей курил пиво пьяное, В-третьих курил мед сахарьнии На моё видь свадьбу великую.	35 Впервых курил ведь Курил бы ты еще зелено вино, Злодей курил пиво пьяное В-третьих курил мед сахарьнии

Той-то татарин да	Тых татар да	На на моё ведь свадьбу
поганын. . .	поганых. . .	великую Тых татар да
		поганых. . .

Таких несовпадений в записях и публикаций немало.

Некоторые стихи данной былины претерпели «эволюцию» в процессе ее записи. Так, например, строки 75—77 оба собирателя успели записать лишь частично, затем свели свои записи в единый текст:

Да во-вторых // курил да ведь во-пе // рвыч
 Зелено // вино // пиво пьяное
 А в-третьих курил коренья // медо сахар//ниех.

У Э. Г. Бородиной произведено расчленение и перестановка отдельных стихов; очевидно, восстановление текста шло по памяти:

Да ведь во-первых чтоб курил бы я зелено вина,
 Да во-вторые курил бы виво пьяных¹⁰
 А третье-то курил коренья-мед сахарниех.

Публикуются те же строки опять с дополнительными изменениями:

Да впервые чтоб курил бы я зелена вина,
 Да во-вторые курил бы видь пиво пьяное,
 А третье-то курил коренья — мед сахарниех.

Итак, сличение былины № 5 по рукописям показало, что единого сводного текста она не имеет ни по существу, ни в принципе. Опубликованный текст в точности не соответствует ни одной из рукописей. Обе полевые записи, очевидно, должны быть представлены в повторной публикации как два самостоятельных текста (один печатается как основной, другой — в комментарии), так как слишком существенны расхождения, охватывающие все уровни текста.

В данной коллекции этот случай далеко не единичный.

3) Несколько отличен от предыдущих случаев текстологический анализ былины «Дюк Степанович» (№ 24), записанной во время экспедиции 1928 г. от Г. А. Якушова в д. Семеново на р. Шале одновременно тремя собирателями. Б. М. Соколов (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 2, л. 236—266) записывал полностью стихи с 1-го по 155-й, а со 156-го и до конца былины писал только середину стихов. Э. Г. Бородин (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тетр. 1, л. 109—124 об.) писала только вторую половину стихов. Характер полевой записи С. П. Бородин неизвестен, так как рукопись в архивах обнаружить не удалось, но, по логике, он записывал начало. Учитывая большой объем былины (615 стихов), трудно предположить, что С. П. Бородин успевал записать всю былину целиком. В ЦГАЛИ сохранилась машинопись, правленная С. П. Бородиным и ставшая основным текстом для публикации (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 8, л. 145—148). Опубликованный текст при сличении с сохранившимися полевыми записями имеет столь значительные разночтения, что достоверность машинописи как первоисточника вызывает сомнения. Выборочно покажем типовые случаи подобных расхождений.

Опубл. текст=машинопись
(ед. хр. 8)

Полевая запись Б. М. Соколова
(ед. хр. 25)

¹⁰ А ведь съездить мни до города
 до Киева. . .

¹⁰ Ай да съездить мни да до города
 до Киева. . .

¹³ А видь солнушко Владимир-князь
 богатый. . .

¹³ А солнышко Владимир-князь да
 богатой. . .

²¹ А до города да видь до Киева. . .

²¹ А до города до Киева. . .

²⁸ Небольшой капитал у тя
 сиротских. . .

²⁸ Небольшо именьце у тя
 сиротское. . .

27 Небольшой капитал у тя,
именьшце. . .

82 А испал стрелять да видь. . .

102 Тая стрелоцька берет. . .

124 А видь кто приидет, — задержка есть.

152 Ай же Илья жа Муромець.

27 Небольшой капитал у тя,
сиротьских. . .

82 А напал стрелять да видь-то. . .

102 Тая стрелоцька одного берёт. . .

123 А кто приидет, — задержка есть.
(охрана!)

152 Ай же Ильюшенька Муромець.

Естественно, встает вопрос, что же считать источником при отсутствии полевой записи С. П. Бородина, при неполной записи Э. Г. Бородиной и лишь частичной полной записи Б. М. Соколова? Если машинопись не авторитетный источник, то «сводный» текст данной былины составляется весьма сложно: первые 155 стихов должны быть опубликованы по полевой записи Б. М. Соколова с необходимой коррекцией второй половины стихов по записи Э. Г. Бородиной, начиная со 156-го стиха и до 615-го текст должен подвергнуться правке по частичным записям Соколова—Бородиной.

Четвертый тип. Последний из рассмотренных примеров близко соприкасается со следующим из выделенных нами типов. Былина «Вольга и Микула» (№ 2) была записана в июле 1928 г. от Г. А. Якушова в д. Семёнова тремя собирателями: Ю. А. Самаринным (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 19, л. 87 об.—90), Э. Г. Бородиной (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тетр. 1, л. 96 об.—98) и С. П. Бородинным (ед. хр. неизвестна). Самарин, как обычно, писал только середину и конец стихов, Э. Г. Бородина записывала текст былины целиком с неизбежными при такой методике записи пропусками. В какой степени использовалась запись былины, сделанная С. П. Бородинным, восстановить сейчас невозможно. Обе полевые записи, которыми мы располагаем, имеют значительные разночтения с печатным текстом. Типовые случаи подобных расхождений продемонстрируем ниже.

Опубл. текст	Полевая запись Э. Г. Бородиной (ед. хр. 12)	Полевая запись Ю. А. Самарина (ед. хр. 19)
5 А вперед-то пахаря пону́каты. . .	А вперед-то пахарь понукиват. . .	А вперед-то пахарь понукат. . .
6 А не могут пахаря наехати. . .	А не можут пахаря наехати. . .	А не могут пахаря наехати. . .
24 . . . да свалился-то	. . . да ведь свалился-то	. . . да свалился ведь
27 Ай же поедем с нами. . .	Ай поедем да с нами. . .	Ай же поедем да с нами. . .
32 . . . сошка не прибрана	. . . сошка не приобрана	. . . сошка не приобрана
34 А кинут они. . .	Пусть кинут они. . .	(как у Э. Г. Бородиной)
37 А оставил сошку мою теперь. . .	А уж с одра сдерут мою топерь. . .	А уж с одра сдерут сошку мою топерь. . .

Приведенные разночтения (число их могло бы быть значительно увеличено) показывают, что, расходясь с опубликованным текстом, они либо совпадают между собой, либо дополняют друг друга, либо стоят ближе друг к другу, чем к публикуемому тексту. Отсюда вытекает еще один случай необходимости текстологической правки.

При отсутствии записи былины, сведенной в поле собирателями (при условии, что при переиздании текста за основу берется полевая запись), или серьезных расхождений между имеющимися полевыми записями издатели сами вынуждены составлять *свой, новый сводный текст*. Задача очень щепетильная и непростая, так как дополнительная правка в тексте, который готовится для переиздания, допустима далеко не всегда. Текст, безусловно, может быть скорректирован лишь в тех случаях, когда отдельные места опубликованной былины не совпадают с тем, что мы имеем в полевых записях, причем правка будет достоверна лишь тогда, когда во *всех* полевых записях эти случаи оказываются идентичными. Когда же есть расхождения между полевыми записями, пропуски слов в одной из них и т. д. (например,

ст. 5, 32 и др.), то это должно быть специально каждый раз оговорено. Очень важным в данном случае оказывается вопрос о том, чему мы должны отдать приоритет, что должны принять за основу. Этот вопрос для каждого конкретного текста должен решаться самостоятельно. Никаких единых рекомендаций здесь дать невозможно. Например, при новом издании настоящей былины все спорные случаи в середине стиха должны быть, очевидно, решены в пользу записи Ю. П. Самарина, так как его задача была методически облегчена по сравнению с Э. Г. Бородиной и основное внимание было сосредоточено на точном воспроизведении именно этой части стиха.

Запись другой былины «Василий Буслаевич» (№ 25) от Г. А. Якушова в д. Семеново (1929 г.) несколько проясняет столь сильное расхождение между печатным и полевыми текстами. Эта былина была записана теми же собирателями, что и предыдущая. Разница заключается только в том, что чистовой автограф С. П. Бородин (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 2—15), опубликованный В. И. Чичеровым, сохранился, а значит, в данном случае мы имеем возможность сравнить опубликованный текст со всеми тремя полевыми записями. Характер различий остается приблизительно тот же. Покажем выборочно некоторые из них.

Чистовой автограф С. П. Бородин = опубл. текст	Полевая запись Э. Г. Бородиной (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тер. 1, л. 66—72 об.)	Полевая запись Ю. А. Самарина (ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 19, л. 58—65)
²⁶ Волосá нисколько не ворóхнутсе. . .	Волоса нисколько не зборóхнутсе. . .	Волоса нисколько не зворохнутсе. . .
⁹⁶ Тут оны еще прика- илисе. . .	Как тут оны еще при- наилисе. . .	(как у Э. Г. Бородиной)
²¹⁹ Как каляны стены пробивать начал. . .	Как каменны стены про- бивать начал. . .	То же
Между 249 и 250 строка пропущена	Унесло бы по рецьки по Волхове. . .	» »
Между 282 и 283 строки пропущены	А кто через камень не пе- рескочит, Тот живой отсюль да не выйдет ведь.	» »

С опубликованным разнятся также стихи 77, 86, 89, 127, 129, 132, 151, 158, 239, 243 и др. Все они тем не менее идентичны в полевых записях.

Детальное сличение полевых записей (что осталось за рамками настоящей статьи) на всех уровнях показывает, что за основу публикации должен был бы быть взят, как более полный, текст ед. хр. 12, или 19, а вернее совмещенная запись с соответствующими отсылками в комментарий, но никак не чистовой автограф С. П. Бородин.

Мы попытались показать разнообразные и непохожие случаи текстологической подготовки былин для новой публикации, основываясь лишь на анализе былин из трех собраний. Каждая новая коллекция даст, безусловно, дополнительные случаи, поскольку индивидуальна методика каждого собирателя, непохожи условия записи былин. Но можно достаточно уверенно сказать, что проблема сводного текста актуальна лишь для записей прошлого времени, когда не было широкой практики звукозаписи. Точно расшифрованный с магнитофона текст должен снять эту проблему.

Ю. А. НОВИКОВ

О ТВОРЧЕСКИХ КОНТАКТАХ ПРИОНЕЖСКИХ СКАЗИТЕЛЕЙ

В последнее время все большее внимание фольклористов привлекают проблемы «эпической памяти», изучение сложного механизма запоминания былин, процесса формирования творческого почерка сказителя, его эпического репертуара.¹ Наиболее плодотворные результаты достигаются обычно в том случае, когда исследователь имеет возможность дополнить текстологические наблюдения надежными внетекстовыми данными. Именно такая возможность открывается при анализе многолетних прямых контактов четырех выдающихся сказителей советского времени: Настасьи Степановны Богдановой-Зиновьевой, Петра Ивановича Рябинина-Андреева, Федора Андреевича Конашкова и Ивана Терентьевича Фофанова. Их былины неоднократно записывались и печатались, опубликованы комментарии к текстам, подробные биографические справки о певцах, воспоминания работавших с ними собирателей. Все это дает богатый материал для изучения взаимного влияния сказителей друг на друга, а также для корректировки разработанной В. И. Чичеровым и ставшей общепринятой в русском эпосоведении теории «школ» сказительского мастерства.

Все былинные певцы, о которых идет речь, представляют прионежскую эпическую традицию. Богданова-Зиновьева (1856 г. рожд.) и Рябинин-Андреев (1905 г. рожд.) родом из знаменитых Кижей (Западное Прионежье); Конашков (1860 г. рожд.) всю свою жизнь прожил на р. Шале (Восточное Прионежье), а Фофанов (1871 г. рожд.) — на Купецком озере (Восточное Прионежье; в научной литературе этот регион чаще именуется Пудогой). Творчество первых трех сказителей стало предметом специального изучения в трудах В. И. Чичерова. Рябинина он причислял к елустафьевско-рябининской «школе», Богданову — к «школе» Конона с Зяблых Нив, Конашкова — к пальской «школе».² Фофанова, былины которого в работах Чичерова подробно не анализировались, принято относить к «школе» Пудожского берега.³

¹ Путилов Б. Н. Искусство былинного певца: Из текстологических наблюдений над былинами // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 228—244; Ухов П. Д. Атрибуция русских былин. М., 1970; Чистов К. В. Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 225—232 и др. (Далее: Чистов); Гацук В. М. Эпический певец и его текст // Типологическое изучение эпоса. М., 1971. С. 7—46. Черняева Н. Г. О былинных сказителях Карелии // Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 8—30. Новиков Ю. А. Репертуар былинного певца и его источники // Учен. зап. вузов Литовской ССР. Literatura. Вильнюс, 1984. Т. 26 (2). С. 54—77. (Далее: Новиков).

² Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948. С. 40—41, 57 и др. (Далее: Сок.-Чич.); Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М., 1982. С. 29—108. (Далее: Чичеров).

³ Сок.-Чич., с. 57; Былины Пудожского края / Подгот. текстов, ст. и коммент. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941. С. 28—30 и др. (Далее: Пар.-Сойм.).

При естественном развитии событий жизненные пути этих людей вряд ли пересеклись бы, во всяком случае длительные контакты и связанное с этим взаимодействие эпических репертуаров были бы маловероятны. Но в 1920—1930-х гг. благодаря повышению общественного интереса к выдающимся носителям фольклора они стали регулярно встречаться в Москве, Ленинграде, Петрозаводске и других культурных центрах, куда выезжали для участия в конференциях сказителей и совместных публичных выступлений. В таких поездках неоднократно участвовали и близко познакомились друг с другом Богданова, Рябинин и Конашков; Фофанов впервые был приглашен в столицу Карелии в 1938 г. уже после смерти Богдановой, но с двумя другими певцами общался подолгу.⁴

Естественно предположить, что длительные контакты сказителей не могли пройти бесследно. Присутствуя на репетициях⁵ и выступлениях земляков, они невольно должны были сравнивать их исполнение со своим (тем более что нередко пелись былины на одни и те же сюжеты), усваивать на слух отдельные детали, эпические формулы, эпизоды, а то и целые сюжеты. По нашим данным, все четверо обогатили свой репертуар подобными заимствованиями.

Один случай такого заимствования давно был отмечен А. М. Астаховой, но не привлек к себе внимания других исследователей — видимо, воспринимался как факт исключительный. По поводу рябининского варианта «Чурилы и Катерины» А. М. Астахова писала: «Былину Рябинин перенял от Настасьи Степановны Богдановой во время совместной поездки с нею в Москву в 1927 г.»⁶ Выявить факт заимствования, скорее всего, помогла сама Богданова. Дело в том, что Рябинину не удалось овладеть напевом этой былины: «... он исполнял ее на мелодию, сложенную на мотивы „Яблочка“ и песни „Проводы“», поэтому «самолюбивая и ревнивая к своему искусству Настасья Степановна неодобрительно отзывалась об исполнении Петром Ивановичем ее былины».⁷

В 1926 г. П. Рябинин не предлагал этой старины участникам экспедиции Государственной академии художественных наук; впервые она записана от него в 1931 г., примерно через месяц после того, как от Богдановой была сделана третья по счету запись «Чурилы и Катерины». Сопоставительный анализ показывает, что среди всех вариантов, относящихся к «балладной» версии сюжета,⁸ тексты Богдановой и Рябинина-Андреева⁹ наиболее близки по композиции и стилю, их генетическая связь не вызывает сомнения. Рябинин не только повторил сюжетную схему былины Богдановой, использовал тот же набор оригинальных мотивов и формул, определяющих своеобразие этой версии сюжета, но и в подробностях изложения не отступал от прототекста. Приводить перечень сходжений между указанными вариантами нет необходимости — их слишком много и они очевидны, что лишний раз подтверждает мнение о Рябинине-Андрееве как сказителе-передатчике.¹⁰

⁴ См. об этом: Пар.-Сойм., с. 473; Сок.-Чич., с. 344, 416, 590; Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вводная ст. и коммент. А. М. Ливеского. Петрозаводск, 1948. С. 12, 17. (Далее: Лив.); Былины Севера / Зап., вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 45—47, 160—161. (Далее: Аст.); Чистов, с. 213—214.

⁵ Фофанов, например, тщательно готовился к записи каждой былины, не говоря уже о публичных выступлениях (Чистов, с. 222—223, 231—232).

⁶ Аст., с. 803.

⁷ Аст., с. 804, 161.

⁸ Подробнее см. об этом: Новиков Ю. А. Проблема варпанта и региональных традиций в изучении русских былин // Русская литература. 1984. № 4. С. 91—92. (Далее: Новиков. Проблема варпанта).

⁹ Аст., № 111, 137.

¹⁰ Аст., с. 160—161. Следует оговориться, что предложенное А. М. Астаховой деление исполнителей былин на три категории — сказителей творческого склада, передатчиков и импровизаторов — в известной мере условно, его нельзя рассматривать как жесткую схему. Применительно к певцам с большим репертуаром (Г. Якушов, В. Щего-

Для изучения закономерностей процесса усвоения эпических песен наименьший интерес представляют разночтения, обнаруживаемые в текстах «учителя» и «ученика». Самое характерное заключается в том, что Рябинин опустил многие описания и монологи персонажей. К пяти слушаниям, отмеченным в комментарии А. М. Астаховой, можно добавить попытку Катерины обмануть мужа ссылками на мнимую болезнь («Мне теперь что-то худо можится. . .» — у Рябинина этой реплики нет), описание реакции «Ермолушки» на донос служанки (ст. 68—70 у Богдановой, Рябинин и эти строки опустил), отсутствие выразительного монолога Катерины:

Ах щё же ты, Щурилушко, вчерась не бывал?
Сахарнии ества не едины стоят,
Медвянии пивá не питые.

Заметно сокращен рассказ о приезде обманутого мужа к своему дому (ст. 71—79 у Богдановой и 50—54 у Рябинина). В то же время Петр Иванович добавил к тексту своей учительницы концовку, явно позаимствованную из сказок («Песня вся, сказать больше нельзя», ср. сказочное: «Сказка вся, больше врать нельзя»). «В последний диалог, в перечисление чурильных вещей вводится еще „плеточка“, встречающаяся в других вариантах былины», — писала А. М. Астахова.¹¹ На наш взгляд, Рябинину не было необходимости слышать других певцов: Богданова при каждом исполнении варьировала перечень вещей и порядок их следования, а в начале былины, при описании приезда Чурилы передко упоминала и «шелковку плетку».¹²

Итак, усваивая новый сюжет, Петр Иванович строго ориентировался на прототекст, практически ничего к нему не добавлял. Это не было механическим запоминанием: некоторые пропуски потребовали корректировки текста. У Богдановой Чурила в награду за молчание обещает служанке подарки и замужество; Рябинин этот монолог опустил, из-за чего пришлось изменить дальнейший ход событий: «девушка чернавушка» адресует свои упреки не Чуриле, а Катерине, другим стало и содержание ее монолога (ст. 31—34 у Богдановой, 22—27 у Рябинина). Однако сказителю не удалось избежать логических неувязок — реплика Катерины «А тебе да мой Чурила не достанитца» оказалась немотивированной.

Это не единственный пример художественных потерь, которыми сопровождалось усвоение былины Рябининим. Поэтический образ «Не скачёная тут жемчужина скатилася, а у Щурилушки головка покати́лася» заменен прозаической фразой «Покатилась голова Чурилушкина».¹³ Драматичное объяснение супругов в форме вопросов и ответов местами превращается в невыразительный, лишенный динамики диалог (ст. 72—75). В трехчленной формуле Богдановой

Ну во тай же ты, девушка чернавушка,
Буде правду говоришь, так башмаки куплю,
Буде правду говоришь — сарафан куплю,
Буде правду говоришь — даже замуж возьму —

нарушен принцип постепенного повышения ценности обещанной Ермаком награды (у Рябинина он сразу начинает с обещания замужества — ст. 46—48). Пропущена лаконичная ремарка Богдановой, раскрывающая психологическое состояние героини в тот момент, когда обманутый муж обнаружил в спальне Чурилу:

«Катерина, это што? Николавна, это хто?»
Тут мовчала Катерина Николаевна.

ленок, тот же П. Рябинин-Андреев) можно говорить лишь о преобладающей тенденции, которая далеко не всегда прослеживается во всех эпических песнях.

¹¹ Аст., с. 804.

¹² Сок.-Чич., № 151.

¹³ Отмечено А. М. Астаховой: Аст., с. 804. Далее при цитировании расхождения между текстами выделяются курсивом.

От Богдановой Рябинин усвоил еще одно произведение — балладу «Братья-разбойники и сестра», что также было отмечено А. М. Астаховой.¹⁴ Этой баллады нет в репертуаре предков сказителя, да и от него в 1926 г. она не записана. При построчном сличении вариантов¹⁵ обнаруживаются те же явления, которые были замечены в былинке «Чурила и Катерина», что свидетельствует об их закономерности. Рябинин не только сохранил сюжетную канву прототекста, но и довольно точно воспроизвел подавляющее большинство стихов; его вариант гораздо ближе к богдановскому, нежели баллада Н. Зиновьевой — другого представителя «школы» Конона с Зяблых Нив.¹⁶

Как и в «Чуриле и Катерине», Петр Иванович опустил некоторые подробности и художественные образы (не упоминается «разбойский стаи», куда братья привели плененную сестру; нет вопроса о ее родине, оригинального эпитета «малогрѣбная лодочка»). Обошелся он и без лексических оборотов, позаимствованных Богдановой из похоронных или свадебных причитаний («как стащило нас тут победноих», «горько, тошно он да порастужилсь».¹⁷

Сравнительный анализ показывает, что производный текст и в художественном плане беднее прототекста. У Богдановой каждый стих представляет собой завершённую синтаксическую конструкцию, Рябинину не всегда удавалось этого добиться:

Вы разбойнички да подорожнички!
Да вставайте, дак чево мы понаделали.

Глагол, которым начинается второй стих, в смысловом и синтаксическом отношении явно тяготеет к первому стиху. Ср. чеканную формулу Настасьи Степановны:

Вставайте, братья родимые!
Уж мы што-то наделали,
Чуда чудного мы начудили,
Два дивного мы надивили.

(Последние два стиха в вариантах Рябинина вообще отсутствуют). В другой формуле спутаны традиционные эпитеты, неудачно употреблен предлог.

Рябинин:

Тут прибило нас на крутѣй бережок,
Ко крутым пескам, ко мелким камешкам.

Богданова:

Как стащило нас тут победноих
К крутым бережкам, ко желтым пескам,
Ко желтым пескам, к синим камешкам.

В третьем фрагменте опущен один из глаголов-синонимов, из-за чего нарушается синтаксический параллелизм и исчезает рифма.

Рябинин:

А у свѣкрушка да у свекровушки
На родимую сторонку подовалося.
А ведь с мужем я да сговорилося.

Богданова:

Я у свѣкрушка да подавалася,
У свекровушки доложилося,
Со своим со мужем сговорилося.

¹⁴ Аст., с. 703.

¹⁵ Аст., № 117, 139.

¹⁶ Аст., № 119. (Зиновьева переняла балладу от матери, а та — от «бабушки Шапши», основной учительницы Богдановой — см. Аст., с. 121).

¹⁷ Н. С. Богданова была «известной вопленицей полупрофессионального типа» (Аст., с. 45).

Наконец, в варианте Рябинина находим ряд неудачных лексических замен. Механически употреблено словосочетание «чадо милое»:

А племянничка, чадо милое,
Чадо милое да в воду бросили.

(В прототексте: «Любимá племá да в воду бросили»). Вместо традиционного «гостинички клали середь лодочки» появилось нехарактерное для эпического лексикона слово «вещи».

Приведенные фрагменты из двух эпических песен Рябинина-Андреева свидетельствуют о том, что по своей поэтической одаренности он заметно уступал Богдановой; у Настасьи Степановны были основания неодобрительно отзываться об исполнении Рябининым заимствованных у нее пропзведений. На качестве обоих текстов, видимо, сказалась и эпизодичность контактов «учителя» и «ученика». Для усвоения былины во всех деталях сказителю-передатчику нужно многократно прослушать ее в исполнении учителя; в данном случае таких условий у Петра Ивановича не было. Произведения, восходящие к семейной традиции, Рябинин запоминал точнее и исполнял виртуознее. Не случайно одну из таких былин — «Добрыня и змей» — перенял у него И. Т. Фофанов.

В комментарии к тексту пудожского певца указано на его близость к варианту Т. Г. Рябинина, родоначальника семейной традиции Рябининых,¹⁸ однако отмеченные сходжения в основном касаются элементов, характерных для кижской редакции сюжета в целом и не являющихся специфическими приметам рябининской традиции. Детальное сопоставление наводит на мысль о прямой генетической зависимости былины Фофанова (запись 1939 г.) от текстов Рябинина-Андреева. В репертуаре Петра Ивановича «Добрыня и змей» — единственная «рябининская» по своим корням былина, заметно отличающаяся от варианта Т. Рябинина (сказитель перенял новации своего деда И. Т. Рябинина, да и сам включил в повествование ряд описаний, позаимствованных из других сюжетов¹⁹). Практически все эти дополнения и изменения обнаруживаются в тексте Фофанова, причем он оказывается ближе к более поздней по времени записи от Рябинина-Андреева.²⁰

Вслед за П. И. Рябининым-Андреевым Фофанов употребляет ряд мотивов и формул, отсутствующих у Т. Рябинина. Собираясь на Пучай-реку, Добрыня «одёвал одежду ён военную»; змея «лепечет. . . по-змеиному»; услышав ее угрозы, Добрыня «видит ён как дело нехорошоё»; «колпак земли греческой» весит «ровно три пуда»; упомянут «булатный нож», которым богатырь хочет срубить змеиные головы; змея умоляет пощадить ее: «А не оставь-ко ты змеёнышей спроткамы»; потерпев поражение в бою,

А полетела тут змея да закрикала:
— А сыта я сегодня, пообедала.

Большинство этих формул восходит к варианту И. Т. Рябинина.²¹

Мотив пророчества, сулящего змее гибель от руки Добрыни, в других прионежских записях не зафиксирован (книжные по происхождению тексты здесь не учитываются). Вероятнее всего, в былину П. И. Рябинина он попал из книги (первоисточник — сборник Кирши Данилова), а от него был усвоен и Фофановым:

А многи мне-ка люди пророчили,
Ну победит меня Добрынюшка Мпкптинич.

¹⁸ Пар.-Сойм., № 21; коммент. на с. 476.

¹⁹ См. об этом: Аст., с. 733.

²⁰ Аст., № 133.

²¹ Ляцкий Е. Сказитель Ив. Тр. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. № 4. С. 45.

У П. Рябинина текстуальная близость к варианту XVIII столетия еще очевиднее:

А ведь многи стары люди мне пророчили,
Что побьёт Змешнице Добрынюшка.

Пудожский сказитель в основном сохранил изменения, внесенные Петром Ивановичем в вариант своего прадеда. (У змеи четыре головы, а не три; вернувшись домой, Добрыня угощается «у своей ён родной у матушки» и ложится спать — в былинне Т. Рябинина сразу же заходит речь о княжеских прах). Однако Фофанов не стремился к буквальному повторению прототекста, чувствовал себя свободнее и раскованнее Рябинина-Андреева. Проявляется это в творческом развитии некоторых художественных образов. Так, Петр Иванович ввел в былинну описание неудачной охоты Добрыни (ст. 57—61 — перенос из сюжета «Королевичи из Крякова»); у Фофанова эта картина гораздо выразительнее и эпичнее, в ней использованы поэтические образы из популярной на Пудогге былины «Сухман» (ст. 30—45). Дополнил он и формулу материнского наказа богатырю: у Рябинина она двухчленная («. . не бесчести-тко замужных жон, красных девушек»), у Фофанова — трехчленная (упомянуты еще и «вдовушки»). Традиционными деталями дополнена «заповедь великая», которую «положили» между собой Добрыня и змея (стихов 140—143 в прототексте нет); подробнее описано, как змееныши «подточили» ноги богатырского коня (добавлены стихи 54—55).

Иван Терентьевич опустил некоторые мотивы и формулы, не свойственные пудожской эпической традиции (не упоминаются слуги, «парубки любимые» — Добрыня сам ведет коня «во стоплу лошадиною»; нет излюбленной концовки Рябинина-Андреева «А ведь тем былиночка покончилась»). Вместе с тем Фофанов охотно обращался к привычному для него арсеналу художественно-выразительных средств, заменяя многие «рябининские» формулы и словосочетания. Это и описание богатырской поездки:

Ну видли добра молодца сядучи,
Не видли молодца поезжаючи, —

и рассказ о том, как Добрыня обходил коня после возвращения из поездки (ст. 173—176). В других эпизодах использованы постоянные эпитеты и лексические обороты, ставшие приметам индивидуального стиля Фофанова: «за плеча кладывал ён тугой-то лук», «отдох держал», «доспехи богатырские», «скамеечки клёновые» (у П. Рябинина — «окольные»).

Во всех прионежских редакциях сюжета рассказывается о двух поединках Добрыни со змеем. Фофанов, как и Рябинин-младший, ограничился первой частью былины. Год спустя от него была записана и вторая ее часть.²² По нашим данным, текст зависит от книги и восходит к варианту П. Калинина;²³ есть в нем и элементы пудожской редакции сюжета. Это вполне согласуется с представлениями о творческой манере Фофанова: оставаясь в рамках усвоенной композиционной схемы, он тщательно отработывал свои былины, добываясь предельной простоты, четкости и мотивированности, стремился обогатить прототексты новыми красками.²⁴ Не является исключением и былина о первом бое Добрыни со змеем, которую сказитель перенял у П. Рябинина-Андреева.

До сих пор речь шла о заимствовании сюжетов, которые прежде не входили в репертуар «учеников». С Федором Андреевичем Конашковым

²² Русские эпические песни Карелии / Изд. подгот. Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981. № 35 (Далее: Черн.).

²³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949—1951. Т. 1—3. № 5. (Далее: Гильф.).

²⁴ Развернутая характеристика творческой манеры Фофанова дана в книге К. В. Чистова: Чистов, с. 226—231.

произошел более интересный случай — познакомившись с великолепным исполнением «Чурилы и Катерины» Н. С. Богдановой, он на склоне лет переучил эту былину. В 1928 г. от него был записан вариант, полностью укладывавшийся в рамки пудожской редакции сюжета.²⁵ Спустя 10 лет сказитель исполнил новое, коренным образом переработанное произведение,²⁶ в котором элементы старой редакции переплетаются с заимствованиями из былины Богдановой. Этих заимствований так много, что второй вариант правомерно относить не к пудожской редакции «Чурилы и Катерины», а к балладной по характеру кижской версии.

Влияние богдановского текста²⁷ прежде всего проявилось в усилении роли диалогов, что повышает динамизм повествования, придает ему характерную для баллад драматическую окраску:

Хто же у ворот стоит да колотитце,
Хто же у ворот стоит да даваетце? . .
— Катерина, это што, Микулаевна, пошто?

Конашков ввел в свою былину ряд новых эпизодов и описательных характеристик, заменил некоторые стереотипные формулы их семантическими эквивалентами. Кратко, но весьма выразительно описана внешность Катерины (ст. 7—10) и Чурилы; первой формулы в записи 1928 г. вообще нет, а вторая заметно отличается:

Запись 1928 г.   А мысли Чурилушка-то белешенько,
                                  А одевалсе Чурила поцистепенько,
                                  А на ножки башмацки шелковыц. . .
                                  А кладывал на головушку шапоцьку пуховую.

Запись 1938 г.   Ч Чурилы с-под шапки глаз не видать,
                                  У Чирилки с-под шапки плечь не видать.
                                  Шапоцька ушаста, пушиста, навдвесиста.

Богданова: У Щурилушки шапка ушистая,
                                  Ай ушиста, пушиста, навесиста,
                                  А и спереду, поди, и очей не видать,
                                  Позади из-под шапки — белбй шейкй.

В варианте 1938 г. добавлены укоры Катерины любовнику («Что же ты, Чурила, вчерась не бывал? . . .» и т. д.); в приземленно-бытовом плане рассказано, как Чурила «торгуется» со служанкой, пытаясь удержать ее от доноса («Я тебе, девица, башмацки куплю. . .» и пр.), и как ревнивая хозяйка дома расправляется с «чернявкой» (ст. 36—42). Если в первом варианте Конашкова герои передвигались по городу пешком, то во втором, как и у Богдановой, они ездят: Чурила — на вороном коне, запряженном в «санки-самокатки», «Вельма Васильевич» — верхом. Появилось в нем и поэтическое сравнение, позаимствованное у кижской певицы:

Покатилося по полу две головушки,
Как по полу две да жемчужинки.

Почти буквально повторяется богдановский текст и в стихах 10—14, 19—21, 27.

Перемены коснулись также имен собственных. В 1928 г. Конашков называл героя «Чурилушкой Пленковицем», героиню — «Катей», «Кате-

²⁵ Сок.-Чич., № 89. По композиции и стилю этот текст близок к вариантам других нудожских сказителей — П. Антонова (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909—1910. № 162). (Далее: Рыбн.), Г. Якушова (Сок.-Чич., № 22), В. Родина (Архив Карельского филлала АН СССР, ф. 1, оп. 1, кол. 2, № 226), И. Фофанова (Пар.-Сойм., № 27).

²⁶ Лпн., № 17.

²⁷ Сок.-Чич., № 151.

риной», «Катюшей» (без отчества), обманутого мужа — «Вельмой Григорьевичем», служанку — «девкой-телятницей» (все в полном соответствии с пудожской редакцией сюжета). Через 10 лет набор имен заметно изменился: «Чурилушка Пленковицъ, Щеголенковицъ», «Катерина Микулаевна» («Николаевна»), «Вельма сын Васильевичъ», «девушка да цернявушка». Все изменения навеяны былиной Богдановой, только муж Катерины сохранил обычное для пудожской традиции имя (у Богдановой — «Ермак Васильевич»).

Эти примеры наглядно иллюстрируют явную зависимость конашковской былины в ее позднем варианте от творчества Н. С. Богдановой. Однако даже в тех эпизодах, которые были позаимствованы пудожским сказителем, буквальных совпадений с прототекстом гораздо меньше, нежели у П. Рябинина. К тому же Федор Андреевич сохранил некоторые элементы своей ранней редакции. Служанка без обиняков рассказывает Вельме об измене супруги — ст. 47—52 (у Богдановой она прибегает к намекам: «У тебя-то в доме гости есть немилыя»); Катерина заметила возвратившегося мужа в окно (у Богдановой он застаёт ее врасплох); иначе, нежели в былине кижской сказительницы, описан внешний вид Катерины в финальной сцене. У Конашкова и Богдановой героиня по-разному объясняет мужу, как в их дом попали вещи Чурилы:

К о н а ш к о в:

Братца моего, братца родимого.
Ен велел держать, помрет — дак по души отдать.

Б о г д а н о в а:

Вчера ездил мой братец во чисто полё,
Со Щурилушкой сбруей мы сменялися.

Как и Рябинин-Андреев, Конашков перенял от Богдановой еще и балладу «Братья-разбойники и сестра».²⁸ Прионежские записи этой баллады, в том числе и пудожские, отличаются устойчивой композицией, стабильностью многих формул, что усложняет выявление генетических связей между текстами. Но в данном случае факт заимствования вряд ли можно оспорить: в 1928 г., до встречи с Богдановой, это произведение от Конашкова не было записано, а главное — в вариантах обоих певцов совпадают не только общеупотребительные, но и редкие мотивы и детали, отсутствующие у большинства их земляков.

К о н а ш к о в:

А гостинички клала на серёдочку,
Свое-то ейна чадо к груди прижала.

Б о г д а н о в а (з а п и с ь 1931 г.):²⁹

Гостинички клали середь лодочки. . .
Чада милого ко белым грудям.

К о н а ш к о в:

Моего-то мужа да подстрелили.

Б о г д а н о в а (з а п и с ь 1928 г.):

Моего-то мужа пострелили.

К о н а ш к о в:

Вот-то мы беды, беды наделали,
Чудо мы, чудо да начудили.

²⁸ Лип., № 21.

²⁹ Тексты Н. Богдановой цитируются по двум записям: 1926 г. (Сок.-Чич., № 155) и 1931 г. (Аст., № 117).

Б о г д а н о в а (з а п и с ь 1931 г.):

Уж мы што-то наделали,
Чуда чудного мы начудили.

В обоих вариантах «малу лодочку» бурей приносит к берегу — «во разбойский стан» (Богданова), «ко той-то фатерки, ко разбойникам» (Конашков).

Последний пример показывает, что Конашков не заботился о буквальном воспроизведении прототекста — усваивая общий смысл стихотворного фрагмента, он порой существенно менял его словесное оформление. Описывая бурю на море, сказитель дополнил формулу Богдановой «Нашли-то, нашли тучки темные, завяли буйные ветерочки» еще двумя стихами:

Волна-то в море взволноваласе,
Валы-то в море закатилисе.

Богданова уже в 8-м стихе (запись 1931 г.) перешла от эпически объективного рассказа к форме повествования от первого лица; Конашков сделал это лишь во второй половине баллады, начиная с 28-го стиха. Использовал он и свой собственный арсенал художественных средств. Героиня баллады названа «одинавушкой», как и в варианте односельчанки Федора Андреевича А. Пашковой;³⁰ в тексте Богдановой находим обычный для всего Прионежья эпитет «одинака дочь». Гораздо выразительнее стала формула вопроса о роде-племени (ст. 36—40), перенесенная из других былин Конашкова.

Одно уточнение пудожского певца, на первый взгляд, может показаться нелогичным.

Б о г д а н о в а:

Муж сел во весёлышко,
А сама-то села во правильщики.

К о н а ш к о в:

Сама-то да села да за весёлышка,
.....
А муж-то сел за управителя.

Но тех, кто знаком с капризным нравом «шумячего, гремячего Онегушка», такое распределение обязанностей не удивит: на «большой воде» северяне издавна доверяют рулевое весло самому сильному, ибо в случае непогоды от него в первую очередь зависит безопасность сидящих в лодке. Конашков, долгие годы рыбачивший на Онежском озере, прекрасно знал об этом обычае и внес соответствующие коррективы в текст баллады.

Общаясь с другими сказителями Прионежья, Конашков усваивал также отдельные формулы и подробности повествования. Он «взял на вооружение» нетрадиционную былинную концовку П. Рябинина-Андреева «Тем былина и покончилась» и последовательно использовал ее в своих эпических песнях. В записях 1928 г. она не встречается ни разу, а в сборнике Линецкого ее нет только в «Сухмане» и в одном из двух вариантов «Ильи и Идолица». Для сравнения заметим, что Фофанов, целиком перенявший от Рябинина былинную о первом бое Добрыни со змеем, эту формулу опустил, да и сам Петр Иванович обращался к ней не всегда. В былинке Конашкова «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» находим знаменитое рябининское сравнение «А как силы стоит как чёрного да ворона», которым сказитель заменил свои прежние формулы;³¹ этот же поэтический образ

³⁰ Пар.-Сойм., № 13.

³¹ Лин., № 1. Ср.: Сок.-Чич., № 77, ст. 7—10, 217, 676—678.

дважды использован в «Илье и Калине».³² Видимо, к тому же источнику восходит фраза «А прямоедя старинна дорога замуравлена», отсутствующая в ранней записи. Логично предположить, что эти формулы пудожский сказитель позаимствовал у П. Рябинина-Андреева.

Приведенные факты заставляют пересмотреть устоявшееся мнение о творческой индивидуальности Ф. А. Конашкова, об особенностях представляемой им семейной традиции. Не выдерживает проверки тезис о замкнутости, обособленности «школы» Конашковых.³³ Не исключено, что на выводы фольклористов активно влиял сам Федор Андреевич, утверждавший, будто единственным его учителем был дядя — Василий Степанович Конашков (иногда упоминается и дед сказителя) и упорно отрицавший заимствования эпических песен «на стороне».³⁴ Между тем такие заимствования не ограничиваются проанализированными выше текстами. Эпическую песню «Данила Белый»³⁵ Конашков, по его словам, перенял у Н. Прохорова,³⁶ былина «Вольга и Микула», впервые записанная от него в 1938 г.,³⁷ по нашим данным, восходит к варианту Т. Рябинина, вероятнее всего через книгу.³⁸

Сопоставление записей, сделанных от Конашкова в 1928 г. и 1937—1938 гг., показывает, что ряд своих былин сказитель существенно переработал, дополнил новыми эпизодами и формулами («Добрыня и Маринка», «Сухман», «Василий Игнатьевич и Батыга»; в меньшей степени — «Михайло Потык», «Садко», «Соловей Будимирович».³⁹ Поэтому неубедительно выглядят предположения А. М. Линевского: «Заучив былины в ранней молодости, сказитель, по-видимому, из года в год пел их без изменений»; «... текст Федор Андреевич помнил прочно и его не менял».⁴⁰ Результаты проделанного нами анализа говорят о другом: Конашкова нет оснований считать сказителем-передатчиком; даже когда ему пошел восьмой десяток, он продолжал творческую работу над своим репертуаром.

Встречаясь со своими земляками-сказителями в Петрозаводске, выезжая вместе с ними в Москву и Ленинград, Настасья Степановна Богданова выступала не только в роли «учителя», но и в роли «ученицы». От Конашкова она усвоила былинку «Добрыня и Маринка», которая была впервые записана от нее в 1932 г.,⁴¹ т. е. после личных контактов с пудожским певцом. Правда, текст Богдановой трудно назвать былинкой — это скорее пересказ эпического сюжета, изобилующий прозаизмами, пространными описаниями и диалогами на бытовые темы. Произведение наверняка записано под диктовку, ибо петь такие строки невозможно:

Там уж долго ли он стоял,
Стоял, постоял, подумал,
Надо искать, куды она провалилась.
Нашол ключей вязанки,
Эти от комодов, эти от буфетов, эти от шкафов.
Надо идти вниз искать ключи дверные.

³² Лин., № 3., ст. 43, 125.

³³ Сок.-Чич., с. 63; Лин., с. 19. Следует оговориться, что в отличие от автора этих строк В. И. Чичеров и А. М. Линеvский не имели возможности сопоставить варианты эпических песен Конашкова, записанные в разное время.

³⁴ Сок.-Чич., с. 344; Лин., С. 11, 15.

³⁵ Сок.-Чич., № 92; Лин., № 20. Это — былинное новообразование, в котором использован эпизод из сказки о Еруслане Лазаревиче. См., об этом: *Пушкарев Л. Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980. С. 147—148.

³⁶ Лин., с. 201.

³⁷ Лин., № 11.

³⁸ Устное заимствование у П. Рябинина-Андреева практически исключено: в тексте пудожского сказителя нет ни одной детали, которыми Петр Иванович дополнил былинку своего прадеда.

³⁹ Лин., № 5, 6, 8, 15, 18, 19.

⁴⁰ Лин., с. 9, 19.

⁴¹ Аст., № 113.

Дефектность текста всегда затрудняет его сопоставительный анализ, но в данном случае положение облегчают два обстоятельства. Во-первых, Богданова усвоила ряд нестандартных формул и деталей, отличающих былину Конашкова от родственных ей вариантов. Во-вторых, если отвлечься от многочисленных амплификаций и нетрадиционных бытовых подробностей, то оказывается, что исполнительница довольно точно передала содержание прототекста. А былина Конашкова принадлежит к оригинальной версии, которая на рубеже XIX и XX вв. практически вытеснила более архаичные по содержанию редакции «Добрыни и Маринки» в обширном ареале — от Кижей на западе до Кенозера на востоке.⁴² От традиционной былины в этой версии остались лишь экспозиционные сцены, имена главных героев, стрельба Добрыни по голубям, в некоторых вариантах — убийство любовника Маринки. Далее следуют эпизоды из второй части «Трех поездов Ильи Муромца» (столкновение богатыря с королевной, обманом завлекающей гостей на «кроватьку подложную»).

О генетической связи текстов Конашкова и Богдановой свидетельствуют следующие схождения между ними.

Оба исполнителя последовательно сопровождают имя героини словом «догадлива», оно у них превращается в постоянный эпитет (Богданова даже назвала свое произведение «Маришка догадлива»). В других родственных вариантах этот лексический оборот встречается лишь однажды (Якушов), причем употребление слова «догадлива» обусловлено развитием сюжетного действия («А душечка Малиноцька догадаласе, — а догадлива была да она хитрая»).

Вслед за Конашковым Богданова употребляет формулу «Стоят у кровати да *коряются*» (ср. стих 85 в ранней записи от пудожского певца⁴³), упоминает «ключей вязанки» (в других вариантах говорится просто о ключах). Только у Конашкова и Богдановой запрет заходить «в Маришкин переулоч» предваряется разговором Добрыни с матерью о том, куда он «справляется, снаряжается»; только у них богатырь говорит о своем желании «прогулятисе» «по славному своему граду». Наконец, Богданова использовала уникальный сравнительный оборот Конашкова, который не найден нами не только в родственных вариантах «Добрыни и Маринки», но и в других былинах, где рисуется аналогичная ситуация:

К о н а ш к о в:

Пропадешь... хуже кислой-то ты да плотичины!

Б о г д а н о в а:

Пропадешь ты, драгой, за глиную (гнилую. — Ю. Н.)
платичину.

Разумеется, фрагментарный вариант кижской сказительницы далеко не по всем параметрам близок к прототексту. В нем опущены сцены стрельбы из лука по голубям, убийства «тотарина любимця», нет колдовского заговаривания «следоцьков» Добрыни. В то же время Богданова включила в свое произведение формулы, позаимствованные из сказок, причитаний и лирических песен (ст. 5, 47—48, 54—55, 115), народную поговорку («Куды, думает, куды копейка провалилоси?»), а также слово-

⁴² Кроме былин Конашкова (Лин., № 6) и Богдановой к этой версии относятся варианты пудожан Г. Якушова (Сок.-Чич., № 11), Н. Ремизова (Пар.-Сойм., № 35), В. и И. Ремизовых (Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. № 31), И. Фофанова (Черн., № 36), кенозерских сказителей А. Артемьевой, Н. Капустиной и Е. Морозова (Сок.-Чич., № 212, 266, 280). Более подробную характеристику этих текстов см.: Новиков. Проблема варианта, с. 90.

⁴³ Сок.-Чич., № 81.

сочетание «рубашечки-манишечки» (ст. 4, 79), видимо, усвоенное от П. Рябинина-Андреева. У Конашкова мать героя не названа по имени, Богданова вводит в свой текст имя «Афимья Александровна» (ср. ее былинку «Добрыня и Алеша»⁴⁴).

* * *

Рассмотренные выше случаи заимствования дают определенный материал для уточнения некоторых теоретических положений.

Лишь Рябинин-Андреев познакомился со своей будущей «учительницей» в молодые годы; Богдановой, Конашкову и Фофанову было в этот момент около 70 лет. Вряд ли это исключенца из правила. Видимо, многие крупные мастера до глубокой старости сохраняли творческую активность, живой интерес к былинам, продолжали обогащать свой художественный арсенал. Поэтому не всегда убедительными выглядят весьма распространенные утверждения исследователей, будто тот или иной сказитель все свои былины выучил в ранней молодости и затем пел их без изменений. Запись новых произведений от того же исполнителя не обязательно свидетельствует о пропусках предшествующих собирателей.

Сопоставление заимствованных вариантов с прототекстами позволяет объективнее судить об особенностях исполнительской манеры указанных певцов. (Дело в том, что во всех других случаях мы не располагаем записями от предшественников Богдановой и Конашкова, да и об источниках многих былин Фофанова нет достоверных данных). Наши наблюдения подтверждают сложившиеся представления о «творческом почерке» Н. Богдановой и П. Рябинина-Андреева. Даже в дефектном, полупрозаическом варианте «Добрыни и Маринки» отчетливо просматриваются особенности индивидуального стиля Богдановой — сказительницы творческого склада, склонной к бытовизации и психологизации былин, охотно использующей поэтические образы народных причитаний. Рябинин-Андреев предстает как типичный сказитель-передатчик, но в деталях повествования и он не чужд новациям. А вот причислять обоих пудожских певцов к категории «передатчиков» нет никаких оснований: Конашкову, а тем более Фофанову нельзя отказать в творческом отношении к эпическому материалу. Первый сказитель, например, усвоил новую версию хорошо известного ему сюжета «Чурила и Катерина», сохранив при этом некоторые элементы своей старой редакции. Существенно переработал он и былинку «Сухман»: вариант 1928 г. содержит ряд деталей и подробностей, неизвестных по другим прионежским записям, и, видимо, связан с семейной традицией, а вариант 1938 г. в сюжетном отношении вплоть до мелочей совпадает с былинкой И. Фофанова.⁴⁵ За всю историю собирания былин лишь несколько раз удавалось записывать от одного исполнителя разные версии или редакции сюжета. У Фофанова было по крайней мере 5—6 учителей, однако все его былины отличаются композиционно-стилистическим единообразием, в них устранены встречающиеся в прототекстах алогизмы и противоречия, ненужные повторы, что свидетельствует о длительной творческой работе над ними.

Четыре прионежских сказителя переняли друг у друга шесть эпических песен и всякий раз сохраняли не только сюжетную основу прототекста, но в значительной мере и его стилистические особенности. Видимо, и это не случайное совпадение, а определенная закономерность, свойственная процессу усвоения былин.

Особый интерес в этом плане представляет последний текст. Судя по всему, собиратели зафиксировали одну из первых попыток Богдановой

⁴⁴ Аст., № 109.

⁴⁵ Варианты Конашкова: Сок.-Чич., № 84; Лин., № 8; вариант Фофанова: Пар.-Сойм., № 23.

передать содержание слышанной ею былины «Добрыня и Маришка» — не исполнение в полном смысле этого слова, а своего рода первый «черновик». Зная артистизм сказительницы, ее высокую требовательность к себе и другим, можно не сомневаться, что публично выступить с таким «сырым» произведением она бы никогда себе не позволила. Но именно фрагментарность, стилистическая пестрота текста дают возможность судить о содержании и очередности разных этапов в работе эпического певца над былиной.

Коротко охарактеризуем, что представляет собой этот текст. Первые 35 строк выдержаны в формульном стиле, здесь нет неоправданных длиннот, преобладает традиционная лексика. Следующие 110 стихов лишь условно можно назвать былинными — в них использована всего одна эпическая формула (ст. 70—74) и несколько постоянных эпитетов, лексика преимущественно просторечно-бытовая. (Фрагмент из этой части текста приводился выше). В заключительной части содержание былинных эпизодов передано прозой, стиль не имеет ничего общего не только с былинами, но и со сказками.

Вырисовывается такая картина. Н. Богданова более или менее твердо усвоила содержание ключевых эпизодов «Добрыни и Маринки», затем приступила к стилистической шлифовке текста; в самом начале этой работы и была сделана запись. Если такую последовательность признать закономерной, то многие фрагментарные варианты других исполнителей⁴⁶ тоже следует признать «полуфабрикатами», работу над которыми сказители еще не завершили. Именно такое впечатление производят варианты «Алеши и Тугарина», записанные от А. Чукова,⁴⁷ — основу каждого текста составляют центральные эпизоды разных версий сюжета. Такова же и «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» П. Рябинина-Андреева,⁴⁸ представляющая собой серию стихотворных фрагментов, соединенных прозаическими скрепами. А на примере разделенных десятилетием двух записей былины Т. Рябинина «Наезд литовцев»⁴⁹ можно проследить, как несколько небольших по объему вставок (ст. 16—19, 23—27, 61—68) помогли придать произведению логическую стройность и сюжетную завершенность. Все эти наблюдения согласуются с выводами В. М. Гацака, выступившего с аргументированной критикой так называемой «формульной» теории.⁵⁰

Как видим, усвоение нового сюжета — процесс длительный и сложный, требующий известного напряжения сил даже от опытного сказителя, владеющего многими секретами исполнительского мастерства. Поэтому весьма сомнительными выглядят утверждения некоторых певцов, будто для запоминания былины им достаточно прослушать ее один раз. Тот же П. Рябинин-Андреев сообщил собирателям по поводу былины «Добрыня и Василий Казимирович»: «Я с одного раза понял. Папаша пропел мне раз, когда мне было десять лет. Я сказал: „Спою“. Пропел. . .»⁵¹ С этим заявлением не вяжется тот факт, что находясь в расцвете творческих сил, Петр Иванович так и не сумел во всех подробностях запомнить богдановский текст «Чурилы и Катерины», объем которого в десять раз меньше рябининских вариантов «Добрыни и Василия Казимировича».

⁴⁶ Подчеркнем: многие, но не все. Тексты такого рода могут появиться и в результате постепенного разрушения былин, забвения второстепенных эпизодов, так называемых переходных мест и пр.

⁴⁷ Рыбн., № 24, 27.

⁴⁸ Аст., № 132.

⁴⁹ Рыбн., № 20; Гильф., № 88.

⁵⁰ Гацак В. М. Основы устной эпической поэтики славян: Антитеза «формульной» теории // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1983. С. 184—196.

⁵¹ Сок.-Чич., с. 449.

Чтобы пополнить свой репертуар новой былиной, начинающему певцу необходимо много раз прослушать ее в той же редакции. В районах с земледельческим уклоном (Прионежье, Кенозеро, Моша и др.) самые благоприятные условия для этого — в семье, в родном селении, где люди постоянно общаются друг с другом и где варианты разных сказителей обычно близки по композиции и стилю. Этим и объясняется, что в Онего-Каргопольском крае семейные традиции играли очень важную роль, а своеобразные версии и редакции былинных сюжетов, входившие в репертуары А. Чукова, Т. Рябинина, Н. Прохорова и других выдающихся сказителей, не получили широкого географического распространения.

И последнее замечание. Изложенные в статье текстологические наблюдения и сделанные на их основе выводы не всегда укладываются в рамки теории «школ» сказительского мастерства. Эпические песни заимствовали друг у друга все четыре упомянутых сказителя, представлявшие разные локальные традиции и отнесенные В. И. Чичеровым к разным «школам». Они перенимали сюжеты, отсутствовавшие в репертуарах их главных учителей, усваивали оригинальные, прежде неизвестные их односельчанам версии и редакции сюжетов, существенно обновляли свой арсенал художественно-выразительных средств и стилистических приемов. Рассмотренные нами 6 случаев заимствования подтверждают общую закономерность: сказители с большим репертуаром не ориентировались на одного учителя: они аккумулировали в своем творчестве лучшие достижения местной эпической традиции, которая никогда не исчерпывается наследием одного, пусть даже и выдающегося, мастера; при благоприятных условиях они не упускали случая пополнить свой багаж заимствованиями «на стороне».⁵² Именно это произошло с Богдановой и ее спутниками во время совместных поездок в культурные центры страны.

Коль скоро источники эпического знания многообразны, трудно надеяться, что все былины сказителей одной «школы» (и даже былины одного сказителя с большим репертуаром) будут объединяться «общностью приемов и методов разработки традиционных сюжетов и исполнения созданных текстов».⁵³ По всем этим параметрам варианты «Чурилы и Катерины» и баллады о братьях-разбойниках, записанные от Богдановой, П. Рябинина-Андреева и Конашкова (1938), гораздо ближе друг к другу, чем к эпическим песням земляков этих сказителей, причисляемых к тем же «школам».

---

⁵² К такому же выводу мы пришли в результате анализа источников репертуаров Т. Рябинина, П. Воинова, И. Фелюнова, калики из Красной Ляги (записи 1860—1870-х гг.), Г. Якушова, И. Фофанова (записи 1920—1930-х гг.). См.: Новиков.

⁵³ Сок.-Чич., с. 33.

А. А. ГОРЕЛОВ

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ТЕКСТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКИХ
ПЕСЕН, БАЛЛАД И БЫЛИН

1

В одной из статей, развивая мысль, что «нынешние исследователи» пытаются «обеливать Ермака в той части, которая относится к ватажной жизни на Волге», и полагают, что «не мог Ермак заниматься непотребным „воровским ремеслом“», писатель Валентин Распутин предложил, в частности, «положиться на народную память и народное чутье», а в качестве примера сослался на строки песни, которая, как следует из текста, и есть «народная память»:

Ты прими-де, Грозный царь, ты поклон от Ермака,
Посылаю те в гостинеп всю Сибирскую страну,
Всю Сибирскую страну: дай прощенье Ермаку.

Несмотря на то что общий ход рассуждений Распутина может получить реальную опору в народных казачьих песнях, ведущих свою родословную, по всей вероятности, с рубежа XVI—XVII вв., аргументация нашего известного прозаика ослаблена тем, что он цитирует позднюю переделку народной песни, хотя бы и записанную самим П. В. Киреевским.¹ Знающему подлинники фольклористу бросается в глаза книжность ритмизации, срифмованность строк. Недаром запись была сделана от раскольника: в тексте ощутима рука грамотея-сочинителя из народной среды.

Тем не менее неточность Распутина вполне объяснима: даже лучшие издания русского историко-песенного фольклора не вполне освобождены от сомнительных текстов, вторичных редакций.

В антологии «Русская историческая песня»² оказались публикации, подлинность изустной традиционности которых проблематична. Текст № 23, заимствованный из астраханского песенного сборника А. А. Догадина,³ всем своим содержанием укладывается в рамки текста № 8 донского песенного сборника Р. Хрещатицкого⁴ и включает почти буквальные стиховые аналоги (Хрещатицкий: «. . дайте мне думу думати», «Идти ль не идти ль. . .») и др.; Догадин: «Дайте думушку мне одумати», «Ит-

---

¹ *Распутин В.* Сибирь без романтики // Писатель и время: Сб. документальной прозы. М., 1985. С. 100—101. Ср.: Собрание народных песен П. В. Киреевского. Тула, 1986. С. 174—175, 440.

² Русская историческая песня / Вступ., сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Емельянова. 3-е изд. Л., 1987. (Б-ка поэта; Большая сер.).

³ Былины и песни астраханских казаков / Для однородного хора собрал и на ноты положил А. А. Догадин; Под ред. Н. С. Кленовского. Астрахань, 1911. Вып. 1. С. 9—10. (Далее: Догадин).

⁴ Казачьи песни Донского войска из сборника Р. Хрещатицкого. Для казаков 1-й Дснскй казачьей дивизии. [М.,], 1903 (см. также: 2-е изд., испр. и доп. М., 1906).

тить — не иттить нам. . .» и др.), вследствие чего наиболее вероятно, что запись Догадина — текст, заученный по сборнику Хрещатицкого, но несколько измененный при пении.

В названной антологии «Библиотеки поэта» под № 26 также перепечатан из свода «Исторические песни XIII—XVI веков»⁵ текст о взятии Ермаком Казани, представляющий собой в первой публикации образец полуграматного писарского сочинительства XIX в. с использованием казанского мотива подлинных донских песен Ермацкого цикла.⁶ В песне появились нетипичные для подлинных записей народных вариантов сведения о царском пожаловании Ермака князем и награждении его «именной медалью», о борьбе за «бусурманский» город Казань. Спустя десятилетие Ф. К. Траилин поместил исправленную перепечатку текста «Донских войсковых ведомостей» в сборнике «Часовой», с примечанием, что ее доставил А. Ф. Фон-Юргилевский, собиравший «около 15 лет тому назад в разных станицах» рукописи песен.⁷ Любопытно, что строки 1—3, 6—8, 11, 18, 19, 42, 47, 53, 66, 74, 81 совпали с газетной публикацией полностью. Заключенные в скобки в 1866 г. стихи 28—38 были в 1876 г. изъяты (а также стихи 40—41, 55—57, 59—62, 82); в стихи 4, 5, 9, 11, 13—18, 21—27, 39, 43—46, 48—52, 54, 58, 63—65, 67—73, 75, 77, 78, 80 были внесены минимальные слоговые и более крупные лексические подмены с попутной правкой окончаний глагольных и других форм (стих 9: «да подумайте» — «подумайте»; стих 11: «Так Ермак» — «Ермак»; стих 16: «Да не может. . . Казань взяти» — «И не может Казань город взять»; стих 43: «милостынею» — «милостынью»; стих 45: «Рассмотрел Ермак» — «заприметил там Ермак»; стих 46: «Как пришел Ермак ко товарищам» — «И с тем вернулся он к товарищам» и т. п.) и между идентичными 42-ми и 43-м стихами возникла вставка: «Платье ветхое, все истасканное». Завершился текст словозаменой (вместо «поселимся» — «покаемся»), вносившей в произведение подчеркнуто покаянный мотив. Возможно, что правку производил собиравший донских древностей А. Ф. Фон-Юргилевский:⁸ чья-то опытная рука кое-где приближала текст к стабильности народной ритмики. Отсюда текст переключался в известный донской сборник А. Пивоварова (под № 14), затем в антологию В. Ф. Миллера⁹ и, как видим, имеет хождение до сих пор.

2

Если в рассмотренных выше случаях ошибки носят как бы невольный характер, свидетельствуя о некритическом подходе к текстам-посредникам (об этом еще пойдет речь впереди), то есть и публикации, в которых передатировка и переатрибуция вошедших в обиход вариантов совершаются без текстологических обоснований.

Одно из недавних «открытий» состоялось в рассчитанном на массового читателя сборнике исторических песен и баллад, где текст, прежде связывавшийся со смертью Ивана Васильевича Грозного, перепечатан под

⁵ Исторические песни XIII—XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. С. 529—530. (Далее: ИП).

⁶ Песня про Ермака // Донские войсковые ведомости. Ч. неофициальная. 1866. № 10. 11 марта.

⁷ «Часовой»: Донской сборник. Труды любителей донского прошлого и современного быта / Изд. Ф. К. Траилина. Новочеркасск, 1866. Вып. 1. С. 51—52.

⁸ Им опубликован между прочим до сих пор не введенный в научный оборот список так называемой «поэтической повести» «Сказания об Азовском сидении донских казаков» (Донская газета. 1875. № 22—24), позже появившийся в сборнике «Донские казачьи песни» (Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885. С. 34—41).

⁹ Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVIII вв. Сб. ОРЯИ С ИАН. Пг., 1915. Т. 93. № 167.

заглавием «Часовой у гроба Ивана Третьего».¹⁰ До сих пор ни одной песни с упоминанием великого князя Московского Ивана III мы не знали.

Сенсационно интерпретированный вариант был первоначально опубликован астраханским собирателем местных казачьих песен А. А. Догадиным под витиеватым названием «Плач по скончавшемся царе Иване Грозном в 1584 г.» (Догадин, с. 14), и это прикрепление текста не пересматривалось.¹¹ Запись довольно бедна реалиями, которые имеют хронологическую ориентацию: «Москва каменна», «собор Успенский», «казак» на часах, «православный царь», «Иван Васильевич», «Казань город». Песня, говорящая о том, как «богу молится», «слезно плачет» «молодой казак», оканчивается его плачем-речью, обращенным к усопшему:

X [о р]:	Ты восстань, восстань Ты наш православный царь! .
	Православный царь, царь Иван Васильевич!
З [а п е в а л а]:	Ты наш батюшка!
X [о р]:	Ты взгляни, взгляни На свою силушку. . .
	Твоя силушка Скоро во поход пойдет. . .
	Как под тот-то славный! Казань, Казань город. (Догадин, с. 14—15)

Составитель сборника «Исторические песни. Баллады» пишет: «Иван III Васильевич подчинил Казанское ханство, посадив ханом своего ставленника. Но незадолго до своей смерти, в связи с резким изменением обстановки в Казани, Иван III задумал поход; он тщательно подготавливался и состоялся только в 1506 году, через год после смерти Ивана III». Далее категорически подчеркнуто: «Комментируемая песня не могла быть сложена в связи со смертью его внука Ивана Васильевича Грозного, так как задолго до нее (в 1552 г.) Казанское ханство окончательно вошло в состав Русского государства» (ИБ, с. 570).

Для того чтобы переосмыслить песню, необходимо располагать целой суммой исторических, историко-культурных, текстологических доказательств. Во-первых, надо быть убежденным, что казачество тех мест, где был записан текст, имело и хранило фольклор об Иване III. Даже на правах рудимента он не мог быть абсолютно уникален, исключителен, а должен бы найти подкрепления в виде иных фольклорных свидетельств (рассказов-«памятей», преданий), т. е. каких-то осколков прежде существовавшего устнопоэтического творчества, порожденного фактами прямых контактов предков астраханских казаков с Иваном III. В свою очередь факты эти должны были бы явиться в такой исторической силе, неизгладимости, чтобы перейти в сознание казаков-потомков и закрепиться в нем до начала XX в.

Относительно искомой исторической и культурной преемственности исследователи пока что не предлагают ничего обнадеживающего. Нам неизвестно, в какой мере можно считать астраханцев наследниками тех городских русских служилых людей, которые уже носили на рубеже XV—XVI вв. имя казаков (как, например, рязанские казаки, этнически

¹⁰ Исторические песни. Баллады / Сост., подгот. текстов, вступит. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. М., 1986. С. 93—94. (Далее: ИБ).

¹¹ См. рубрику аналогичных текстов «Часовой плачет у гроба Ивана Грозного» в сборнике «Исторические песни XIII—XVI вв.» (текст Догадина имеет № 282).

отличные от казаков-татар).¹² О более же вероятных их предках — вольных казаках-русичах — достоверные сведения доходят от 1520—1540-х гг.¹³

Поход Москвы против Казани начался в апреле 1506 г., т. е. примерно через полгода, а не через год после смерти Ивана III, или через десять месяцев после разрыва казанским царем вассальных отношений с Московским государством. Поход закончился полным фиаско для русской рати.¹⁴ Победы пришли лишь в век Грозного, да и то не сразу. Отчего же исторически преходящие обстоятельства должны были закрепиться в песне на века и века? Не произвол ли — отлучение от причастности к прадедовой славе нижеволжских казаков, предки которых действительно разделили с царем Иваном Грозным в 1552 г. торжество окончательного присоединения Казани к России?

Объявлять исторический анахронизм (смерть Грозного в 1584 г. одновременно походу под Казань в 1552 г.) невозможным для песни, прожившей более 300 лет в устной традиции, — значит игнорировать хронологические подвижки, заложенные в самую основу ряда известных сюжетов. Например, в песнях о Грозном на них построены сюжеты о царском пожаловании вольных казаков вольной рекой, о помощи Ермака Грозному под Казанью.

Кроме того, заблудившиеся во времени исторические имена и топонимы — самое обычное явление в фольклоре. В тексте другой догадинской публикации (№ 7) — о казачьей помощи Грозному под Казанью — на подмогу царю идут «Стенюшка» (Разин) и «Никита Романович», идут через Царицын и Саратов, возникновение которых датируется соответственно 1586 и 1590 гг.

Но еще удивительнее изоляция избранного публикатором «Исторических песен. Баллад» текста песни-плача от родственных вариантов. Существовать ведь симбирская запись, что на три четверти века старше астраханской, которая тоже извещает: «любимый полк» «царя Ивана Васильевича» «во поход пошел под Казань-город» (ИП, № 284). Дальше в варианте развит традиционный для казанских сюжетов мотив взятия города подкопом (ИП, с. 477), т. е. мотив сокращен, усечен догадинскими исполнителями, как это наблюдаем в поздних казачьих записях.

Есть и еще не безразличные для текстологической оценки варианта детали, а именно признания собирателя о редактировании записей. Поскольку песня принадлежит исполнителям трех достаточно неблизких друг другу станиц — Дурновской, Сероглазинской и Пичуженской, а записи делались при объезде населенных пунктов, вполне возможно, что тексты фиксировались трижды, а затем были воссоединены собирателем. Так поступал уже в 1900-е гг. А. М. Листопадов. Недаром среди паспортных справок Догадина встречаем: «Поют казаки во всех станицах Астраханского войска» (Догадин, с. 38), — без всякого пояснения, где же записан публикуемый текст. «Предисловие» дает представление о том, что взятые на «графофон» варианты получали «обработку», за коей обычно следовали «гармонизация < . . . > на три голоса», а далее редактирование Н. С. Кленовского. Все это делалось с целью вручить «станичным и полковым исполнителям» — ради успешного «разучивания песен» — материал, облегченный «отступлениями» «от теоретических правил музыкальной композиции» (Догадин, с. VII, VIII).

Какова же степень гарантии, что при перечисленных операциях словесный текст записей сохранялся в неприкосновенности? .

¹² См., например, обстоятельное разыскание из ранней истории казачества с разъяснением реального содержания слова «казак» в кн.: Шенников А. А. Червлёный Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. Л., 1987.

¹³ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 64, 65.

¹⁴ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 68, 70, 76, 78.

Гипотеза о сюжете, якобы посвященном великому князю Ивану III, лишена какой бы то ни было опоры в материале.

3

Текстологическая компетентность публикаторов фольклора — общая черта изданий, создающих необходимый науке эталонный уровень. К этому ряду принадлежат, в частности, тома серии «Литературные памятники», выполненные А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путиловым,¹⁵ Ю. И. Смирновым и В. Г. Смолицким.¹⁶ Здесь есть устремленность исполнителей на точное воспроизведение исходных текстов-оригиналов, продуманность и последовательная выдержанность эдических решений, а в основе всего — подлинное понимание элементов текста (лексика, фразеологии, грамматических ситуаций). Неточности в этих изданиях — случайность. Однако было бы неверно бесконечно обходить вниманием и книги, выпускаемые для массового читателя. Попробуем хотя бы несколько внимательнее присмотреться к тем текстологическим установкам, которые реализованы в упоминавшемся издании «Исторические песни. Баллады», где помещена мнимая песня об Иване III.

В текстологическом пояснении составителя сказано, что тексты «переданы с некоторыми упрощениями диалектных особенностей, принятыми в изданиях, адресуемых широкому кругу читателей, однако без замен диалектных слов и без поправок, нарушающих ритм стиха. Ударения проставлены только при необычном пропозношении слов» (ИБ, с. 565).

В подборе текстов автор соединил источники разного типа: популярные антологии и сводные издания научного типа, ввел ряд текстов из категории научных реконструкций. При этом он избавил себя от забот по проверке перепечаток по оригиналам, чем существенно облегчил подготовку текстов для печати. Но выиграл ли от этого читатель? Годится ли пример для подражания? И вообще как расшифровывается и реально разворачивается в антологии программа составителя, имевшего перед собой разносортные источники? Скажем, четыре выпуска академического издания «Исторические песни» по-разному ориентированы на тексты оригиналов, подвергают их выборочной фонетической и пунктуационной правке, что дало в итоге свод неравноценных редакций записей произведений.

Чтобы понять, как приспособлял автор антологию «Исторические песни. Баллады» к широкой аудитории, рассмотрим ее текстовую фактуру. Для начала возьмем классический и вместе с тем уникальный по представленной им версии сюжет «Взятие Казани» (ИБ, с. 97—99), восходящий через прямой источник (ИП, № 47) к изданию Сборника Кирши Данилова 1958 г. (КД, № 30).

К сожалению, в издании Сборника Кирши Данилова в тексте были допущены недосмотры — утрачена 3-я строка текста, печатанного стихами:¹⁷ «А из спалны белокаменной полаты», и в 5-м стихе потеряно: «царица Елена». В книге «Исторические песни XIII—XVI вв.» стих 3-й был восстановлен, а 5-й нет.¹⁸ В издании «Исторические песни. Баллады» текст с печатным источником — Сборником Кирши Данилова не сличался.

¹⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958 (2-е изд., доп. М., 1977). (Далее: КД).

¹⁶ Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974; Новгородские былины. М., 1978.

¹⁷ Однако здесь же и в издании КД 1977 г. есть и более точный дубль-текст, переданный непосредственно по списку рукописи без разделения на стихи и со слитным написанием многих слов, что вооружило исследователей и републикаторов необходимым контрольным материалом.

¹⁸ Пропуск был окончательно устранен в издании 1977 г., что повлекло перемену в счете стихов (прежняя их нумерация, однако, сохранилась, и стихи 10-й, 15-й и т. д. на деле являются 11-м, 16-м и т. д.).

Утрата пошла дальше. К ней прибавилась еще ошибка: «Позадумался князь» в стихе 39 вместо «Призадумался». Кроме того, в концовке текста «Исторических песен XIII—XVI вв.», как и в стихотворном варианте текста Сборника Кирши Данилова 1958 г., оказался пропущенным союз «и», который выполнял усилительную смысло-стилистическую функцию и поддерживал размер («И с тех пор и великая слава»), что также автоматически отразилось в издании «Исторические песни. Баллады».

Как видим, первый же пример показывает: без необходимой проверки по первоисточникам на старые дефекты наслаиваются новые.

Но чтение антологического текста задерживает внимание отнюдь не только по этой причине. В нем обнаруживаются правки составителя, рассчитанные на подразумеваемого читателя. Но на какого?.. Ведь правки в одних эпизодах соседствуют с их отсутствием в других тождественных случаях, а сопоставление суммы разных текстов антологии создает впечатление сквозной текстологической «неприбранности» книги.

В том же «Взятии Казани» — целый реестр оплошностей.

Один из эпитетов царского титула передается тройко: «князь Московский» (трижды, с. 97; при том, что в одном из стихов источника, а именно строке 14 (ИП, с. 90), было «московски»), «князь Московски», «князь московск» (с. 98). Нужна ли эта тройкость массовому изданию? Нет. Она ничего не добавляет к пониманию текста. Введение же прописных букв все-таки обязывает к неукоснительному соблюдению принятого написания. А конечная йотация прилагательных популярному изданию необходима, ибо разночтения ближайшего источника — «Исторические песни XIII—XVI вв.» — как издания научного типа восходят к сбивчивой орфографии XVIII столетия — к тексту-оригиналу Сборника Кирши Данилова (КД, с. 419—420), где немало и йотированных окончаний этой части речи. Окончание же «-ий» передавалось в источнике «Древних российских стихотворений, собранных Киршеем Даниловым» как «-iu» либо «-iu», а в ряде случаев, вероятно, оно было упрощено («-и»), что зафиксировано начертанием «московски» (КД 1977, с. 308). Итак, репродукции форм окончания подлинника песни в рассмотренном ракурсе в «Исторических песнях. Балладах» нет, а вариативность, имеющая место в орфографии, вообще недопустима в публикациях массового характера. От старинного правописания идет и тот круг принципиально не унифицировавшихся при публикации Сборника Кирши Данилова в 1958 г. (и в основном сохраненных «Историческими песнями XIII—XVI вв.») разночтений в одинаково фонетически трактуемых ныне словах и морфемах. Сегодняшнему широкому читателю нет никакой надобности спотыкаться в антологическом сборнике фольклора о «расподобленные» формы: тишея (стих 27) — тишее (стих 38);¹⁹ за меньшого (стих 32) — от меньшего (стих 33); великий (стихи 28, 35)²⁰ — велики (стих 48). Слова, имевшие у Кирши Данилова постпозитивный член, при перепечатке текста в «Исторических песнях XIII—XVI вв.» потеряли дефис, в результате чего частица стала указательным местоимением, а исполненные простонародности стихи 26, 46, 49:

Еще на поле свеча-та сгорела...
Подымало высокую гору-ту...
На тое ли высокую гору-ту...

приобрели обедненно-искусственную смысловую окрашенность и иную акцентуацию:

Еще на поле свеча та сгорела...
Подымало высокую гору ту...
На тое ли высокую гору ту...

¹⁹ При соседстве — «скорее» (ст. 37).

²⁰ В стихе 14 Сборника Кирши Данилова стоит в соответствии с оригиналом «великой», что в ИП было подано как «великий».

В примере со стихом 49-м народное словоупотребление, сталкивая в одном предложении указательное местоимение («на тое ли. . . гору») и постпозитивную частицу («гору-ту»), как бы исключает возможность упрощения-искажения. Составитель сборника «Исторические песни. Баллады» этого не уловил. Та же нечужкость сказалась при передаче параллельной конструкции в тексте, восходящем через антологию Д. М. Балашова²¹ к А. Д. Григорьеву. Присутствующая в народном интонировании симметрия постпозитивных частиц исчезла и вслед четырехкратному упоминанию «хозяин-от» упорно следует «хозяйка та», вместо необходимого «хозяйка-та»:

Как хозяин-от встават. . .
Как хозяйка та встават. . .

А хозяин-от идет. . .
А хозяйка та идет. . .

Да хозяин-от божится. . .
Да хозяйка та ротится. . .

Да хозяин-от идет. . .
Да хозяйка та бежит. . .

Кстати сказать, если в антологии преобладали литературные формы некоторых слов («хозяин», «хозяюшка» — ИБ, с. 175, 177 и др.), зачем тут же предлагать массовому читателю диалектно-просторечные их вариации («хозеин», «хозеюшка» — ИБ, с. 182)?

Отсутствие необходимой унифицирующей работы составителя издания «Исторические песни. Баллады» дает систематический разнобой однородных фонетических форм. Так, на с. 128 встречаем: «. . .со всема князьями и боярмы» — производное от исходных созвучных окончаний «князьями и боярмы» (см.: ИП, № 210; в прямом источнике также верно: РБ, с. 169). Там же (ИБ, с. 344) из «Охотнаим рядом» (ИП XVIII в., № 3)²² стало «Охотным рядом», но на другой странице (ИБ, с. 177) подобной замены нет, и читатель получает «Во любимоем дворце. . .» (ИП XVII в., № 26) вместо логичного «Во любимоем дворце. . .». В одном тексте (ИБ, с. 97—98) вводится стандарт имени «Симеон» (из ИП, № 47), созданный подравниванием имени в строках 5 и 6 («Семин») ²³ под литературную норму из строки 63.²⁴ Но соответствующей унификации в масштабе антологического сборника не производится, и на другой странице «Исторических песен. Баллад» (ИБ, с. 177) всплывает «Семин» (равносильно ИП XVII в., № 26, строки 9, 11).²⁵

²¹ Русские народные баллады (Вступ. ст. . . подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. М., 1983. С. 209—210. (Далее: РБ).

²² Здесь и далее при отсылках в тексте к источникам кратко обозначается: ИП XVIII в. (Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л., 1971) и ИП XVII в. (Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966).

²³ В рукописном оригинале значится «Семинону» и «Семинень» (ГД 1958. С. 419).

²⁴ В рукописи-оригинале норма здесь лишь угадывается: «Симеена» (Там же. С. 420). То есть как общая форма «Симеон» подходит менее всего, ибо он заместил простонародного «Семёна» (сиречь «Семинона» — по орфографии XVIII в.), пмевшего к тому же на один слог меньше.

²⁵ Что, кроме торопливости, мешало привлекать для издания более точные по прочтению оригиналов новые академические публикации? Так, в песне о сборах польского короля на Русь в отличие от ИП XVII в. есть типичный народный препозитивный повтор предлога «Ко тому ли к воевде московскому» (Собрание народных песен П. В. Киреевского / Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Подгот. текстов к печати, ст. и коммент. А. Д. Соимонова. Л., 1977. Т. 1. С. 86). Мелочь, но украшающая текст народным штрихом. В «Исторических песнях. Балладах» ее, разумеется, нет.

После первого ознакомления с приемами публикации в «Исторических песнях. Балладах» уже не удивляет разное начертание одного слова в пределах одной страницы (ИБ, с. 98), опять-таки сбивающее массового адресата с толку: «*Они* те-то речи говорили. . .» (перепечатка КД по ИП); «*Оне* Грозному царю насмеаюся. . .» (перепечатка из письмовника Курганова по ИП). А ведь в первом случае равнение на оригинал КД дало бы также редакцию «*оне*» (КД 1977, с. 152)!

Практически не удивляет и то, что в едином тексте (ИБ, с. 99) стяжение глагольной гласной может быть оставлено публикатором:

Закатам же бочки белодубовые. . . —

в рядом — снято:

Ише что это, пушкарь, дело не делается? . .

Нормой данного издания можно считать то, что суффиксальный параллелизм разрушается, деформируя стихи. В тексте (ИБ, 99) дается по источнику «потихохунынку горят», но в смежном стихе «поскорехунынку горят» вопреки «поскорехунынку горят», содержащемуся в источнике (ИП, № 49).

В зачине «Слова о погибели Руския земли», приводимом по реконструкции А. И. Никифорова в качестве примера древней песни-славы, опубликовано: «. . . Удввлена еси < . . . > князьями грозными. . .» (ИБ, с. 23). В достаточно архаичном оригинале, к которому отсылает составитель, значится: «. . . князьями грозными». ²⁶ По соседству, однако, воспроизведен без правки тот же тип закрытого слога: «. . . кладязьми < . . . > | Польми дивными, | Зверьми различными. . .». Исправления не поддерживают ни помещенные рядом полногласные варианты формы творительного падежа существительных женского рода — «реками, горами, дубравами, птицами», ни единственное созвучное им окончание существительного мужского рода (обладает в именительном падеже тем же окончанием «а») — «вельможам». Не требует этого и стиховой размер отрывка.

В тексте публикации фрагмента «Слова о погибели. . .» появляется и отсутствовавшее в оригинале смягчение «обительными» (вместо «обителными» исходной публикации А. И. Никифорова). При перепечатке же песен из сборника записей XVII столетия, выполненных для Р. Джемса, видим, что здесь несмягченность указанной согласной «л» для чего-то сохранена: «*силная* туча», «*силные* громаы», «*силному* царству» (ИБ, с. 132), «*силнему* царству» (ИБ, с. 183).

Готовившая некогда для печати тексты Сборника Кириши Данилова в приближении к читательскому восприятию, а значит и нормам середины XX в. А. П. Евгеньева также имела дело с твердым написанием мягких в современном произнесении сочетаний «*лн*» в известной рукописи «Древних российских стихотворений». Лингвистический опыт, знание языка фольклора и художественный вкус не позволили, однако, публикатору полагаться в подобных случаях на писарские навыки XVIII столетия. Оттого в Сборнике Кириши Данилова издания 1958 г. видим, например, в тексте «Михайлы Скопина» (ст. 4, 17, 45, 136, 70) «*силна, сильно, сильны, печальное*» (ср. те же слова соответственно на с. 415—417). При перепечатке (ИП XVII в., № 32) эти обновленные формы перекочевали в «Исторические песни. Баллады» (см. с. 171, 172, 174), где были на сей раз безоговорочно приняты. Разносортица текстов-посредников произвела и здесь эффект, подобный отмеченному выше: единые исходные словоначертания приобрели на страницах антологии различную физиономию.

То же наблюдаем в окончаниях именительного и винительного падежей множественного числа прилагательных.

²⁶ Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 197.

В Сборнике Кирши Данилова публикации 1958 г. в тексте № 4 (строки 107—109, 115) напечатано: «*мужики-та старья, < . . . > богатья, < . . . > посадския*»; «*честныя подарки*» (так же в РБ, с. 36—37, что стал основой ИБ). В «Исторических песнях. Балладах» (с. 60) находим: «*старья*», «*богатья*», «*посадския*», но. . . «*честные*». У Кирши Данилова текст № 56 имеет в стихах 19, 28 (и 31), 86 чтения: «*стихи верхняя*», «*красная девица*», «*питья добрыя*». Там же окончания прилагательных (из РБ, с. 54, 55, 56) соответствуют отредактированной версии: «*верхние*», «*красные*», «*добрые*», а на с. 203 встречаем, напротив, тождество старинному источнику: «*пушки медья*» (ср. КД 1958, № 44, ст. 76). Что стоит за этим отказом от приведения разнобоя к единству? Скорее всего — рядовое равнодушие к делу и читателю. Можно ли было не заметить, что перепечатки-посредники сбивчивы, и отчего же не отдано предпочтение либо твердой опоре на архаический облик прилагательных, либо на поновленные формы?²⁷

Удручающа фонетическая взболтанность антологии. Местоименная диалектная форма классического первоисточника («*оне*»), подразумевающая в оригинале множественное число существительных мужского рода, передается то как «*оне*» (ИБ, с. 202, 203 — семикратно; ИБ, с. 271; ср. КД 1958 г., № 44, ст. 7, 13, 14, 24, 65, 73, 80 и там же № 65, ст. 71), то как «*они*» (ИБ, с. 60 — трижды; ИБ, с. 249, 250 — четырежды; КД 1958 г., № 4, ст. 110, 115, 123 (но только в стихе 113 оригинала значит «они»); там же, № 46, ст. 38, 39, 45, 66, 67).

Правка текстов составителем антологии «Исторические песни. Баллады» дезориентирующе-беспорядочна. Например, в тексте-источнике XVII в. налицо вариант реальной фонетической характеристики последней согласной одного и того же корня (твердость—смягчение): «*царство, царству*» и «*царьство, царские*» (ИП, № 80, ст. 1, 13, 31, 25). Разницу дает еще запись окончаний наречного прилагательного: «*многии князи-бояра*», «*многие власти*» (ст. 11, 12). При перепечатке текста в антологии была отчего-то воспроизведена только графическая вариативность окончаний (ИБ, с. 183), ничего не дающая адресату издания.

В сборнике сохранена отнюдь не диалектная, а разговорная, произносительная форма глагола — «*поздраствуем*» (ИБ, с. 96). Наряду с ней встречается «*здравствует*» (ИБ, с. 103, 128). В текстах (ИБ, с. 70 и 72) сохранены разночтения — «*церковь*» и «*церковь*», хотя в более точной публикации, которую как будто бы знает автор антологии (см. список литературы — ИБ, с. 564), соответственно видим «. . . *сострою я тебе церковь*» («*Аника-воин*») и «*Она в божью церкву пришла*» («*Царь Давыд и Олёна*»).²⁸ Однако следование еще более раннему оригиналу-источнику в собственном смысле слова — сборнику П. А. Бессонова — внесло бы добавочные поправки к перепечаткам-посредникам. Тогда оказалось бы, что в «*Анике-воине*» повтор из стиха 71 «*По тюрьмам*» — реконструктивная вставка, а в балладе про Олёну утрачено по слогу в стихах 30 и 44: «*матушкиному*» и «*законным*» (в «*Народных балладах*») был пропущен слог в стихе 30-м, а в «*Русских народных балладах*» — уже и в 44-м).²⁹

²⁷ Забавен натурализм передачи некоторых источников. «Симеон Гордый» (ИБ, с. 62), воспроизводя редакцию из «Калики перехожих» П. Бессонова, предлагает: «*угодники божи*», «*бога вышняго*», «*отца милосердаго*», «*митрополита Московскаго*». Но текст «*Дочь тысячника*», взятый из того же источника через посредство «Русских народных баллад» Д. Балашова, содержит не «*божьего*», «*святыя мощи*», а «*божьего*», «*святыя*» (ср.: Калики перехожие. Сборник и исследование П. Бессонова. М., 1861. Ч. 1. С. 720—721 и РБ, с. 150—151, ст. 20, 21 и 41).

²⁸ Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. Общая ред. А. М. Астаховой. 2-е изд. М., Л., 1963. С. 226, 137. (Б-ка поэта; Б. сер.).

²⁹ О царе Давыде и об его дочери Олёне // Калики перехожие. Ч. 1. С. 718—719. Тут же в имени «Олёна» подчеркнута йотация второго гласного — «ё» (в заглавии и в стихах 3, 5, 24, 35).

Между тем к сборнику П. А. Бессонова составитель «Исторических песен. Баллад» обращался. Оттуда им заимствована, например, «Дмитровская суббота» (ИБ, с. 67—68). Но и тут правка оказалась произвольной и обедняющей источник. Читатель оберегается от колоритных архаизмов «апостоли», «архангели-ангели» (ст. 25, 26), но получает тождественно перенесенные из «Калик переходжих» книжные формы «душевныя очи» и «память дивнаго видения» (ст. 12 и 53).³⁰

От П. А. Бессонова переходит в антологию и «Борис и Глеб». Однако и этот текст сохраняет потерявшую право на репродукцию устарелую орфографию некоторых окончаний («в разныя страны», «наши главы незрелья» — ст. 20, 74).³¹

Аналитический просмотр антологии «Исторические песни. Баллады» выявляет редкостную для нашего «текстологического» времени филологическую беспомощность составителя книги, привлеченного к работе для серии книг с обязывающим заглавием «Сокровища русского фольклора». А что это — органический недуг, увы, не видимый лишь заказчикам сборников-скорodelок, можно понять при прочтении другой, на сей раз былинной антологии, подготовленной тем же лицом по тем же «правилам», упраздняющим сложившиеся в фольклористике текстологические принципы.³² Но это заслуживает специального разговора, и он состоится позже.³³

³⁰ Там же. С. 673, 675.

³¹ Там же. С. 632—636. В стихе 100-м потерян характерный распевный слог (из «в синем море» стало «в синем море»). О недоброкачественной работе говорят и другие утраты слогов (ИБ, с. 114 — «золоту» вместо «золотую» в ИП, № 295, ст. 41; ИБ, с. 200 — «других» вместо «других» в ИП XVII в., № 94, ст. 55; ИБ, с. 243 — «ко Стафиды кельицы» вместо «ко Стафилины кельицы» в КД 1958 г., с. 478). Зато в иных случаях внедряются слоговые приращения: «на червчатой камке» (ИБ, с. 58) вместо «на чер[в]чатой» (КД 1958 г., № 4, ст. 5), «царские невыплаты» (ИБ, с. 59) вместо «царски» (КД 1958 г., № 4, ст. 31), «зоря ранюутренья» (ИБ, с. 127) вместо «ранюутренья» (ИП, № 210, ст. 57), «благословите» (ИБ, с. 198) вместо «бласловите» (ИП XVII в., № 94, ст. 19) и т. д.

³² Былины / Подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. Л., 1984.

³³ Укажу лишь на «новаторское» нарушение общепринятой ныне орфографической нормы в передаче фольклорно-народного наречия (раскладка на сумму генетических, строительных элементов): «А в та поры княгиня понос понесла. . .»; «В та поры поучился Волх ко премудростям. . .»; «А в та поры, Волх, он догадлив был. . .». Такого рода написания давно отменены словарной практикой (см.: Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1951. Т. 2. Стб. 901—902; Словарь русского языка XI—XVII вв.: М., 1976. Вып. 3. С. 164; Словарь русских народных говоров. Л., 1970. Вып. 5. С. 225, и др.); Еще прежде: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 272 (фотонабор со 2-го изд. 1880—1882 гг.). Не было этого и в первой печатной редакции текста: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, досель неизвестных, и нот для напева. М., 1818. С. 45, 47, 50).

К. Е. КОРЕПОВА

ЛУБОК И УСТНАЯ СКАЗОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ
(Проблемы текстологии)

В русском сказковедении из комплекса текстологических проблем наибольшее к себе внимание привлекли проблемы эдиционные, а наименее разработанными оказались критика текста и его история. Два десятилетия назад Н. В. Новиков писал: «Надо прямо сказать, что критика сказочного текста в нашей науке поставлена неудовлетворительно».¹ С тех пор положение мало изменилось.

Критика текста может вестись в двух аспектах: во-первых, подлежит выяснению, является ли опубликованный текст аутентичным рассказанному и, во-вторых, отражает ли этот текст устную традицию или он представляет собой пересказ другого книжного текста. Здесь критика текста смыкается с его историей.

Проблема истории сказочного текста была поставлена еще в середине XIX в. в связи с выходом первого крупного научного собрания сказок — сборника Афанасьева, но в соответствии с уровнем развития науки тогда она мыслилась как реконструкция древней (первоначальной) формы текста.² С утратой позиций мифологической школой интерес к истории текста в сказковедении ослаб. Поиски протоформы текста в духе «финской школы» в русской фольклористике, как известно, широкого развития не получили. А реконструкции с помощью сравнительно-исторического метода истории отдельных сказочных образов, сюжетов, циклов сюжетов текстологических задач не ставили.

В настоящее время в нашей фольклористике утвердилось положение, что, «изучая разнообразие вариантов фольклорного произведения, записанного у какого-либо народа, и сопоставляя полученные результаты с типологически близкими явлениями, порожденными другими этническими традициями, можно попытаться с большей или меньшей долей вероятности представить себе общие очертания архаических сюжетов определенного типа, какие-то специфические особенности персонажей, общие особенности некоторых жанров и т. п.; но никакими усилиями нельзя восстановить текст конкретного фольклорного произведения, бытовавшего несколько сот лет тому назад».³

Однако изучение истории текста в верхних слоях фольклорной традиции в ряде случаев не только возможно, но и необходимо. Так есть настоятельная потребность ради уточнения источниковедческой базы сказковедения выявить с помощью текстологического анализа в материале, которым располагает фольклористика, круг сюжетов и вариантов, даже сюжетных ситуаций и отдельных деталей, восходящих к книге.

---

¹ Новиков Н. В. К проблеме сказочного сборника // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 85.

² См. об этом: Чистов К. В. Реконструкция текста и проблемы текстологии преданий // Текстология славянских литератур. Л., 1973. С. 150—156.

³ Там же. С. 156.

О необходимости источниковедческого исследования имеющегося фонда сказок писал в конце 1920-го—начале 1930-х гг. М. К. Азадовский: «. . . одной из < . . . > нерешенных проблем является вопрос о составе современной сказки и ее источниках»; ⁴ «. . . изучение многих генетических вопросов русской сказки успешно продвинется тогда, когда более отчетливо будет определен состав и характер этой, захваченной в позднейшем периоде, сказки, т. е. когда более отчетливо будут определены все позднейшие наслоения и влияния. Одним из важнейших моментов в этом, подлежащем исследованию цикле вопросов является проблема взаимоотношения сказки и книги < . . . > вопросы о княжных источниках». ⁵ В последующие годы изучение книжных источников устных сказок затронуло в основном лишь сюжеты, связанные своим происхождением с переводными рыцарскими романами и повестями или произведениями, созданными под их влиянием на русской почве. ⁶ Между тем целесообразно изучить все сюжеты сказок, пришедшие в русскую «народную книгу» из фольклора, а потом вновь вернувшиеся в фольклор.

Критическая проверка текстов необходима для материалов, записанных в последние десятилетия — пору всеобщей грамотности и широкого информационного потока через книгу, телевидение, кино, радио, когда вероятность «вторичности» текстов резко увеличивается. Нуждаются в текстологическом исследовании и материалы дореволюционных сборников. Ведь научное собирание русской сказки началось тогда, когда сказка уже более полувека жила на страницах массовой литературы: лубочных картинок и «серых изданий» — книжек, предназначенных читателю из народа.

Издания сказок в донаучный — доафанасьевский — период описаны; ⁷ хорошо изучен сюжетный состав сборников, степень фольклорности напечатанных в них сказок (связь с предшествующей фольклорной традицией, характер авторской обработки народной сказки и т. п.); большинство текстов, близких к фольклору, переиздано, ⁸ но влияние их на последующую фольклорную традицию исследовано пока мало: влияние всеми заявлено,

⁴ Азадовский М. К. Сказительство и книга // Язык и литература. Л., 1932. Т. 8. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ См.: Елеонский С. Ф. 1) Сказочные традиции в старинной повествовательной литературе // Учен. зап. Московского пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1957. Т. 67. С. 47—76; 2) Старинные переводные повести в русских народных пересказах // Там же. 1959. Т. 94. С. 3—46; Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова. Петр золотых ключей. М., 1964; Пушкирев Л. Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980; Зуева Т. В. 1) Повесть XVII века о царевне Персике и народная сказка о Безручке // Проблемы изучения русского народного творчества. М., 1976. Вып. 2. С. 69—82; 2) Рождение сказки (№ 706, «Безручка») // Фольклор и литература: Проблемы их творческих взаимоотношений. М., 1982; Бегунов Ю. К. Источники сказки С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» // Русская литература. 1983. № 1. С. 179—187; Сабитова И. В. 1) Сказка о Португее-прапорщике в книжной и устной традиции (происхождение, своеобразие, трансформация). Дис. . . канд. филол. наук. М., 1986; 2) Лубочная сказка о храбром воине Прапорщике-португее // Русский язык в башкирской школе. Уфа, 1984. № 5. С. 58—59.

⁷ Сахаров И. П. 1) Русские народные сказки. СПб., 1841. Ч. 1; 2) Русская народная галерея, или лубочные картинки // Отечественные записки. 1822. Ч. 12, № 30. С. 85—96; 3) Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861; Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 1881. Кн. 1, 4; Савченко С. В. Русская народная сказка: История собирания и изучения. Киев, 1914; Чернышов В. И. Русские сказки в изданиях XVIII века // С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934. С. 585—610.

⁸ Колесницкая И. Русские сказочные сборники последней четверти XVIII века // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 33. Сер. филол. С. 189—218; Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1965; Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М., 1961. С. 5—52; Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII вв.) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л., 1971. С. 3—39.

но на конкретном материале не показано. Поэтому рассмотрим с этой точки зрения два сборника середины XIX в. — сборник И. А. Худякова и собрание сказок А. Н. Афанасьева.

«Худякову принадлежит заслуга первого собирателя сказок в народной среде и первого издателя научно достоверных и надежных материалов», — подчеркивается в предисловии к академическому переизданию его сборника.⁹ Но в каком отношении тексты надежны? Сборник отражает состояние сказочной традиции в середине века, и в этом смысле материал действительно надежен. Но не все варианты сборника представляют собой звенья в цепи устной традиции, некоторые идут от книги. Этот факт отметил во вступительной статье В. Г. Базанов: «В „Великорусских сказках“ сравнительно широко представлены сказки литературного происхождения».¹⁰ Он назвал далее те, литературность которых проявляется уже в именах героев: о Бове, о царе Салтане, о Соломоне, об Аполлоне. Назовем еще несколько, литературность которых носит более скрытый характер.

Текст № 81 «Луна и Звезда», записанный Худяковым в с. Котовка Ардатовского уезда Нижегородской губ. от старушки О. С. Котышевой, представляет пересказ «Сказки о храбром и смелом кавалере Иване-царевиче и о прекрасной супружнице его царь-девице» из сборника «Лекарство от задумчивости» (1786 г.).¹¹ Имена героинь в сказке «Луна и Звезда» — плод фантазии безвестного литератора-сказочника, дань литературно-сказочной традиции, идущей от В. Левшина. Но эти имена, совсем нехарактерные для устной фольклорной традиции, ввели в заблуждение Худякова. Он указал на сказку как «особо замечательную для мифологии».¹²

К книге В. Левшина¹³ восходит сказка «Тимоня» (№ 48), записанная в Москве. Причем левшинский текст и вариант Худякова еще не разделены устной традицией. Московский сказочник, по всей вероятности, сам читал Левшина и очень точно передал сюжет его сказки: сохранил контаминацию («Воры и их учение» СУС 1525Е и «Кому должна достаться шуба» 1525К*),¹⁴ все сюжетные звенья и даже детали. Так, герой у него, как и у Левшина, зовется Тимоней; говорится, что родители о будущем ремесле сына спорят до драки; называются одни и те же ремесла (кузнечное дело и малярство); упоминается в обоих вариантах, что в келью архимандрита Тимоня влезает через окно, келейнику (послушнику) рот завязывает платком и т. п. Порой рассказчик передает прочитанный текст в близком словесном оформлении, местами почти цитируя его. Ср.:

Л е в ш и н

Х у д я к о в

«. . . притом и искусные портные. . . толь проворно владели своими иглами, что раз стегнут, то шуба да кафтан».
(с. 67).

«. . . у нас мастерство портное: кого стегнем, то кафтан да шуба».
(с. 223).

«. . . Когда нападут на нас какие люди, что ты, Тимоня, будешь делать?»

«. . . что если б тебе кто попался?» — А что ж такое? Попался и голова долой!»

⁹ Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М.; Л., 1964. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ См.: Коренева К. Е. Сказочный сюжет «Муж ищет исчезнувшую жену» в русской лубочной книге // Вопросы сюжета и композиции: Межвузовский сборник. Горький, 1985. С. 6—8.

¹² Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. С. 287, примеч. к № 81. (Далее: Худяков).

¹³ Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII вв.). № 64.

¹⁴ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барга, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. (Далее: СУС, с указанием номеров сюжетов).

«— А это что? — отвечал он, выхватывая нож, — с ним мне мало и 10 человек!»
— «Ну, будет же в тебе путь», — молвили разбойники (с. 67)

«Будет путь!» — говорят разбойники (с. 224).

С лубочной картинкой¹⁵ связаны в сборнике три варианта сюжета «Три подземных царства» (СУС 301 А, В). Это сказки под заглавием «Усыня» (№ 2) и «Арикад-царевич» (№ 3), записанные в с. Мишино Зарайского уезда Рязанской губ., и текст «Василий-царевич» (№ 67), записанный в Рязани. В отличие от рассмотренных выше сказок («Тимоня», «Звезда и Луна») эти варианты не являются прямым пересказом книжного текста. Сказочники из Рязанской губ. передали Худякову то, что сами от кого-то слышали, а не читали. В данных вариантах книжный текст уже успел фольклоризоваться, но следы общей основы еще сохранились. Отсюда во всех вариантах одни и те же детали, притом по происхождению явно книжные: вход в иное царство охраняют львы (в лубочной картинке были еще и крокодилы), их поят из тазиков — медного, серебряного и золотого (впрочем, в одном из вариантов сказочник заменил «тазик» более привычным для крестьянского обихода «корытом»). Ср.:

«. . . При входе < . . . > лежали два превеликие льва. . . Иван-царевич, увидя стоявшие при них тазы пустые, налил воды и утолил их жажду» (Афанасьев, № 559, с. 225).

«. . . у медного царства к воротам привязаны два льва. . . Поодаль их стоят два таза медных. Вот Иван-царевич почерпнул воды, дал им напиться» (Худяков, № 2, с. 59).

«. . . видит: медный дворец стоит. У этого дворца стоят медные ворота, у этих ворот стоят два льва привязаны. День жаркой такой был. Этот Арикад-царевич натаскал воды этим львам, напоил их» (Худяков, № 3, с. 63).

«. . . У этого дома стоят шесть львов, привязанных, у львов стоит корыто, на корыте ведро. Он взял это ведро, сходил, принес воды этим львам, налил в корыто» (Худяков, № 67, с. 171).

От одного источника¹⁶ идет сказка «Кузьма Серафонович» (№ 111) и «Иван Косарев» (№ 88), записанные Худяковым в разных губерниях: первая — в Рязанской, вторая — в Нижегородской. Возможно, какой-то неизвестный нам книжный лубочный текст лежит в основе сказок «Синий розан» (№ 82) и «Царевна-странница» (№ 83). Следы книжного влияния ощущаются в сказках «Удивительный мужичок» (№ 4) и «Мальчик» (№ 23), хотя едва ли они имели какой-то конкретный лубочный источник. Вероятней всего, здесь сказочники под влиянием лубка лишь внесли некоторые элементы в образную систему, предметный ряд, способ характеристики персонажей, стиль народной сказки.

Итак, сборник Худякова позволяет говорить, что уже в середине XIX в. русская устная сказочная традиция испытала определенное влияние книги и прежде всего лубочной литературы.

Сборник сказок Афанасьева рассматривается обычно как собрание подлинных народных сказок. Э. В. Померанцева писала о нем: «Хотя сказки, опубликованные Афанасьевым, в большинстве своем подверглись некоторой стилистической правке, они сохранили в основном свое истинно народное звучание — впервые в печати прозвучало подлинное народное

¹⁵ Русские народные картинки. Т. 1. № 47. Текст переиздан: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 3. № 559. (Далее: Афанасьев).

¹⁶ См.: Сказка о крестьянине Кузьме Серафонове, как он прежде мух бил, а потом за сильным и знаменитого богатыря прослыл; как его все боялись и угождать ему старались Соч. В. . . Д. . . М.: тип. С Попова, 1859, и многочисленные переиздания: 1865, 1868, 1879, 1894, 1898, 1903, 1912, 1914, 1916 гг. (по данным Государственной библиотеки им. В. И. Ленина).

слово, впервые появились настоящие русские сказки».¹⁷ Афанасьев действительно ориентировался на подлинно народные — «простонародные» сказки. Он специально заявил об этом в предисловии к первому выпуску: «Для предпринятого нами издания „Народных русских сказок“ главным материалом послужат сказки, записанные прямо со слов».¹⁸ Однако он не мог не признать и другой формы бытования сказки кроме устной, уже утвердившейся к этому времени, — лубочной книги. Относясь к ней в целом отрицательно, Афанасьев считал необходимым учесть ее и дополнить свое собрание некоторыми лубочными текстами: «Печатными сборниками и лубочными изданиями сказок мы воспользуемся не более как пособием, заимствуя из них варианты там, где это покажется почему-либо интересным, и пополняя собрание устных сказок теми из печатных и лубочных, которые, не противореча народным преданиям, обращают на себя внимание некоторыми указаниями и подробностями».¹⁹

Большинство текстов, взятых из лубочных сборников, Афанасьев поместил в примечаниях, отделив таким образом от сказок «простонародных». Но некоторые попали в основной корпус без указания на печатный источник. Так, в восьмом выпуске была напечатана без указания места записи сказка «Марья Моревна» (в последнем переиздании — № 159). Н. П. Андреев и М. К. Азадовский, комментируя ее в издании 1936 г., высказали предположение о книжном происхождении текста.²⁰ Они обратили внимание на такие детали, как «серебряная табакерка», «заморская птица», «львица со львенком», а также на некоторую стилизованность изложения, в частности строгую выдержанность на протяжении всей сказки троекратных повторений. Текст в сборнике Афанасьева действительно не устный вариант, а точное переложение со стилистической модификацией «Сказки второй о Иване-царевиче» из сборника «Русские сказки» П. Тимофеева (1787).²¹

Сборник Афанасьева отразил состояние русской сказки в середине XIX в., когда устная традиция уже испытала влияние книги, и поэтому в ряде текстов «простонародных» сказок заметны книжные наслоения. Это подметили современники в отзывах на сборник. Ф. И. Буслаев выразил даже сомнение, нужно ли было печатать некоторые сказки, «подновленные грамотниками, и довольно неудачно».²² В последнем академическом переиздании сборника Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков в комментариях тщательно отметили книжные влияния или лубочные параллели.²³ И если они не указали конкретный лубочный источник, то дали ключ к дальнейшим поискам.

Отметим здесь еще один текст, идущий от книги, который пока не привлек к себе внимания комментаторов. Это сказка «Норка-царь» (№ 132), записанная в Черниговской губ. учителем Н. Матросовым, — явно устный пересказ лубочного источника. Книжное происхождение выдает необычный для русского фольклора персонаж — «порка-зверь», а также такая деталь, как «зверинец», который в сказке содержит царь. В Государственной библиотеке им. В. И. Ленина имеется лубочное издание

¹⁷ Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. С. 80.

¹⁸ Цит. по: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. Т. 3 С. 349.

¹⁹ Там же.

²⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. М., 1936. Т. 1. С. 629. В последующих переизданиях книжное происхождение не отмечалось.

²¹ См. об этом: Коренева К. Е. Сказочный сюжет «Муж ищет исчезнувшую жену» в русской лубочной книге. С. 6—8.

²² См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. Т. 1 С. 415.

²³ См. коммент. к следующим номерам: 104, 129, 139, 156, 158, 160, 169, 189, 190, 201, 210, 212, 233, 236, 248, 256, 276 и др.

«Русская сказка о Норке-звере или о трех царствах: золотом, серебряном и медном» (М.: тип. Иванова, 1868), вероятно, перепечатка с более раннего. Эта сказка упоминается среди других лубочных книг в воспоминаниях Н. П. Макарова (1801—1890): «Столетняя моя няня. . . была мастерица рассказывать сказки о „Еруслане Лазаревиче“, о „Бове Королевиче“, о „Звере Норке подземельном“».²⁴ Вскрыть во всей полноте лубочные источники сюжетов, мотивов, образов в сказках Афанасьева еще предстоит.

Влияние лубочной сказки на устную традицию во много раз усилилось во второй половине XIX в., когда значительно расширилась издательская деятельность книгопродавцов-лубочников. Только в Москве лубочные книжки сказок в 50—90-е гг. прошлого века выходили более чем в 20 издательствах.²⁵ В Киеве в 1890-е гг. выпускал лубочную литературу на русском языке Т. А. Губанов. Иногда столичные лубочные издания перепечатывались в провинциальных городах.²⁶ Многие книгоиздатели имели, кроме того, в разных городах России и даже за ее пределами лавки по продаже своей продукции. Например, книги, выпущенные И. Д. Сытиным, как указывалось на обложках, можно было приобрести в магазинах, принадлежавших его «Товариществу», в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Екатеринбурге, Саратове, Харькове, Воронеже, Ростове-на-Дону, Иркутске, Нижнем Новгороде и даже в Софии.

Но главными распространителями лубка ²⁷ были офени («коробейники», «ходебщики»). А. С. Пругавин, изучавший в 1890-е гг. процесс создания и распространения лубочной литературы, писал: «Лубочные издатели <. . .> находятся в самых близких и тесных отношениях с этой чисто народной организацией и благодаря именно ей распространяют свои издания в миллионном количестве по всем концам и уголкам России. Благодаря этим связям издания лубочников действительно попадают прямо в деревню, в руки настоящего серого мужика».²⁸ Позднее то же отметил Н. Рубакин: офени «протаскивают, так сказать, книгу в такие заскоружные углы,

²⁴ Сведения приведены Н. В. Новиковым, см: Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. С. 8.

²⁵ А. Абрамова, Бахметова, Т. Т. Волкова, П. А. Глушкова, Е. А. Губанова, С. А. Живоварова, В. Кириллова, Е. И. Коноваловой, Манухина, И. А. Морозова, С. Орлова, В. В. Пономарева, Д. Преснова, А. Д. Сазонова, А. Семена, И. Смирнова, И. Д. Сытина, П. Н. Шарапова (затем его наследницы О. В. Лузиной), Яковлева и др. Лубочные сказки, а чаще народные сказки из сборника Афанасьева, перепечатывались для народа в книгоиздательстве К. Ф. Некрасова.

²⁶ См., например: Сказка о лисице и дураке. Бийск: Тип. И. Д. Реброва, 1892.

²⁷ В научной литературе иногда дешевые книги сказок второй половины XIX в. и «серые» сборники конца XVIII—начала XIX в. противопоставляются друг другу, последние называются долубочными или полулубочными. Между тем принципиальной разницы между ними нет. В середине XIX в. оформился внешний вид лубочной книжки. Она включала обычно одну или реже две сказки, имела яркую картинку на обложке, реже несколько иллюстраций. Но по принципам обработки фольклорного материала, по жанровым особенностям лубочные сказки второй половины XIX в. не отличались от «серых» сборников. Более того, такие «серые» издания, как «Сказки русские» П. Тимофеева, «Лекарство от задумчивости», «Дедушкины прогулки», оставались до конца XIX в. одним из главных источников материала для издателей-лубочников. Вплоть до 1918 г. выходили, например, в лубочных изданиях сказки о лягушке и богатыре, о Емеле-дурачке, о лисице и дураке из сборника Тимофеева, несколько реже о Панфиле, об Эдуарде-королевиче. Как убедительно показал Н. В. Новиков, не было принципиальной разницы также между текстами сказок в лубочных картинках и в «серых» сборниках, последние являлись «если не единственным, то главным источником лубочной сказки» (Русская сказка в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII вв.). С. 34). Поэтому есть основания говорить о лубочной сказке, или лубке, в целом, имея в виду тексты лубочных картинок, «серых» сборников и лубочных книжек второй половины XIX в.

²⁸ Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1895. С. 275.

куда не затащит ее никакой другой книжный торговец».²⁹ В результате пересказы лубочных книг и варианты сказок, восходящие к лубку, записывались потом всюду на территории России, часто от сказочников, которые никогда не выезжали за пределы своего уезда или губернии. Лубочные книги, как показал Рубакин, в деревнях нередко читались вслух, и потому варианты, очень близкие к книжным первоисточникам, фольклористы записывали потом от неграмотных сказочников. Примеры тому А. Д. Ломтев, Н. О. Винокурова.

Во второй половине XIX в., как и ранее, в лубке печаталась преимущественно сказка волшебная.³⁰ Самой популярной, выдержавшей более 100 изданий, была «Жар-птица». На основе текста из сборника «Дедушкины прогулки» (1786) было создано несколько новых редакций ее. Появились новые редакции «Царевны-лягушки»,³¹ «Португез-прапорщика»,³² лубочные сказки на сюжет «Муж ищет исчезнувшую жену»,³³ «Василиса Премудрая»,³⁴ «Смерть Кощея»³⁵ и др. Каждая из них заслуживает детального изучения. Степень влияния лубочной продукции на устную традицию и некоторые закономерности жизни книжного произведения в фольклоре может показать анализ устных вариантов сказки «Жар-птица».

В «Сравнительном указателе сюжетов» зафиксировано 26 устных вариантов ее, из них 12 безусловно восходят к книге: один — к сборнику братьев Гримм,³⁶ все другие — к различным русским книжным редакциям. Эти варианты записывались на протяжении века: самый ранний в 60-е гг. прошлого века И. А. Худяковым, последний по времени — совсем недавно, в 1970-е гг., Г. Я. Симиной. Они бытовали на широкой территории России — в центральной части ее, на русском Севере, в Сибири и других регионах. При публикации их книжное происхождение отмечено в комментариях лишь к двум вариантам, оба принадлежат Э. В. Померанцевой, и только она и С. И. Минц попытались, хотя и безуспешно, найти конкретный книжный источник. В большинстве случаев, отметив в вариантах нетрадиционные для фольклора элементы, комментаторы объясняли их творческой индивидуальностью сказочника и таким образом явно преувеличивали роль личного начала в передаче сюжета. Поэтому остановимся прежде всего на книжных элементах в устных вариантах.

По-разному варианты удалены от своего протографа: одни (тексты Сказкина, Магая, Поташова) есть пересказ того, что сказочник сам читал, возможно, неоднократно, или слышал в чтении; другие — уже продукт устной традиции, от протографа их отделят больший или меньший ряд таких же устных вариантов. Первые позволяют легко указать книжный

²⁹ Рубакин Н. Какими способами распространяются книги на Руси // Образование. 1901. № 1. С. 89.

³⁰ Обзор всего репертуара лубочной литературы, чрезвычайно пестрой по составу и потому справедливо вызывавшей нередко негативное отношение русской интеллигенции, дан в указанной работе А. С. Пругавина; классификация материала — в статье Н. П. Андреева «Исчезающая литература» // Казанский библиофил. Казань, 1921. № 2. С. 3—15.

³¹ Корепова К. Е. Лубочные редакции русских сказок. (Сюжет «Царевна-лягушка») // Вопросы сюжета и композиции. Межвузовский сборник. Горький, 1987. С. 5—13.

³² См. о них в указанных работах И. В. Сабитовой (в сн. 6).

³³ Сказка об Иване, царском охотнике. М., 1870; Сказка о трех царь-девицах волшебницах и о крестьянском сыне. М., 1879, и другие издания; Сказка о прекрасном Иване и волшебнице жене его. М., 1862, и др.

³⁴ Сказка о купеческом сыне Иване, о морском царе Неклюде и о дочери его Василисе Премудрой. М., 1863, и другие издания.

³⁵ Сказка о Иване-царевиче и страшном Змее Горыныче. М., 1862.

³⁶ Сказки и легенды пушкинских мест: Записи 1927—1929 гг. / Зап. на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышова; Подгот. к изд. Н. П. Гринковой и Н. Т. Панченко. М.; Л., 1950, № 22.

источник (при условии, что книжные редакции изучены), анализ их вскрывает механизм устной передачи; анализ вторых дает возможность увидеть, что именно при многократной устной передаче оказывается в книжном тексте наиболее устойчивым.

К первой группе относятся варианты Сказкина, Магая, Потапова. М. А. Лебедев, прозванный в народе Сказкиным, был грамотным; известно, что он имел у себя целую библиотечку лубочных книжек. В его обширном репертуаре книжные сказки составляют значительный процент. Михаил Ананьевич обладал прекрасной памятью, книгу помнил чуть ли не наизусть и в пересказе стремился быть как можно ближе к оригиналу. Такова его «Жар-птица», записанная Н. Д. Комовской в 1940 г.³⁷ Публикуя вариант, Комовская отметила особую разработанность у Сказкина сюжета: «. . . подобно Сороковикову, Сказкин вводит в свое повествование эпизоды из других сказок < . . . > расширяя тем сказочную фабулу и увеличивая количество действующих лиц».³⁸ В другой раз, характеризуя его манеру, Комовская писала: «. . . он мастер волшебной сказки, к тому же сложной по содержанию. Неспешно ведя повествование с большим количеством эпизодов, замысловатой завязкой и сложными взаимоотношениями героев, Сказкин делает это так спокойно, просто и уверенно, словно читает сказку по книге».³⁹

Что касается «Жар-птицы», Сказкин действительно пересказал то, что прочитал в книге. Его вариант — подробный пересказ одной из редакций книги И. С. Ивина-Кассирова.⁴⁰ Многогеройность и сложность фабулы идут от источника, здесь Сказкин от себя почти ничего не добавил. «Морализация», «сочетание бытовых и фантастических черт в одном образе», «тяга к романтизму», «психологизация» — все то, в чем Н. Д. Комовская видела особенность таланта сказочника, тоже во многом определяется у него лубочной основой. Подробно пересказывая, вероятно, много раз читанную книгу, Сказкин сохранил даже книжный стиль. От лубка у него и галантность героев: «Дражайший родитель, я усердно сторожил твой сад. . .», «Прошу Вас, дорогой папаша, мне давно охота людей посмотреть. . .», «Елена Прекрасная открыла глаза и увидела, что она находится на руках молодого прекрасного юноши. Стала она несмело поглядывать ему в глаза. . .», «Очень жаль мне расстаться с таким прекрасным созданием». Сказкин стремился передать каждую деталь авторского текста. Ср.:

К а с с и р о в

Вот Прекрасная Елена, точно вырвавшись из заключения на свободу, быстро бросилась бежать вперед, срывая по дороге цветы (с. 45).

. . . Кощей Бессмертный, одетый в какую-то длинную пеструю мантию или волшебный балахон; на голове его был надет высокий остроконечный колпак. . .

Ростом он был высокий, худощавый < . . . > с седой щетинистой бородой и крючковатым носом (с. 87).

С к а з к и н

Завидела Елена красные цветочки, опередила всех нянюшек и мамушек, подбежала к этому кусту и стала рвать цветочки (с. 208).

А был он совершенно безобразен, очень из себя большой, со щетинистой длинной бородой и крючковатым носом. И на нем надета длинная одежда и остроконечный колпак (с. 222).

³⁷ Сказки М. А. Сказкина / Вступ. ст., зап., ред. текстов, примеч. Н. Д. Комовской. Горький, 1956, № 20.

³⁸ Там же. С. 335—336.

³⁹ Сказки, рассказы, песни Горьковской области / Вступ. ст., зап., ред. текстов, коммент. Н. Д. Комовской. Горький, 1956. С. 6.

⁴⁰ Народное сказание об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке. Сочинение И. С. Ивина. М., 1891, и другие издания; Народная сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке. Изложил М. Кассиров. М., 1896. Цитируется в тексте по последнему изданию.

Вариант Сказкина насыщен пословицами и ритмически организованными фразами: «Голова-то у тебя, кажись, курчавая, но как будто она у тебя дырявая», «Нам с тобой говорить все равно, как горох к стенке лепить» и др. Комовская и в этом видела проявление творческой индивидуальности сказочника. Между тем он передал то, что было в прочитанном тексте. Впервые эти пословицы были введены в текст сказки о жар-птице неизвестным автором, создавшим своеобразную редакцию в 1858 г.,⁴¹ явно подражая в стиле В. Далю. Затем его пословицы стали «общим местом» в лубочной традиции и многократно использовались как «пестилизационные подражания»⁴² создателями последующих редакций.

По характеру передачи книжного текста Сказкину близок сибиряк Е. И. Сороковиков (Магай). От него сказка о жар-птице записывалась дважды: сначала в 1938 г. Л. В. Гуревичем,⁴³ затем в том же году Л. Е. Элиасовым.⁴⁴

Магай, как и Сказкин, был грамотен, тоже имел библиотечку лубочных сказок. Элиасов отметил, что книжный отпечаток лежал на всем творческом облике сказителя,⁴⁵ но предположения о существовании лубочного источника варианта сказки о жар-птице не высказали ни Гуревич, ни Элиасов. Более того, оба рассматривали вариант Магая как самый полный в сибирской традиции и сопоставляли его с текстом Н. О. Винокуровой. Между тем Магай и Винокурова пересказывали разные лубочные редакции и потому их варианты различны даже по составу мотивов.

Магай, должно быть, имел у себя книгу В. Суворова «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке» (М., 1882, 1883, 1888, 1890, 1896, 1910, 1912) и, обладая феноменальной памятью, очень близко к тексту передал ее содержание. Ср.:

С у в о р о в

М а г а й

...Вдруг вдали словно молния блеснула; вот все ближе она, глаза ослепляет.

...Вдруг он увидел, что-то блеснуло с востока и все больше и все сильнее стало ему ослеплять глаза.

...Я уж стар, ногой в гробу стою; кто же проводит старого в могилу меня? Если же грех такой со мной случится и мне скоро смерть приключится, кто же закроет глаза грешные мои.

...Я стар стал, ногой уже в гробу стою, если какой грех, тогда кто будет хоронить меня.

...и силы перестают служить ему: страшная истома охватывает его, смерть мерещится ему в глазах.

...силы перестают ему служить, страшная истома одолевает его. Смерть мерещится в глаза.

Отсутствие у сказочников, даже очень талантливых, свободы импровизации при передаче книжного текста подметила Э. В. Померанцева. В статье «Книга и сказочник», где затронут целый ряд важнейших проблем взаимоотношения литературы и фольклора, она писала: «Прекрасная вопрошающая сказочница Королькова, которая по-хозяйски обходится с „обыкновенными“, по ее терминологии, сказками, не позволяет себе вносить в сказки о Бове, Еруслане... свободную импровизацию».⁴⁶ Внутренняя установка на точную передачу прочитанного создает опре-

⁴¹ Сказка о Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке. СПб., 1858.

⁴² Лизачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 184—185.

⁴³ Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Старый фольклор Прибайкалья / Вступ. ст. и примеч. А. В. Гуревича. Улан-Удэ, 1939. Т. 1. № 24.

⁴⁴ Сказки Магая (Е. И. Сороковикова) / Зап. Л. Элиасова и М. К. Азадовского; Под общ. ред. М. К. Азадовского. Л., 1940. № 8.

⁴⁵ Сказки и предания Магая / Зап. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1968. С. 15.

⁴⁶ Померанцева Э. Книга и сказочник // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв.: К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского. М., 1976. С. 362.

делепную устойчивость в фольклорной традиции книжного текста. У одних сказочников устойчивость касается как содержания, так и формы, стилистической манеры, у других она распространяется только на содержание. В этом отношении показателен вариант сказки о жар-птице мезенского сказочника Я. В. Поташова, записанный А. И. Никифоровым.⁴⁷

Я. В. Поташов, крестьянин 55 лет, был грамотен. Никифоров отметил, что сказочник «читал лубочные сказки, слышал от разных лиц».⁴⁸ Но сам А. И. Никифоров и издавший его собрание сказок В. Я. Пропп книжное происхождение «Жар-птицы» не отметили. Вариант Поташова, как и сказка Магая, восходит к книге В. Суворова. Скорей всего, Поташов читал ее сам. Он хорошо запомнил необычные имена героев — Архипат, Лапа, Крутин, только дал некоторые в другой огласовке: так, Екуту Горынишну называет Якутой, Архипата — иногда Хипатом. Он забыл лишь имя Рафлей, да от отчества царевны образовал имя Горын, не употребленное Суворовым. В отличие от Сказкина и Магая Поташов не передает стилистику оригинала. Он хорошо помнит все сюжетные ситуации, но пересказывает их по-своему. Например, в книге рассказ о том, как царь посылает сыновей караулить чудесную яблоню, сопровождается авторской морализацией: «. . . кому лучше, как не сыновьям, караулить да стеречь свое и отцовское добро, ведь хозяйский глазок всему смотрок»; «. . . хоть и можно наемнику приказать, но наемник всегда будет наемником».⁴⁹ Поташов, помня, что в книге говорилось о наемнике и сбережении царской казны, передает сцену так:

«Царь Архипат и говорит своим детям:

— Мои дети любимы, будете казака наймовать, али сами стеречь этот сад яблоки?

— Тятенька, говорит старший сын: зацем мы золоту казну тратить будем, мы разве не охотники? Мы сами стережем» (Никифоров, с. 230).

Поташов сохранил книжную трактовку мотива добывания волком живой воды. В лубок мотив пришел из «Сказки о Иване-царевиче и сером волке» Жуковского. Как заметила И. П. Лупанова,⁵⁰ поэт несколько неточно передал фольклорную ситуацию. В пародных сказках человек ловит вороненка, а ворон-отец, чтобы выручить детище, летит за живой и мертвой водой. У Жуковского в плен попадает ворон-отец, а выручает его вороненок. Такая же расстановка образов у Поташова:

«. . . прплетел ворон с вороненком, сел на ёго труп. . . Откуль явился серый волк, поймал одного вороненка за крыльё. Вороненок забился, закаркал, говорит серому волку:

— Дам те два мешка золота и два серебра.

— Мне твое золото-серебро не нужно. Пошли своёго детенышка. . . Пусть принесет живой воды» (Никифоров, с. 233—234).

Текстуальные совпадения у Поташова с книгой Суворова встречаются лишь тогда, когда он передает устойчивые фразеологические сочетания, характерные для разговорной речи и фольклора. Ср.:

Суворов

Поташов

Я уже стар, ногой в гробу стою. . .
Кто же закроет глаза грешные мои?
(с. 27—28).

Я при старости лет сижу по колен
в гробу. Кто-то и глаза закроет, косье
похоронит? (Никифоров, с. 231).

⁴⁷ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.: Л., 1961. № 98. (Далее: Никифоров).

⁴⁸ Там же. С. 365.

⁴⁹ Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке / Сост. В. Суворов. М., 1882. С. 12—13.

⁵⁰ Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в. Петрозаводск, 1959. С. 310—334.

... Кому на роду написано, так тому и быть...

... что написано на роду, то быть суждено тому.

... И понеслася она... выше лесу стоячего, ниже облаков ходячих (с. 77).

... Поднялась Сивка выше лесу стоячего, ниже облаков ходячих (с. 235).

В целом же у Поташова совсем иная стилистика, чем у Суворова, хотя оба широко используют сказовую речь. У Поташова нет сентиментальности, свойственной лубку. Рассказ его по-крестьянски грубоват: «Проклята шкура, зацем цюжу добычу унес?» — обращается у него Иван-царевич к Кощею. Грубоватая манера особенно ощущается, когда речь идет о чувствах: «А Ягута ревет, глаз не открывает, своим платком машет. Потом процоухарилась». Поташов пропустил несколько сюжетных ситуаций, возможно, просто забыл их, добавил несколько новых деталей, но существенной переработки книжного текста у него все же нет.

С книгой Суворова связан и вариант горьковского сказочника И. Ф. Ковалева, грамотного, начитанного, знавшего лубочную литературу, в молодости странствовавшего по России коробейником.⁵¹ Но связи с книжным текстом здесь много сложнее, чем у Поташова. Книжный характер варианта чутко уловили Э. В. Померанцева и С. И. Минц и сопоставили с рядом лубочных изданий сказки, но не нашли текстуальных совпадений и совпадений имен действующих лиц, «на что можно было бы рассчитывать, зная исключительную память И. Ф. Ковалева».⁵² Книга Суворова им оказалась неизвестной. От Суворова в варианте Ковалева идет имя героини — Якута. Но совпадение имени и некоторые общие подробности не дают еще оснований говорить о прямой зависимости одного текста от другого. Во-первых, у Суворова сюжет сказки о жар-птице продолжен рядом других мотивов. Здесь автор-лубочник следовал сюжетной схеме сказки Жуковского. У Ковалева контаминации нет. Во-вторых, кроме Жуковского Суворов опирался на так называемую «балагурную» редакцию сказки,⁵³ она определила сказовый стиль. Вариант Ковалева по манере повествования несколько иной: он отличается большей эпичностью, обстоятельностью изложения. Едва ли здесь проявилось только творческое своеобразие сказочника. Возможно, Ковалев знал какой-то пока неизвестный нам лубочный источник — редакцию сказки, созданную на основе книги Суворова (отсюда «Якута») и книги Ф. М. Исаева (отсюда обстоятельность и эпичность, а также некоторые общие детали).⁵⁴

К краткой редакции Исаева⁵⁵ восходит вариант знаменитой верхнеленской сказочницы Н. О. Винокуровой, записанный М. К. Азадовским.⁵⁶ Винокурова была неграмотной и лубочную сказку слышала, возможно, в чтении. Текст ее близок к книжному. Сохраняются некоторые имена героев: Афрон, Далмаз, только Вышеслав Андронович превращается в Енислава Андреича, царь Касим в царя Кусмана. В ярком эмоциональном пересказе сказочницы легко угадываются книжные сюжетные ситуации. Ср.:

И с а е в

В и н о к у р о в а

... Как, да ты еще царевич, а решился на такое бесчестное дело, неприличное даже простолюдину (с. 54).

... Ай, ай, каффуз какой! Царской сын, да пашол варовать. Каким глупостям заниматца. Как простой мужик! (с. 88).

⁵¹ Сказки И. Ф. Ковалева / Зап. и коммент. Э. Гофман и С. Минц; Ред. Ю. М. Соколова. М., 1941. № 4 (Летописи Государственного Литературного музея; Кн. 11).

⁵² Там же. С. 316.

⁵³ Сказка о Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке. СПб., 1858.

⁵⁴ Сказка об Иване-царевиче, сером волке и жар-птице. Рассказанная Ф. М. Исаевым. М., 1859.

⁵⁵ Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке. М., 1870.

⁵⁶ Азадовский М. К. Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925. Вып. 1. № 14.

У Исаева есть сцена, где младший сын сообщает отцу, что не смог поймать похитительницу яблок, и отец удивленно спрашивает: «— Как. . . разве женщина такая похищает из моего сада яблоки?». Винокурова тоже говорит о «похитнице» и Иван-царевич у нее объясняет удивленному отцу: «Это просто, батюшка, не мушнина и не бабка». Исаев, рассказав, как князь Афрон, уличив Ивана-царевича в воровстве, сам посылает его обманом увести Елену Прекрасную, почувствовав здесь противоречие в поведении героя, вкладывает в его уста оправдательную реплику: «. . . конечно, и этот поступок есть тоже похищение. . . и обоим нам не делает чести» (с. 67). Винокурова эту сцену передает по-своему: «Сам же воровать отправляет».

М. К. Азадовский книжного происхождения варианта не увидел, а психологизм Винокуровой, бытовые подробности в ее тексте, пейзажные зарисовки объяснял исключительно только талантом исполнительницы, ее личными качествами. Но изучать индивидуальное своеобразие ее творческой манеры без рассмотрения книжной основы, от которой сказительница отталкивалась, нельзя, иначе возможен субъективизм в толковании материала.

Сказка о жар-птице позднее была записана от дочери Н. О. Винокуровой — Р. Е. Шеметовой.⁵⁷ Причем дочь передала то, что слышала от матери, в объеме большем, чем удалось записать Азадовскому. Например, в ее варианте есть эпизод приезда волка в золотой карете на свадьбу Ивана-царевича, введен еще один персонаж — садовник Архипович, который вел счет золотым яблокам. Возможно, Шеметова кроме материнского варианта слышала и другие.⁵⁸

В вариантах, отдаленных от первоисточника устной традицией, появляются новые мотивы, возникают контаминации, не всегда улучшающие сказку, чаще разрушающие сюжетно-композиционную целостность ее. Книжная основа тогда угадывается в отдельных деталях. Устойчивыми оказываются имена персонажей. Например, в одном из вариантов, записанных на Пинеге Никифоровым,⁵⁹ о связи с книгой позволяет говорить лишь имя царя Выслав. В варианте из Башкирии⁶⁰ сохраняется сюжетная ситуация, идущая от Жуковского (контаминация сюжетов «Жар-птица» и «Смерть Коцея»), и имена персонажей, встречающиеся в одной из редакций книги И. Кассирова:⁶¹ царь Сафрон, царь Максим. Все это позволяет определить источник. В варианте с Терского берега Белого моря⁶² первичную книжную основу выдает один эпизод: король хочет поцеловать Елену Прекрасную, но обнаруживает у «невесты» усы. В очень путаном варианте сибирской сказчицы А. С. Кожемякиной⁶³ тоже осталась лишь одна книжная деталь: Иван-царевич предлагает волку, прибывшему на свадьбу, остаться жить у него и гулять с детьми в саду. Единственная деталь («Ах, Иван-царевич, разве царь воровством забавляются?») выдает первичную книжную основу и в варианте, записанном Худяковым.⁶⁴

⁵⁷ Сказки Приленья / Под ред. Е. И. Шастиной. Иркутск, 1974. С. 97—104.

⁵⁸ Введенные ею эпизоды есть в лубочной книге: Сказка про Ивана-царевича, прекрасную Анастасию Золотую косу, про чудесную жар-птицу и про волшебного серого волка. М., 1883.

⁵⁹ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. № 53.

⁶⁰ Русское народное творчество в Башкирии / Под ред. Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957. № 18. В комментарии отмечена связь с лубком, но конкретный источник не указан.

⁶¹ Народная сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке / Изложена И. Кассириным М., 1896

⁶² Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970. № 154.

⁶³ Сказки Омской области / Зап. И. С. Корвочкиным от А. С. Кожемякиной; Ред. Н. А. Гаргополов. Новосибирск, 1968. С. 61—65.

⁶⁴ Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. С. 273—274.

Итак, 12 вариантов сказки о жар-птице из 26, учтенных в «Сравнительном указателе», т. е. почти половина, связаны с лубком. Анализ их подтверждает мысль Н. П. Андреева о том, что лубок способствовал «поддержанию сказочной традиции».⁶⁵ Приблизительно та же картина вырисовывается при анализе сказки «Лягушка-царевна»: там из 34 вариантов бесспорно к книге восходят 16.⁶⁶ Много книжных вариантов в сюжете «Муж ищет исчезнувшую жену».⁶⁷ Можно предположить, что варианты, восходящие к книге, обнаружатся при текстологическом анализе сказок «Три подземные царства» (СУС 301), «Смерть Кощея» (СУС 302_{1, 2}), «Царь-девица» (СУС 400₂), «Благодарный мертвец» (СУС 507), «Верный слуга» (СУС 516), «Сивко-Бурко» (СУС 530), «Конек-Горбунок» (СУС 531), «Молодильные яблоки» (СУС 551), «Животные зятя» (СУС 552А), «Иван медвежье ушко» (СУС 650А) и других, неоднократно публиковавшихся в лубочных обработках.

Лубок и устная сказочная традиция — тема в фольклористике давняя. Э. В. Померанцева писала однажды: «Нет, пожалуй, ни одной работы по истории русской сказки, которая бы не учитывала, хотя бы в самом общем плане, воздействия на сюжеты, образы, стиль фольклорных сказок лубочной литературы».⁶⁸ Однако «общий план» не позволил даже такому знатоку сказки, как М. К. Азадовский, к тому же поставившему ряд важнейших проблем изучения лубка, увидеть в сказке Винокуровой о жар-птице книжную лубочную основу. А потому сейчас пришло время от «общего плана» перейти к сравнительному изучению каждой сказки в лубке и устной традиции. Работа эта будет облегчена, если появится описание лубочных публикаций сказки во второй половине XIX в., а еще лучше — издание, подобное выполненному Н. В. Новиковым по материалам конца XVIII—первой половины XIX в.

⁶⁵ Андреев Н. П. Исчезающая литература. С. 13.

⁶⁶ Коренева К. Е. Изучение истории сказочных сюжетов и некоторые проблемы текстологии // Вопросы сюжета и композиции: Межвузовский сборник. Горький, 1984. С. 4—14.

⁶⁷ Коренева К. Е. Сказочный сюжет «Муж ищет исчезнувшую жену» в русской лубочной книге. С. 5—16.

⁶⁸ Померанцева Э. В. Книга и сказочник. С. 351.

О. В. О В Ч И Н Н И К О В А

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУКОПИСНЫХ ВАРИАНТОВ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ

(на материале «Повести о Шемякином суде»)

Как известно, между соседними областями культуры всегда существуют переходные зоны. Между фольклором и литературой такая зона должна быть тем более обширна, что эти области не просто граничат, но связаны генетически. Может быть обнаружено множество произведений словесного творчества, которые синтезируют особенности фольклора и литературы. Среди них — произведения, фольклорные по своей сути, но представленные письменно оформленными текстами.

Эти произведения традиционно считаются литературными явлениями, такой подход основан на отождествлении письменности и литературы.¹ В этом случае констатируется генетическая связь письменного произведения с фольклором, однако для его анализа используются литературоведческие методы и приемы.

Последователи теории Парри-Лорда признают, что письменное сочинение ничем не отличается от устного на уровне самого текста, но отличается по способу создания. Сторонники этой теории так или иначе выделяют двух лиц (исполнитель—скриптор), в результате деятельности которых устное произведение попадает на бумагу.² В таком случае механизм создания древнего произведения напоминает современную фиксацию фольклорного текста фольклористом-собирателем.

Представляется возможным снять разделенные «исполнитель—скриптор». Среди носителей фольклорной традиции было достаточно много грамотных людей, т. е. скриптор мог являться одновременно и сказителем (или пассивным носителем традиции). В том случае, если мы признаем скриптора носителем фольклорной традиции, мы должны также признать и то, что он воспроизводит текст, за которым стоит система тради-

---

¹ «Литературное произведение при самом возникновении своем предполагает письменность» (Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 139); «Возникновение литературы и изначальное отделение ее от фольклора связано с изобретением и применением письменности. Именно фиксация текста, его материальное закрепление расчленило словесно-художественное творчество на две великие ветви — устное творчество и письменную литературу» (Чистов К. В. Специфика фольклора в свете теории информации // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 31).

² Вот как этот процесс описывает сам Лорд: «Письмо, со всей его тайной, пришло к исполнителям песен, и случайно кто-то подошел к певцу и попросил его рассказать песню так, чтобы он смог записать слова» (Lord A. The Singer of Tales. New York, 1968. P. 124). Ср. высказывание другого автора, сходное с предыдущим в понимании этого процесса: «Когда появилась письменность, некоторые из памятников были записаны, как это произошло с Гомером. Проблема для литературоведов — разделить старшие записи, которые были сделаны со слов устных сочинителей, и те тексты, которые были сочинены на бумаге в имитацию устному сочинению» (Emeneau M. B. Oral Poets of South India — the Todas // Language in Culture and Society: A Reader in Linguistics and Anthropology. New York, 1964. P. 332).

ционных взглядов, представлений, верований (т. е. сама традиция). Тогда нужно говорить не об использовании фольклорного сюжета, но о творческом его воспроизведении, о рукописной импровизации.³

Данное явление не может быть ограничено строгими хронологическими рамками, поскольку оно стадияльное. Например, письменное бытование сказочного текста, его письменное воспроизведение — это некий этап развития фольклорной традиции, который характеризуется превращением традиции из закрытой системы в открытую, социокультурными изменениями в среде ее носителей.

Овладение письмом, письменной речью — процесс крайне сложный, процесс письма не является «простым „идеомоторным“ актом»,⁴ «... письменная речь есть совершенно особая речевая функция, отличающаяся от устной речи не менее, чем внутренняя речь от внешней по своему строению и способу функционирования».⁵ При переходе от устной речи к письменной утрачивается прямое речевое взаимодействие «лицом к лицу», которое характеризуется «непосредственным в зрительном и слуховом отношении восприятием высказывающегося лица, а также бессознательным или сознательным расчетом на действенность мимики и жеста».⁶ Ситуация письменной речи, по мнению Л. С. Выготского, требует двойной абстракции — «от звучащей стороны и от речи собеседника. Письменная речь вводит в самый высокий абстрактный план речи, перестраивая тем самым и прежде сложившуюся психологическую систему устной речи».⁷

Письменное воспроизведение фольклорного текста — рукописная импровизация — представляет собой переход от устной речи к письменной; при этом намечается переход от фольклора к литературе. Передача на бумаге устного текста является процессом освоения высокого уровня абстрактности письменной речи. Перед нами — переходный тип речи, и соответственно — особый тип текстов. Они настолько похожи по поэтике и механизмам создания на тексты, бытующие в устной традиции, что такое совпадение дает возможность М. Наглеру утверждать: «Устное сочинение не отличается от письменного <...> когда письменность вводилась в устную традицию, некоторый компромисс двух методов дал высокую нестабильность и использование письменности для сочинения быстро вытеснило устную привычку; это не означает непременно, что возникшие в результате письменные памятники немедленно обнаружат множество отличий от своих устных предшественников».⁸ Возникают своеобразные метастабильные тексты, которые являются промежуточной формой между вариативностью фольклорного текста и стабильностью произведения литературы Нового времени.

Специфика бытования сказочных сюжетов в рукописной традиции обуславливает особенности каждого рукописного текста произведения. Попытаемся выявить эти особенности, избрав в качестве материала для анализа «Повесть о Шемякином суде». Это произведение, традиционно рассматриваемое как литературное, представляет собой не что иное как

³ Это явление было отмечено П. Г. Богатыревым: «Особого внимания заслуживает импровизация переписчиков повестей о Фоме и Ереме, которые, так же как и исполнители фольклорных произведений, импровизируя, не нарушали норм <...> художественных приемов» (Богатырев П. Г. Импровизация и нормы художественных приемов на материале повестей XVIII в., надписей на лубочных картинках, сказок и песен о Ереме и Фоме // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 416—417).

⁴ Лурия Л. Р. Очерки психофизиологии письма. М., 1950. С. 17.

⁵ Выготский Л. С. Мышление и речь (Психологические исследования). М.; Л., 1934. С. 208.

⁶ Якубинский Я. П. Язык и его функционирование // Якубинский Я. П. Избранные работы. М., 1986. С. 25, 30.

⁷ Выготский Л. С. Мышление и речь. С. 209.

⁸ Nagler M. N. Spontaneity and Tradition. A Study in the Oral Art of Homer. Berkeley; Los Angeles; London. 1974. P. XX.

рукописную редакцию мирового сказочного сюжета о несправедном суде.⁹

Наблюдения над текстами «Повести о Шемякином суде»¹⁰ показали, что они не являются списками в принятом понимании этого термина: «. . . список — переписанное произведение».¹¹ Каждый новый текст представляет собой не просто переписанное произведение, а как бы новое его воспроизведение. Как в фольклоре каждое воспроизведение дает новый вариант, так и при рукописном распространении фольклорного произведения каждый письменный текст является новым вариантом. В известных нам текстах «Повести о Шемякином суде» при полном сюжетном сходстве наблюдается отсутствие дословных совпадений и сходных синтаксических построений, весьма ощутимы стилистические различия. Более подходящим обозначением для подобных текстов служит термин «вариант» в том его понимании, которое было предложено С. Н. Азбелевым: «Вариант — текст произведения, возникший в результате его живого бытования в устной или письменной традиции и отличающийся от других текстов этого произведения, возникших тем же путем».¹²

В связи с необычным местом произведений так называемой демократической литературы в системе древнерусской литературы встают вопросы о методах их изучения, о способах сопоставления письменных вариантов, о приемах текстологического анализа.

Традиционные в медиевистике методы пословного сопоставления текстов и анализа отдельных разночтений с целью выявления текста архетипа обречены на неудачу в силу специфики бытования памятников, воспроизводящих фольклорный сюжет. С этим столкнулся М. О. Скрипиль при исследовании «Повести о купце, купившем мертвое тело». Исследователь отмечает, что хотя все три списка «Повести» близки между собой по отдельным эпизодам и порядку изложения, они настолько текстуально расходятся, что «в ряде случаев трудно определить, какие чтения могли принадлежать архетипу повести».¹³

Метод сопоставления количества и порядка чередования мотивов в разных вариантах для распределения их по редакциям использовался Л. Н. Пушкаревым при изучении рукописных вариантов сказки о Еруслане Лазаревиче.¹⁴ Такой метод может быть применен при сопоставлении вариантов сюжета, состоящего из достаточно большого набора мотивов. Довольно короткая цепочка преступлений и приговоров в сюжете о несправедном суде неизменна и устойчива не только в рукописных вариантах; многие устные варианты дают тот же повтор мотивов, стабильность которых объясняется устойчивостью их историко-этнографической основы.

В связи с тем что анализ отдельных разночтений оказался невозможен из-за вариативности текстов в рамках конкретного сюжета, единственным приемлемым способом сопоставления и систематизации рукописных вариантов «Повести о Шемякином суде» приходится признать сличение приемов разработки сюжета. Под разработкой сюжета мы понимаем

⁹ См. об этом: *Васильева О. В.* «Повесть о Шемякином суде» и бытование сюжета о несправедном суде // *Русский фольклор*. Л., 1989. Т. 25. С. 91—99.

¹⁰ Перечень письменных и устных текстов, привлекаемых для анализа см. в статье: *Васильева О. В.* Некоторые дополнения к текстологическому комментарию В. П. Адриановой-Перетц к «Повести о Шемякином суде» // *Древнерусская литература. Источниковедение*. Л., 1988. С. 245—247.

¹¹ *Лихачев Д. С.* Текстология (На материале русской литературы X—XVII вв.). Л., 1983. С. 131.

¹² *Азбелев С. Н.* Основные понятия текстологии применительно к фольклорному материалу // *Принципы текстологического изучения фольклора*. М.; Л., 1966. С. 272.

¹³ *Скрипиль М. О.* Народная русская сказка в литературной обработке: конец XVII—начало XVIII в. (Повесть о купце, купившем мертвое тело) // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М.; Л., 1951. Т. 23. С. 308—325.

¹⁴ *Пушкарев Л. Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980.

конкретное его воплощение в текст, при этом учитываем не только его стилистическое оформление, но и распространенность (сжатость) повествования, наличие (отсутствие) дополнительных характеристик персонажей и мотивировку их действий, имен героев, их атрибутов и т. п. Сходство таких приемов, видимо, будет характеризовать тексты, созданные путем воспроизведения сюжета при корректирующем влиянии рукописи протографа. Расхождения на всем протяжении текста дадут возможность говорить о чистой рукописной импровизации. Влияние рукописного текста, его корректирующая функция могут осуществляться в разной степени на разных участках текста, что обусловлено и сознательной установкой рукописного импровизатора, и его индивидуальными особенностями, а также ситуативностью. Ситуативность в данном случае обеспечивается иными факторами, чем в условиях естественной коммуникации, когда «исполнитель (особенно, если речь идет о жанрах, допускающих текстовую импровизацию) может менять (корректировать) содержание и структуру текста и внетекстовых элементов в зависимости от поведения (реакции) слушателей в ходе исполнения».¹⁵ При письменной импровизации задействована триада «импровизатор—традиция—протограф» (вместо привычной для фольклорного исполнения триады «импровизатор—традиция—аудитория»). Причем протограф выполняет функцию цензуры второго ряда, «предварительной цензуры коллектива».¹⁶

Представляется возможным выделить два типа корректирующего воздействия рукописи протографа, отмечаемого на разных отрезках текста: прямое и косвенное. Рассмотрим более подробно случаи корректирующего влияния обоих их типов.¹⁷

Прямое влияние протографа выражается в дословном ее цитировании, почти буквальном переписывании. Прямое корректирование никогда не отмечается на всем протяжении текста варианта, выявляется на довольно коротких его отрезках:

ИРЛИ, собр. Перетца, № 404

Убоги ведаю, что пришла беда ево, будет посылка по него уголова. Давно смечено, что хоженова дать нечево. Поиде в след брата своего.

ГПБ, собр. Титова, № 3761

Брат же богатый даде ему за свою лошадь 5 рублей денег, чтоб ему и без хвоста отдал он.

ГИМ, собр. Щукина, № 1080

Убоги убедился, что пришла беда, и по ево будет посылка уголова. Давно смечено, что хоженова дать нечево. Поиде вслед брата своего.

ГПБ, собр. ОЛДЦ, Q. 18.

Брат же богатый даде ему за свою лошадь 5 рублей, чтобы ему и без хвоста отдал.

Иногда корректирующее влияние рукописного текста настолько значительно, что в новом варианте возникают ошибки, вызванные, по всей вероятности, неправильным прочтением (в тексте эти слова выделены курсивом):

ГПБ, Q. XVII.41

Ведаю, что будет по него из города присылка,

ГИМ, собр. Уварова, № 1926 (135)—4°

Ведаю, что будет из города посылка,

¹⁵ Чистов К. В. Специфика фольклора в свете теории информации. С. 38.

¹⁶ Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. С. 372.

¹⁷ Сопоставление рукописных вариантов достаточно произвольно, поскольку наша задача состоит в том, чтобы показать их вариативность, а не свести в редакцию. Выявление текста архетипа вообще не представляется возможным.

чтоб ему *езду*¹⁸ приставом не платить.

чтоб *беды*¹⁹ приставу не плотить.

В данном случае обращение к рукописному тексту наблюдается в том месте, где действиям персонажа дается мотивировка реально-исторического характера. Подобные мотивировки наименее прочны и могут быть сохранены только при переписывании текста.

Следует специально отметить, что случаи прямого корректирования крайне редки; влияние рукописи такого типа непоследовательно проявляется на коротких отрезках вновь создаваемого текста. Это лишнее доказывает установку создателя нового рукописного варианта на импровизацию, на свободное варьирование текста.

Под косвенным корректированием мы понимаем влияние рукописного текста протографа на уровне разработки сюжета. Воздействие такого типа приводит к сходной разработке сюжета в большинстве рукописных вариантов при лексических и синтаксических расхождениях в текстах последних:

ГПБ, Q.XVII.41

И по неколику времени прииде убоги к богатому брату просити лошади, на чем бы ему из лесу дров привести. Брат же богаты не хотя убогому лошади дати и рече ему: «Брате, ссужах тебя много, а наполнити тебя не могу». И даде ему лошедь, и нача у него просити: «Хомута нет».

ИРЛИ, собр. Перетца, № 404

Убогии брат прииде к богатому лошади просити в лес по дрова съездить. Богаты же даде ему лошадь, убоги же нача и хомута прошать.

Описание момента порчи лошади встречается во всех вариантах «Повести о Шемякином суде» (кроме текста рукописи ГПБ, собр. Титова, № 3761, л. 100 об.—103 об., где л. 100 утрачен). Здесь опять можно наблюдать текстовые несовпадения при полном сохранении сходства в разработке сюжета:

ГПБ, O.XVII.57

Лошадь же бросилась изо всей силы через подворотню и хвост у себя оторвала.

ГПБ, собр. ОЛДЦ, Q.18

Лошед же изо всей мочи бросяся через подворотню с возом и оторвала у себя хвост.

Текстовые расхождения в местах описания действий персонажей менее значительны, чем в отрывках, мотивирующих эти действия, поскольку мотивировка предоставляет больше возможностей для вариативных замен. Приведенные ниже примеры демонстрируют текстовые расхождения в отрывках мотивированного характера:

ГПБ, Q.XVII.41

Убоги же размышляя в себе, что ему от брата и от попа будет погибель и, умысля в себе и хотя сам себе смерти предати, бросился с мосту в ров.

ИРЛИ, собр. Перетца, № 404

Убоги же вниде с ниме и разуме, что не быть ему живому от судьи Шемяки и бросился с мосту, хотел ушибиться до смерти.

¹⁸ Аналогичное прочтение в вариантах из рукописей ГПБ, собр. Титова, № 3761 и ГПБ, собр. ОЛДЦ, Q.18.

¹⁹ Такое прочтение отмечается только в этом варианте.

ГПБ, Q.XVII.41

Убоги же мысляше,
как бы ему бед избыти,
и умысла, взя камень.

ГПБ, собр. ОЛДП, Q.18

Он же мысляше, как бы
ему напасти избыти и судии
чтоб дати. И ничего у себе
не обрете. И измысли, взя
камень.

Сопоставление не двух, а нескольких рукописных вариантов представляет картину их вариативности более наглядно.

ГПБ, Q.XVII.41: «Потом же убоги нача попади просити по судейскому указу, чтоб ему, взяв попадью, рабенка у ней добыть и с рабенком бы попу попадью отдать».

ГПБ, O.XVII.57: «Потом убоги у попа попадьи просить, чтоб ему взять попадью, робенка у ней добыть, а с робенком попадью отдать».

ГПБ, собр. Титова, № 3761: «Тоже убоги нача у попа просити и попадью по судейскому указу, чтоб у нее ему робенка добыть у попадьи и отдать к нему назад с робенком».

ГПБ, собр. ОЛДП, Q.18: «Тоже убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с робенком».

ИРЛИ, собр. Перетца, № 404: «Прииде убоги брат к мужику и нача по судейскому приказу жену прошати, и хотяше из нее робенка такова же зделать».

ГИМ, собр. Уварова, № 1926 (135)—4°: «Убоги же нача у попа попадью просити, чтоб ребенка у попадьи добыть и с тем ребенком тое попу отдать».

Следует отметить, что большое количество предложений мотивировочного характера отличает рукописный вариант от устной импровизации. Фольклорная сказка подчиняется своей, особой логике; сказитель очень редко дает понять, что одно событие является причиной или следствием другого. Мотивировкой и объяснением действий героев могут быть внетекстовые элементы: интонация, мимика, жест. Строгое причинно-следственное построение рукописного повествования может быть объяснено отсутствием возможности его внетекстовой организации, а также психологией письменной речи.

Как уже отмечалось выше, случаи прямого корректирования крайне редки и выявляются на коротких промежутках текста. Косвенное влияние рукописного протографа стабильно, просматривается на протяжении всего варианта. Случаи нарушения его следует рассматривать особо.

Отсутствие корректирующего влияния рукописного текста чаще всего наблюдается в самом начале текста варианта и обусловлено, как нам представляется, начальной установкой писца на создание варианта известного сюжета, а не на переписывание текста. Зачины рукописных вариантов дают наиболее частые вариативные замены: «В неких местех живяше два пустытника» (ГПБ, Q.XVII.41); «В некоторых странах живях два брата земледельца» (ГПБ, O.XVII.57); «В некоторых местех живяше два брата земледельца» (ГПБ, собр. Титова, № 3761); «В некоторых палестинах два брата живяше» (ИРЛИ, собр. Перетца, № 404).

Иногда нарушение корректирующего влияния рукописного текста наблюдается в середине вновь создаваемого варианта. Так, например, в варианте из рукописи ГИМ (собр. Щукина, № 1080) изменен социальный статус отца неумышленно убитого ребенка:

ГИМ, собр. Уварова, № 1926 (135)—4°

И поиде ночевать того
села к попу по знакомству.

ГИМ, собр. Щукина, № 108

И приидоша оба брата
к богатому мужику на ночлег.

Такая замена обусловлена, видимо, тем, что влияние фольклорной традиции превалирует над воздействием рукописного текста (в устных вариан-

тах сюжета о несправедном судье истцом выступает мужик, а не поп²⁰).

Таким образом, в ходе текстологического анализа было установлено: 1) новый рукописный вариант создается в акте творческой импровизации при корректирующем влиянии рукописи протографа; 2) такое влияние может быть прямым (цитирование) и косвенным (следование за протографом в разработке сюжета); 3) отсутствие апеллирования к рукописному протографу в самом начале варианта отражает установку писца на творческое воспроизведение сюжета.

Отдельно следует остановиться на вариативности заглавий рукописных вариантов. Известные нам из сборников XIX—XX вв. названия сказок давались, как правило, составителем (интуитивно, в соответствии с указателем сюжетов и т. д.). Это чаще всего нераспространенные предложения — имена действующих в сказке персонажей, названия волшебных предметов или помощников («Жар-птица и Василиса-царевна», «Летучий корабль»²¹ и т. п.). Заглавия такого типа охотно использовались в литературной сказке. Исполнители же для отделения одной сказки от другой употребляют заглавия более древнего типа, в которых даются краткие пересказы содержания сказки, уже содержится информация о том, про что будет сказка. Наиболее последовательно этот тип заглавий представлен в сборнике Добровольского, например: «Як мужик искау кумоу справядливых»; «Аб старике — сам на куте, пос на крюку, ноги на грядках, як тэй старик двум братам па паласе мяса из спины вырizaу, а третий брат старику тоя ж зделал. Сказка, што мяньшой брат старику байу, у тэй сказки дуб да нибёс».²² Если сказка озаглавляется по именам действующих лиц, то используются неполные предложения (например: «Про попа», «Сказка об Иване-богатыре, крестьянском сыне» и т. п.). Заглавия рукописных вариантов сюжета о несправедном судье представлены обоими типами: как «литературными» («Шемякин суд»,²³ «Суд Шемяки судьи»²⁴), так и традиционными («Про убогова брата»,²⁵ «Сказка о судье Шемяке»²⁶). Такое распределение заглавий — еще одна черта переходности рукописных сказочных текстов, балансирующих на той зыбкой грани, которая разделяет фольклор и литературу.

Отсутствие корректирующего воздействия рукописного текста дает нам основание рассматривать вариант из рукописи ГПБ, О.ХVII.17 (л. 56 об.—77 об.) как чистую рукописную импровизацию. Такой способ создания рукописного варианта в большей степени ориентирован на фольклорную традицию. Происходит воспроизведение знакомого сюжета, причем занимательный сюжет является канвой, на которую накладываются дополнительные подробности, мотивировки. Все герои получают имена, социальный статус. Подобное распространение сказочного сюжета наблюдается и в устном его бытовании.²⁷ Данный рукописный вариант не выходит за рамки фольклорной традиции, поэтому мы можем рассматривать его как рукописную импровизацию, но не как литературную обработку. Для иллюстрации приведем начало текста, по которому можно проследить его отличительные особенности: «Бысть в некоея земле российского государства богатый дворянин именем Филимон Григорьев, имяше же той дворянин у себе роднаго брата именем Феодора по прозванию Скородум.

²⁰ См., например: *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1, № 17. С. 376—377; Русское народное творчество в Башкирии / Под ред. Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957. № 38.

²¹ *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1986. № 169—170, 114.

²² *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. № 11. С. 316, 476.

²³ ГПБ, Q.XVII.57; ГПБ, собр. Титова, № 3764; ГПБ, собр. ОЛДП. Q.18.

²⁴ ГПБ, Q.XVII.41.

²⁵ ГИМ, собр. Уварова, № 1926 (135)—4°.

²⁶ ГИМ, собр. Барсова, № 2416.

²⁷ См., например: *Русская сказка. Избранные мастера.* М.; Л., 1932. № 30.

И в некое время той Скородум иде к брату своему Филимону и нача у него просити лошади, на которой он мог съездить в лес, и нарубя дров, и привезти в дом свой. Объявляя скудость свою в дровах, что нечем за преимением дров избю протопить, как жена, так и дети наги и босы, комом топят».

Широкая распространенность сюжета о неправедном суде, а также его традиционность дают возможность для творческого письменного воспроизведения его, создания рукописного варианта. Сказка из сборника ГПБ, О. XVII.17 сходна с остальными вариантами «Повести о Шемякином суде» (созданными при корректирующем воздействии рукописного текста) тем особым способом передачи (рукописной импровизацией), который ставит их на границу фольклора и литературы. Рукописная импровизация на известный сказочный сюжет синтезирует традиции воспроизведения фольклорного текста и передачи литературного произведения. Созданные в результате метастабильные письменные тексты несут в себе звучание устного слова.

Речь сказителя (сказывание) отличается от устной речи, во-первых, как речь организованная от неорганизованной (и потому часто грамматически и интонационно неполной) и, во-вторых, как речь монологическая от диалогической (хотя следы последней в ней и есть). Трудность перехода от устной речи к письменной (с ее высокой степенью организации) смягчается тем, что это — переход по сути от организованной фольклорной речи. Рукописный текст местами воспроизводит организацию устного. Так, показанное Г. Л. Венедиктовым дробление организованной сказочной речи на бисиптагмы²⁸ частично сохраняется и в рукописной импровизации. Рукописные варианты разрабатываются в русле фольклорной традиции и на лексико-семантическом уровне, например в использовании эпитета. По наблюдениям Н. И. Савушкиной, в бытовой сказке «наиболее распространены эпитеты *бедный* и *богатый*, имеющие значение постоянных. Они или характеризуют главного героя, или сразу противопоставляют двух героев: „В одном селе жили два брата — Данило да Гаврило. Данило был бедный, а Гаврило — богатый“ (Аф. 3, с. 263); „Жили-были два брата. Один богатый, а другой бедный“ (Сок. с. 169)».²⁹ Приведенные нами выше зачины рукописных вариантов сюжета о неправедном суде дают то же антонимическое противопоставление традиционных эпитетов. На разговорную, «не книжную» лексику «Повести о Шемякином суде» обращали внимание многие исследователи.

Отказ от традиционных текстологических приемов сопоставления и изучения рукописных вариантов сказочного сюжета, применение фольклористических методов позволяют выявить специфику их бытования, механизмы создания нового варианта. Исключение «Повести о Шемякином суде» из корпуса памятников древнерусской литературы, рассмотрение списков как рукописных вариантов фольклорного сюжета дают возможность ввести «Повесть» в контекст фольклорных произведений, бытующих письменно. Исследование этого явления на материале былин ведется Ю. А. Новиковым,³⁰ заговорам на отпуск скота посвящена статья А. Г. Боброва и А. Е. Финченко.³¹ Взгляд под таким углом зрения на ряд памятников, имеющих в своей основе фольклорный сюжет, кажется нам плодотворным. Созданные в результате рукописной импровизации, в результате функционирования переходного типа речи метастабильные тексты зафик-

²⁸ Венедиктов Г. Л. Опыт фиксации фольклорной прозы // Русский фольклор. Л., 1985. Т. 23. С. 103—106.

²⁹ Савушкина Н. И. Эпитет в бытовой сказке // Эпитет в русском народном творчестве. М., 1980. С. 138.

³⁰ Новиков Ю. А. Следы рукописной традиции в былинах выгозерских сказителей // Русский фольклор. Л., 1989. Т. 25. С. 14—23.

³¹ Бобров А. Г., Финченко А. Е. Рукописный Отпуск в пастушеской обрядности Русского Севера: Конец XVIII—начало XX в. // Русский Север: Проблема этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 135—164.

сировали то мгновение, когда «начался умственный процесс, который через много лет привел к господству письменного слова над устным, пера — над голосом».³²

В статье приняты следующие традиционные сокращения:

- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград);
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва);
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Древлехранялище;
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.

---

³² Борхес Х. Л. О культуре книг // Борхес Х. Л. Проза разных лет. М., 1984. С. 218.

М. Ю. Н О В И Ц К А Я

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИОННОГО ФОЛЬКЛОРА
ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ**

(Текстологические наблюдения над стихотворными жанрами)

Для понимания эстетической сущности стихотворных произведений традиционного детского фольклора необходимо детально представлять себе его взаимоотношение с фольклором взрослых, который являлся неистощимым источником формирования детского репертуара. Следы этой живой связи запечатлены в разножанровых и разновозрастных вариантах тем, мотивов, сюжетов. Сопоставление их помогает увидеть процесс формирования сюжетно-тематического состава стихотворных жанров детского фольклора во всей сложности межжанровых переходов сюжетов и мотивов, выступающих как самостоятельно, так и в качестве составных частей более крупных образований, которые вырастают в своеобразное логическое и художественное единство с особыми жанровыми функциями в пределах детской культуры.

Внимательное изучение стихотворных жанров детского фольклора позволяет выделить круг источников, дававших материал для его сюжетно-тематического состава. Это обрядовая поэзия взрослых; произведения, имеющие ярко выраженную развлекательную функцию, — хороводные, игровые, плясовые, шуточные, сатирические песни взрослых, многие из которых связаны, по наблюдениям исследователей, со скomorошьей традицией; присказки и отрывки из сказок, вставные сказочные песенки; загадки; частушки. Уже одно (по необходимости беглое) перечисление источников, имевших собственную сложную историю, говорит об их многообразии и о том, что в детский репертуар попадали произведения, глубоко и прочно связанные с повседневным бытом крестьянской семьи, исполнявшиеся либо в присутствии детей, либо непосредственно с их участием, либо «бывшие на слуху» у пестунов. Пестрота и хаотичность детского репертуара объясняются также и тем, что ассимиляция взрослого фольклора детьми шла в самых разных направлениях и разными способами. Бытование взрослой поэзии в детской среде приводит к тому, что выпадают целые строки, варьируются персонажи, происходят сращения мотивов так, что их уже трудно разделить и решить, являются ли они контаминацией, или изначально существовали вместе. Рассмотрим несколько примеров, характеризующих механизм творческих процессов взаимодействия детской поэзии с фольклором взрослых.

Одна из публикуемых В. Магницким¹ детских песен, под которые девочки пляшут, «нарядившись по-бабьи», представляет собой соединение двух «взрослых» произведений. Первое — песенный сюжет о несчастливой любви замужней женщины, мечтающей об исходе сложившейся ситуации таким образом:

---

¹ Магницкий В. К. Песни крестьян с. Беловожского Чебоксарского уезда Казанской губернии. Казань, 1877. С. 13, № 7.

. . . Вдоль по улице пройти,
По улице, мимо кузницы.
Во кузнице молодые кузнецы,
Они куют и наваривают,
Меня, младу, подговаривают,

Сулят, сулят мне замок с ключом.
Мне не надо замок с ключом.
А мне надо ружье с конем.
Я милому подарю, подарю,
Постылого, застрелю, застрелю.²

Тема кузнецов данной песни естественно притягивает по ассоциации второй сюжет. Это известнейшая песня о молодых кузнецах, приглашающих Дуню в лес и обещающих ей в подарок сарафан из лопушка, который проедает таракан.³ Детский вариант, соединяя оба сюжета, отражает особенности ребячьего миропонимания, которое по-своему объясняет, почему так ненавистен «постылый» муж:

Не мятелица метет вдоль по улице,
Вдоль по улице, вплоть до кузницы.
В этой во кузнице два кузнечика куют,
Куют, куют, принаваривают,
Меня, Дуню, приговаривают.
— Вот тебе, Дуня, замок с ключом.

— Не надо мне замок с ключом,
А надо мне пистолет с ружьем.
Убила бы я свою мужа дурака.
Мой муж дурак таракан.
Проел (сгрыз) он Дуне сарафан,
Все пуговки поглотал.⁴

Мотив о «зломном» вредителе-таракане присоединяется к сюжету плясовой песни «Николаевских ребят. Не пускают погулять. . .»⁵ и фиксируется Г. С. Виноградовым в качестве считалки.⁶ Можно предположить, что данной жанровой реализации — считалке — предшествовала стадия существования мотива в жанре детской песенки-контаминации, пример которой был только что приведен.

Ценность подобных записей в том, что они, фиксируя отдельные разнообразные по своему характеру моменты творческой ассимиляции фольклора взрослых детьми, позволяют воссоздать процесс формирования таких контаминаций в прошлом и объяснить возникновение бессмыслицы в детских произведениях, пунктирности сюжетной линии, чисто внешней ассоциативности связей нескольких составных частей, разнородность которых ощущается достаточно четко. Произведений такого типа в детском фольклоре множество (например, популярнейшая и одновременно загадочнейшая по своему сюжету прибаутка «Туру, туру, пастушок. . .»), и прагматичным объяснениям их «алогичная логика» не поддается.

Алогичность движения художественной мысли вызывается теми изменениями, которые происходят в лексике потому, что многие из слов песни дети неправильно понимают и запоминают. В качестве примера приведем чрезвычайно продуктивный сюжет детского фольклора «Ходит свинья по бору. . .», чаще всего реализующийся в жанре считалки.⁷ Этот сюжет ассимилирует известную игровую (и колядную) песню,⁸ что наглядно подтвер-

² Воронежские народные песни в современной записи / Сост. Г. В. Авдеева и др. Воронеж, 1978. С. 58—59, № 103 и др.

³ Соболевский А. И. Великорусские народные песни: В 7 т. СПб., 1902. Т. 7. № 260—270.

⁴ Магницкий В. К. Песни крестьян с. Беловожского. . . С. 13, № 7.

⁵ Старинная русская песня Прикамья: Сборник. Елабуга, 1960. С. 47, № 7; Студитский Ф. Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний. СПб., 1841. С. 107—109, № XI.

⁶ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Иркутск, 1930. С. 189, № 357.

⁷ Мне известно более 30 вариантов, опубликованных (см., например, целую подборку в работе Виноградов Г. С. Русский детский фольклор, № 312, 314, 323, 459, 460, 460а, 461) и хранящихся в архивах. О широком распространении сюжета говорит и наличие белорусских вариантов. См.: Дзідзячы фальклор / Складальнік Г. А. Барташевич; Складальнік музычнай часткі В. Я. Ялатоў. Мінск, 1972. № 809, 812, 813.

⁸ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Изд. об-вом любителей российской словесности при Московском ун-те; Под ред. В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского. Вып. 1: Песни обрядовые. М., 1911. № 1146 (2); М., 1917. Вып. 2, ч. 1. № 1214 (30); Макашина Т. С. Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М., 1979. С. 62; Фольклор русского населения Прибалтики / Авт.-сост. А. Ф. Белоусов и др. М., 1976. С. 98, № 95.

ждается сопоставлением взрослых и детских текстов. Варианты песни-считалки дают целую серию изменений в словах, переходящую в изменение строки и по существу всего микросюжета. Можно выстроить цепь текстов, реконструировав предполагаемый промежуточный вариант, который когда-то послужил источником возникновения в этой считалке из личного местоимения 3-го лица образа некой «некоммуникабельной» Анны, которая куда-то не берет своих братьев, «рожденных» в свою очередь из разговорного глагольного оборота «брат не берет»:

Детская песенка	Предполагаемый промежуточный вариант	Считалка
Ходит свинья по двору, Ищет траву лебеду; <i>Она в рот не берет</i> — Под березоньку кладет. ⁹	Ходит свинья по бору, Ищет траву лебеду; <i>Она брат не берет</i> , Под березоньку кладет.	Свинья ходит по болоту, <i>Анна братьев не берет</i> , Под березонькой встает. ¹⁰

Таким образом, один из продуктивнейших путей ассимиляции детьми общенационального фольклора — *подражание взрослым*, воспроизведение в играх произведений взрослых, их творческая переработка в соответствии с эстетическими, бытовыми и игровыми запросами и задачами детей. Многие сюжеты детского фольклора позволяют проследить их происхождение от подобных подражательных текстов. При этом необходимо принимать во внимание то качество детского восприятия, о котором писал Л. С. Выготский: ребенок как бы выхватывает наиболее яркие моменты из окружающей жизни, разговоров, песен, эти впечатления часто складываются в причудливую картину.¹¹ Уже были показаны примеры такого выхватывания из песен, «скальвания» фрагментов и своеобразного их сращения в новый сюжет, игнорирующий сложные психологические перипетии взрослой жизни, отраженные в исходных текстах. Подобные трансформации при восприятии и воспроизведении текстов отмечают и педагоги: «...пересказ <...> всегда является творческой мыслительной переработкой <...> текста путем отбора главного, сокращения и упрощения синтаксических структур. <...> Однако отбор и воспроизведение главного и второстепенного у маленьких детей часто еще происходит на аффективной основе, и весь текст часто причудливо изменяется в зависимости от возникающих в процессе пересказа чисто ассоциативных, эмоционально окрашенных связей».¹²

С этой точки зрения интересно проанализировать текст считалки, промежуточный этап существования которого мог быть детской песенкой-подражанием. Считалка зафиксирована в 15 вариантах. Вот один из них:

Плыла пена из-за моря, Стал пену бить, колотить,	Вызиспрашивати: «Кто вас боле? Кто вас мене? ...» ¹³
---	--

Прагматическое «взрослое» сознание сразу становится в тупик перед нагромождением несурязиц: что за пена плыла, зачем ее кто-то стал колотить, почему этой самой пене стали задавать именно такие вопросы о соотношении размеров?

⁹ Архив Русского географического общества, р. 6, оп. 1, ед. хр. 55, л. 15, № 5. Здесь и далее выделены строки, трансформирующиеся в разных жанрах.

¹⁰ *Виноградов Г. С.* Русский детский фольклор. С. 183, № 323.

¹¹ *Выготский Л. С.* Воображение и творчество в детском возрасте. М.; Л., 1930.

¹² *Леушина А. М.* Значение пересказа в развитии связной речи дошкольника // Всероссийская научная конференция по дошкольному воспитанию: Тезисы докладов. Москва. 1948. М., 1948. С. 58.

¹³ Побывальщинки, заговоры, поговорки, пословицы, присказки, загадки и т. п. // Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества. По этнографии. Красноярск, 1902. Т. 1, вып. 1. С. 137.

Ответить на эти недоуменные вопросы мы сможем, если проследим путь в детский фольклор одной из свадебных песен, поющих в ожидании жениха:

Ай, на море пена расплавалась, да расплавалась.
 Прибило пену ко крутому бережку, да ко крутому бережку.
 Ой, прибило думу, думу как у Тани, у души,
   да как у Танп, у души.
 И как она будет идти замуж, да идти замуж,
 Во чужие в люди,
 Во чужие, во незнакомые. . .¹⁴

Живописный и картинно-наглядный зачин ¹⁵ песни мог запасть в память детей, трансформироваться затем при воспроизведении в соответствующий детскому пониманию текст. При этом произошел ряд изменений морфологических, синтаксических и семантических структур, характерных для детской речи. Динамичный глагол «плыла», обозначающий четкое однонаправленное действие, заменил собой «нецеленаправленный» глагол «расплавалась». Глагол «прибило», имеющий значение «пригнало», переосмысливается в направлении своего прямого значения, эмоционально очень яркого для ребенка: «стали бить». Вдобавок он усиливается введением экспрессивного синонима «колотить». В общем восприятии движения сюжета осталось воспоминание, что вслед за «битьем» пены шел вопрос. У маленького ребенка, естественно, не могла остаться в памяти вся та серия вопросов, психологически важных для девушки-невесты: как она замуж будет идти, как будет свекра называть батюшкой, свекровь — матушкой и т. д. Неудобна для детской речи и синтаксическая форма косвенного вопроса.¹⁶ Поэтому по ассоциации с наглядной картиной моря в памяти всплывают очень яркие строки из произведения, уже давно вошедшего в репертуар пестуний, — «Птицы на море»:

Слетались птицы стадамн. . .
 Стали спрашивать малую птицу-синицу:]
 — А кто у вас на море больший?
 А кто у вас на море меньший? . . .¹⁷

В считалке произошло сращение двух сколотых детским восприятием фрагментов. Один из них (первые две строки) — зачин свадебной песни; другой (третья и четвертая строки) — вопрос из произведения, имеющего свою сложную литературную и фольклорную историю.¹⁸ В свою очередь указанный вопрос, попав в детскую считалку, претерпел в ней ряд модификаций: «Кто у вас больше? Кто у вас меньше?»;¹⁹ «Кто вас боле? Кто вас

¹⁴ Народные песни Прииртышья / Сост. Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1969. С. 38, № 23.

¹⁵ Интересно, что зачины — эмоционально сильный по своему положению в композиционной структуре произведения элемент — обладают, с одной стороны, высокой степенью миграции при своей устойчивой формульности (см.: *Успенский Б. А.* Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970. С. 182; *Кравцов Н. И.* Поэтика русских народных лирических песен. Ч. 1: Композиция. М., 1974. С. 41—42), с другой — наиболее часто используются как специфически фиксирующий внимание слушателя начальный момент в песнях-переделках и пародиях. См. также: *Гришакова В.* Из дневника матери // Дошкольное воспитание. Киев, 1916. № 6—7. С. 399; *Филатов В. С.* Ребенок открывает мир: Из дневника психологических наблюдений. Ярославль, 1966. С. 30.

¹⁶ *Леушина А. М.* Развитие связной речи у дошкольника // Психология речи. Л., 1941. С. 21—72.

¹⁷ Сборник детских народных песенок, стихотворений, прибауток и прочее / Сост. с присоединением новых записей Е. Опочинин. М., 1913. С. 2—5.

¹⁸ *Лопарев Х.* Древнерусские сказания о птицах. СПб., 1896; *Багрий А. В.* Древнерусское сказание о птицах. Варшава, 1912.

¹⁹ *Виноградов Г. С.* Русский детский фольклор. С. 212, № 505.

мене?»; ²⁰ «Кто нас боле? Кто нас мене?»; ²¹ «Хто их мене? Хто их боле?»; ²² и, наконец, обесмысленная форма: «Кто воз мени? Кто воз мени?». ²³ Два известных нам варианта считалки утратили этот вопрос и ввели привлекательную для ребенка двузвенную цепь перечисления предметов, найдя по ассоциации к реалии «пена» из свадебной песни эстетически значимую именно для детей пару: «лужа».

Считалка приобрела вполне «заумный» вид:

Пена, лужа!	Бить, колотить,
Стали пену	Наколачивати. . . ²⁴

Такая неясная цепь событий и предметов очень часто встречается в игровых и неигровых текстах детского фольклора. Как показывает произведенная реконструкция, это свойство является результатом долгого коллективного развития текста, а не импульсивного одномоментного творческого акта.

До сих пор мы говорили о сюжетах и мотивах, вошедших в детский репертуар путем подражания взрослым. Есть еще один путь ассимиляции — это исполнение произведения из «взрослого» репертуара взрослыми же для детей, *переадресация произведения*. Атмосферу такой творческой переадресации воссоздает Н. П. Колпакова в своей книге о русском фольклоре. ²⁵ Об этом процессе, живом и плодотворном в течение многих веков развития детского фольклора, свидетельствуют строки из стихотворения А. С. Пушкина, обращенные к его няне:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила. . .

Поэт дает очень точное указание на произведение и в целом на сферу фольклора, которая активно осваивается детьми через исполнение взрослых: «За морем синичка не пышно жила», «Смерть вошки в бане», «Птицы на море», «Сватовство и свадьба Совы» и др. В фольклоре, как и в литературе, постоянно происходит, таким образом, переход произведений и целых жанров, актуальных когда-то для взрослых, к детям. Со сменной адресации песни проходят различные стадии творческой переработки. Сначала появляется полифункциональное использование произведений взрослыми (в функции колыбельной песни, прибаутки, первоначальной сказульки), затем текст переходит в активный детский репертуар, исполняемый самими детьми. Одну из попыток приспособить устойчивую контаминацию (большая часть вариантов которой функционировала как потешная сказочка для детей) «Смерть вошки в бане» + «Попадья, зародившая воробья» для игры представляет собой запись считалки Г. С. Виноградовым. Эта считалка по существу — вольный пересказ «взрослого» текста. Здесь происходит сокращение и сращение сюжетов, подгонка слов на скорую руку под ритм строки:

. . . Повадился воробей	<i>Вывод</i> его поймал.
К красным девушкам ходить,	Ах ты, батюшка — <i>евод!</i> . .

²⁰ *Арефьев В. С.* Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1901. Т. 32, № 1—2. С. 92; Побывальщинки, заговоры, поговорки, пословицы. . . С. 137; *Виноградов Г. С.* Русский детский фольклор. С. 201, № 423; Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, р. V, к. 78, п. 11, ед. хр. 10, 69. (Далее: РО ИРЛИ).

²¹ *Белослюдов В. Н.* Материалы по этнографии // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1917. Вып. 11. С. 2, № 14.

²² РО ИРЛИ, р. V, к. 78, п. 11, ед. хр. 1.

²³ Там же, к. 69, п. 10, ед. хр. 198.

²⁴ Там же, ед. хр. 200.

²⁵ *Колпакова Н. П.* Сокровище народа. Л., 1957. С. 232—245.

Прозой пересказываются фрагменты, которые ребенок запомнил:

.. Кто ни едет, кто ни идет —
Что ты, батюшка, служишь без порток?

Вводится второй вопрос, драматизирующий сюжет. При этом возникает синтаксическое несовпадение формы глагола с вопросительным местоимением «кто?»:

.. Кто тебе строчили?
— Таракашки источили.²⁶

Таким образом, «материнская поэзия» являлась одной из самых важных сфер, связывающих фольклор взрослых и детский. Многие произведения входят в детский репертуар в хорошей сохранности именно потому, что текст пригоден для переосмысления целиком, без особой редакции. Как видно уже по перечисленным условным названиям, это произведения, персонажи которых хорошо известны детям, интересны и воспринимаются как сказочные, без сатирического оттенка, изначально присущего им.

Другие произведения закрепляются в детском фольклоре в особой, «детской» редакции, когда усваивается только пригодная для творческой переработки часть. Яркий пример такой трансформации сюжета сатирической песни в популярнейший сюжет детского фольклора, чаще всего функционирующий самостоятельно в роли колыбельной песни, представляет собой история сюжета «Как повадился коток По сметану, по творог». Мы проанализировали 102 текста этого сюжета. Из них — 10 записей сатирической песни «скоромного» содержания; 12 — детские варианты с сохранившимися типичными чертами фривольной ситуации; 80 — детские варианты с текстуальными совпадениями с песнями взрослых, но с собственной дидактической функцией и переосмыслением иносказательной образности в направлении прямого, вполне невинного, значения. Текстологический анализ выделяет ту часть сатирической песни, которая была трансформирована в сюжет прибаутки:

«взрослый» вариант	детский вариант
<p>.. Как повадился коток Во слободку на краек (2 раза) Что во новой во дворок, Ко боярыне вдове, Ко сержантской ко жене;</p>	<p>Повадился коток К барыне на краек, По сметану, по творог.</p>
<p>Как увидели кота Два сержанта из окна, Они хлопнули окном, Побежали за котом,</p>	<p>Как увидели кота Два лакея из окна: Они хлопнули окном, Побежали за котом.</p>
<p>Тебе полно, кот, ходить, Полно, серинькой, дурить, Потерять тебе, коток, С шейки алинькой платок.²⁷</p>	<p>Насугнали кота Посреди белаго двора. Ухватили кота Поперек живота:</p> <p>«Вот тебе, котинька-коток, И сметана и пирог, И пресное молочко!»²⁸</p>

²⁶ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. С. 204, № 444.

²⁷ Новиков Н. И. Новое и полное собрание российских песен. М., 1780. Ч. 3. С. 114—115, № 112.

²⁸ Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. № 23.

Сопоставление сатирической песни про попа-любовника и тех детских вариантов, которые отличаются большой текстологической близостью к взрослым текстам, дает следующую картину:

взрослый вариант	детский вариант
. . . Увидали же попа Два ерсанта из окна. Они хлопнули окном, Побежали за попом. Поп-то видит, что беда, Не знай деться куда.	. . . Его увидели kota Два бояра из окна. . .
Закидался, забросался Ко Анюте под кровать, Она ходит, унывает, Все попа прикрывает. . . ²⁹	Кот-от бает: беда — Мне деваться куда. Разве в клеть под кровать, Стала девка вставать. . . А девка платьем закрывать. . . ³⁰

Остальные 11 детских вариантов с чертами «взрослого» сюжета близки к процитированному тексту из коллекции О. И. Капицы, который сопоставлен со «взрослым» прикамским вариантом. 68 детских вариантов освобождены от всяких намеков на скоромный сюжет. Из-за ограниченного объема работы невозможно привести текстологическую сводку различий и трансформаций по ним. В большинстве этих вариантов остается общая схема похождения кота, закрепленная такой же, как в исходном сюжете «взрослой» песни, глубокой парной мужской рифмой, очень любимой детьми: «. . . Повадился коток Ко старушке в погребок» либо «по сметану, по творог»; «Как увидели kota Два лаея (или: старушки) из окна. Они хлопнули окном, Побежали за котом. . .». Затем следует жестокое наказание kota и назидательное к нему обращение, которое было уже во взрослых вариантах:³¹ «Били kota Поперек живота», «Вот тебе, кот, И сметана, и творог, И пресное молочко».

Так сатирическое произведение взрослых благодаря наличию иронического олицетворения, особенностям стихотворной организации, динамичности центрального действия очень удачно преобразуется в стихотворную миниатюру для детей с известным им всем «героем» в центре — котом. Очевидна дидактическая цель миниатюры. Убираются все нескромные детали и намеки, опускаются утяжеляющие восприятие ребенка длинноты песни, снимается ироническое иносказание — на передний план выходит прямой смысл. «Сержантская вдова», к которой повадился кот-любовник, заменяется на домовитую старушку, стерегущую плоды крестьянского труда. Все это близко и знакомо и ребенку, и пестуну; очевидно, поэтому песня так полюбилась и имеет при всей эпизодичности записей детского фольклора почти рекордное количество вариантов.

Итак, уже немногие примеры, приведенные из огромного пестрого традиционного детского стихотворного репертуара, помогают нам понять художественные особенности произведений детского фольклора, возникающие как следствие его живой органической связи с фольклором взрослых, формирующиеся в процессе перехода текстов из одной возрастной среды в другую и отражающие результаты межжанровой диффузии, идущей в собственно детском фольклоре.

²⁹ Старинная русская песня Прикамья. С. 101, № 43.

³⁰ РОИРЛИ, р. V, к. 69, п. 37, ед. хр. 1, л. 25—25 об. (коллекция О. И. Капицы).

³¹ См., например: Пиваменко Н. П. Сватанье (Орл. губ.). Дер. Веретьякина // Живая старина. 1905. Вып. 1—2. С. 130.

А. Т. ХРОЛЕНКО

СВОЕОБРАЗИЕ ФОЛЬКЛОРНОГО СЛОВА

При научном анализе народнопесенного слова нельзя не учитывать несколько важных факторов. Во-первых, то, что фольклорный текст — это основа художественного произведения, а в художественном произведении, как убедительно показали В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Ю. Н. Тынянов и другие, слово в семантическом отношении заметно отличается от своего внехудожественного двойника. В художественном тексте у слова возникает то, что Д. С. Лихачев назвал «прибавочным элементом».

Во-вторых, семантика фольклорного слова во многом обусловлена своеобразием фольклорного мира.

В-третьих, семантическую структуру фольклорного слова осложняет и такое общее свойство народного искусства, как аккумулятивность — способность накапливать и гармонически уравнивать элементы различных временных пластов. Замечено, что с появлением нового в фольклоре старое не умирает, но это не значит, что накапливаемое оседает инертным грузом. В сложных смысловых напластованиях в фольклорном слове возникают дополнительные внутренние семантические процессы, которые тоже надо учитывать при лексическом анализе.

В-четвертых, в народнопозитическом произведении особое соотношение слова и текста, в котором, как нам кажется, трудно установить приоритет той или иной стороны.

В-пятых, текст хотя и важнейшая, но не единственная составная того сложного единства, которое именуется фольклорным произведением. Современная фольклористика совсем не случайно выдвинула идею комплексного подхода к изучению любого явления народной культуры. Напев, декламация, жест, даже обстановка исполнения — все это не безразлично для семантики каждого отдельного слова.

В-шестых, устнопоэтическое слово — это результат обобщения свойств устной речи. Устная речь заметно отличается от письменной. Наиболее важные отличия осуществляются на уровне лексики и синтаксиса. Для устной речи характерна приблизительность словоупотребления, а приблизительность словоупотребления приводит к диффузии семантики фольклорного слова. В этом отношении фольклорное слово во многом сходно со словом диалектным (ср. высказывание о диалектном слове: «...отдельные, чистые смыслы слова, элементы так взаимно проникают друг в друга, что их трудно расчлениить на самостоятельные значения»¹). Диффузия способствует семантическому насыщению слова, что приводит к известной неопределенности его значения. Насыщенность семантикой слова в свою очередь определяет большую морфологическую и словообразовательную свободу. И все это сообщает фольклорному слову большие коммуникативные, а также художественно-выразительные возможности. Существенно заметить, что слово стремится к парности — этому важному стилистическому показателю устнопоэтической речи.

---

¹ Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. М., 1979. С. 19.

Из сказанного вытекает вывод о необходимости поисков таких приемов анализа, которые не привносили бы извне чуждых категорий и не пытались бы ими объяснить необычную семантику народного художественного слова.

На наш взгляд, эффективен анализ неканонических сочетаний слов в фольклорном тексте.² Он позволяет выявить сущностные свойства народнопесенного слова.

Часто одна и та же реалия обозначается одновременно двумя разными, но тематически связанными существительными, например: «Уж ты ель моя, елушка, | Зеленая сосенушка»³ — что создает обобщенный образ хвойного дерева. Отождествляются слова, обозначающие реалии животного мира (*утка-перепелка, гусь-лебедь* и т. п.), существительные, обозначающие офицерские звания (особенно часто в песнях безразлично употребляются слова *майор* и *полковник*, что приводит к обобщенному значению — «офицер», «военный человек»). В лирических песнях весьма часто отождествляются слова *золото* и *серебро*, а также производные от них прилагательные. Весма часто отождествляются существительные, входящие в лексико-тематический ряд «вода»: *море-озеро, море-речка*. Порой безразлично употребляются даже собственные имена персонажей: «*Саша-Маша* правой ручкой машет, головой качает».⁴ Наличие этого явления в языке русского фольклора, на наш взгляд, можно объяснить двойственной природой если не каждой фольклорной лексемы, то хотя бы каждого ключевого слова народнопесенного произведения.

Ключевое слово выступает в поэтическом контексте не только как выразитель конкретного смысла, сконцентрированного в понятии, соответствующем той или иной реалии или признаку фольклорного мира, но и как представитель целого ряда тематически связанных понятий. Покажем это на примере прилагательных *шведский, турецкий, немецкий*.

Во поход пошёл в ины земли,
В ины земли, в Турецкие,
В Турецкие, во Шведские.⁵

Што погиб-пропал добрый молодец,
Што под силою под шведскою,
Што под армюю под турецкою. (Кир. II, 2, № 2010)

Мне самой девке в Москву ехать,
В Москву ехать, в землю Шведскую,
В землю Шведскую, во Турецкую. (Кир. II, 1, № 1230)

Каждое из выделенных прилагательных вне фольклорного контекста имеет строго определенное семантическое содержание, но в русских народнопесенных произведениях они имеют более широкое значение — «все чужое, не-наше»:

Танки вадила
Ни на нашаму,

Па турецкаму,
Па немецкаму.⁶

² Подробнее см.: Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор: Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 147—148.

³ Шейн П. В. Великоорусс в своих обрядах. . . СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. № 1953. (Далее: Шейн с указанием номера текста). Здесь и далее в цитатах рассматриваемые слова выделены курсивом.

⁴ Великоорусские народные песни / Изд. А. И. Соболевским: В 7 т. СПб., 1895—1902. Т. 5. № 254. (Далее: Соб., с указанием тома и номера текста).

⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским: Новая серия. М., 1929. Вып. II, ч. 2. № 1652. (Далее: Кир. II, с указанием тома римской цифрой, части — арабской и номера текста).

⁶ Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904. № 268.

Широко поле турецкое,
Что турецкое-немецкое!⁷

Семантическая область «чужое, не наше, не русское» в народной лирике обычно выражается этими тремя прилагательными *шведский, турецкий, немецкий*, сочетающимися в парах.

Известно, что основные ярусы языковой системы обнаруживают два типа отношений между своими единицами — синтагматические (отношения следования) и парадигматические (отношения выбора).

Парадигматика литературного языка и парадигматика устнопоэтической речи — явления принципиально различные. В литературном языке выбор языковой единицы осуществляется до актуализации высказывания, в пределах готового предложения выбора нет, это — единственно возможный для данного грамматически правильного и в коммуникативном отношении адекватного высказывания. В фольклорном же тексте перебор возможных форм одной смысловой (тематической) парадигмы осуществляется и во время высказывания. Это обуславливает широкую вариантность синтаксических единиц при чрезвычайной устойчивости художественно-смысловых и стилевых констант.

Сравним два песенных фрагмента:

Во поле *рябина* стояла,
Во поле кудрявая стояла. (Соб. 2, № 349)

Во поле *береза* стояла,
Во поле кудрявая стояла. (Соб. 2, № 347)

Ботаническое различие двух реалий — рябины и березы — не мешает взаимозамене существительных, обозначающих их, в пределах тождественного контекста, поскольку оба слова входят в парадигму «дерево — символ девичества». Замена одного другим не разрушает общего смысла песни и ее эмоционального содержания.

Взаимозаменяться могут не только названия растительных реалий, но и названия птиц, животных, причем в тождественных контекстах, бытовавших в одном и том же месте (например, Курская губерния). Ср.:

Как, *рябина*, как *рябина* кудрявая,
Как тебе не стошнитса,
Во сыром бору стоячи.
На болотинку глядючи. (Соб. 3, № 139)

Сосенка, *сосенушка*,
Зеленая, кудрявая!
Как тебе не стошнитса
Во сыром бору стоячи. (Соб. 3, № 140)

Соловей мой, *соловьешко*,
Соловей молоденький!
Как тебе, *соловьешко*, не стошнитса,
Во темном лесу спдемчи. (Соб. 3, № 141)

В одну парадигму могут вовлекаться такие реалии, как снег и цветы. Ср.:

Набирает, нажимает *ком белого снегу*,
Он бросает и кидает девушке на колени. (Соб. 4, № 381)

Он срывает, нажимает *аленьких цветочков*,
Он *аленьких-то цветочков* в *беленький платочек*,
Он кидает, он бросает во *каменну стену*. (Соб. 4, № 383)

⁷ Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Л., 1977. Т. 1. № 114. (Далее: Кир., с указанием тома и номера текста).

Парадигматизм свойствен не только лирике, но и эпосу. Уже отмечалась равнозначность замены слов *тур* / *лось* / *зверь* или *туриный* / *лосиный* / *звериный* в русских былинах.⁸

Парадигма ограничивается тематически: в нее входят существительные или прилагательные одного лексико-семантического поля и прежде всего его ядра. Вот яркий пример:

Я старá мужа потешила, —
 На осинушку повесила,
 На осинушку на горькую,
 На шилицу на колючую,
 На крапивишку жгучую. (Шейн, № 888)

Совокупность компонентов одной и той же парадигмы, способствующая возникновению «алогизма», служит эффективным средством передачи эмоционального содержания песни.

На семантике каждого отдельного слова лежит отблеск всей парадигмы, обобщенное значение всех компонентов парадигмы явственно присутствует в семантической структуре каждого отдельного компонента. Отсюда легкость замены любого компонента парадигмы, отсюда тот тотальный синонимизм, который присущ фольклорному тексту. Тематическая близость слов одной части речи — вполне достаточное условие их взаимозаменяемости. В фольклорных текстах мы встречаем довольно частые примеры типа:

Лучина, лучинушка березовая,
 Березовая поёрывала,
 Осиновая поскрипывала;
 А что же ты, лучинушка,
 Не жарко горюшь? (Кир. II, 2, № 1654)

или:

Вечер меня, младеньку, сговорили,
 За того ли за майора полкового,
 За солдата рядового, отставного. (Кир. II, 2, № 1950)

Алогизмы эти, точнее квазиалогизмы, — яркое проявление широкой парадигматической природы опорных слов в устнопоэтическом тексте.

Необычайно широкая парадигматика слова в фольклорном тексте объясняется К. В. Чистовым как проявление свойственного народной духовной культуре принципа эквивалентности. «Термин „эквивалентность“ не синонимичен слову „повтор“. Эквивалентность — это сопоставление и уравнивание различных в каком-то смысле единиц текста. Например, постановка в сходную ритмическую позицию, звуковое сопоставление, морфологическое или синтаксическое „выравнивание“ разнокоренных слов или, наоборот, расподобление слов, лексически родственных. „Эквивалентность“ предполагает изоморфность на каком-то уровне и расподобление на других уровнях».⁹

Парадигматика фольклорного слова — явление не специфически народнопесенное, а более широкое. И. А. Оссоветский на материале рязанских говоров показал, что возобладание парадигматического значения над частными значениями компонентов парадигмы встречается и в народных говорах. В этих случаях частное значение бледнеет, становится диффузным и начинает мигрировать по компонентам парадигмы, часто вытесняя собственные исконные значения. Например, в одном из рязан-

⁸ См.: Аникин В. П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М., 1980. С. 92.

⁹ Чистов К. В. Поэтика славянского фольклорного текста: Коммуникативный аспект // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. М., 1978. С. 310—311. Об эквивалентности см. также: Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 41—42.

ских говором более общее парадигматическое значение «неродной ребенок» реализуется в «алогичных» частных примерах *па́дчeрок* «пасынок» и *па́сынка* «падчерица». В говоре д. Деулино (тоже рязанском) парадигматическое значение «высшая степень качества» реализуется в причастиях-прилагательных с отрицанием *не-* и постпозицией: *ненаказанный*, *неугасимый*, *непривидный*, *несоветный* и др. Парадигматическое значение настолько подавляет частное значение, что возникают словосочетания типа *трава неугасимая* — «хорошая, густая трава», *дождь неугасимый* — «сильный [дождь]» и проч. Эти словосочетания входят в норму говора.¹⁰ Парадигматизм опорных слов песенных текстов обеспечивает предельный лаконизм языковых средств, свободу лексического варьирования, гибкость по отношению к любому диалекту (имеем в виду восприимчивость), возможность изменений и [совершенствования], способность входить в тексты с различными ритмико-вокально-музыкальными характеристиками.

Соединение в слове видового и родового значения, функционирование этого слова в качестве представителя определенной лексико-тематической парадигмы вполне естественно приводят к подвижности (неустойчивости) семантики,¹¹ а также к расширению семантической структуры ключевых фольклорных слов,¹² что обуславливает появление необычных сочетаний. Например, частое в фольклоре существительное *трава* мы можем встретить в таком узком контексте:

«Что во этом во садочке растёт *трава липа*»¹³

или:

«Растёт *трава* мать *калина*». (Соб. 5, № 46)

Напомним определение существительного *трава* из словаря В. И. Даля: «Всякое однолетнее растенье, или растенье без лесины, у которого стебель к зиме вянет, а весной от корня идет новый; сорное, дикое растенье, мельче куста; всякое былье, зябь, однолетнее прозябенье, злак и зелье».¹⁴

— Дак сходи, кума, в огород,
Сорви *траву-морковку*.¹⁵

Что повадилась Варюша в *ярово поле* гулять,
Ярову траву щипать.
Она первый сноп нажала, — не видала никого. (Соб. 4,
№ 566)

¹⁰ См.: Оссоветацкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982. С. 38 и далее.

¹¹ Р. С. Липец отмечает семантическую неустойчивость слова на примере эпических контекстов, в которых герой был в *гряднице*, вышел из *терема*, а вернулся в *палаты белокаменные*. См.: Липец Р. С. Общие черты в поэтических жанрах русского фольклора XIX в.: (По материалам собрания С. И. Гуляева) // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965. С. 308. Имеется в виду неустойчивость синхронная: один и тот же предмет или признак в одной и той же ситуации называется по-разному. Однако поскольку фольклорное произведение живет во времени, на синхронную неустойчивость наслаиваются диахронные семантические изменения.

¹² Диалектологи заметили, что содержание слова в фольклоре шире содержания того же слова в обиходно-бытовой речи носителя фольклора, например замечания об эпитете *белый* (Богословская О. И. Язык фольклора и диалект // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 4). И эта черта, видимо, является типологической. Ср.: «В эпосе семантико-синтаксические функции прилагательного-определенного гораздо шире и разнообразнее, чем в обиходной речи» (Субракова О. Язык хакасского героического эпоса: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Алма-Ата, 1978. С. 16).

¹³ Песни Печоры. М.; Л., 1963. № 244.

¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 424.

¹⁵ Русский фольклор в Латвии. Рига, 1972. № 344. (Далее: РФЛ).

Широкое значение в устнопоэтическом творчестве имеет и слово *лист*:

Журавль-птица похаживала,
Шелковую *лист-травушку* пощипывала. (Кир. II, 2,
№ 2094)

Цвела, цвела черёмуха
Белым листом. (РФЛ, № 273)

В народнопесенном тексте существительное *лист* совмещает семантические признаки растительного и бумажного листа. Весьма распространена фольклорная ситуация, когда срывают лист и пишут письмо.

Сорву с травоньки *листочек*,
Я *лавровый, дорогой*,
Я начну письмо писать. (Соб. 5, № 740)

Сорву, млада, *кленов лист*,
Спишу, млада, грамоту
По белому бархату,
Пошлю, млада, к бабушке. (Соб. 2, № 17)

Гербовый листок легко может превратиться в *вербовый*. Ср.:

Я на тонку бумажку — *на гербовый на листок*. (Соб. 5, № 525)

Я на камушку срисую, на бумажку распишу,
Я на той ли на бумажке — *на вербовом на листу*. (Соб. 5, № 518)¹⁶

Функциональное удвоение смысла слова *лист*¹⁷ приводит к усложнению семантической структуры определения к нему — *бумажный*:

Не белая береза к земле клонится,
Не *бумажные листочки* расстилаются, —
Сын ко матери приклоняется; (Кир. 1, № 11)

Речушка разбьется,
Корёньицы вымоет,
Вершинишку высушит,
Подмочет *бумажный лист*; ¹⁸

На ветвях *листья бумажны*; ¹⁹

Загуляла я к вам, красна девица,
Во цветочках во лазоревых,
Во *листочках во гумажных*; (Сибирь, № 295)

На тебе ли березыньке
Всё *листья бумаженныя*. . . (Кир. II, 1, № 1572)

Те леса прекрасные казались мне,
Бумажные листики стлались по земле,
Шелковая травушка сплетала мой след. (Кир. II, 2,
№ 2129)

¹⁶ О связи древесного листа и слова см.: *Потебня А. А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. 2-е изд. Харьков, 1914. С. 144 и далее.

¹⁷ Обратим внимание на то, что *лист* в значении «материал для письма» стоит в одном ряду с *атласом, бархатом*:

Напишу я грамотку
На атласе бархату,
На гербовом листу (Шейн, № 551), —

а эти существительные тоже склонны к семантическому расширению.

¹⁸ Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970. № 559.

¹⁹ Русские свадебные песни Сибири. Новосибирск, 1979. № 144. (Далее: Сибирь с указанием номера текста).

Прилагательное получает приставку качества *раз-*:

Уж и рада бы добровушка не шумела,
Шумят-то, гремят *разбумажные* мои листочки. (Кир. 1,
№ 328)

Эпитет *бумажный* относится не только к существительному *лист*, но и к словам, обозначающим другие части дерева (*ветви, кисти*):

Со кореню береза сволевата,
К вершонушки кудревата,
Бумажными кисточками щеголевата. (Кир. II, 2,
№ 2377)²⁰

Даже на елке ветви бумажные:

Ты ёлушка, моя ёлушка,
Ёлка зеленая!
Да все ль у тебя *ветвицы*,
Да все ль у тебя *бумажный*? (Кир. 1, № 193)

Бумажным может быть тело человека: «У ней *тело бумажное*, кость лебедина» (Шейн, № 1749; То же: Шейн, № 1750, 1751).

Толкование эпитета *бумажный* как «белый»²¹ или «слабый»²² нам кажется несколько поспешным. Обратим внимание на определения, занимающие эквивалентные, симметричные позиции, ибо смысл фольклорного слова по-настоящему проявляется только в связи с другими словами. Сопоставление *бумажного* с *лебединым* в одном из предшествующих примеров, а *лебединый* в народной лирике всегда знак высокой оценки, заставляет думать, что первый эпитет тоже выступает в качестве знака оценки. Устойчиво сопоставление *бумажный* с определением *хрустальный*, тоже эпитетом оценочным:

Сучки-веточки на старом дубу хрустальные,
А листоченьки на сыром дубу бумажные. (Соб. 1, № 492)

Веточки у дуба — *чистые хрустальные*:
Листочки у дуба — *белые бумажные*. (Соб. 1, № 493)

Особенно заметна оценочность эпитета в примерах:

Наперед у них бежит стар устиман-зверь.
На нём *шерсточка*, на устимане, *бумажная*,
А щетинушки на устимане все булатные. (Соб. 1, № 480)

У индричка копыточки булатные,
Шерсточка на индричке *бумажная*. (Соб. 1, № 481)²³

Ср. с эпической песней, записанной в Карелии:

Почуял Скмян-зверь,
На нём *шёрсточка булатная*.²⁴

²⁰ Аналогично: Кир. 1, № 317. Отличие: *Бумажными листочками* щеголевата.

²¹ Так поясняет частое в причяти сочетание *лицо бумажное* составительница сборника «Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область)» (М., 1980) Б. Б. Ефименкова (с. 20). *Бумажные руки* этой же исследовательницей толкуются как «чистые» («белые, как бумага»). См. примечание к песне № 100. (Далее: Сев. причеть).

²² В примере: *Вздынься, правая бумажная рученька* — автор так интерпретирует эпитет: «рученька слабая, как бумажная». См.: *Круглов Ю. Г.* Эпитет в свадебных причитаниях // Эпитет в русском народном творчестве. М., 1980. С. 40.

Отдельные контексты актуализируют у древесного листа и бумаги общее свойство — тонкость:

Тонок, долог, клен растёт высок,
На нём *листья тонкие, что бумага*. (РФЛ, № 281)

²³ О неопределенности эпитета *бумажный* см.: *Еремина В. И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978. С. 65.

²⁴ Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 86.

Зашатался я, загулялся, добрый молодец,

На своём ли я на добром коне богатырским,
Я на войлочке на бумажным. (Кир. 1, № 159)

В других вариантах песни обычно качественное прилагательное:

На мягким на войлочке на бухарским. (Кир. 1, № 160)

В северной свадебной причёте мы можем встретить *гумажную стежечку*:

Ты ступай, ступай, батюшко,
Во пшеничное зернятко!
Если хрушко покажется —
Во гумажную стежечку. (Сев. причёт, № 166, с. 343)

Морфемные изменения в прилагательном *бумажный* тоже усиливают неопределенность семантики, особенно если новая форма попадает в непривычное словесное окружение:

Да вы, камочки мелкотравчатые,
Мелкотравчаты-бумажнисты.²⁵

Расширение семантики слова — это и причина, и следствие более широкого, чем в нефольклорных сферах речи, функционирования этого слова. Например, исследователи давно уже заметили необычность фольклорных цветовых определений, которую можно объяснить предельной широтой функционирования. Ограничимся несколькими примерами употребления прилагательного *белый*.²⁶

Не шути, *белый детинка*, — мне теперь не время. (Соб. 4, № 376)

Погубила я ножом *парня белого*,
Парня белого, своего брата родного. (Соб. 6, № 417)²⁷

Провожу дружка до *белого двора*. (Соб. 5, № 446)

Станови добра коня
Среди *бела двора*. (Соб. 4, № 579)

Чесал кудри, чесал кудри
Белым рыбным *гребешком*.²⁸

Пашенька не пахана, *бела рожь* не сеяна. (Кир. II, 1, № 1514)²⁹

²⁵ Традиционный фольклор Новгородской области: По записям 1963—1976 гг. Л., 1979. № 180. (Далее: Новгород, с указанием номера текста).

²⁶ См. у Потебни: «*Белый* не всегда служило исключительно тому понятию, которое мы под ним разумею». «В сербских песнях растения называются белыми — по зеленому цвету листьев» (Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. С. 33, 34); у Мелетинского понятие «белый» связано с представлением о солнечном свете, о силах солнца (Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. С. 117—118).

²⁷ В брянских говорах у прилагательного *белый* сохранилось значение «полный, уштаный» (о человеке): *Хороший стал, белый, направился* (Брян. Журиичи) (Демидова Г. И. О подаче сравнительной степени прилагательных и наречий в областном словаре (на материале картотеки брянских говоров) // Брянские говоры. Л., 1975. Вып. 3. С. 43).

²⁸ Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976. № 263.

²⁹ В. А. Лирниченко так объясняет сочетание *белая пшеница*: «Гут, мабуть, маэмо справу з фактом, коли на предмет переноситься колір продукту, зробленого з нього, білий колір пшеничного борошна» (см.: Лирниченко В. А. Сербо-хорватська народна лірика. Киев, 1977. С. 96).

*Ковры белые разостланы.*³⁰

Что ходил-то, гулял, добрый молодец, да вдоль по лужку,
Что по крутому по белому бережку. (Соб. 6, № 204)

Ты пчела ли моя белая
По чисту полю полетывала.³¹

Моего любезного да перед окошком,
Да перед окошком озеро белое. (Соб. 7, № 244)

Горошек мой беленький,
Сеяли тебя хорошо.³²

Белый перстень на руке, ладо-люли, на руке. (Курск, № 22)

Белыми могут быть даже румяна:

Сведу козла на базар,
Променяю на товар —
На белые румяна.³³

Обобщающий характер эпитета *белый* хорошо виден на следующем примере:

Тогда-то я с милым загуляю,
Как *бела рыба* по Дунаю,

Как *белая птица* по цветочку,
Как красная девка в теремочку.³⁴

Видовые обозначения птиц обычно сочетаются с более или менее индивидуализированными определениями типа *сизый, черный, серый, рябая* и т. п. Когда же использовано редкое в песенных контекстах родовое обозначение *птица*, эпитетом к нему дается прилагательное *белая*.

Сравнительная форма *белей* может быть синонимичной с формой *лучше*:

Но Аннушка лучше всех,
Она убрана *лучше* всех:
Шушуночек на ней всех *белей*. (Воронеж, № 61)

Функциональная и семантическая широта эпитета *белый* — явление типологическое, по крайней мере для славянского фольклора.³⁵

Широта семантического диапазона прилагательного *белый* может восходить к доистории языка — словари и исследования по исторической лексикологии дают основание так полагать.³⁶ Русские диалекты сохранили те значения или оттенки значений прилагательного *белый*, которые не вошли в семантику литературного эквивалента этого слова. Слово *белый* сохранило, вероятно, и отголоски мифологических представлений

³⁰ Мартыненко О. П. Фольклор Пензенской области. Рязань, 1977. № 53.

³¹ Лирика русской свадьбы. Л., 1973. № 11. (Далее: Лир. рус. св.).

³² Курские народные песни. Курск, 1962. № 50. (Далее: Курск).

³³ Лирические народные песни. Пермь, 1962. № 196.

³⁴ Народные песни Воронежской области. Воронеж, 1974. № 7. (Далее: Воронеж, с указанием номера текста).

³⁵ Функциональная широта этого эпитета привлекла внимание исследователей прежде всего на материале сербской народной поэзии. Это отметил А. Н. Веселовский (см.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. 1941. С. 83). В болгарской лирике эпитет *бел* используется еще шире, чем в русском фольклоре. Вот далеко не полный список определяемых им существительных: амбар, бисер, бог, брада, брашно, пшеничено, Бългaрия, бългaрка, вино, гражданин, грош, Дунав, жито, котел и др. См.: Дабева М. Е. Эпитети въ българската народна пѣсенъ. София, 1939.

³⁶ См.: Малютина М. А. К истории слова «белый» в древнерусском языке (по материалам летописей XI—XIII вв.) // Учен. зап. Кйшинеv. гoc. ун-та. Т. 47. 1962. С. 43—51

наших предков.³⁷ Возможно, что дополнительные семы прилагательное получает в фольклорном тексте в результате постоянного сопряжения с другими словами, например со словом *горюч*.³⁸

Ярким примером семантической и функциональной широты народно-песенного слова может служить существительное (и производное от него прилагательное или наречие) *виноград*,³⁹ которое в истории русского языка сначала означало любое плодовое растение, плодовый сад, позднее же оно стало означать «виноградная культура».⁴⁰ В фольклорных же текстах *виноград*, равно как и производное от него прилагательное, имеют широкую семантику, что делает обычным сочетания типа *поле-виноградничек*, *малина виноградная*, *рубашка виноградная*, *желты пески виноградные* и т. п.

Ты играй, играй, молодец,
Вдоль по улице шаром и мячом,
В чистом поле-виноградничке. (Сибирь, № 37)

Да поломало в саду вишенку,
Да в саду вишенку с малиною,
В саду вишенку с малиною,
Да со малиной виноградною. (Лир. рус. св., № 19)

Вы молодчики молоденьки,
Полушубочки коротеньки,
А рубашки виноградные. (Новгород, № 79)

Полагаем, что частое в русской лирике сочетание *сад-виноград* едва ли правомерно воспринимать как «сад, в котором растёт виноград», хотя некоторые примеры заставляют так думать. Например:

Повёл её в зеленый сад гулять;
Заблудилась Катеринушка в виноград. (Курск, № 42)

Следующий пример внешне походит на предыдущий:

Уж ты, сад мой, садочек,
Сад зелёный мой, виноградный,
Не по порам, садик, виноградный. (Соб. 3, № 95)

Однако последняя строка красноречиво свидетельствует, что это прилагательное не относительное, а качественное — *ье* по времени стал виноградным сад. Следующий пример с отождествлением разных реалий, на наш взгляд, подтверждает качественность не только прилагательного *виноградный*, но и существительного *виноград*:

Грушица, грушица, зеленый виноград. . .
Под грушицей светлица стоит. (Соб. 4, № 25)

Один из поэтических контекстов дает основание полагать, что в слове *виноград* содержится сема «всё, что украшает». Ср.:

Во саду много вишенья, *винограду-украшенья*. (Новгород, № 166)

³⁷ См.: «С корнем *бѣл-бил* соединяется идея плодородия, изобилия». Или: «Имя лебедя, означающего белый, вполне соответственно понятию о белом божестве дневного света» (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 95, 516).

³⁸ См. рассуждения об антагонизме слов белый (=прозрачный, холодный) и горючий (=с искрой, заключающий в себе жар, огонь): Рыбакова Л. В. К вопросу о мифологических традициях в русской народной лирике // Проблемы типологии литературного процесса. Пермь, 1980. С. 57.

³⁹ О генезисе и функционировании существительного *виноград* см.: Марецкая А. Ф. Из истории слова *виноград* // Диалектная лексика. 1977. Л., 1979.

⁴⁰ Возможны и другие значения. Например, *виноград* как церковь, в смысле общины верующих. См.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1946. С. 70.

Наличие дополнительных сем в слове ощущается в случаях симметричного сопоставления:

Бережка были *хрустальные*,
Дерева-то *виноградные*. (Лир. рус. св., № 10)

Бережки были *хрустальны*,
Стоят древы *виноградные*. (РФЛ, № 384)

Берега были *хрустальные*,
Желты *пески виноградные*. (Шейн, № 1916)

Слово *виноград* настолько расширило свою семантику, что может служить даже знаком характера действия, превращаясь в своеобразное наречие:

Девка белешенька, *румяшёнънка*,
Что по блюду *катается*,
Виноградом рассыпается. (РФЛ, № 234)

«. . .Тексты (обрядовых песен. — А. Х.) носят намеки на обычаи и обряды дохристианской эры и напоминают нам о том древнем времени, когда русские славяне жили на иной далекой родине, среди виноградников, на берегу синего моря», — размышлял Н. М. Лопатин.⁴¹ Едва ли это так. Фольклор охотно использует слова с неопределенным понятийным содержанием, ибо определенность реалии мешает семантическому расширению слова.

Предельное расширение семантики⁴² и функционирование двух и более слов в качестве представителя одной и той же целой смысловой парадигмы приводят к взаимозаменяемости слов. Особенно заметно это на примере колоративных («цветовых») прилагательных. Например, *лазоревый* взаимозаменяем с эпитетами *белый*, *алый*:

Ах, свет мой, *лазоревы*, *алы* цветочки,
Чего рано расцветали в зеленом садочке. (Кир. II, 2, № 1939)

Щёчки — *аленьки-лазоревый* цветок. (Соб. 4, № 35)

Уж ты, *аленький*, *лазоревый* цветок,
Ты далеко во чистом поле цветешь! (Соб. 4, № 368. То же: Соб. 5, № 166; Кир. II, 2, № 2383)

Нет ни травоньки в горах, ни муравыньки,
Ни муравыньки, *алых* цветочков *лазоревых*. (Лопатин, с. 57)

Я пойду на рынок, выйду на базар,
Продам те *лазоревы-алые* цветы. (Соб. 5, № 158)

Примечайте-ка, мѣлы *пѣдружки*,
Тот цветок *лазоревый*, *аленький*,
И принесите-ка тот *алый* цветочек. (Новгород, № 474)

Интересно, что в этом контексте пара отождествленных определений *лазоревый*, *алый* равна единичному определению *алый*. Это еще одно свидетельство тому, что использование прилагательного *лазоревый* не пресле-

⁴¹ См.: Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина. М., 1889. С. 1. (Далее: Лопатин).

⁴² В причети расширилась семантика даже такого «терминологического» существительного, как *родитель*. Ср.:

И мне-ка из роду ведь было да из племѣна
И всех желаннее *родитель* была *тетушка* (Федосова И. А.
Избранное. Петрозаводск, 1981. С. 123).

дует цели уточнить или конкретизировать признак реалии. Цель его — усиление эмоционального воздействия.⁴³

Есть и другие случаи отождествления цветов:

Сонявала с себя *палевый алый* платок. (Соб. 2, № 206)

Универсальной заменой «цветового» прилагательного может служить прилагательное *разноцветный*. Таковой может быть даже девица:

Подбежала к нему *девица-душа*.
Она белая, намазанная, *разноцветная*. (РФЛ, № 234)

Только для русского народнопесенного фольклора характерно особое семантическое соотношение эпитетов *алый* и *голубой*:

Которого цвету надобно тебе,
Голубого или *аленького*?
Голубой-то цвет *алее* завсегда. (Соб. 5, № 47)

У меня ли, у младя,
Есть три *ленты голубья*:
Перва лента *алая*. (Соб. 5, № 243)⁴⁴

Взаимозаменяемость прилагательных хорошо наблюдать на примере эпитетов к опорному народнопесенному существительному *камень*. В устойчивых песенных блоках *камень* может быть *белым* (Кир. II, 2, № 1798), *синим* (Шейн, № 739), *горючим* (Кир. II, 2, № 1987).

Секрет гармонии народной поэзии заключается в том редчайшем умении создавать многообразие из небольшого количества исходных элементов, которые семантически сложны и в силу этого обладают неограниченными — в пределах традиции — конструктивными и выразительными возможностями. Если из немногого создается совершенное многое, то можно утверждать, что это немногое внутренне чрезвычайно богато. Это мы и пытались показать в данной статье на примере нескольких слов.

⁴³ Ср.: «...В народных песнях «алый» и «лазоревый», как правило, не несут цветового признака, а являются своеобразной заменой не характерных для народной песни оценочных определений» (Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978. С. 76).

⁴⁴ Аналогично соотношение глаголов *алеться* и *голубеться*:

В чистом поле цветет *аленький цветок*,
Он алеется, голубеется. (Соб. 4, № 79)

Алый выступает здесь как общая оценка, а *лазоревый* как синоним «красиво цвести»:

Аленькая-аленькая веточка,
Что ты не *цветешь*, не *лазоревеешь*. . . (Песни, собранные писателями: Лит. наследство. М., 1968. Т. 79. С. 471, № 31).

И. С. К Л И М А С

СПЕЦИФИКА НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ЛЕКСИКЕ

Выявление жанровой языковой специфики является одним из важнейших направлений исследования фольклорного текста. С этой точки зрения интересно сравнить состав и функционирование определенных тематических групп лексики в различных жанрах устного народного творчества.

Нашей задачей является анализ парадигматических связей существительных лексико-тематической группы «растительный мир» (фитонимов)¹ в четырех традиционных жанрах русского фольклора: былине, народной лирической песне, сказке и причитании.²

Материалом для сравнения послужили записи фольклорных произведений, взятые в примерно одинаковом объеме (около 20 тысяч строк) из наиболее авторитетных в научном отношении сборников.³ В соответствии с требованием корректности межжанровых сопоставлений анализируемый материал ограничен во временном и локальном отношении: исследуются тексты, записанные в XIX в. (в основном вторая половина) и начале XX в. в северном регионе (Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Пермская, Вятская, Ярославская и др. губернии).

Выбор в качестве объекта анализа названий растений не случаен: он определяется особой ролью образов растительного мира в русском фольклоре, широкой представленностью в разных жанрах, богатством семантической структуры фитонимической лексики, в том числе и ее парадигматических отношений.

Своеобразие парадигматических связей фольклорного слова⁴ определяется особенностями его семантической структуры, условиями его функционирования в народнопоэтическом произведении. Проанализи-

---

¹ Термин взят из ряда работ лингвистического характера: *Боброва Т. А.* Фитонимы на -ик(а), -иц(а) в русском литературном языке: Дис. . . канд. филол. наук. М., 1976; *Арьянова В. Г.* О сборе и лексикографической обработке диалектной фитонимики // *Говоры русского населения Сибири.* Томск, 1983, и др.

² Во взгляде на жанр придерживаемся мнения тех фольклористов, которые считают его более крупной типологической единицей, чем жанровая (тематическая) разновидность. В соответствии с этим в границах жанра сказки рассматриваем сказки волшебные, бытовые, о животных; в границах жанра причитания — плачи похоронные, рекрутские, свадебные и т. п.

³ Былины: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 2-е изд. СПб., 1894. Т. 1; СПб., 1896. Т. 2; СПб., 1900. Т. 3. (Далее: Гильф.). Песни: Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1896. Т. 2; СПб., 1897. Т. 3; СПб., 1898. Т. 4. (Далее: Соб.). Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1917. Вып. 2, ч. 1. (Далее: Кир.). Сказки: Северные сказки / Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1909. (Далее: Онч.). Причитания: Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. 1: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872; Ч. 2: Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. М., 1882. (Далее: Барс.); Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. д. / Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898. (Далее: Шейн).

⁴ О парадигматике фольклорной речи см. в статье А. Т. Хроленко в наст. издании.

ровав парадигматические отношения (ассоциативного выбора, взаимозамены) существительных-фитонимов в четырех жанрах устного народного творчества, мы считаем возможным выделить три основных вида проявления этих отношений в зависимости от условий их реализации: парадигматика контекстуальная, парадигматика ситуативная, парадигматика формульная.

Контекстуальные парадигматические отношения возникают между фитонимами в пределах конкретного текста фольклорного произведения в его инвариантной форме. К этому виду парадигматических отношений можно отнести случаи так называемых «фольклорных алогизмов», описанных некоторыми учеными.⁵ Объединяясь на основе общего имманентного (реального или символического) признака, значения лексем теряют конкретность, становясь выразителями определенного эмоционального настроения фольклорного произведения. Анализируя сочетания типа *калина, малина, красная смородина*, А. А. Потёбня отмечал: «...сопоставление несовместимых частных не есть нарушение логического закона, а способ обозначения понятия высшего порядка, способ обобщения, нередко — идеализация в смысле изображения предмета такого рода (например, дерева, кустарника), но необычайного, чудесного, прекрасного».⁶

Наиболее явственно эта особенность фольклорной парадигматики видна в текстах народных причитаний, где создается идеализируемый образ оплакиваемого:

Как у тебя, *яблунь, верба* — кудреватая,
Нынь посохло коренье булатнее,
Подломилсь твой скорья резвья ноженки;
У тебя, *яблунь, верба* кудреватая,
Повисли пруточки висучьи
Опали твои белья, бумажныя рученьки... (Барс., ч. 1, с. 108)

Контекстуальная парадигматика в устнопоэтическом произведении может проявляться в различных формах.

1. Фитонимические существительные употребляются рядом в одной позиции как равноправные члены парадигмы; необходимости выбора нет (пример выше). Значения существительных не обособляются. При этом лексемы могут быть расположены как контактно, так и дистантно, а также в параллельных стихах:

Раскинусь я *яблонью*,
Яблонью кудрявою,
Грушицей зеленою. (Соб., т. 2, № 165; аналогично: Кир., № 1300)

К подобным случаям контекстуальной парадигматики мы склонны отнести также примеры типа *лук, чеснок; елки, сосенки* и подобные, зафиксированные в основном в жанре былин.⁷ Показателем формально-смысловой целостности таких сочетаний служат формы определяющих слов и глаголов-сказуемых:

Да стали по Киеву уродствовати,
Да *лук, чеснок* весь вырывали. (Гильф., т. 3, с. 160)

⁵ См., например: *Еремина В. И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978. С. 68, 74 и др.; *Хроленко А. Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981. С. 52 и др.

⁶ *Потёбня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3. С. 418.

⁷ А. А. Потёбня, рассматривая сочетания типа «двандва», выделяет случаи подобного типа как иную семантическую модель («сочетание равно частных»), в отличие от образца *калина, малина, красная смородина* (Там же. С. 415—417).

Модификацией данной формальной разновидности, на наш взгляд, можно считать пример типа:

Калина с малиной рано разцвела. (Соб., т. 3, № 30)

где, несмотря на различие форм существительных, глагол указывает на их семантическую общность.

2. Фитонимические наименования находятся в отношениях части и целого, дополняя и углубляя общий идеальный образ.

При долинушке есть *калинушка*,
Она выростала.
На *калинушке* есть *малинушка*,
Она расцветала.
На *малинушке* соловеюшко
Громко свищет. (Кир., № 1244)

Соловей, гнезда не вей
Край дорожки, край пути,
На *раKITОВОМ кусту*,
На *малиновом листу!* (Соб., т. 4, № 164)

3. Лексемы, употребляясь сначала в одной позиции как нерасчлененное целое, в дальнейшем обособляются; происходит выбор одного из фитонимов, который и служит заменой первоначального синкретического образа.

Как на горке *дубик*, *дубик*,
Белая *береза*.
Как подле этой *березы*
Речка протекала. (Соб., т. 3, № 572)

Примеры этого типа немногочисленны.

4. Члены парадигмы находятся в отношениях дополнительнойности, выступая в роли однофункциональных определений к одному определяемому. Формально это выражается в виде ряда параллельных сравнений. Подобные примеры характерны для жанра причети; иногда в параллельном ряду встречаются и не фитонимические существительные:

Братец, красно мое солнушко,
Братец, бело мое светушко,
Братец, *яблонька* кудрявая,
Братец, *грушица* зеленая! (Шейн, № 1628)

И как *верба*, да был, наш свет-то, золочояная,
И быв *сахарная* он был да *деревиночка*,
И как налимная *изюмна ягодиночка*. (Барс., ч. 2, с. 18)

5. Семантически необоснованна контекстуальная замена одного существительного другим, происходящая или в результате порчи текста, или в силу действия диалектных особенностей. Такие случаи мы находим в сказке:

«Ну ён взяў ю < . . . > и повез ю в чисто полё и отправиў ю в лис < . . . >. И ёна выстала в *ёўку* туды ўзь высокую. Ходили чарьскіи сынова по охвоту по лесу и ю там увидали (увидли) в *сбсны*». (Онч., № 80, с. 220)

«Ну, этот хозяин поднял *сбсн* на плечё. < . . . > Ну, и работник скрычаў: «Ронь, хозяин» (рой эту *осину* с плеча). Он кинуў *соснищо* цельнее». (Онч., № 123, с. 295)

Таким образом, примеры контекстуальной парадигматики существительных-фитонимов находим во всех исследуемых жанрах. Но специфика жанра определяет различные формы проявления подобных отношений. Наибольшее количество примеров дает жанр народной лирической песни.

К случаям с и т у а т и в н о й п а р а д и г м а т и к и мы относим такие, когда в определенной ситуации, встречающейся в вариантах фоль-

кlorного произведения или в разных произведениях одного жанра, названия растений могут замещать друг друга в тождественной позиции.

Примеры ситуативной парадигматики находим в большинстве случаев в лирической песне, где чрезвычайно развита символика (в том числе растительная) является характерной приметой жанра.⁸ Диффузность символического значения⁹ во многих случаях делает возможной подобную взаимозамену существительных.

Так, в ситуации заламывания калины (традиционный символ девушки-невесты¹⁰) может выступать и фитоним *смородина*:

Я калинушку ломала,
В пучечки вязала,
В пучечки вязала,
В дорожку бросала,

Во дороженьку бросала,
Приметочки клала,
Я приметы примечала,
Дружка ворочала. (Соб., т. 3, № 259)

Ср.:

А черная-то смородина
Зеленешенька поломана,
Во пученьчки повязана,
По дороженьке разбросана. (Соб., т. 2, № 6)

Виноград, вишенье, мята в народной песне тоже служат символическим обозначением девушки, поэтому могут замещать друг друга в аналогичной ситуации: зашипывают в саду вишни (Кир., № 1360; Соб., т. 2, № 96), виноград (Соб., т. 3, № 13, 375; т. 4, № 332), мяту (Соб., т. 4, № 330). Анализируя подобный песенный мотив, А. Н. Веселовский отмечал, что в сущности растение здесь безразлично: важен сам акт срывания.¹¹ В наших примерах в сходной ситуации с символическим значением парень срывает цветы со льна (Соб., т. 3, № 472, 473, 475, 480; Кир., № 1306), с розы (Соб., т. 3, № 270).

Количество вариаций взаимозамен фитонимов в некоторых ситуациях достаточно велико: коня привязывают к яблоне (Соб., т. 4, № 294), калине (Соб., т. 2, № 367—369), малине (Соб., т. 2, № 367, 368), рябине (Соб., т. 2, № 367, 370), дубу (Соб., т. 4, № 295).

Диффузность символики народнопесенного слова приводит к тому, что и сама ситуация широко варьируется в деталях; неизменным остается лишь ее обобщенный смысл. Так, семантика страдательности в песнях о женской доле передается в ситуации, которую можно условно определить как «дерево ломают и делают из него что-то»: из березы — гудочки (Кир., № 1298; Соб., т. 5, № 351, 382), из рябины — гудочки (Соб., т. 2, № 353), из рябины — гусли (Соб., т. 3, № 583), из ивы — весла и лодочку (Соб., т. 2, № 38, 39).

В некоторых ситуациях фитоним в тождественной позиции может одновременно замещаться двумя или несколькими. В подобных случаях происходит наложение контекстуальных парадигматических отношений на ситуативные.

⁸ См.: Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора. М., 1981. С. 111—133; Еремича В. И. К вопросу о жанровой дифференциации народной символики // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. История, язык, литература. 1968. Вып. 1, № 2. С. 83—99.

⁹ Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор: Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 150.

¹⁰ А. А. Потехина и А. Н. Веселовский дали этимологическое объяснение этого символа: Потехина А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 36; Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 148.

¹¹ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 146.

Что под белою да под березою,
Девка сест — высевае решетом конопле. (Соб., т. 2, № 297)

Как под белою под березою,
Под грушею под садовою
Девки сеют, разсевают
Конопельшко. (Соб., т. 2, № 616)

Как под яблонью под кудрявою,
Под грушицею да под зелёною
Сею, вею, разсеваю конопельшко. (Соб., т. 2, № 621)

Иногда в одной и той же песенной ситуации взаимозаменяются различные наборы фитонимических существительных. Например, в ситуации «в лес по ягоды» отмечены сочетания: *калина, малина, черная смородина* (Соб., т. 2, № 6); *калина, малина, черная черемуха* (Соб., т. 3, № 444); *калина, малина, черная черемуха, бурая смородина* (Соб., т. 2, № 10); *малина, смородина* (Соб., т. 3, № 558); *малина, черная смородина* (Соб., т. 3, № 439); *черная черница, румяная земляница* (Соб., т. 3, № 489).

В народной сказке нам встретились единичные случаи ситуативной замены названий растений. На наш взгляд, правомочно считать таким примером ситуацию с условным названием «невыполнимое задание и помощь волшебных сил», в которой герой должен собрать разбросанный в поле *мак* (Опч., № 151, с. 364) или разобрать смешанные вместе *рожь, овес и жито* (Опч., № 129, с. 316). Возможность ситуативной парадигматики фитонимов в жанре сказки доказывают примеры из сборника Афанасьева.¹²

«Ивашко < . . . > влез на высокий-высокий *дуб* < . . . >. Ведьма посмотрела вверх и увидела Ивашку; бросилась она грызть *дуб* — тот самый, где сидел Ивашко». (Аф., № 108, с. 174)

«Ивашка < . . . > пашов за горад, да и сев на *явар*, да и сядить. < . . . > ведьма пашла на тоя места, где стаяв *явар*, што сядев Иванька < . . . > взяла тапор, да, прибегши, давай рубать *язар*». (Аф., № 110, с. 177)

«Старик посадил *кочешок* в подпольице, а старуха в попелушку. У старухи в попелушке совсем завял *кочешок*, а у старика рос, рос, до полу дорос». (Аф., № 18, с. 29)

«Посадил дед *бобинку*, а баба *горошинку* под стол. *Горошину* поклевала курица, а *бобинка* выросла под самый стол». (Аф., № 20, с. 32).

В сказочной ситуации «стерегут поле, на которое повадился вор», в сборнике Опчукова фигурирует *репа* (Опч., № 58, с. 154), в сборнике Афанасьева — *горох* (Аф., № 124, с. 210).

Один пример ситуативных парадигматических отношений фитонимов зафиксирован нами в вариантах былины о Соловье Будимировиче, записанных у разных сказителей. Интересно, что здесь замещают друг друга две пары наименований с варьирующимся вторым компонентом.

А вы *дубья* да *вязья* повырубити,
Вон из зелена саду повымечите. (Гильф., т. 3, с. 20)

У *батушка* в зеленом саду
Дубья колодья повысечена,
Из-за саду вон все повыметано. (Гильф., т. 3, с. 54)

Применительно к жанру причитания трудно говорить о ситуативной парадигматике, поскольку само понятие ситуации в жанре, построенном на импровизации¹³ и представляющем собой живой поток лирических

¹² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. Л., 1936. Т. 1. (Далее: Аф.)

¹³ См. об этом: Астахова А. М. Импровизация в русском фольклоре: (Ее формы и границы в разных жанрах) // Русский фольклор. М.; Л., 1966. Т. 10. С. 63—78.

эмоций, достаточно условно. И все же можно отметить в качестве примера ситуативной парадигматики в свадебных причитаниях традиционный мотив прощания девушки с волей, «красотой» накануне замужества. В большинстве примеров, записанных почти исключительно в Вологодской губернии, невеста относит и вешает свою «красоту» на *березку* (Шейн, № 1389, 1409, 1435, 1455, 1469, 1543, 1340), в архангельских же и новгородских плачах здесь представлены ряды *яблоня-береза* (Шейн, № 1351) и *яблоня, груша* (Шейн, № 1693).

Следовательно, ситуативные парадигматические отношения в группе названий растений характерны в основном для жанра лирической песни; в других анализируемых жанрах в силу особенностей поэтики они представлены единичными примерами.

Под формульной парадигматикой мы имеем в виду случаи замены существительных-фитонимов в устойчивых повторяющихся фрагментах фольклорного текста, идентичных в структурном и семантическом отношении. Критерий формульности — воспроизводимость такого фрагмента не менее трех раз в различных произведениях или вариантах произведения (например, записанных в разных районах, у разных исполнителей и т. п.). Условием устойчивости микрофрагмента может быть связь с определенным поэтическим приемом (сравнение, обращение, параллелизм, ступенчатое сужение образа) или композиционная закреплённость (например, зачин фольклорного произведения или своеобразный рефрен), иногда особенности рифмовки и размера в поэтическом тексте. Приведем некоторые примеры формульной замены фитонимов в микрофрагментах, построенных по разным моделям.

Параллелизм:

На ту пору *калинушка* весной рано разцвела,
На то времячко матушка дочку родила;
.....
Назвала она невестушкой, в чужи люди отдала. (Соб., т. 3,
№ 36; аналогично: № 22)

Есть во поле *рябина*,
В чистом поле зеленая.
Во те поры-времена
Мати дочку родила.
.....
Во чужи люди отдала. (Соб., т. 3, № 38)

Калина с малинушкой рано разцвела;
Тую пору маменька меня родила.
Не скопившись разуму, невестой нарекла. (Соб., т. 3, № 35;
аналогично: № 30)

В жанре причитаний оба отмеченных случая формульной парадигматики приходится на фрагменты с отрицательным параллелизмом. По-видимому, эта модель, чрезвычайно характерная для причети, способствует более глубокой передаче лирических эмоций:

Не в саду я загулялася,
Не на *вишни* засмотрелася. . . (Шейн, № 2184)

Не на сад я загляделася,
Не на *яблонцы* кужлявыя. . . (Шейн, № 1383)

Не во саду ли я, бедна, обсиделася,
Не на сад ли я, бедна, огляделася,
Не на травку *муравку* зеленую,
Не на всяки цветочки лазуревые. . . (Шейн, № 1284)

Белая *береза*,
Стой, не шатайся.
Красная девица,
Ходи. не ломайся. (Кир., № 1195, а также Соб., т. 3, № 438)

Ты расти, расти, *рябинка*,
 Расти, не шатайся!
 Да ты живи, моя милая,
 Живи, не печалься! (Соб., т. 3, № 382)

Стой, *сосенка*, не шатайся;
 Стой, кудрявая, не ломайся! (Соб., т. 2, № 109)

Во фрагменте, построенном на ступенчатом сужении образа (долина — дерево — на нем птица), заменяют друг друга существительные *береза* (Кир., № 1366, 1248, 1267), *рябина* (Кир., № 1331), *калина* (Кир., № 1244).

Различный набор фитонимов в устойчивом песенном фрагменте «три сада» объясняется не особенностями их семантики, а способностью рифмоваться с опорными словами в параллельных стихах. Ср.:

У моего у милого есть три сада зеленых.
 Во первом саде у милого росла трава *мята*;
 Не за то ли милый любит, что я небогата?
 Во втором саде у милого росло древо *верба*;
 Не за то ли милый любит, что я ему верна?
 В третьем саде у милого росла *земляничка*;
 Не за то ли милый любит, что я невеличка... (Соб., т. 4, № 213)

У моего у милого
 Три сада зеленых.
 Во первом садике-виноградике
 Росла трава *личка*.
 Люби меня, друг сердечный,
 Что я невеличка.
 В другом саде-винограде
 Росла трава *роза*.
 Люби меня, друг сердечный,
 Что я непригожа.
 В третьем-саде-винограде
 Росла трава *мята*.
 Люби меня, друг сердечный,
 Что я небогата... (Соб., т. 4, № 261)

Не всегда возможно провести четкую границу между случаями формульной и ситуативной парадигматики. Расширение границ исследуемого материала, возможно, позволит считать формульными фрагменты, относимые нами к примерам ситуативной замены. Не случайно внешние проявления и формульных, и ситуативных парадигматических отношений во многом схожи и объясняются аналогичными причинами.

В народной лирической песне и причети случаи формульной замены фитонимов нередко обусловлены близостью символического значения у взаимозаменяемых существительных. Так, песенные *хрен* и *полюнь* — традиционные «отрицательные» символы (в силу реальных свойств «горьких» растений) — имеют сходный «семантический ореол» и поэтому легко замещают друг друга в устойчивом инициальном фрагменте-обращении:

Хрен, мой *хрен*,
 Садовой, яровой!
 Что не я тебя садил,
 Что не я поливал... (Кир., № 1216)

Полюнька, *полюнька*, травонька горькая!
 Не я тя садила, не я сеяла,
 Сама ты, злодейка, уродилася... (Соб., т. 3, № 113, аналогично: Кир., № 1301; Соб., т. 3, № 339)

Рябина и *черемуха* в фольклорной песне часто ассоциируются с символикой страдательности;¹⁴ оба этих фитонима встречаются в формуле с сентенциозным значением:

¹⁴ См. об этом: *Автанонов Я.* Символика растений в великорусских песнях // Журн. М-ва нар. просвещения. 1902. № 11. С. 60, 65.

Не вызревши *рябинушки*
Нельзя заломать;
Не выросшей девушки
Нельзя замуж взять. (Соб., т. 2, № 353 и др.)

Черемуху молоденьку нельзя заломать:
Не выбравши красну девку, нельзя замуж взять. (Кир, № 1576)

Но чаще заменяют друг друга существительные, имеющие самое обобщенное символическое значение, — названия деревьев, являющиеся по преимуществу «женскими» символами, например:

Ивушка, ивушка зеленая моя!
Что же ты, *ивушка*, не зелена стоишь? (Соб., т. 2, № 38)

Фитоним *береза* в причитаниях, по нашим наблюдениям, выступает как символ печали, скорби, встречается в контекстах с общепризнаваемой семантикой, поэтому функционально приравнивается к существительному *осина*. Ср. примеры из разных плачей со взаимозаменяемой *береза, осина*:

Не *березынька* шатается,
Не кудрявая свивается,
Как шатается-свивается
Твоя да молода жена. (Барс., ч. 1, с. 35)

Не *березынька* мотается,
Не *осина* нагибается,
Как стгибается-мотается
Твое мило горе-дитяtko. (Барс., ч. 1, с. 56)

Аналогичная замена наблюдается и в пределах одного произведения — «Плача о холостом рекруте» (Барс., ч. 2, с. 4, 15).

Как и в случаях ситуативной парадигматики, в формулах замещаться могут целые наборы фитонимов, например: *изюм, виноград, яблочки, орехи* (Соб., т. 3, № 339); *чернослив, виноград, изюм, смородина* (Соб., т. 3, № 112) и т. п.

В жанре былины примеры формульной парадигматики названий растений своеобразны. Они встречаются во фрагментах с обобщенной обстоятельной семантикой, построенных как параллельное перечисление деталей обстановки действия, причем членами этих рядов могут являться и не фитонимические существительные. Таков устойчивый зачин «выпала река», зафиксированный в былинах с разным сюжетом. Данный фрагмент может быть различным по объему, включать разный набор компонентов при неизменной структурной и семантической оформленности:

Тени — из-под — тени из-под той стены высокия,
Из-под той ли с-под *березки* с-под кудрявья,
Протекала тут реченка быстрая. (Гильф., т. 2, с. 183)

Из-под белья *березки* кудреватя,
Из-под чудна креста Леванидова,
Из-под святых мощей из-под Борисовых,
Из-под белого Латыря камня,
Тут повышла, повышла-повыбежала,
Выбегала-вылежала матка Волга-река. (Гильф., т. 3, с. 202)

Ср.:
Из-под *дуба, дуба* было сырого,
Из-под *вяза, вяза* с-под черленаго,
Из-под *кустышка* да с-под *раkitова*,
С-под ты *березы* с-под кудрявья,
Из-под камешка было из-под белаго
Пала, выпала мать Непра-река. (Гильф., т. 1, с. 241)

В формульном описании места обитания Соловья-разбойника в вариантах былины, записанной у разных сказителей, существительное

береза чередуется с набором *дуб, береза*; при этом *дуб* является вместо существительного *крест*, перетягивая на себя его эпитет:

А й у той-ля-то у Грязи-то у Черной,
 Да у славной у речки у Смородины,
 А у той ли у *березы* у поклопою,
 У того креста у Леванидова,
 Солсвей сидит разбойник Одихмантьев сын. (Гильф., т. 2,
 с. 16, а также с. 12, 13)

Сидит Соловей Рахманович,
 Сидит у реченьки у Черный,
 У того *дуба* Леванидина,
 У той *березы* поклопый. (Гильф., т. 2, с. 267, 268)

Примеры формульной парадигматики фитонимов находим только в стихотворных жанрах русского фольклора: лирической песне, причитании, былине. В северной сказке случаев такого рода нами не отмечено, может быть, в связи с тем, что в сказочных текстах вообще редко встречаются формулы, включающие названия растений.¹⁵

Таким образом, поскольку парадигматические отношения являются одними из определяющих компонентов семантической структуры слова, наше исследование подтверждает тезис о ее неодинаковости в различных жанрах устного народного творчества.¹⁶

Наиболее характерна фольклорная парадигматика для жанра лирической песни, на что указывает многочисленность и разнообразие примеров. По-видимому, главным условием семантического сближения и взаимозамены фитонимов в народной лирической песне является сходство их символического или оценочного значения. Такова же причина парадигматики названий растений и в жанре причети.

Возможность и характер проявления парадигматических отношений во многом зависят и от особенностей жанровой поэтики. Так, несмотря на значительный процент фитонимической лексики в целом (почти такой же, как в жанре лирической песни), в народной сказке отмечены лишь единичные случаи парадигматики фитонимических существительных. Выбор того или иного фитонима в сказке диктуется главным образом особенностями развития сюжета,¹⁷ и поэтому случаи взаимозамены названий растений трудно объяснить только с точки зрения семантики. На наш взгляд, парадигматические отношения в лексике присущи в основном фольклорным жанрам с поэтической организацией речи.

¹⁵ Так, среди 149 традиционных поэтических формул, выделенных О. А. Давыдовой в жанре народной сказки, нет ни одной подобной (*Давыдова О. А.* Традиционные языковые средства русской народной волшебной сказки (Определительные сочетания, поэтические формулы): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1981. С. 12—16). Формулы типа «стань передо мной, как лист перед травой» в данной статье не рассматриваются, поскольку предметом нашего анализа являются собственно фитонимические наименования.

¹⁶ *Хроленко А. Т.* Проблемы фольклорной лексикографии // Диалектная лексика. 1977. Л., 1979. С. 235—236; *Кумахов М. А.* О функциональном статусе слова и морфемы в языке устной поэзии // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 75.

¹⁷ В. Я. Пропп заметил, что в эпических жанрах «. . . лес, река, море, степи < . . . > упоминаются, когда герой через них перескакивает или проезжает» (*Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 91). Эту особенность сказочного пейзажа отмечают и современные исследователи: «. . . пейзаж в сказке функционален» (*Почтвалов Н. П.* Пейзаж в русской волшебной сказке // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1985. № 3. С. 24).

О. А. ЧЕРЕПАНОВА

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЗАГОВОРОВ

В относительно немногочисленных работах по изучению заговоров предлагается различный анализ заговорной формулы, различные классификации заговоров. Высказывается мнение об исконности двучленного сравнения,¹ формулы параллелизма;² вычленяются основные компоненты заговора — «обращение, введение, два члена сравнения и закрепление»;³ выделяются заговоры, основанные на параллелизме, и эпические заговоры.⁴ Определенное внимание формульному анализу структуры заговора уделено в работе П. Маранды и Э. Кенгас-Маранды «Структурные модели в фольклоре».⁵

Заговорная формула в том виде, который нам известен по записям XVII—XX вв., имеет достаточно четкое строение и включает определенный набор персонажей, между которыми усматриваются определенные отношения, обусловленные общей задачей заговора. В наиболее развернутом виде логическая структура заговора включает четыре элемента. Это субъект и объект первого уровня: тот, кто произносит заговор (S_1), и тот (то), кто (что) должен испытать действие заговора (O_1). Логические отношения субъекта и объекта существуют и на втором уровне: S_2 — это действующая сила, тот посредник, к которому обращается S_1 за помощью; O_2 — тот непосредственный результат, который должен обеспечить S_2 , т. е. «от кого (чего)» или «для чего» произносится заговор. Общая структура представляется так: S_1 — S_2 — O_2 — O_1 . В наиболее раз-

вернутых заговорах все четыре элемента представлены эксплицитно: «Стану благословясе, пойду перекрестясе из избы дверьми, из двора воротами, выйду на широку улицу, стану на восток глазами, телом на запад (S_1). В чистом поле есть утренняя зоря Марья, вечерняя Мария (S_2). Придите, заморите у рабы божьей (O_1) сухую, мокрую жабу, полужабу, четверть жабу, жабу черную, жабу сильную, жабу жильную, разжильную из черных очей, из ушей, из ноздрей, и из буйной головы (O_2). Которые слова переговорены, которые недоговорены, которые не заучены, которые сам не понял, будьте мои слова крепки и лепки. Тем моим словам ключ в море, замок в роте. Отныне и до веку. Аминь». (Арх. 1985).⁶

¹ Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. Варшава, 1907. С. 234.

² Wuttke A. Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart. Berlin, 1869. S. 158.

³ Зелинский Ф. О заговорах // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1897. Т. 10. С. 24.

⁴ Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования и развития заговорной формулы. Пг., 1917. С. 58—59.

⁵ Маранда П., Кенгас-Маранда Э. Структурные модели в фольклоре // Зарубежные исследования по семiotике фольклора. М., 1985. С. 194—260.

⁶ Здесь и далее тексты заговоров, не имеющие указания на издание, хранятся в личном архиве автора.

Модификации этой развернутой формулы могут быть весьма многообразны.⁷ Часты случаи, когда S_1 присутствует имплицитно или $S_1=O_1$, т. е. когда заговор произносит само заинтересованное лицо, например, когда парится в бане: «Печка матушка, горнушка бабушка, водица сестрица, венчик братец, а я (имярек) раба избавляю сама себя от всяких болестей, от призору, чтоб не шумело, не болело, заживало тело бело, спал, ел и был здоровой отныне и во веки веков. Аминь». (Новг., 1986). Особенно многочисленны вариации состава и характера обозначения посредствующей силы S_2 , элемента заговора, самого сложного и существенного с функциональной и логико-психологической точек зрения, имеющего, как правило, ту или иную степень ирреальности.

Длительная история бытования заговоров, отраженный в них христианско-языческий синкретизм привели к тому, что в заговоре может быть несколько посредников ($S_2-S_2'-S_2''$ ...). Обычно это бывает в результате внесения в заговор элемента христианской молитвы: «Сохрани, господи (S_2), царь огничек (S_2'), угольки-искорочки (S_2''), сохрани, господи, щелочки, дверочки, воротички, окошечки, сохрани, господи, весь домочек с окладного деревца и до охлупного» (Арх.). Могут быть случаи, когда S_2 сливается с O_2 , но при этом почти обязательна трансформация O_2 в сторону персонализации и даже демонологизации: «Полуношница Анна Ивановна, по ночам не ходи, рабы божьей не буди!» (Арх.) ($S_2=O_2$); «Исполохи и переполохи, нечистые духи, порчу-полохи, прикусы вислохосые, вси изнебесные немочи, откуда пришли, туда и подите ($S_2=O_2$) от пар коровушки. . .» (Арх.). Элемент-посредник S_2 может появляться в результате вычленения из «враждебной силы» O_2 ее высшей субстанции, распорядителя, реализуемого обычно в образе «царя», реже «духа» ($S_2=O_2$). В заговоре от пожара помимо огня, от которого оберегаются, появляется «царь огонь Мартын»: «Царь огонь Мартын, я поставлю железный тын, на все на четыре стороны, чтоб огню не перелезть. Помоги, неопалимая купина: Аминь, замок» (Арх.). Многочисленные «цари» заговоров (царь Хлеб, царь Дуб, царь змеиный Суходым и т. д.), вероятно, именно такого происхождения, и едва ли можно говорить в подобных случаях лишь о комплиментарном именовании персонажа.

Общая структура заговора, а также характер персонажа-посредника определяются также способом воздействия на O_2 : путем императива — «возьмите», «унесите», «подите» и т. п. или путем аналогии — «как у S_2 . . . (не) так у O_1 : «Как белая рыбица тоскует. . . , так тосковала бы раба божья N. . .».

Каждый элемент заговора может быть подвергнут специальному типологическому, генетическому, конструктивному и лингвистическому анализу. Задачей настоящей статьи является анализ персонажа-посредника (S_2) с типологической и лингвистической точек зрения.

Персонажи-посредники образуют несколько типологических групп, которые отражают в известной мере генезис заговора как феномена духовной культуры народа. Приведем суммарные материалы, выделяя эти типологические группы и очерчивая их основное понятийно-языковое наполнение.

Самыми древними по происхождению, отражающими доанимистические мифологические представления, можно считать персонажи-посредники, которые представляют собой объекты и образы языческих природных культов — поклонения небу и земле, небесным светилам, стихиям, водным источникам, камням, деревьям и т. д. Они составляют I группу (табл. 1).

Группу II персонажей-посредников составляют мифологизированные животные, птицы, рыбы (табл. 2). В этой группе персонажей обнаруживаются остатки тотемистических представлений, что сближает ее с групп-

⁷ В данном случае мы не касаемся генезиса заговорной формулы.

ТАБЛИЦА 1

Персонажи-посредники — объекты и образы языческих природных культов

Персонажи-посредники	Образы заговоров	Тип заговора
солнце месяц	красно солнышко светел (золотой, молодой) месяц; князь молодой, рог золотой; ме- сяц Адам (Владимир)	«ко сну отходящему» «ко сну отходящему», «на- зубы»
земля	сырая земля матерая; сыроматер- ная земля; мать сыра земля; земля ты, мати; земля Татьяна	от полуночницы, от исполоху, от болезней и скорбей, при сборе трав
небо	небо — отец (земля — мать)	при сборе трав
звезды	частые звездочки; вечерняя звезда; звезды Мария, Прасковья, Ериса	«ко сну отходящему», от ли- хорадки
заря	заря утренняя горяча; заря белая; заря-заряница, красная девица; заря Амвритрия; утренняя заря Марья, вечерняя Дарья (Маремь- яна), полуночная Макарида; заря Катерина, Вопска, Крискса	от полуночницы, от золотухи, от жабы, от лихорадки, от ногтя у скотины, от уро- ков, от болезней и скорбей, в присухе
огонь	огонь и полымя; огоничек, угольки- искорки; царь-огонь, царь-огонь Мартын	в присухе, от пожара, при вы- секании огня, от болезней и скорбей
гром и молния	гром и молния; громовая (огненная) стрела, огненная молния	в присухе, от уроков
ветер	буен ветер; буйны ветры; ветры буйные, вихори; 12 (77) ветров, 12 (77) вихорей; 7 братьев, 7 вет- ров буйных; 3 брата ветра — сток, сивер, лето; ветер Моисей, ветер Лука	в присухе, от запоя, при сва- товстве
вода	свята вода белозерска; река Ока; 3 реки: Варваря, Настася, Парас- ковья; сине море Елена; водица Ульяна	от уроков, от болезней и скор- бей, от золотухи
деревья	рябина; белая береза; Катерина- береза; черемный вяз; (сырой) дуб; царь Дуб; дуб Карпиус, Егор, Дорофей, Данила, Лав- рентий; Прокурон-дуб, дуб Ра- китан; Бортняк-дуб; три высокие деревя: Петрий, Хитрий, Кипарис	«на зубы», от тоски, от уро- ков, призоров, всякой бо- лезни; от плотской немочи
травы и про- чие расте- ния	трава мордвинник (мордвин); татар- ник; арпей; трава чупрынь, царь- трава чертополох; Васиян (Ле- бядин)-трава; трава Улик, Ре- вяка, Кликун, Молчан; добра трава Зарахиль	от червей у скотины, от уро- ков
прочие пред- меты	хмель и вино (белый) камень, камешки железо угол рублен печка матушка горнушка бабушка (горнушка — «за- гнетка») — веничек братец	от пьянства «на зубы», «на кровь», «ко сну отходящему» от щепоты, ломоты от боли в ушах от всех болезней

пой I: например, растительные феномены (помещенные в группу I) могли быть объектами языческого культа, но могли выступать и в качестве тотемов.

С мифологическими представлениями анимистического характера свя-заны персонажи следующих весьма сложных и неоднородных по своему составу групп. Образы народных верований и демонологии составляют группу III (табл. 3), специфические фольклорно-заговорные образы, соот-

ТАБЛИЦА 2

Персонажи-посредники — мифологизированные животные, птицы, рыбы

Персонажи-посредники	Образы заговоров	Тип заговора
медведь собака	медведь; черный зверь медведь черная собачка; три пса — серый, белый, черный; злые лютые ме- ядонские кобели; сука Кида, ще- нята Хомера, Хомериха, Ковыла	«на зубы», от приток и уроков «на кровь», от бельма в глазу, оберег скота
волк	волк Мельян (Порфир), волчица Ульяна	оберег скота
рысь	голой зверь рысь	от ногтя у скотины
заяц	заяц серый	«на зубы»
бык	бык третъяк	от плотской немочи
лев	лев зверь	«на кровь»
конь	конь карь	«на кровь»
лисица	зверь лисица	от уроков
птица	птица Намырь; птица Стратим; птица Полугрица; Птушка-грип; птица — крыла железные, а но- ги булатные (носы железные, булатные когти. . .)	«на кровь», от червя на ниве, от жабы, от усоей, «чтоб испортить пьянством»
орел	Орел Орлович	от уроков
утка	серая ярка утица	от порчи скотины
гоголь	серый гоголь; гоголь морской	от уроков, от хомута
петух	петух; кочеток серый, пестрый, красный	от хомута, от детского крика
курица	куры рябые, серые, черные	от детского крика
лебедь	белый лебедь	от огневицы
гусь	гусь	«на кровь»
ворон	ворон	«на кровь»
щука	рыба щука; щука златоперая; щу- ка булатная, щёки укладные; щука золотая и перья золотые; щука — железные крылья. . .	от порчи свадьбы, от уро- ков и приток, «на кровь», «на зубы», от грыжи
жаба	жаба	от жабы
рак	рак морской	от хомута
червь	таль, червь земляной	от укуса змеи
змея	лютая змея-лютоедца (людо- едца); лютая медяница, золо- тая голова; змей лютый — золо- тая головка; злая полевая, лу- говая, болотная, подколодная. . . и детки — колодные, болотные, лесовые, летучие, ползучие, боро- вые, подможные, подконечные, перярец. . . ; змея Скоропея, Шкуропея, Скоропия, Скороспея; медяница-скороспея; змеи сестры Марья, Марина, Ирина, Кате- рина, Наталья, Пелагея, Пара- скева, Елена, Маргарита, Солома, Соломида, Марфа, Ева, Софья. . . девица-змеиная сестрица. . .	от укуса змеи
пчелы	пчелиная матка Ефреяфиана; Ма- руна-царица, Кабитка-царица, Пчелянка-царица, Чернявка-ца- рица; Свиравейка, Хваравонка, Златоперка, Сохва. . .	«чтоб пчелы хорошо велись»

носимые с человеком, — группу IV (табл. 4), персонажи-персонификации болезней, состояний человека, частей его тела и т. д. — группу V (табл. 5).

Внесение христианского элемента в заговор породило еще несколько типов персонажей-посредников. Это многочисленные образы христианских заступников начиная от Христа, Богоматери, апостолов, святых и кон-

Т А Б Л И Ц А 3

Персонажи-посредники — образы народных верований и демонологии

Персонажи-посредники	Образы заговоров	Тип заговора
домовой и дворовой	хозяин домовой (дворовой) и хозяюшка, дедушка домовой; доможирушка; домовеюшка; домовеюшка; домовишко-дедушка; дедушка Романушка (Потапушка); бабушка Доманушка; домовой Спиридон Дарахвеевич; избная бабушка, подпорожная бабушка. . .	«чтоб скотина велась», при переезде в новый дом, от детского крика
банный овиный леший	баенный батюшка, баенная матушка дедушка овиный хозяин лесной; господин Шипкин; дедушка Мойсей, леший Иван; безыменьчик лесовой; Мусаилалес; Троша, Леша	при входе в баню при входе в овин в «отпусках» пастуха, при походах в лес
полевой луговой боровой водяной	полевой Антоний луговой Хведосий боровой Стахваний хозяин водяной; водяной и водянуха (водяниха)	от нечистой силы в отсушке
полудница цари	матушка ржаная Удилена царь (царица) водяной, лесной, земляной (земной), небесный, дорожный, морской, болотный, ветряной, поддонный, поднебесный, полевой, домовой, дворовой, овиный, донской, Двинской, Пинежский, огненный, железный, хрустальный; цари Белый волк, Жажда, Воробей, Крокодил, Огонь, Хлеб, Муравей (Мураш); муравьиный лесной царь; царь Митрофан Митрофанович; царь-лесовик Бурик; лесной царь Оноприй; царица лесовица Мавра; черемный царь Василь, царица Василиса. . .	«чтоб хорошо колосился хлеб» в заговорах и заклинаниях различных типов
духи покойник	дух-вихорь мертвый человек; мертвое тело; мертвый мертвец (головой головастый, волосом осластый (ослистый)); 33 мертвеца; синий мужик; умершие, убитые, с дерева падшие, заблудящие, некрещены, безымянные. . .	в присухе «на зубы», «на кровь», от ушибов и порезов, от щипоты, ломоты и всех болезней, от уроков и призоров

чая «попом Перфильем», «черным попом» и перечислением самого общего характера: «. . . все святые и все монастырские братия, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святые лики». Они составляют группу VI.

В специальную группу можно выделить посредников вредоносного характера — представителей злого начала в христианстве (группа VII): сатана — Сатана Сатанович; сатанаилы; сорок сороков, сатанинская сила; Сатана и Лотон-угодник; дьявол — дьяволи; дьявольский нечистый дух; (50) 70 дьяволов; буй враг окаянный; окаянный дьявол; Вельзевул — Вельзаул, князь бесов; бес — 300 бесов; старый бес собака; (пакостный) бес Енаха; бесы Сольца, Асаул, Колдун, Салчак; черт — вял муж черт; 3 брата черта, сыновья бабы-яги — Вези, Пузи, Сини; черт с чертихой, некошной с некошихой; нечистая сила вообще — неприятная, отпадшая, окаянная сила.

Значительное число персонажей является порождением христианско-языческого синкретизма и заимствовано из апокрифической литературы.

Т А Б Л И Ц А 4
Персонажи-посредники — фольклорно-заговорные образы,
соотносимые с человеком

Персонажи-посредники	Образы заговоров	Тип заговора
баба, жена	баба; баба-сводница; баба на корячки; чистая баба; тодстая баба, сатанина угодница; баба и три дочери; баба Рюха; баба-яга; баба Совья, бабушка Именитиха, Соловья Микитишна; старая матерая жена, золота ступа	в присухах, «на кровь», от ломоты
человек, муж, мужик	4 человека; 77 братьев; 300 мужей железных (и 300 коней железных); Немал-человек; железный муж; мужик Аникан; бел муж Жубрило; стар матер человек; мужик стар; старец старый, как лунь седой	в отсухе, от грыжи, «на кровь», «чтоб не заблудиться в лесу»
кузнец богатырь девица	кузнецы; 77 братьев (куют) богатырь красная девица; твердая красная девица; три (две) красные девицы (родные сестрицы); красная девица с палицей железной	в присухе «на кровь» «на кровь», от недугов, от грыжи, от усоев
царь (царица) прочие	тридцать царей и семьдесят цариц Усыня, Бородыня да Никита Маментий; сам Савватей, сударыня Хевра; Косыян и Кучин, Кучуба и Лена и Ева; Абрамя, Храмя Лексеевич; Клементий Клементьевич, Дементий Дементьевич, Хведор Хведорович; Тихон Тихонов, Трифон Трифионов, Борис Климов, мати Меланья; матушки Зверюна, Виона; три брата пиратора Ерофей, Дорофей, Ондрей; Кафар и Капатик; Оноки и Мелания; Сидор, Симон, Онисим, Осип; два молодца, два гораздо удалых стрельца Симон да Герасим (сыновья Георгия Храброго)	от усоев в присухе, от укуса змея, от нечистой силы

Эти персонажи выделены нами в группу VIII: бабушка Соломония (Соломонида, Салманида. . .), три ангела: Климан, Пиман да Кузьма-Дамьян; повелитель духов Соломон; неопалимая мати божия Купина; мертвое тело Адамово; Мария, Марфа, Пелагея — три сестры Лазаря; Антип-водопол и т. п. В заговорах и заговорах-молитвах, преимущественно письменного функционирования, многочисленны имена-наименования злой (реже — благодетельной) силы, перечисление которых является обязательным условием действия заговора: Изолной, Ирик, Илирон, Игамон, Легсок, Имал, Диман, Калус, Пир, Марус, Лукми, Лурами, Рахан, Вентирка, Обдулка, Фовра, Афикола. . ; ангелы Анугарский, Восилугар, Есифедар, Наакот первенец, Ерог, Солеванил, Громожанил и т. д. «Во имя сатаны и судьи его демона, почтенного демона Палатата игемона. . . Гой еси ты государь сатана! пошли ко мне на помощь рабу своему часть бесов и дьяволов, Зеследер, Пореастон, Коржан, Ардун, Купалолока с огнями горящими и с пламенем палящим и с ключами кипучими. . .» (Любовное закливание из следственного дела в 1769 г.).⁸ Установить происхождение

⁸ Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. Тихонравов. М., 1861. Т. 3. С. 92—93.

ТАБЛИЦА 5
Персонажи-посредники — персонификации

Персонажи-посредники	Образы заговоров	Тип заговора
оспа	Оспа Ивановна; Воспа Восповна; Воспинка Осипановна	от оспы
корь ночной крик у детей «звяхи» «жабы»	Царевна Васильевна полуночица Анна Ивановна Данил, Иван, Роман Лизавета, Катерина, Грипина, Марья, Мархва, Прося, Юстыня, Зиновья, Алена, Прасковья, Аугинья	от кори от полуночицы от вывихов от ангины
«прикосы» зубы тоска	Хохорь да Хохориха зуб Максим (Василий) красная девица, тоска чаровница; матушки три тоски тоскучие, три рыды рыдучие; Павушка, Романя	от порчи «на зубы» от тоски, в присухе
хмель мороз страх «притки»	господин хмель, буйная голова Мороз Васильевич страх Рах притошная притошница, тихая ти- ханица, смирная смирнавица	от запоя закливание мороза в присухе от приток и уроков
краснуха	красная красавица, белая бела- вица, синья синявица	от краснухи
прочие	три брата: Пробой, Разбой, Воро- тило	«на ружье»

каждого из этих наименований в настоящее время едва ли возможно, так как источники их многообразны и в них много искажений. Однако одним из несомненных источников этих перечислений является средневековая демонография. Так, в средневековых трактатах по демонологии подробно разрабатывалась иерархия царства зла, представляющего собой прямую аналогию монархическому государству и двору той эпохи. Помимо высших и низших сановников, графов, маркизов и баронов под управлением Вельзевула-Сатаны находились устроитель праздников и удовольствий адского двора Ниббас, директор театров Кабаль, начальник тайной полиции Нергаль, главный медицинский инспектор Раммон, главный истопник адских печей Ксафан, смотритель над кухнями Нисброк, обер-архитектор Гальфас. Упоминаются также Жолибиу, Верхюли, Дагон, Газиель и др.⁹

Предложенная типологическая классификация персонажей-посредников в известной мере является условной, потому что практически каждый образ представляет собой сложное образование, составляющие которого могут иметь разный генезис, различную жанровую принадлежность, различную мифологическую или фольклорную семантику.

Такую типологическую многоплановость следует учитывать, в частности, при интерпретации образов мужика, старика, бабы.

В заговорах различных серий в качестве посредника выступает баба, старая матерая жена, золотая ступа; стар матер человек (мужик); старец, седой как лунь и т. п. Обращение к ним в заговоре является отражением культа предков, имеющего, как известно, весьма развернутую структуру в народных верованиях и различные проявления. Слова *дед* и *баба*, часто во множественном числе, являются распространенным у славян обобщенным наименованием предков и прежде всего мифологизированных пред-

⁹ Зотов В. Р. Документальная история черта // Исторический вестник. 1884. № 2. С. 53—60.

ков, что нашло отражение, например, в русском свадебном заговоре XVII в.: «Святая госпожа Богородица < . . . > князя новобрачного стереги < . . . > и, родители государи, станьте вы, деды и бабы и весь род мой, и князя новобрачного постерегите и поберегите на воды и на земли < . . . > а вам здесь шесть пирогов».¹⁰ В белорусском свадебном обряде есть обращение к «бабкам запечным и дедкам заплочным»: предок по женской линии, невидимая хозяйка дома, обычно пребывает за печкой, а предок по мужской линии, дух-охранитель, сидит у человека на правом плече.¹¹ Домовой, поздний трансформ предка-охранителя, почти у всех славянских народов именуется дедом, дедушкой, домовая хозяйка — бабушкой, у поляков — «dziady» (праздник поминовения предков) и т. д. Принадлежность к миру прошлого, к мифологизированным прародителям подчеркивают эпитеты *стар*, *матер*, *седой*, а также атрибуты персонажей и сопутствующие компоненты заговора — река Черная Смородина (Смердячая река), отделяющая царство мертвых от «белого света», лодка, на которой переправляют в царство мертвых души умерших: «По той реке Черной Смородине бежит легкая малая лодка, в той лодке сидит < . . . > стар матер человек < . . . > везет он мертвое тело. . .».¹²

Мертвец, покойник, мертвое тело, упоминаемые в заговоре, как в этом, так и во многих других, — это не символ предка, а тот «покойник» из народных верований, с которым связаны явления привидений, упыри и волкодлаки. Об этом свидетельствует обращение в одном из заговоров к «заложным», т. е. умершим неестественной смертью и потому особенно вредоносным покойникам: «. . . убитые, с дерева падшие, заблудящие, некрещеные, безымянные».¹³ Кроме того, в других фольклорных жанрах и различных мифологических материалах предки обычно не называются покойниками, мертвецами. Помимо упомянутых слов *дед* и *баба* их именуют *родителями*, *стариками*, *скрытными*. Умерший, покойник, номинируется в заговорах по внешним признакам: *синий мужик*, *черный мужик* (*человек*), вероятно, *железный муж*. Такой способ номинации, а также тиши заговоров, в которых эти персонажи фигурируют (от зубной боли, от ран и ушибов, для остановки крови), говорят не только о мифологической, но и «аналогической» сущности этого персонажа: как у мертвого не могут болеть зубы, кровоточить раны, пусть так же не болят зубы, не идет кровь у N. Лишь в единичных случаях, как кажется, можно видеть контаминацию персонажа-предка и персонажа-покойника. Это, например, мертвое тело Адамово в заговоре на грыжу. Упоминание библейского перво-человека наводит на мысль о причастности этого персонажа к культуре предков.

Баба, один из самых частотных и полифонических персонажей заговоров, может не иметь видимой связи с культом предков: это или просто «баба», или «чистая баба» (в чистой бане), «баба на корячки», «баба сводница», «толстая баба, сатанина угодница», баба Рюха и т. п. Эти персонажи являются отражением образа бабы-колдуньи, издавна присутствующего в народном сознании. Владение сверхъестественной силой со времен матриархата связывалось чаще с женщиной. Особенно это характерно для средневековья, когда официальная церковь инквизиторскими методами боролась с остатками язычества, ведьмами и «бабами богомерзкими» — знахарками и колдуньями.

¹⁰ Сборник заговоров (по спискам второй четверти XVII в.) // Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 59.

¹¹ Niederle L. Slovanské starožitnosti. Oddil kulturni. Dil. 2, sv. 1. Vgd. 2. Praha, 1924.

¹² Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. СПб., 1909. Вып. 2. С. 73.

¹³ Олонецкие губернские ведомости. 1876. № 15.

Для ряда заговорных баб не исключена связь с бабой-ягой: как у яги, атрибутом заговорной бабы может быть ступа — старая матерая жена, золотая ступа; определенный параллелизм можно видеть в бабе-яге с ее тремя дочерьми и заговорной бабе, у которой также три дочери. В заговоре может являться и сама баба-яга: в присушке «из-под дуба Сорочинского выходит Яга-баба и поджигает тридевять сажень дубовых дров».¹⁴ В этом случае баба-яга выступает в своей досказочной, мифологической сущности, обнаруживая свою связь с мифологизированным змеем, огнем и царством мертвых.¹⁵

Весьма сложным по своим корням и типологической сущности является также образ Немал-человека, тоже из заговора любовной магии — отсушки: «Под той ли под закатной стороной течет смородяная река; по той ли по смородяной реке плывет смердячий челн, в смердячем челпе сидит Немал-человек, чертова рожа, змеиная кожа, сычи глаза, волчья пасть, медвежий взгляд, образ звериный, а вздох змеиный».¹⁶ По своей полиморфной природе Немал-человек оказывается в одном ряду с такими персонажами других фольклорных жанров, как «кожа медвежья, лицо человечесь», «козья шкура», «до пояса человек, а от пояса медведь», Евлашка — медвежье ушко и мн. др. Особенно интересно в этом отношении описание персонифицированной холеры: «Голова коровья, копыта на ногах конские, руки есть, а вся обвешана саблями. Человек, не человек, скотина, не скотина, а так, смешана» (Печ., 1982). Как известно, полиморфные персонажи есть в мифологии очень многих народов. Они отмечены в непосредственной близости от славян, в Причерноморье, где найдены изображения богини, имеющей торс человека, змеиный хвост, петушину голову. Есть подобные персонажи в античной мифологии (кентавр, минотавр и мн. др.). Особенно характерны они для мифологии восточных народов. Так, в китайской мифологии родоначальник человечества Фу-Си имел «тело змеи, лицо человека, голову быка, нос тигра».¹⁷ Полиморфность структуры фольклорно-мифологических образов имеет своим источником тотемистические представления, на основе которых и происходит включение в облик персонажа или в его возможные перевоплощения черт тотема-предка.

Набор зооморфных черт Немал-человека имеет отчетливо мифологический характер: медведь, волк, змея. Сложность структуры образа не противоречит его тотемистической природе. Мифы ряда народов «знают, наряду с тотемными предками, более обобщенных „надтотемных“ мифических героев, принадлежащих сразу ко многим тотемам».¹⁸ Вместе с тем более непосредственным источником заговорного персонажа следует считать образ представителя злой силы в христианстве — сатаны, Вельзевула, черта, беса, как в общелитературной, так и преимущественно иконографической, затем лубочной традиции, сформировавшийся не без заметного влияния народно-мифологических представлений. По свидетельствам европейских средневековых источников, «от I до XII в. черта видело множество людей в разных формах: лошадью, собакой, обезьяной, медведем, жабой, вороном, быком, грифом, центавром, минотавром, сфинксом с человеческим лицом и длинными лапами, химерой с зелеными глазами, хвостом и крыльями дракона < . . . > собакой с обезьяньей головой, красным львом с чело-

¹⁴ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2: Народная словесность // Известия Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те М., 1878. Т. 30, вып. 2. С. 17 (Труды этнографического отдела; Кн. 5, вып. 2).

¹⁵ Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983. С. 100—110.

¹⁶ Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. СПб., 1909. Вып. 2. С. 73.

¹⁷ Рифтин Б. Л. От мифа к роману. М., 1979. С. 15.

¹⁸ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 180.

вечным лицом <...> гигантским муравьем с львиною гривой и пр.»¹⁹ Кардинал Бона в своей книге «О распознавании духов» («De discretione spirituum») говорит о том, что черту не позволено являться только в облике голубя и ягненка. Велись схоластические споры, может ли черт принимать образ барана.²⁰ Таким образом, полиморфность и звероподобность являются давней традицией в представлениях о христианской злой силе разных рангов.

В византийском и древнеславянском искусстве представители христианского зла изображались довольно невыразительно и однообразно. Но начиная с XVII в. в литературе и изобразительном искусстве — в миниатюрах рукописей и на иконах — появляется более экспрессивный, эмоционально насыщенный образ, часто терриоморфного характера. Это «псыголовьцы» в Годуновской псалтыри (л. 143), бес со звериной мордой в «Слове о св. Андреѣ, како видѣ богатаго умерша» (л. 116), красный дьявол в виде чудовища с высокими ушами, лапами с когтями, змеевидным хвостом, на конце которого кисточка, как у льва в «Душевном лекарстве» (л. 217). В миниатюрах к Апокалипсису князь бесовский изображен с головой и ушами животного, с открытой пастью, с гривой, спускающейся на правое плечо; в виде змея с рогом на голове; черти имеют свиные морды или вообще представляют собой свинообразных чудовищ. На картине XVIII в., изображающей видение Антония Великого, злые силы представлены в виде крылатого чудовища с чешуйчатым хвостом и когтистыми лапами; чудовища с рогами, о четырех лапах, с птичьими когтями, с хвостом. Чудовища снабжены подписями: «видомъ аки лошадь», «видомъ аки левъ». В Апокалипсисе дьявол называется «телом звериным»: «Глагола ангель: иже кто покланяется тѣлу звѣриному и иконѣ его, и той имать пити чашу».²¹

Все сказанное заставляет обратиться к предположению, высказанному В. Мансиккой, что в образе Немал-человека предстает сам сатана.²² Точнее полагать, однако, что этот персонаж является обобщенным образом зла, сформировавшимся как в русле народно-мифологической традиции, так и под несомненным воздействием изображений представителя злого начала в христианстве.

Приведенная типологическая классификация персонажей-посредников и некоторые комментарии к ней демонстрируют наслоение в семиотической структуре заговора (как отдельного текста и как жанра) пластов различной мифологической семантики. Именно персонаж-посредник фокусирует мифологические воззрения, нашедшие отражение в заговоре, обнаруживает их развитие во времени, смену и взаимопроникновение.

Сакральный, доступный не всем, тайный вид поэтического творчества, заговор противопоставлен другим формам устного народного творчества и по языку. Заговор выполняет свою магическую функцию и оказывает психологическое или даже физиолого-психологическое воздействие на объект и субъект заговора в значительной мере с помощью сакрализации языка, что достигается прежде всего противопоставлением его языку общеупотребительному и повседневному. В заговоре отчетливо обнаруживает себя семиотическая проблема передачи нетривиального набора понятий об ирреальной субстанции, и проявляется это в первую очередь в номинации посредника — самого ирреального персонажа заговора, самой яркой мифологемы текста.

Задача номинации неординарных «экзотических» понятий чаще всего решается путем словопроизводства. Так появились наряду с *красной кра-*

¹⁹ Зотов В. Р. Документальная история черта. С. 167.

²⁰ Там же. С. 168.

²¹ Успенский А. И. Бес // Золотое руно. 1907. № 1. С. 22—26.

²² Мансикка В. Представители злого начала в русских заговорах. СПб., 1909. С. 10.

савицей белая белавица, черная чернавица, синья синявица, смирная смирнавица, рыды рыдучие, плаксы и криксы, зубинки (зубы), исполохи и т. д. Большая часть новообразований построена в соответствии с существующими словообразовательными моделями: при табуированном диалектном наименовании черта *некошной* появляется «заговорное» *некошиха*, ср. также: *хохорь* и *хохориха*; *вопунь*, *цекотунь*, *воротило*. Словообразовательные и формообразовательные модели русского языка получают новое лексическое наполнение: «заговорными» являются формы *царенята* (не *царевичи*), *чирята*, *госчата*, *бесиха* (не *бесовка*), *ночница-переночница*. Суффиксы лица значительно расширяют свои сочетаемостные возможности, в результате чего образуются открытые ряды наименований персонажей: при регулярных *родимец*, *изрец* имеем *вереец* («...худо и лихо, прочь идите, верей, вереец, молодых примите...»), *крайнец* и т. д.; при *водяница* — *притошница*, *крайница*, *плаксивица*, *верейница* и др. Экзотичность языка усиливается словообразовательной синонимией: при общенародном *мудрец* в заговоре *мудрок*. Ряд образований не укладывается в регулярные модели: (*тихая*) *тиханица* является нерегулярным образованием с суффиксальными морфемами — *ан-иц(а)*; прилагательное *ветростная* (сила) образовано от несуществующей производящей основы *ветрост-* (ср. *радостный* от *радость*) и т. п. Нерегулярное словопроизводство служит средством формирования перечислительных рядов, представляющих собой один из кодовых элементов заговорной магии: матер ночная и полуночная, дневная и полудневная, *зорная* и *полузорная* и т. п.²³ Особенно часто результатом словотворчества являются собственные имена, прибавляемые к наименованию предмета или явления в целях его персонификации: заря Вопска, царь змеинный Суходым, царь Змиулан, царь змеинный Ир, царица Ирица, матушки Звериона и Виона, бел муж Жубрило, сова Яризорьевна, бабушка Именитиха, Оспа Осиповна и т. д.

На семантическом уровне экзотичность языка может создаваться путем использования периферийных значений слов и путем синкретизации значений многозначного слова. Так, в имени-наименовании посредника из отсушки «баба Рюха» следует, очевидно, видеть синкрету нескольких значений слова. В говорах *рюха* — это 'свинья' (родственно с *реветь*, древнерусским *рюти*), 'игральная бабка', 'любой предмет, обладающий признаком толстоты, бесформенности', 'обозначение неудачи, промаха'. Вместе с тем имя Рюха возникло под влиянием многочисленных производных от слова *баба*: *бабаха*, *бабица*, *бабуха*, *бабухна*, *бабариха*, *баба-бабариха* и др.

Экзотичность языку заговора может придавать необычная сочетаемость лексических единиц, алогичность согласуемых понятий и их наименований типа *полуденна мышка*, *полуночна мышка* (Арх., Белом.). Особенно отчетливо это проявляется в случае наделения явления или предмета собственным именем с целью персонификации, что и порождает нестандартные сочетания: земля Татьяна, вода Ульяна, дуб Карпиус и т. п. При этом может происходить перемещение апеллятива в сферу ономастики: *Оспа Ивановна*, *Орел Орлович*, *Мороз Васильевич*. При персонификации явления возможна и синтагматическая нерегулярность: *не ходи*, *грызун* . . , *поди*, *грызун*, грызи горькую осину от корня до вершины. . . (Арх., Пин.).

Сакральная обособленность языка заговора является понятием в известной мере относительным, меняющимся от поколения к поколению, зависящим от традиционности заговора. Она увеличивается за счет сохранения в заговоре забытых, ставших непонятными слов. Например, в заговоре записи 1982 г. сохранилось слово *качица* (обозначение персонифицированного ночного кошмара), известное нам по единственной его фиксации в Златой цепи XIV в.²⁴ В заговорах преимущественно письменной, отчасти и

²³ Сборник заговоров (по спискам второй четверти XVII в.) . . . С. 112.

²⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

устной традиции присутствуют лексемы, чуждые русскому языку и представляющие собой слова и имена из греческого или других европейских языков, часто искаженные вследствие их несоответствия фонетическим и словообразовательным нормам русского языка и полному отсутствию мотивации. Это, например, уже упоминавшиеся имена злой силы из «Киприановой молитвы» типа Тахий, Сенахия, Афикола, Голифито и т. д., имена бесов в любовном заклинании XVIII в., в заговоре при отправлении в путь: Изолной, Ирик, Илирон, Игамон, Лесгок, Имал, Диман и мн. др. В этих именах угадываются искаженные греческие ἡγεμον 'гегемон, правитель', δαίμων 'демон', славянское Купало и т. п.

Хотя экзотичность языка заговора исторически и социально обусловлена, она является онтологическим признаком заговора как элемента народной культуры. Специфика языка, весь образно-поэтический строй выделяют заговор как чрезвычайно интересный и во многом еще не понятый вид народного творчества, порожденный древними мифологическими представлениями, отражающий поэтическое видение мира, неразрывную близость человека и природы.

Ю. И. ЮДИН

НЕСКУДЕЮЩЕЕ НАСЛЕДИЕ

(К 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского)

1

В жизни есть вечные, непреходящие начала, и рядом с ними следы времени, века; отражая то и другое, поэзия то ближе держится вопросов современности, то находится поверх их и вдали, в созерцании вековечных явлений, не знающих хронологии.

А. Н. Веселовский

Даже сейчас, спустя более чем 80 лет после его смерти, говорить об А. Н. Веселовском чрезвычайно трудно. Мы все еще недостаточно освоились в той обширной области культуры, которую обследовал и границы которой очертил его могучий талант. Границы этой области нам порою видятся неясно, ее пути и перепутья подчас теряются на карте сегодняшних представлений. Мы все еще «внутри» Веселовского, хотя и склонны часто свысока оценивать его уроки и наследие. Любопытно, что, по признанию многих исследователей искусства, писателей да и просто любителей фольклора и литературной старины, сочинения Веселовского читаются с интересом, не уступающим чтению остросюжетной литературы. Постоянная забота ученого о совершенном научном методе, стремление охватить всю сумму фактов, составляющих изучаемое явление, сообщают его работам притягательность напряженного исторического расследования с непредсказуемым, а часто до конца и не проясненным в момент самого исследования результатом, едва различимым сквозь густую завесу частных наблюдений.

В настоящей небольшой статье делается всего лишь попытка обратить внимание на некоторые особенности его трудов, не вызывавшие, как правило, повышенного к себе интереса.

Уже при беглом обзоре научных работ Веселовского бросается в глаза отсутствие того, что мы назвали бы сейчас целостной интерпретацией художественных сюжетов. Если же это и не полное отсутствие таковой, то во всяком случае обычное для исследователя уклонение от интерпретации самой по себе. Это тем более заметно, что ученый, как немногие в науке его времени, знал фольклорную сюжетику в ее международных версиях и национальных вариациях, и не только знал, но и глубоко понимал ее гуманитарно-ценностный смысл. По всему видно, что Веселовского воодушевляло не столько намерение заново «прочитать» рассматриваемый сюжет, сколько желание поставить его в ряд культурных явлений, почти что независимо от субъективных устремлений отдельных творцов, воспроизводящих в разных этнических, национальных и временных условиях какое-то неличностное, вековое и непреходящее открытие, завоевание гуманитар-

ной мысли. Культурная почва, на которой вырастают то скромные и дикие, то запово выведенные и причудливо-редкостные цветы поэзии, неизменно привлекала внимание Веселовского. В его интересе преобладала увлеченность историка, подмечающего закономерность культурных явлений и доводящего отточенный анализ их до того уровня, на котором возможно предсказание еще не появившихся, но созревших в народном сознании новаций, неожиданных поворотов старой темы, новых ходов мысли.

Все сказанное прозвучит более чем неубедительно, если не обратиться хотя бы к одному-двум примерам. Глава XIII «Разыскакий в области русского духовного стиха» носит заголовок «Судьба-Доля в народных представлениях славян». Она посвящена генезису и развитию обрядовых и мировоззренческих славянских представлений о судьбе и отражению их в народной поэзии и средневековой литературе. Заслуга Веселовского состоит в замечательной попытке объединить обширнейший материал выведенным на его основе общим наблюдением о независимом от воли отдельной личности историческом развитии представлений о судьбе, проходящем ряд закономерных этапов. Он «пытается внести в разнообразную смесь суеверий, выражающих понятия судьбы, идею исторического генезиса».¹ Выстроенный им последовательно ряд имеет следующие основные моменты.

а) Прирожденная доля, которая дается матерью и актом рождения через посредство родовых рожаниц с их культом.

б) Рожаницы — фильгьи и им подобные существа не просто автоматически наделяют человека той или иной долей в силу причастности к акту рождения, но свободно нарекают судьбу, предрекают ее в зависимости от своего отношения к новорожденному, своего характера, даже каприза или прихоти: «... они дают ему долю, часть, участь в жизни, отмеривают талант (*ταλαντου*), и этот акт понимается как приговор, который они изрекают (*рок*, *нарок*), как их *суд* и ряд, *судьба*».²

в) Судьба является случайным приобретением, результатом встречи, насыла, определяется в гадании и т. п. Поэтому ее можно избежать, освободиться от нее, задобрить, спрятать ее в яме, сундуке и т. п., как в русских сказках. Судьба здесь наилучшим образом олицетворяется в сербской встрече (*Срећа*), итальянском случае (*ventura*) и т. п.

г) За идеей свободной воли, способной поменять судьбу, может скрываться идея сужденности, таинственно стоящая над Сречей и Несречей, над случаем и свободной волей. Так появляется образ сербского Усуда, понимание зависимости судьбы от времени рождения (родиться в добрый или не в добрый час), возникает представление о высшем существе, образе Злой Судьбины русских причитаний и т. п.

д) Свою несчастную долю, недолю можно поменять на другую, если приобщиться к человеку, который наделен счастьем, например путем женитьбы на одаренной судьбой невесте (сказки о Даниле Бессчастном, Горянине, Даниле-дворянине, бездольном купеческом сыне и др.).

е) Наконец, на народные представления наслаиваются литературно-христианские, дающие разнообразные сочетания и вариации идей и их образных олицетворений.

Выяснение исторического развития народных представлений — задача, по Веселовскому, чрезвычайно трудная, если идти от исторического материала, а не от произвольных, пусть даже и красивых, комбинаций, «ибо мы имеем дело с народно-бытовым материалом, наслоившимся во времени, в котором логика развития подчинялась случайности посторон-

¹ Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. X—XVII. СПб., 1889. С. 174 (Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук; Т. 46, № 6).

² Там же. С. 186.

них влияний, заходя, христианская легенда дает формы для выражения древнейшего бытового содержания и каждый образ при анализе разлагается на части, принадлежащие разным периодам мысли и верований».³

Обследование зыбкой, исторически изменчивой, но плодородной почвы народных представлений позволяет Веселовскому по-новому взглянуть на сюжеты, произрастающие из нее. Его интересует при этом не их индивидуальность, а их почвенная народная первооснова, а также та общественная историческая динамика, которая порождает сдвиги сознания и художественного осмысления действительности. Так, касаясь былинных сюжетов о Василии Буслаеве, он находит в них действие двух противоположно направленных сил: христиански осмысленной силы судьбы и индивидуальной воли пробудившейся к самосознанию личности русского человека эпохи средневековья. С одной стороны: «Благословение — или проклятие — матери, вызванное поступками сына, является христианской перелицовкой древнего мотива о матери как подательнице жизненной доли (. . .) ее благословение приносит счастье, проклятие тяготее, как рок».⁴ С другой стороны, о Василии Буслаеве: «Он не верит более ни в долю, ни в встречу, а в свою волю и силу; выход из фаталистического мирозерцания к самосознанию личности прекрасно выражен в варианте Кириши Данилова (№ XVIII): молодец не верит „ни в сон, ни в чох“, а лишь „в свой червленый вяз“».⁵ И хотя в общем выводе Веселовский склоняется к традиционному, особенно для дореволюционной фольклористики, признанию греховности Василия («личная воля не освобождает молодца, наоборот, ведет его к греху, ибо не знает себе границ в христианских заповедях смирения, послушания»),⁶ тем не менее замеченное противостояние поднявшейся к самосознанию личности и ветхой христианской морали делает итоговые замечания неубедительными. Общий вывод не снимает заложенного в подмеченном противоречии напряжения, не отвечает на главный вопрос: чем вызвано буйство Василия, восстание против Новгорода, убийство крестного отца, купание в Иордане нагим, как Христос, и т. п. Но сам этот вопрос почти наведен и едва лишь только не сформулирован.

Не менее своеобразно и не менее напряженно в силу внутренней недоговоренности звучат наблюдения над народной мировоззренческой основой некоторых образов «Слова о полку Игореве». Культ рожаниц имеет, по Веселовскому, прямое отношение к культу предков-дедов. «Как в приведенных примерах доля связывается с отцом-матерью и актом рождения, так и в других выступает идея обусловленности *родом*, дедами, предками. Бытовая форма рода древнее личной семьи; понятие о доле выработалось впервые в отношениях рода, в связи с культом предков, незримых блюстителей домашнего очага и подрастающего поколения».⁷ Подобные соображения проливают для нас свет на то, почему в «Слове о полку Игореве» столь постоянно и настойчиво звучит дедовская тема, почему в параллель Игорю и Всеволоду вспоминаются примеры из дедовских времен Олега Святославича и Всеслава Полоцкого, почему само «Слово» начинается с воспоминаний о дедовском наследии Бояна. Судьба Олега Святославича — крамольника и губителя Русской земли — становится судьбой его внуков Игоря и Всеволода, погнавших за личной славой, как Всеслав Полоцкий.

«Когда к представлению прирожденной доли, — писал Веселовский, — приплеталась идея случайности, доли, навешанной со стороны, но и отводимой, само понятие судьбы должно было расширяться по разным направлениям. Долю можно было изменить, добиться другой. . . Если Нужда „Слова о полку Игореве“ — Нужа, Недоля наших сказок, то и там то же противо-

³ Там же. С. 185.

⁴ Там же. С. 251—252.

⁵ Там же. С. 250.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 177.

положение, поддержанное рядом других: „тьма свѣтъ покрыла“, хула вознеслась над хвалой — и „уже трѣсну Нужа на Волю“: злая доля переяла волю; „а мы уже, дружина, жядьни веселия!“ — Воля выводит к освобождению от гнета фаталистического предания. . .».⁸ Свободная воля вступает в спор с судьбой. Но в связи с общей концепцией ученого ей еще не придается решающего значения в народных представлениях. Это сказалось и на понимании «Слова», в котором, на взгляд Веселовского, дает себя знать идея фатализма. «Говоря о более свободном понимании, я не столько оттеняю момент воли, свободного решения, сколько менее яркую и последовательную разработку идеи сужденности»,⁹ — пишет ученый. «В этом представлении, — продолжает он, — идея прирожденной судьбы сплотилась с идеей личной вменяемости; в „Слове о Полку Игореве“, где Обида является со значением Недоли, как иногда в севернорусских причитаниях, понятие ее заслуженности расширилось: не один молодец навлекает на себя несчастье, а вся русская земля платится за грех своих князей < . . . ». Неволя встала в русской земле, плещет крыльями у синего моря, на Дону, возбуждая память о счастливых временах (или прогоняя счастливые времена: упуди), когда, прибавим мы, среди князей было согласие и они победоносно отражали врагов, тогда как теперь князья ссорятся, их гибель в усобицах; оттого и встала Недоля: они заслужили ее, она им не прирождена: „не было оно *Обиде порождено*“ (русское храброе гнездо). . .».¹⁰ Возникает противоречие в толковании «Слова». Что же преобладает: идея сужденности или свободная воля? Это вопрос, обращенный не только к «Слову», но и ко всей концепции Веселовского. Отсюда — напряженный поиск, который в «Разысканиях» направлен, в частности, в сторону исторического осмысления образов.

Обида в «Слове о полку Игореве» вступила на русскую землю девою, всплеснула лебедиными крыльями на синем мзре у Дона. Она напоминает Лебедь белую русской сказки. Веселовский «склонен дать этому образу реальное, не одно лишь риторическое значение».¹¹ Ранее в специально посвященной «Слову» работе и в предшествующей ей рецензии на «Причитания Северного края» Е. В. Барсова в «Russische Revue» за 1873 г. Веселовский видит «в Диве и в деве Обиде неполные попытки мифического о веществления идей: злой судьбины, прирожденного горя-злосчастья, кручины, являющихся то в образе чудища, то зловещею птицей вороном, то в виде Судинушки олонецкого причитания, которая, плеща ладонями на берегу озера, сулит смертную участь неосторожным пловцам. . .».¹² Как замечает он теперь в главе XV «Разысканий», которая называется «Валькирии — Velis, Ἡλύσιον πεδίον, Вила — Viola», водяные и водные духи европейских мифологий связаны происхождением с рожаницами, культом предков, прирожденной судьбой. Отсюда — дева Обида «Слова о полку Игореве». «Я полагаю, — пишет Веселовский, — что лебединый образ валькирий развился в связи с древнейшим зооморфическим представлением прирожденной судьбы и удержался кое-где в ее последующем развитии и образах — как переживание. Рядом с валькирией-лебедем, с ирландской badb catha богиней (военной) судьбы, являвшейся в образе ворона. . . мы поставим и деву „Обиду“ с ее лебедиными крылами. . .».¹³

⁸ Там же. С. 252.

⁹ Там же. С. 224.

¹⁰ Там же. С. 252.

¹¹ Там же. С. 257.

¹² Веселовский А. Н. Новый взгляд на «Слово о Полку Игореве» // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1877. № 8. С. 276.

¹³ Веселовский А. Н. Разыскания. . . С. 303—304.

Могу заметить, что мирозерцание, выставленное как характерно русское, вовсе не характерно для России; что было время, когда оно преобладало и на Западе; что если оно характеризует что-нибудь, то не расу, не народ, не данную цивилизацию, а известный культурный период, повторяющийся, при стечении одинаковых условий, у разных народов.

А. Н. Веселовский

А. Н. Веселовский менее всего был склонен удовлетворяться легкими решениями, особенно в таких обширных вопросах, материал которых заведомо не поддавался исчерпывающему овладению и ясной хронологизации. Так было и с темой судьбы, а также приложением полученных в этом направлении выводов к литературным мотивам и образам.

Постоянное обновление метода исследования, диктуемое новыми данными, — вот что неизменно заботило его как ученого. Истоки народных представлений о судьбе-доле продолжают интересовать Веселовского и после опубликования в 1889 г. названных глав «Разысканий». В 1891 г. выходят сразу две работы на интересующую ученого тему. Это глава XXIII тех же «Разысканий» под названием «К развитию народных представлений о доле»¹⁴ и заметка в «Этнографическом обозрении» «Несколько новых данных к народным представлениям о доле».¹⁵

В каком направлении развивается мысль Веселовского? Если выводы первой работы опирались на идею фатализма, то теперь, в свете новых материалов, такая идея постепенно начинает подтачиваться в главных исходных пунктах. В XIII главе «Разысканий» изменение личной доли могло происходить путем приобщения обездоленного к счастью и доле жены. В новых работах Веселовский находит более глубокие источники представлений о перемене судьбы: бездольный может изменить свою судьбу путем вступления в брак и смешения крови, т. е. принятия в свою кровь крови другого посредством сосания, слияния и т. п. Дело здесь в приобщении таким путем к доле другого рода. «Я спросил себя: как понять образ девушки, приносящей счастье обездоленному молодцу? Что это: просто ли девушка, одаренная долей, или в ней есть черты олицетворенной Среци сербского поверья? — Я полагаю, что в основе сказанного мотива лежит более древнее, материальное представление: приобщение к чужой, родовой доле путем брачного союза с другим лицом. Такой же материальный образ предполагается и смешением крови в абруцком обычае».¹⁶ В связь с этим ставятся сказочно-легендарные мотивы поедания «той или иной части известного животного (петуха, рыбы, змеи и т. п.)», благодаря чему человек приобретает «чудесные дары и свойства и счастье».¹⁷ Сами образы фильгьи, среци могут быть зооморфными, предполагающими съедение их на счастье.

Историческое чутье и материалистический подход к явлениям духовной жизни, как видим, направляют поиски Веселовского в сторону животного тотемизма, что становится уже совершенно ясно и получает прямое терминологическое определение в незаконченной «Поэтике сюжетов».

¹⁴ Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. XVIII—XXIV. СПб., 1891. С. 167—183 (Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук; Т. 53, № 6).

¹⁵ Этнографическое обозрение. 1891. № 2. С. 20—28.

¹⁶ Веселовский А. Н. Разыскания... 1891. С. 178—179.

¹⁷ Там же. С. 181.

над которой Веселовский работал с конца 1890-х гг. и до самой смерти (1906 г.). Здесь уже прямо к тотемизму возводится и поедание животного при партеногенезе в мифологии, сказках, эпосе, легендах и т. д.¹⁸ С тотемизмом же связываются и различные виды приобщения к иному роду через смешение крови, ее вкушение, брак и т. п.¹⁹

Не приходится сомневаться в том, что поиски Веселовского в этом направлении не остановились бы на полпути, а привели бы к существенной корректировке односторонне фаталистического понимания народных представлений о судьбе-доле как в фольклоре, так и в литературных отражениях.

Наука от ненауки отличается, в частности, тем, что наука обладает преимуществом и независимой от субъективных устремлений исследователя логикой развития. Логика научного поиска Веселовского неизбежно предполагает следующее (одно из возможных) направление фольклорного анализа народных понятий о судьбе-доле. Поскольку нащупаны ее тотемические истоки, можно обнаружить такую первоначальную стадию ее развития, которая включает идею фатализма, роковой предопределенности, но допускает при этом свободное волевое воздействие на судьбу в том же духе, в каком тотемист мог воздействовать на свой тотем. Действительно, если мы присмотримся к русским бытовым сказочным типам 735 (Две доли) и 735А (Горе, Нужда) по указателю восточнославянской сказки,²⁰ мы найдем в них благодетельные или вредоносные существа, связанные с тотемическими образами волшебной сказки.²¹ Это Доля (Участь, Счастье) и Горе (Нужда). Напоминая внешне человека, они имеют вместе с тем тотемическую природу, а иногда и зооморфный облик. Точно так же, как сибирских онгонов,²² их кормят; Долю бьют и заставляют трудиться на человека, который от нее зависит; Горе загоняют в ловушку и хоронят, топят, выбрасывают и т. п. Горе забирается в дом и истощает богатство человека изнутри. И Горе, и Доля могут выступать дарителями. Отношение человека к ним свободное, очень напоминающее отношение к сибирскому онгону, которого по усмотрению можно кормить или наказывать, от которого можно избавляться, переселив в него свою болезнь. При этом, если сказочные Горе и Доля живут и действуют на свободе, то в онгоне фигурка животного является вместилищем уловленного тотемного духа, находящегося тем самым во власти человека.

А. Н. Веселовский был прав, рассматривая Горе и Долю как образы, возникшие на путях эволюции культа предков. Это тоже связано с тотемизмом. Недаром Горе может хорониться за печью, в которой видится средоточие семейных родовых культов, т. е. там же, где хранились, по замечанию Д. К. Зеленина, онгоны. Зеленин сопоставляет это с обычаем «этрусков, греков, римлян, германцев и других окружать домашний очаг изображениями предков».²³ Особенно интересно, что герой сказки, для того чтобы изменить свое положение к лучшему, отыскивает свою отбившуюся от рук и вконец разленившуюся Долю, наказывает ее и заставляет трудиться. Доля, Участь могут спать в чистом поле, под березою, на кровати с периной, укрывшись собольим одеялом, а то и пировать в виде молодой женщины в трехэтажном доме с любовником. Человек и его Доля могут быть неразлучными, могут быть на одно лицо. Горе и Доля делают

¹⁸ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 533—538.

¹⁹ Там же. С. 574—582.

²⁰ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

²¹ См. подробнее: Юдин Ю. И. Фантастические образы русской бытовой сказки // Советская этнография. 1985. № 1. С. 14—25.

²² См.: Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири: Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов // Труды Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР. М.; Л., 1936. Т. 14. (Этногр. сер.; Вып. 3).

²³ Там же. С. 41.

иногда то же, что и их подопечный: хозяин собирается умирать — и Горе за ним, человек берется за ум и активно старается побороть несчастья — и Доля начинает работать на него, мужик пьет — и Нужда тоже. В итальянских сказках неудачливая девушка отыскивает свою Долю в виде грязной, запущенной старушонки, отмывает, одевает, кормит ее — и дела героини сразу идут на лад.

Горе и Доля выступают носителями сил, от которых зависит счастье или несчастье человека. Но они лишены фатальной, роковой власти над ним. Он может их обмануть, переупрямить, наказать. Все зависит от его разума и его поступков вплоть до того, что сами Горе и Доля вынуждены следовать его образу действия. Здесь не фатализм, а вера в человеческую самодеятельность. Все зависит от намерений человека и его воли, способных победить неблагоприятный ход вещей. В научной логике исследований Веселовского уже заложены и как бы предугаданы возможности широкого развития изысканий в этом направлении.

Народные представления дают себя знать не только в фольклоре, но и в литературе. Для Веселовского эта мысль аксиоматична. Недаром в его работах постоянно мелькают имена Жуковского и Пушкина, Толстого и Короленко, Верлена и Аннунцио, а также многих других позднейших писателей и поэтов, не говоря уже о древних авторах. Следуя за Веселовским, мы были бы вправе обращением к литературе проверить перспективу, открывающуюся в его исследованиях народных представлений о судьбе-доле.

Так, «Слово о полку Игореве» представляет для своих героев широкий выход из фатальной неизбежности именно на пути народных представлений о зависимости доли и судьбы от воли и разума человека. Дева Обида поднялась потому, что князья привели войско к гибели. В своем Слове — воспоминании о походе — автор как бы мысленно сопровождает русское войско на его пути к поражению, оглядывается назад и, пытаясь в воскрешенных воображением событиях удержать воинов на краю гибели, повернуть их вспять, восклицает дважды накануне сражения: «О Руская земле! Уже за шеломянемь еси!».²⁴ Киевский Святослав победою над половцами усыпил зло, а Игорь и Всеволод своим поражением вновь пробудили его, и в этом их личная вина («уже лжу убудиста, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ»). Дед Игоря и Всеволода, Олег Святославич, «мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше», губя русских сынов и русскую землю. Каков дед — таковы и внуки («Яблоко от яблони недалеко падает»). Игорь и Всеволод могли бы своими поступками повернуть судьбу вспять, но они продолжили и усилили начатое дедом («То было въ ты рати, и въ ты плѣкы, а сицеи рати не слышано!»). Гонясь за личной славой и властью, нельзя обмануть, переиграть судьбу не только Игорю и Всеволоду, но и вещему, энергичному, наделенному колдовскими способностями Всеславу Полоцкому («Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!»).

Воззрения на судьбу-долю, подвластную человеческой воле, направляемой на личное спасение или заботу об общем благе, проходят через века, оставаясь живым представлением художественной мысли. Укажем лишь на две хронологически крайние точки. В современной литературе герой приходит к выводу, что не человек зависит от бога, но сам бог становится тем, во что превращают его человеческие дела на земле. Церковная христианская ортодоксия отвергается под влиянием древнего народного представления. В романе Ч. Айтматова «Плаха» семинарист Авдий Каллистратов убежден, что бог изменяется вместе с человеком, он не несет

²⁴ Цитируется по изданию: Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969.

в себе фатальных сил принуждения, и все, что происходит на земле, зависит от человека, в том числе и бог, творимый человеком. В беседе с отцом Координатором Авдий говорит: «„Мне кажется, мысль о Божественнике никогда не покидает меня“».

— Осмелюсь заметить, однако, что Бог в нашем понятии бесконечен, но поскольку мысль на земле развивается от познания к познанию, напрашивается вывод: Бог тоже должен иметь свойство развития.

— Простите меня, владыка, не стоит приписывать небесным силам, что происходит от нас самих». ²⁵

В романе Г. Грина «Почетный консул» на другом краю земли Авдию откликается парагвайский революционер, бывший священник Леон Ривас: «. . . эволюция бога зависит от нашей эволюции. Каждое наше злое дело укрепляет его темную сторону, а каждое доброе — помогает его светлой стороне. . . И все же это ужасный процесс, и тот бог, в которого я верю, страдает, как и мы, борясь с самим собой — со своим злом. . . Когда бог — зло, он требует, чтобы и люди творили зло; он может создавать таких чудовищ, как Гитлер; он губит детей и города. Но когда-нибудь с нашей помощью он сумеет навсегда сорвать свою злую личину».

Уж такая, вскользь намеченная перспектива, на которую выводит продолжение анализа Веселовским идеи судьбы-доли, указывает на богатые поисковые возможности его метода. Вообще же можно сказать, что замечательная особенность сравнительно-исторического метода Веселовского, не теряющего познавательной ценности и в наши дни, состоит в том, что помогает поставить произведения в широкий контекст народной духовной истории, указывающей и границы единичного мира литературного и фольклорного произведения, и безграничность порождающей этот мир народной культуры.

3

Поэтические формулы — это нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряды определенных образов, в одном более, в другом менее; по мере нашего развития, опыта и способности умножать и сочетать вызванные образом ассоциации.

А. Н. Веселовский

Многочисленные замечания по поводу эволюционизма и позитивистского характера исследовательских принципов Веселовского звучали бы совершенно безобидно, если бы в них не просматривалась недопустимая в научном отношении логика, согласно которой такие замечания автоматически приравниваются к обвинениям и должны свидетельствовать о несостоятельности конкретного анализа, наблюдений и выводов Веселовского по различным историко- и теоретико-литературным и фольклорным поводам и темам. Согласно подобной логике следовало бы отвергнуть теорию происхождения видов и весь дарвинизм на том только основании, что Ч. Дарвин не знал открытий современной генетики.

По мысли В. М. Жирмунского, так много сделавшего для пропаганды научного наследия Веселовского и публикации неизданных и давно неиздававшихся его работ, «отказавшись от эстетики идеалистической, Веселовский не мог поставить на ее место своей концепции сущности искусства, его познавательного значения, его места в общественном развитии».

²⁵ Новый мир. 1986. № 1. С. 49—50.

Попытка построить поэтику на основе исторической индукции без философских и исторических предпосылок неминуемо была обречена на неудачу.²⁶

Против подобного общего взгляда на характер и направление научной деятельности А. Н. Веселовского можно высказать по крайней мере два возражения. Во-первых, для науки наших дней вопрос о специфике и сущности искусства по-прежнему остается открытым и проблематичным, хотя и решается он с точки зрения диалектико-материалистических предпосылок.²⁷ Предпосылки эти сами по себе не дают ответа на вопросы, занимавшие также и Веселовского, без кропотливой работы и поиска специфического научного подхода применительно к эстетике, чем и был озабочен ученый. Это подтверждают дискуссии в советской эстетике 1920—1930-х гг. и новейшие попытки решить вопрос, начиная с известной книги А. И. Бурова «Эстетическая сущность искусства» (М., 1956), открывшей дискуссию 1950—1960-х гг., отголосками которой полны также современные эстетические споры. Во-вторых, Веселовский вовсе не был в своих разысканиях чистым эмпириком, лишенным общих философских, а тем более исторических установок. Его предпосылки отнюдь не сводились к индуктивным приемам «ученого, воспитанного в теоретических принципах позитивизма».²⁸ Вслед за передовой русской революционно-демократической традицией, вслед за Н. Г. Чернышевским он безусловно признавал общественно-историческую обусловленность и роль литературы, выступал на протяжении всей своей научной деятельности с позиций материализма. «История литературы, — писал Веселовский, — в широком смысле этого слова — это история общественной мысли, насколько она выразилась в движении философском, религиозном и поэтическом и закреплена словом».²⁹ Идея народности, понимаемая Веселовским очень широко, включала безусловное признание определяющей роли первобытного коллектива, а позднее и народных масс в историческом движении и создании культуры, когда личность и представляемая ею социальная группа самодетельна и плодотворна лишь постольку, поскольку выступает выразителем общественного интереса. Этим взглядам Веселовский оставался верен всегда, и тут он нисколько не отступал от Чернышевского.

Расхождение с Чернышевским было в другом, а именно в понимании художественной образности, т. е. по существу в вопросе о специфике художественного отображения действительности. Чернышевский исходил здесь из критики Гегеля, который не только не отрицал воспроизведения в искусстве окружающего человека мира, но, напротив, прямо утверждал, что «для искусства существенно то, что в его основе лежат формы природы, потому что оно творит в форме внешних и тем самым естественных явлений. . .».³⁰ Но сама природа и человек, по Гегелю, лишь один из способов существования идеи: «Ближайшим существованием идеи является природа»;³¹ «. . . идея в ее природном существовании есть жизнь»,³² которую и воспроизводит искусство. При этом творец ищет и создает такой художественный образ, который отражал бы в природных и человеческих предметных формах то чувственное явление, что наиболее полно и адекватно выражает реально воплощенную в нем идею. Так возникает идеал,

²⁶ Жирмунский В. М. Историческая поэтика А. Н. Веселовского // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 20.

²⁷ См. об этом в связи с научным наследием А. Н. Веселовского в кн.: Горский П. К. Александр Веселовский и современность. М., 1975. С. 24—38.

²⁸ Там же. С. 36.

²⁹ Веселовский А. Н. О методах и задачах истории литературы как науки // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 52.

³⁰ Гегель Г. Ф. В. Эстетика: В 4-х т. М., 1968. Т. 1. С. 51.

³¹ Там же. С. 127.

³² Там же.

ибо «идея как действительность, получившая соответствующую своему понятию форму, есть *идеал*». ³³

Идеал как цель искусства на поверку может обернуться уклонением от воспроизведения реальной жизни. Веселовский, как и Чернышевский, отвергает одностороннюю ориентацию гегелевской эстетики на идеал и прекрасное как отказ от приоритета реальной жизни и от понимания действительного, исторически более обширного содержания искусства. Веселовский теоретически не приемлет «те гнилые теории прекрасного и высокого, какими нас занимали до сих пор». ³⁴

С другой стороны, как материалист Чернышевский справедливо отбрасывает как ложную мысль об идее, заключенной в природе и всей окружающей предметности, но оставляет за искусством функцию воспроизведения реальности в чувственных формах самой жизни. Но в таком случае, по Чернышевскому, художественные образы лишаются идеального содержания, а искусство начинает соперничать с реальностью в попытке воспроизвести ее жизненные формы и в этом соревновании, естественно, проигрывает: «. . . воспроизведение или „повторение“ предметов и явлений природы искусством — дело вовсе не излишнее, напротив — необходимое. Переходя к замечанию, что это повторение — тщетное усилие, далеко не достигающее своей цели, надобно сказать, что подобное возражение имеет силу только в том случае, когда предполагается, будто бы искусство хочет соперничать с действительностью, а не просто быть ее суррогатом. Но мы именно то и утверждаем, что искусство не может выдержать сравнения с живой действительностью и вовсе не имеет той жизненности, как реальная действительность; это мы признаем несомненным». ³⁵ Что касается поэзии, то Чернышевский считает, что «по силе и ясности субъективного впечатления поэзия далеко ниже не только действительности, но и всех других искусств», ³⁶ хотя уже об изобразительных искусствах он замечает: «„топорная работа“ — вот настоящее имя всех пластических искусств, как скоро сравним их с природою». ³⁷ Воспроизведение выглядит здесь соревновательным удвоением, копированием. Само по себе удвоение не выражает, не несет в себе идеи, которой нет ни в предметах, ни в их художественных копиях. Поэтому помимо такого копирования художник должен со стороны прибавить к образам объяснение: «. . . кроме воспроизведения искусство имеет еще другое значение — объяснение жизни», ³⁸ а также «и значение приговора о явлениях жизни». ³⁹

Отвергнув вслед за Чернышевским идеалистическую эстетику, Веселовский ни в целом, ни в частности не принял теорию воспроизведения в понимании Чернышевского. Метафизический характер этой теории не нашел у него отклика. Это видно уже из тех прямых высказываний Веселовского, которые носят следы намеренной или непроизвольной полемики с Чернышевским. «Оказывается, что интерес, возбуждаемый природой и искусством, — вещи существенно различные; что в искусстве нам может нравиться такое, что в природе не нравится вовсе («безобразное в искусстве») или же привлекает внимание какой-нибудь другой, например утилитарной или научной, стороной; и наоборот, может быть названо красивым, что в искусстве вызывает лишь второстепенный интерес. . . Все это может повести к заключению, что в искусстве нравится самое искус-

³³ Там же. С. 79.

³⁴ Веселовский А. Н. Из отчетов о заграничной командировке // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 396.

³⁵ Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения. М., 1978. С. 155.

³⁶ Там же. С. 136.

³⁷ Там же. С. 129.

³⁸ Там же. С. 163.

³⁹ Там же. С. 172.

ство, в поэзии прекрасное лежит в творчестве, не в смысле побеждаемой трудности. . . а в смысле потенцирования, усиления рефлексии впечатления, которое, полученное от предметов природы и объектов жизни, оставляет нас равнодушными»,⁴⁰ — пишет Веселовский в первой главе незавершенного общего труда по исторической поэтике, где он, кстати, упоминает и диссертацию Н. Г. Чернышевского. Искусство, по Веселовскому, — это «создание новых идеальных или реальных конкретностей, не служащих практической цели, средствами или в образах природы».⁴¹

Каким же путем шел сам Веселовский в поисках специфического предмета искусства в области фольклорного и литературного творчества? Для Веселовского несомненно, что художественная мысль заключена в самих образах искусства, и поэтому они несопоставимы с действительностью, как копия и оригинал. В самой природе и человеческой жизни не заключена идея, вмещаемая в предметность и движения сами по себе. Но в отражающих природу и человеческую жизнь образах искусства такая идея, художественная идея, заключена. Этим образы искусства и отличаются от копий предметов и действий. Для Веселовского образы искусства — область познания и заражения человеческих чувств, суггестивности, не в качестве иллюстративного приложения, а в самом прямом и непосредственном смысле.

«История мысли, — говорит Веселовский, — более широкое понятие, литература — ее частичное проявление; ее обособление предполагает ясное понимание того, что такое поэзия, что такое эволюция поэтического сознания и его форм, иначе мы не стали бы говорить об истории. Но такое определение требует и анализа, который ответил бы поставленным целям».⁴² Как известно, Веселовский большее внимание уделял эволюции поэтического сознания и его форм, но в его исторических и теоретических изысканиях определенно выявляется столь же исторический подход и к проблеме того, «что такое поэзия».

Этот вопрос упирается в проблему художественного образа. Как решительно преодолевается Веселовским понимание образа как лишенной идеального начала копии, видно, например, из его статьи в монографии «Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля». Нередко предпочитают в этой работе выделить стилистическую тему. Более прав М. К. Азадовский, который увидел в ней разработку теории художественного образа. «Параллельно анализу исторического развития жанров, — писал Азадовский, — Веселовский разрабатывает в тесной связи с ним и вопросы развития поэтической образности. Корни последней он ищет также в первобытном сознании; в основе их лежат явления психологического параллелизма, которые и обусловили развитие всех основных форм поэтической речи: сравнение, эпитет, метафора и т. д.».⁴³

У Веселовского психологический параллелизм не выступает ни односторонне человеческим, ни односторонне природным образом. И его внешняя форма и художественный смысл возникают на пересечении, сопоставлении, взаимопроникновении природного и человеческого. Человеческие свойства переносятся на природу, в результате чего, объективная и безразличная человеку, она очеловечивается, становится для него субъективно желанной, близкой, родственно откликающейся на его поступки, стремления, помыслы или холодно отстраненной и враждебной. В зеркале природы человек видит себя и освоенный его чувством, мыслью и волей мир. Человек универсально объективирует свой мир в природном окружении.

⁴⁰ Неизданная глава из «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского. Публикация В. М. Жирмунского // Русская литература. 1959. № 2. С. 186.

⁴¹ Там же. № 3. С. 120.

⁴² *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 53.

⁴³ *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 203.

Источник такого поэтического развертывания человеческого в природе и через природу лежит, по Веселовскому, в «далеком отражении — переживании представления о тождественности человеческой и окружающей ее на земле жизни», в «поэтическом анимизме — психологическом параллелизме». ⁴⁴ «Человек усваивает образы внешнего мира в формах своего самосознания; тем более человек первобытный, не выработавший еще привычки отвлеченного, необразного мышления. . .», ⁴⁵ — пишет Веселовский. Но оказывается, что те же закономерности действуют и в современной лирике. Только «тождество первобытной поры выросло на почве веры, а тождество новейшей лирики основано на поэтической галлюцинации», но и там и здесь мы находим «язык мифа». ⁴⁶ Человек и в фольклорной, и в индивидуальной поэзии раскрывает свой внутренний мир в природных образах, он открыт вовне, соотнесен с миром и людьми, так же, как и он, погруженными в жизнь природы. Природа же со своей стороны становится продолжением и частью самого человека. «В таком искании созвучий, исканий человека в природе есть нечто страстное, патетическое, что характеризует поэта, характеризовало при разных формах выражения и целые полосы общественного и поэтического развития». ⁴⁷ В то время как поиски науки, тоже обращенной со своими вопросами к природе, ведут к новым знаниям, поиски взволнованного поэтического ума и чувства ведут к попытке «сродниться с природой, проектировать себя в ее тайнике, переселить ее в свое сознание; и часто тот же результат: не знание, а поэзия». ⁴⁸ Такая поэтическая образность есть язык искусства в отличие от понятийно-логического языка науки. Разновидностью этой образности являются метафора и символ, развившиеся, по наблюдениям Веселовского, из одночленного параллелизма. ⁴⁹ Символ «растяжим для новой суггестивности» (т. е. многозначен, в том числе и исторически), ибо он «покоится на почве тех созвучий природы и человека, на которых построен народнопоэтический параллелизм». ⁵⁰ Символ и метафора выражают то, что не выражается на языке логики и относится к области практически-духовного, по терминологии К. Маркса, ⁵¹ и художественного освоения мира.

Конечно, подобное понимание образности ограничено рамками литературы и генетически связанных жанров. Но и в таком виде здесь улавливаются некоторые всеобщие черты художественного образа. Важно, что образ выступает не просто слепком данного предмета, а взаимным отражением сразу двух или нескольких предметных явлений, соединенных, сопоставленных, слитых и взаимопроникающих. На этом взаимодействии рождается новое идеальное содержание образа, отличающее его от слабой в своей соревновательности с природой и жизнью копии. В обобщенном виде сам Веселовский говорит об этом так: «. . . в области поэзии меня интересует ассоциация образов с образами, причины их притяжения и законности»; ⁵² «. . . простейшая ассоциация образов между собою — источник символа и метафоры. . .». ⁵³

⁴⁴ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 515.

⁴⁵ Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 125.

⁴⁶ Веселовский А. Н. Из лекций по истории лирики и драмы // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 414.

⁴⁷ Веселовский А. Н. Психологический параллелизм. . . С. 199.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 179, 182—183 и др.

⁵⁰ Там же. С. 179.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 728.

⁵² Неизданная глава из «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского // Русская литература. 1959. № 3. С. 102. Под словом «законность» имеется в виду «закономерность».

⁵³ Там же. С. 103.

Мы могли бы сейчас сказать, что человеческий универсализм в отношении к миру и природе связан прежде всего с процессами труда, так как именно здесь происходит исходное универсальное соединение и разделение человека с природой и природных явлений между собой. Недаром К. Маркс сочувственно цитирует в «Капитале» П. Верри, очень пронизательно заметившего, что «соединение и разделение — вот единственные элементы, которые обнаруживает человеческий разум, анализируя идею производства». ⁵⁴ Сам Веселовский останавливается на интересной в этой связи мысли Ф. Бэкона о том, что поэзия «существенно относится к воображению, которое, не будучи связано законами материи, может по благоусмотрению соединять раздельное в природе и разделять, что в природе связано, производя, таким образом, незаконные браки и разводы вещей». ⁵⁵ Поэтическое воображение отражает здесь реальность отношения к миру человека, включенного в трудовую практику. Но все это можно добавить к выводам замечательной работы Веселовского, которые уже сделаны и сделаны в научном отношении столь глубоко и исторически последовательно, что пролагают просторный путь к дальнейшим изысканиям.

Если работа о психологическом параллелизме и некоторые другие касаются вопросов фольклорной и литературной образности, то не менее основательно и оригинально рассматриваются Веселовским и вопросы поэтического языка и стиля. Так, например, по Веселовскому, «история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании». ⁵⁶ Но эта же история захватывает также и вопросы поэтического сознания, и представления о красоте, ведущие от «идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного». ⁵⁷ В работе «Эпические повторения как хронологический момент» Веселовский показывает, каким глубоким художественным, образным, психологическим смыслом постепенно наполняются стилистические формы, берущие начало в древнем амебейном исполнении и доживающие до претворения в особенности индивидуального литературного стиля. И наконец, от вопросов поэтического языка и образности Веселовский поднимается на более высокую ступень художественной постройки — в область поэтических мотивов и сюжетики. Он так определяет «материалы» «творчества искусства» в области поэзии: «. . . язык, образы, мотивы, типы, сюжеты — и вопрос эволюции». ⁵⁸ Тут важны и состав, и последовательность. «Сюжеты — это сложные схемы, в образности которых обобщались известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности». ⁵⁹ «И мотивы и сюжеты входят в оборот истории: это формы для выражения нарастающего идеального содержания». ⁶⁰

В грандиозной по замыслу, но незаконченной «Поэтике сюжетов» Веселовский должен был развернуть важную для него тему о том, «что между сюжетом и течением идей есть внутренняя связь, что и в литературе играют роль спрос и предложение». ⁶¹ В. Е. Гусев совершенно прав, говоря о том, что работа переросла первоначальный субъективный замысел: «Задача этой работы, сформулированная во введении, говорит о субъективном замысле исследователя „определить роль и границы предания в процессе личного творчества“. Однако объективное содержание и выводы

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 52.

⁵⁵ Неизданная глава из «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского // Русская литература. 1959. № 3. С. 97.

⁵⁶ Веселовский А. Н. Из истории эпитета // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 73.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов / Примеч. В. М. Жирмунского // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 499.

⁵⁹ Там же. С. 495.

⁶⁰ Там же. С. 500.

⁶¹ Там же. С. 454.

„Поэтики сюжетов“ выходят далеко за пределы намерений, сформулированных самим автором. В свете изложенного нами становится понятной закономерность этой работы, главным пафосом которой является установление бытовых основ сюжетности». ⁶² Смерть не дала исполнить желаемое. Незаконченная работа предстает главным образом большим подготовительным сводом материалов о доисторических и исторических социальных явлениях, отраженных в международной сюжетике. В каком направлении могла пойти дальнейшая разработка, возможно, указывает повышенный интерес Веселовского к переломным моментам развития древней истории, когда сюжет мог быть не столько отражением обрядовой и бытовой устойчивости, сколько сгустком наступивших противоречий старого и нового.

Движение фольклорных и литературных идей, выражающихся в поэтических формах, обнимается у Веселовского историей поэтических родов, в которой отразились происходящие в общественном развитии перемены, изменения в отношениях личного и коллективного начала, общественном и личном миропонимании и мировосприятии. «Три главы из исторической поэтики» как бы укрупняют решение более частных вопросов общей картиной развития поэзии под влиянием истории общества.

Во всем этом вырисовывается отчетливая и глубоко научная программа изучения закономерностей мирового литературного процесса. Дело не в том, насколько безошибочны выводы Веселовского. Они в целом не могут не содержать просчетов и упущений. Задача, поставленная перед собою ученым, в полном объеме непосильна для одного человека, каким бы талантом и волей он ни обладал. Важно другое. А. Н. Веселовский в сущности на материале фольклора и литературы выступил создателем исторической эстетики, что не оставляет никаких оснований подозревать его в позитивистском эмпиризме. Более того, не основываются ли такие подозрения на нашем неумении или нежелании воспринять последние Веселовского в его наиболее ценной и существенной части? Ведь если мы бросим пусть даже беглый взгляд на характер современного вузовского филологического образования, то заметим поразительную приверженность программ к внеисторическим категориям литературной теории и к традиционной схеме изучения литературы по типу «жизнь и творчество». Именно этот разрыв теории и литературной практики, построение истории литературы по внешнехронологическому и независимому от идейно-поэтической типологии принципу вызвал обоснованный протест Веселовского уже в современной ему науке о литературе. Усложнившиеся в наше время задачи литературоведения и фольклористики требуют более внимательного и вдумчивого повторного обращения к трудам великого русского ученого. И начать это обращение лучше всего было бы с незамедлительного переиздания его сочинений.

---

⁶² Гусев В. Е. Проблемы теории и истории фольклора в трудах А. Н. Веселовского конца XIX—начала XX в. // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 228—229.

II. МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

В. А. АЛЬБИНСКИЙ, К. Э. ШУМОВ

СВЯТОЧНЫЕ ИГРЫ КАМСКО-ВИШЕРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Камско-Вишерское междуречье — один из районов Северного Прикамья, где основная часть русского старожильческого населения сложилась в конце XVI в. после вхождения данной территории в 1472 г. в состав Русского государства. Собрание традиционного крестьянского фольклора в этом регионе ведется со второй половины XIX в. Достаточно широко представлены в публикациях свадебный обряд, обрядовые и необрядовые песни, частушки. Полевые изыскания сотрудников и студентов Пермского университета, проведенные в 1985—1987 гг., дают основание говорить о существовавшей здесь некогда развитой традиции народного театра. За два года авторами данной публикации и членами фольклорного кружка сделаны подробные записи обрядового театра (святки, масленица, троица, свадьба), отражающие как современное состояние традиции, так и состояние ее в 1910—1930-е гг.

Наиболее полно представлены святочные игры. Всего записано 38 игр (действ) и более 200 их вариантов, характеризующих разные этапы развития народного театра. Рассказов самих участников игр зафиксировано сравнительно немного, что, впрочем, закономерно. Ведь активных лицедеев всегда было значительно меньше, чем простых зрителей, привлекаемых в качестве пассивных участников игр. Все игрищные ряжения осуществляли не более 5—6 человек. Под их контролем игры чередовались в строгой последовательности как по дням, так и в рамках одного вечера-игрища. Смысл этой последовательности заключался в том, чтобы показать зрителям сначала действо, где они будут лишь пассивными наблюдателями (типа «Аника-воин», «Шайка разбойников» и т. д.), а затем вовлечь их в «дурные», «худые», по определению самих исполнителей, игры, где лицедей насмеяются над зрителями, оказавшимися в их власти (игры типа «Рыболовы», «Котовальи» и т. д.). Наши материалы показывают, что уже в начале XX в. некогда обязательное для всех активное участие в святочных игрищах (напомним, что в основе святочного театра лежат представления об аграрно-производящей магии) вытесняется предпочтением большинства членов общества оставаться лишь зрителями. Это привело к появлению в играх особых функционеров — «придверников», обязанных в одних случаях препятствовать бегству с игрища пассивных участников, а в других — к выключению «худых» игр из святочного театрального репертуара, что стало характерным для кустовых традиций юга Камско-Вишерского междуречья. Более устойчивые к такой трансформации локальные традиции центра и севера региона сохранили особую функцию «хозяина» — распорядителя игрищного вечера.

Анализ показывает, что в Камско-Вишерском регионе существовали ярко выраженные кустовые традиции. Так, на севере — в д. Ратегово, Кузнецово, в с. Губдоре, Редикоре и других — тему поединка жизни и смерти представляют кроме общераспространенного «Покойника» «Аника-воин» и «Некрута», в то время как на юге эту функцию выполняет «Шайка разбойников». Особую традицию имеют с. Усть-Уролка и д. Вилесова, населенные преимущественно старообрядцами, и деревни вокруг с. Пянтег (Макарово, Найденово, Яранино и др.). Малонаселенность указанных деревень обусловила проведение игрищ исключительно в «банях по-черному», размеры и особенности интерьера которых создали особое сценическое пространство, резко отличающееся от внутрипозбяного и значительно корректирующее игру-действо в ее основных параметрах (ср. варианты игры «Сиротинка»: № 78 — «избяной» и № 81 — «банный»; игры «Котовальи»: № 30 — «банной» и № 32—34 — «пзбяной»). Общим для обоих пространств является движение — сценическое и хореографическое — посолонь, а также тенденция к наполнению архаичных сюжетов более поздним содержанием, использованию новых реалий.

Народная театральная культура в регионе активно воздействовала на развитие художественного и бытового сознания населения. Поэтому до сегодняшнего дня ее проявления фиксируются во многих сферах жизни. В быту это ряжение на традиционной основе с утилитарными целями (в «медведя», чтобы отпугнуть ребят от ягодного места; обряживание огородного пугала в традиционные святочные персонажи и т. п.). В народной несказочной прозе региона значительно распространены сюжеты о ряжении нарвей в «покойников» или «подовинников», чтобы испугать девок, изменить в свою пользу «результаты» их святочного гаданья. Фиксируются случаи традиционного ря-

жения с чисто развлекательными целями на работе, дома, на клубной сцене, в домах отдыха. Часть из них стала сюжетами развернутых устных рассказов.

Несмотря на ограниченные размеры публикации, мы сочли необходимым представить часть игр разными вариантами, наиболее полно отражающими характерные особенности их бытования во всех составляющих. В целях получения наиболее достоверной информации там, где это было возможно, проводились неоднократные записи рассказов об игре от одного и того же информанта, с интервалом от одного месяца до полугода лет. Там, где речь исполнителей сбивчива и синтаксически неправильно оформлена и делает для читателя содержащую в себе информацию расплывчатой и фрагментарной, нами в прямых скобках введены уточняющие семантику данного слова или фразы пояснения, полученные в результате дополнительных опросов. Записи приводятся в упрощенной транскрипции, но с сохранением всех лексических, морфологических и некоторых фонетических особенностей речи информантов. Курсивом в текстах выделены используемые самими рассказчиками названия игр. Цифры в круглых скобках в конце текстов отсылают к «Указателю исполнителей».

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

1. Брагина Евдокия Павловна, 1907 г. рожд., с. Толстик. № 16, 21, 42, 82, 83, 99, 101, 103.
2. Вакорина Таисья Степановна, 1912 г. рожд., с. Губдор. № 5, 15.
3. Выгузова Серафима Яковлевна, 1908 г. рожд., с. Верх-Керчево. № 41, 91, 96.
4. Галинова Александра Ивановна, 1916 г. рожд., с. Большой Тагъяшер (родилась в д. Матвеево). № 13, 105.
5. Жунева Александра Степановна, 1906 г. рожд., с. Губдор. № 3, 6, 19, 36.
6. Зарубин Зотей Федорович, 1906 г. рожд., с. Усть-Уролка. № 14.
7. Зарубин Прокопий Данилович, 1904 г. рожд., с. Усть-Уролка. № 39, 63, 73, 81, 90.
8. Зельтенкевич Мария Ивановна, 1910 г. рожд., пос. Барановский участок (родилась в д. Бараново). № 22, 35, 79.
9. Колотилова Александра Николаевна, 1906 г. рожд., с. Редикор. № 64, 87.
10. Коновалов Иван Васильевич, 1902 г. рожд., с. Губдор (родился в с. Редикор). № 1, 32, 33, 34, 49, 67, 74, 86.
11. Константинов Иван Матвеевич, 1908 г. рожд., с. Редикор. № 11, 31, 40.
12. Куваева Мария Федоровна, 1910 г. рожд., с. Нижний Шакшер. № 9, 17, 27, 28, 53, 57, 77, 104, 108, 110, 112, 113.
13. Маркова Фекла Ивановна, 1900 г. рожд., с. Лимеж (родилась в д. Исады). № 44.
14. Матвеева Марфа Яковлевна, 1922 г. рожд., с. Верхний Шакшер (родилась в д. Митрофаново). № 10, 75.
15. Митрофанова Мария Артемьевна, 1907 г. рожд., д. Митрофаново (родилась в с. Малый Тагъяшер). № 106.
16. Мясников Иван Гаврилович, 1913 г. рожд., д. Марково. № 20, 29, 30, 43, 47.
17. Мясникова Анна Александровна, 1917 г. рожд., д. Марково (родилась в д. Желтовская). № 54.
18. Патрушева Мария Игнатьевна, 1910 г. рожд., с. Большой Тагъяшер (родилась в д. Матвеево). № 23, 45, 46, 48, 76, 109, 111.
19. Першина Мария Васильевна, 1919 г. рожд., с. Пянтег (родилась в д. Плосково-Парамоново). № 71, 89.
20. Петухов Илья Арефьевич, 1907 г. рожд., д. Бараново. № 8, 52, 58.
21. Петухова Серафима Андреевна, 1909 г. рожд., д. Бараново (родилась в д. Усть-Вишера). № 55, 78, 80, 95.
22. Розепина Анастасия Ивановна, 1895 г. рожд., с. Толстик. № 102.
23. Розепина Анна Максимовна, 1912 г. рожд., с. Толстик (родилась в д. Свалово). № 100.
24. Сторожева Александра Фокеевна, 1917 г. рожд., с. Усть-Уролка (родилась в д. Вилесово). № 62.
25. Сурсякова Клавдия Степановна, 1915 г. рожд., с. Редикор. № 50, 65, 66.
26. Суханова Анна Сидоровна, 1908 г. рожд., с. Нижнее Керчево. № 7, 72, 92, 94, 96, 98.
27. Фоминных Мария Степановна, 1912 г. рожд., с. Пянтег (родилась в д. Найданово). № 26, 56.
28. Фролова Анна Ивановна, 1904 г. рожд., с. Яранино (родилась в с. Большой Пашиб). № 93, 97.
29. Цыпуштанова Дарья Ефимовна, 1906 г. рожд., с. Большой Пашиб (родилась в д. Матвеево). № 107.
30. Шаламов Николай Иванович, 1911 г. рожд., с. Усть-Уролка. № 4.
31. Шеткина Александра Григорьевна, 1906 г. рожд., д. Ратегово. № 12, 24, 25, 59, 61, 69.
32. Шеткина Александра Яковлевна, 1904 г. рожд., д. Ратегово, № 18, 37, 84, 88.
33. Шеткина Нина Васильевна, 1912 г. рожд., д. Ратегово. № 38, 51, 60, 70, 85.
34. Шеткина Прасковья Васильевна, 1908 г. рожд., д. Ратегово. № 2, 68.

ТЕКСТЫ

1. На святки. . . *горшешники* всяки приводят, — тоже игра опять! . . «Горшки делают»: «стукают», «месяц глину» — хлѣшшут плетью человека, ну не шибко, а так, так игра показана. Они ничо не делают горшки, а только показывают, как горшки делают. Они ничо не приговаривают. Тут подходит [каждый человек] по очереди. Он [горшешник] — раз одному! . . Раз, два нагайкой ли, чем ли, резиной ли — не шибко так ударит (10).

2. А тут ишшо *гуси* приходили. . . Шубы навыворот делают и клюшки такие здоровые. И вот клюшки-те и клюют в башки, хоть в чо — куда попадет! . . Всѣ молча. Гармошка тогда не играла — леший когда приходит, да рыбаки-те, эти гуси-те. . . Колды троё, колды четвёро [гусей придет] (34).

3. *Гусей* опять средят. Два гуся: гусь да гусиха. Оне придут; не знаю, чо-ко у их в роту. Клынут тебе и опять уйдут. Я не бывала [на этой игре], токо слыхала (5).

4. В корзину назёмну навалят. . . *Утят!* . . Положат на землю, в предбаннике, и малышей, кто не знает [загоняют под неё]. . . дадут «клевать» чо-ка. . . Они там сидят, керкают. . . Потом принесут ведро воды, сажки намешают туды и обольют их. . . Мокрѣхоньки домой бежат! (30).

5. *Цыплят* выводят. Это я видела. Ребят насажали полную корзину, кверху дном оне под корзиной. «Подождите, робята, счас будут цыплята!» Который заманивал. . . ведро воды принес и сажки намешал туда и ребят облил! Как черти мокрые все, смеются, плачут. . . (2).

6. *Седуны* вот ползат возле лавку. Ткнут шилом. Парень. Девки ничо не сряжалися, всѣ робята. Ткнѣт в верхни места [бедра, ягодицы] (5).

7. *Свиньи*, они опять тожо. . . вырядятся: каку-ко гуньку накинѣт. . . ползат на карачках и едак и «роет» — как толкает, ково понасѣрке. Ну, со зла! Всех задеват, как ему уж там надо! (26).

8. *Слонов* выряжали. . . Там тожо: заберется чо-нибудь играть такой [ряженный] и девкам. . . которых понасѣрке. . . налупит! Этот хобот делали: да чо-небудь там — прут ле, маску ле привязывали. . . Слон тожо их [девок] бил, хоботом бросал. Слон один, приводят его парни. Ходит на четырех ногах. . . Хобот. . . кверху подымал. Придумывали всѣ тут! (20).

9. *Пресница* — другая игра. Рыло коровье, как у быка, с рогами, а прядѣт сидит. Парень! Прядѣт и мычит: «Бум-бум-бум!» Набумкивает! (12).

10. *Лешак* — это пляска! Соломенну сделают пугу — веревка такая плетеная, на конце шишка, и — маленьких пугать! У нас понасѣрке поддевали метлой да чем! (14).

11. *Лешак* один ходил, размахивал. . . В рукава набьет камни ли, што ли и ходит, машет. Рукава длинные у ево, понасѣрке, дак покрепче! Сажой намазан, штоб не каждой узнал ево. . . Как вроде плашша [его одежда], на ногах лапти, портянки обмотано и шнурком перевязано, штоб не моталось (11).

12. *Лешего* срежали. На его полог оденут. В бока-те землю накладывают: в голбце брали зимой. В две полы такие небольшие. Вот так перевязуют их в середке: полог-от большущий! Огонь погасят, он толды и забегает, и хлѣшшот по ребятам. Больших-то девок да робят не взбуживали, токо нас это, маленьких (31).

13. *Лешака* играли. Накладут в мешочек камней и понасерке лупят. Особенно, кто из других деревѣн: мол, наших девок отбирашь! (4).

14. *Колдунами* дак срежалися! . . Дадут ему мешок камней, он камнями шибко дѣрнет, ково со зла! (6).

15. *Лешой*. . . У ево два мешка. . . Чо-нибудь тяжелоё кладет в один. А в другой — золы, штобы буткать девку, дак ей штоб не больно было! А котору вот не любят, тут ударят камешками. Лицо. . . сажой намажется! Штоб не узнали! (2).

16. Срезаются *лешаками*. Два парня. На себя как полог надевают. Обоих боялись: у обоих в одном конце полога навязаны в рукавах — зола, а в другом — камешок. Им пушке попадало, на ково злые! Лицо завешают марлей. Опять же кричат: «Дуньте огонь! Игра идет, лешаки идут!» (1).

17. У нас *лешаками* их звали [любителей игрищного ряжения]. У одного лешака терьки в мешке, ну, шишки от лóшаде зимой — терьки! Да! А у другога — пепел. Как пепел шоркнут, дак этова не бойся! А терьки как попадет, што до синевич! У нас Клима этем баловался! Это — тагьяшерский ошлѣпыш! Так ево звали за тако баловство! (12).

18. *Рыболовы* средаются: «гоняют рыбу». Наденут веревки, хлѣшшт ими мелочь-ту: девок, робят. Побегают по избе, потом убежат (32).

19. А *рыболов* «рыбу вѣсит» — кольшкой свистнет тебе, некоторые и пнут. А этой малороссии не ёймется: всё равно на другой день идут [на игрище]! (5).

20. Ночник горел, мигалака. Штобы видели. Вот сидит это. . . на санках. . . рыболов, на санках его волочат, а он в ноги-те тычет сковородником ле, ухватом. . . Дак *рыболова* «рыбу колют»! Нашему брату попадало, мелочи-то! Дак уж под полком приходилось прятаться! Выволокут все равно. . . Весь в саже вывозишша! (16).

21. А это сряжались мушшины. Черт — это считается *рыболов*! «Гасите огонь! Игра идет! Рыболов приехал!» У ево. . . три чертенка. Возьмет маленьких углашков, они ево таскают на салазках, волокут на веревку. А у ево излажена нагайка — свита веревочка, чо-то привязывают к концу-то одному-ту. Там каки-ко ребятишки бегают по избе, мешают волочить-то! Рыболов намажется: лицо. . . сажой, а лешаки не мазались! А завешивалось, штоб не узнали. Лешак молчит, а рыболов говорит, ево по голосу узнают: «Рыба-то не клюет, дак вы бы, черти, волочили!» — кричат углашкам (1).

22. *Черт* опять был. Парня средят. На печь он там зайдет [залезет]. А там есть две грядки. У ково-то и одна бывает! А тут рыболов гоняет рыбу. Мы — девки-те! — в куть от нево и соберемся. Черт залезет на печь, сделают темно — огонь потушат, он просто боком падат нам на головы. Да потихоньку, штоб шея не свернуть! Опять на смех! Нас ребята не донимали — играли хорошо (8).

23. *Черт* тожо прыгат с грядки. На девок [в темноте] (18).

24. Каки-ко *старухима* сряжались, с пресницей. Будто чо-ка бегат прыдет. На колини садится с пресницей к робятам. Так идет, бегат, машет пресницей, пляшот, сама наговариват как частушки [под пляску] (34).

25. Это у нас дядя Алеша был. Всяки морды себе делал: одна собачья, другая — старик был бородатой, черной; третья — теленок. Он уходит, раздеватся там. Придет — другое чо-то выступает. Дядя Алеша смешной был, дак чо-то все выдумат! На смех-от! (34).

26. *Попы*? Ето девки, робята срезались, больши-те! . . . Рогожи, мешок какой-небудь разрежут, наместо ризу. На голову каки-ко-ся средаются, што носить вовсе нельзя, а они надевали на голову! Доброе-то не надевали! Пропашиш, уж которое не носят, так валяться. «Причашшали». Гушшу-то подавали, дак подтирали полотенцем тожо, штоб не отпускал [не выплевывал], «причастие-то» принял! Подтирали рыло-то! (27).

27. *Попами* по-другому срезались. Парень весь в белом, маска страшная, гумажная, язык выставят в дырочку. Худеньки каки-ко наденут, из церкви где-ко [взятые] рясы. Кажну девку попы причашшали. . . Намешают пеплу с водой: «Причашшается раба божия [такая-то]!» Ребята

чо попало сглаголят, только розевай хайло-то! «Тело Христово примите, источника бессмертна вкусите!» В церкви-то это поют, а на игре не пели это, а говорили только [нараспев, речитативом] (12).

28. Где-то у черта ребята возьмут и ризы, и чо и. . . Возьмут и причашаю опять! Дак чо ить: они бы как в церкви, причашали вином, а то ить кислой квас наладят, да с солью, да с пеплом намешают. . . И вот по ложке и подают в хайло-то! Чо-то-ся в поваренку накладывают, угли, да вот этак и ходят, дымят. Дак *попам* [в помощь] (12).

29. В избе играли. . . *коновалы*. Приходят, значит. А хозяин паредится тоже в бане. «Вот этого надо окастрировать у меня!» И полпопы отрежет пожиком. . . на сибе! Полушубок! . . . Заходишь, там полна изба народу-то! Которова поймат [хозяин], значит, редится с коновалом. . . плату спрашивают: «Скоко за работу возьмешь?» Тот цену скажет, скоко. «Нет, дорого!» Вот поредятся: «Ну, ладно!» И подводят [пойманного к коновалу]. И пластат там. . . да где-ко у нево угол ли, чо ли, полпопы отрежат! А то ить от самой шеи полпопы отрежат! (16).

30. Вот придут *котовалы* там. . . сидит в предбаннике-те. А в бане ето там девки, недоростки-те. Вот котовал и редится с хозяином. «Вот за стоко мне [скатай валенки]!» — «Нет, дешево! Давай подороже!» Редятся валенки катать. «Чо, чёсанки черны надо скатать! . . .» Вот корыто принесут, воды нальют, «черны чёсанки катают»: в корыто положат [на спину], ну, парня ли, девку, сажой посыпают, как мукой и ето. . . «валенки катают». . . В рукавицы накладывают пеплу и по бокам-то и шлепают. «Катают». Скоко угодно тпают. Понасерке — тому и попадавало! [Своих друзей] полегче катали. Така игра! (16).

31. А вот парня ли, девку повалят на пол ли, или там специальный сделают полók [в бане]. Приносили [корыто], но не обмакивали, токо говорили: «Штобы покрепче валенки были, дак постирать их надо!» Плеткой ли, што ли — девка ли, парень тут лежит, — дак били, не так, штобы здорово, а игра так игра! «Из сколько фунтов скатать валенки?» — стоко раз и били плеткой. Плетка была ремянна, настояшша плетка (11).

32. «*Котовалы* придут!» — говорят. . . Приходят. А тут два шерстобита. Ну, шерсть-ту надо бить ведь! . . . Тоже с плетями, с маленькими. Кто с ремнем — так это: баловство! Ну, понасерке другова и ожгут хорошо! А там два котовала — дальше, на западне. А тут [впереди] стоят два шерстобита. Человек подходит. «Какие вам надо валенки?» — «А мне, — говорит, — небольшие, фунтов шесть! . . .» «Фунта четыре!» — так женщина говорит тоже. «Чёсанки!» Но чёсанки. их надо стирать креско. . . «Мне из четырех фунтов!» По четыре раза ударят [шерстобиты «заказчицу»] плетью ли, чем ли. . . Ну, не сильно. Ну так, балуют. . . Она [«заказчица»] идет дальше, к котовалам, ведь «шерсть избили» уж ей! Котовалы. . . перебрасывают иё так, этак. . . ворочают, — ну, как валенки катают! А западня — это доски и всё. Она ложится, а котовалы и давай иё крутить с боку на бок, и ногами и так, туды-суды переворачивают всяко. Потом говорят: «Уходи! Скатали! Следущий!» Всех так пропустят: и девок, и парней. Котовалы — молодые мужики, парни. Чёсанки — дак пушше, чашше будут бить-катать; катакни — дак пореже, поменьше (10).

33. Барин стоит. Как человек, тожо маскированной! Полный там вырядтся. . . А там ужо объявляют: «*Котовалы* пришли! Котовалы!» — «Какие валенки? Сколько фунтов?» Та [«заказчица»] говорит: «Мне четыре фунта. . . Женские. . .» Ну, ей «шерсть бить начинают». . . — четыре раза тянут: тот — два, другой — два, ну, там ремешком. Как денщик он. . . все равно. Шерстобиты, оне стоят водле барина. . . Так все маскированы оне. . . Отхлестали иё, «избили шерсть». Она ложится. . . Там западни такие у нас есть в избах. . . как бы койка тожо. . . там в голбец ходят. Два человека на ево [западню — дощатую крышку-дверь спуска в гол-

бец — подвал у печи] поместятся. А там стоят два котовала. Два мужика, ребята ли. Валят эту девку ли, чо. . . и руками переваливают и всё! Встала, ушла. Там другие уж опять в очередь: все равно надо подходить обязательно, каждой, кто есть [на игрище из зрителей]. Ково понасерке тут налупят дак! Барин, шерстобиты, котовалы — это все одна компания! (10).

34. Сделат у себя брюхо большое — большой человек, здоровый, солидный. . . А тут два палача стоят с плетями, с ремнями — наши жо робята. Подходит к нему любой: каждому надо подотти. А там *котовалы* — надо «катать валенки». Котовал — это игра така, называлась брюшинник. Придут сейчас брюшинника, с им два котовала. Брюшинник: «Подходите, граждане!» Подходит девка: «Мне-ка из четырех фунтов валенки скатайте!» Ей четыре раза плетью. . . такая легонькая. А ково понасерке — дак бьют как следует! Та уходит к котовалам, на западню, у голбца. Там иё валят и начинают «катать валенки» из иё. Брюшинник: «Следушший!» Подходит парень: «Мне из шести фунтов!» Ему нельзя говорить «из четырех»: мужики-те не носят валенки из четырех фунтов, а носят из шести. Ему дадут шесть раз плетью, палачи-те! По спине, по одеже. Он уходит к котовалам. Ево там «катают» едак: буткают кулаками. Тоже по-разному. Каждый должен все это протти, обязательно! (10).

35. *Барин* чо-то был. Тут, значит, двоё стоят: «Скоко дать розгов?» Потихоньку били, токо штоб смех был (8).

36. *Барин* — на игришке было. «Или барина целуешь, или водку пьешь?» А он пузу эку навяжот, доставай-ка как-от хочешь! Она [девушка] станет доставать, а он ей тыкает в зубы. Котора нравится ему, дак ешпо не отпустит иё проскребатель, кавалер-от, он иё не выдаст — он садится сразу к ей на колена, иё берегёт, штоб не били, не наколотили (15).

37. *Барин* средятся. Пузу-ту большу сделают. Шляпу надинет. Трость возьмет. Тут у ево два деньшика средятся: два молодых парня средятся красиво, хорошу одежу, в сапогах, по обоим сторонам стоят от барина. И две барошни средятся, тожо красиво, в хорошу лопоть. И по одной около деньшиков встают. А у их резиновы каки-то сделают палки. Приводят к барину девок. Барин вызыват: «Ну-ко, дайте мне вот эту [имярек]!» Та подходит. Барин: «Вот ты мать не слушаешь, отца не слушаешь, гуляешь с кавалерыма. По вечерам ходишь! . . Ну, чо? Барина целуешь или водку пьешь?» А «водку пьешь» — значит, палкима хлестать будут. А она не хочет палок, дак говорит: «Хочу барина целовать!» Да как прыгнет ему на пузу, поцелует ево! А иная не успеет ево поцеловать: он отвёрнется; дак он и скажот: «Дайте ей два горячих да одну холодную!» Денщики и дадут два раз попушке да раз послабже. Парня спрашивают, што знат про их: «Вот ты там, ето, друго како неладно делал. Поэтому, мол, тебе наказанье! Ну, чо? Барина целуешь или водку пьешь?» А он говорит: «Ну, давайте уж водки до дна!» Барин: «Ну, так дайте ему горячих!» И ево бьют деньшики (32).

38. У нас *барин* был. Накладут [за пояс] подушку, тулуп накинют сверху. Туто два стоят молодых с плетью. На той, на другой стороне. Ишо один водит девок к ему [барину]. Барин: «Зачем пришла?» — «Зачем звал?» — «Гостинцы ждал!» Она: «У меня нету!» Или чо-ка там скажот: «Не на што купить!» Барин: «Ну-ко, дайте ей хороших гостинцов!» Они — раз! — ее стегают. Девка убежит. Другую ведут. С большими девками это делают. . . Большим наваракосят: «С кем гуляла? Мать ругала: долго пробегала. . . Всяко насобирает, кто умеет говорить. А с маленькими так: «Мы ничо говорить не умеем!» Барин: «Давай целуй меня!» — «А как тебя поцеловать?» — «А вот как хошь!» Наскочить на ево невозможно: пуза така большая, он мимо морду отвёрнет, дак еле достанешь! А барин: «Надавайте ей два ле, три ле раз!» И опять стегают (33).

39. В *барина* играли. Сюды пузо наладят, соломенную наладят «ку-

рицу» — х. . полметра! А туто двое стоят водле пево, две шшети дёржат в руках. И девку притащат к ему, пихают к ему, штоб целоваться, шшетями подпихивают иё двое, бутто дёржат за задницу, и подымают иё. Она ево не целует: где ей ево достать! Он ишшо сам взадь переломится! А «курицу» ей под подол суют. Эте двое (7).

40. *Кузнецы* были. А вот парень девку подводит, а там кузнецы. Ногу поднимут девке и хлещут по ноге, как подковь подковывали у лошаде. . . Если злятся ребята на нее, дак: «Покрепче, — говорят, — подкуй!» А если уважают иё ребята, дак: «Полегче, — говорят, — подкуй!» (11).

41. *Кузнецы* придут: «Кому чево ковать?» Поставят наковальню, зажгут соломы пучок, поднесут хоть к кому, к каждому подряд, — но не в темноте, свет тогда не гасят. «Што тебе ковать?» Когда не знашь, чо сказать, и говоришь: «В шары тебе плевать!» Они мне и плюнут, раз я говорила так. А другому опять поднесут: «Чо тебе ковать?» А другой скажет, к примеру: «Железну кровать!» Они берут пучок соломы и положат на наковальню и этима бьют, из соломы плеткима. . . и приговаривают: «Куем кровать, куем кровать!» «Сковали» и говорят: «Давай расчет!» [«Заказчик»] подставляет им спину. Они и бьют: каждый по разу. Их трое обычно, кузнецов, а то и пять человек. С молотками и щипцами не ходили у нас, подошвы не рвали. Кузнецы похуже одеты, не в празднично, конечно (3).

42. *Кузнецы* — «коней куют». Там брус — полати. Поймашша за брусот, грядку ле, ногу возьмет кузнец-от и подколачиват. Кому-то оторвет заплатку, кому подколотит. Молотки и шшипцы были. «Ковали» при огне. Ребята выводили девчонок (1).

43. Я видал: *покойника* в баню принесут, дак. . . «приплакивали» тут две девки: «Миленька подруженька!» Да чо там это. . . «Отходили твои скоры ноженьки, Отглядели твои очи ясные!» Ну, и на смех-от и насобирают. . . Водят к ему «прошшаться», а он кусат! (16).

44. *Покойника* сряжали. Шшиплет рукой да и все. Сквозь это. . . холстом покрывали. . . И отскочишь! . . Шутили ить, «плакали», «причитали». На смех-от все (13).

45. *Покойника* вырядят, во все белоё. Положат на лавку. Водят человат ево — прошшаться, значит. Двух женщин наладят — выть, приплакивать: «Миленький ты покойничок! Да умер ты во вторничок! Стали доски тесать, А он и выскочил плесать!» К ему подойдут человатсье, а он закрыт наглухо, дак рукой шшипнет. Которы выли — вытницы, плакуши-то — у них были камни налажены в рукавицы. Соскочат, дак которых колотили понасерке. А не понасерке, — ребята берегли, всяк свою подружку за себя ставили: «Эту не надо, эту нельзя, а эту можно колоть» (18).

46. «Причитывают» парни, одеты бабыма. . . У нас дедушко любил выряться. Не лень было шить покойницку лопоть! Саван сошьют, за шею привяжут и на лавку положат. Он лежит, ево караулят. Девки идут, их сзаде парни идут, девок заталкивают. Дверь [в баню] закрыли, сами ребята в предбаннике держат дверь. Девки в темноте не видят. Которы в предбаннике, орут: «Зажгите свет-от в бане!» Лучину зажгут. Девки увидят «покойника»: «Ой, дедушко Андрей!» Ему бороду, усы наладили. К нему давай водить девок, а он шилом тычет. Чуть околел. Они и бежат, на порог да куды! Понасерке-то и водят, не понасерке-то — не дают! В углу ставили лучину. Дак на полок спрячутся, дак все вымажутся! (18).

47. Вот понасерке-то попадало. . . *Мельница!* Вот. . . лён раньше мял. . . мялки, и мялки три, ну, скоко в бане места. Половиками закроют, и вот хозяин: «Вот на крупу смолоть!» Девку ле там, парня сунет. Тамока. . . на колинцах ползет! А тамо-ко пять мужиков или, может, шесть сидит, это. . . на кругу — там кака «повёрнутая на крупу!» «Помильче!» — [кричат снаружи]. Там-ко шшиплют [ползущего через мельницу], ревёт

и ползёт. Это уж только издевательство было. Так пет! Каждый вечер вот это. . . заводят опять! (16).

48. На *мельнице* тоже «ковали». Полог наложат на двух парней. Оне под пологом-то и сидят, мельники-те! Вот там водят девок, на полог-от бросают холкима и ишшо дёржат за руки. «Мелко мели!» Это понасерке. А которую девицу уважают, дак не посадят ишшо, не бросят на их, на мельницу. А которую не понасерке и не уважают, дак говорят: «Хрушко мели!» И ну, говорят: «Хрушко!» Дак и вовсе не посадят или посадят, да удёрнут живо, жалко кажется (18).

49. Приходит *мельница*. Поставят тубаретки и скамейки и закроют половиком. А там два человека залезут под половик. А один сидит на лавке и шумит: по железу шоркат кирпич, штобы шум получился, как на мельнице. И там заходят по человеку: хоть девка, хоть парень. . . Бывает, вижжат. Раз вытолкнули, лежа, с другой стороны! У девок — шшупнет. . . А этот все время шоркат (10).

50. Понасерке в *мельнице* могли даже подековать над девкой, поиздеваться! Парень один сядет, командует. Ей не слышно: в гармошку играют кто-ко-ся, девки песню поют, штоб не слышали, дак там хоть заревися, пока не отнимут! Настояшшу мельницу носили! [ручную] (25).

51. Сделают такую занавеску в углу где-то, там робята сидят с такими нагайкама. А там нашево брата затаскивают, девок и начуметят им. *Мельницу* не приносили, а принесу ведра да в ведра хрюпают, гармошкой играют, которы песни поют, девки, и шум, и гам! . . . Штобы не чутко было! (33).

52. *Моряков* выражали. Отворнет там молодёжь. Выредятся. . . какинебудь ремни белы наденут наискось себя. . . мичманки каки были, у ково бескозырки. . . И начинают; приводят к им девушку и парня. «Ты с им спала?» — «Нет!» — Ну, это непристойно. . . делали всё. . . совьют из соломы [«курицу»], конец красным платком наверхнут, а там — белым, к себе привяжут, ну, и всяко творили. Моряки, значит, спрашивают девушку: «Ты с им ить гуляешь?» — «Гуляла!» — «Ты ему давала?» Если котора не сказыват, што давала, дак дуют иё этима. . . свиты такие из соломы, с кулак толщины, плети. Пока не «сознается». Ну, и сознается: «Было?» — «Было!» Ну, тогда всё, уходит (20).

53. У нас пест налажали. Деревянной. Которой парень умеет сквернословиться, он и надевает, привязывает пест меж ноги, на лямках, на шее [висит]. Приведут к ему девку. . . Другие парни под полом сидят, в голобце, их не видно. Они и спрашивают у него [того, что с пестом]: «Какую девку привел?» Он подводит девку к западне: «Б. дь!» — «Кто иё е. . .?» — «Тако-то [имярек]!» — «Где-ко е. . .?» — «На вечерке». . . А мы хоходем все. Может, и совсем девка невинная, а злость имеют ребята на нево [её ухажора]. . . напрямую скажут! Хоть стой, хоть падай! . . . На игришке ить што хошь говорят, не очураются! . . . Говорят всё так связно, как стихами. Отовсюду робята. . . У ково натура бойка была, ево везде и шахали! Ну, толкали, как рукомойника! На игришке всё спрашивали (12).

54. Ишшо игра была. . . *цыганка* была. Цыганка или цыган. . . Ежле парень с девкой гулят, вот он подводит иё. А цыганка там варакудит, ну, гада: «Вот ты иё не бери: она такая-сякая!» А там ить народу сидит, скоко в баню входит. . . Ну, свои дак свои: мол, не стыдно такое при своих слушать (17).

55. Был *сборщик*! И водили «на корабель». Это бесстыдное всё говорят. Водили девок. «Была на корабле?» — «Была!» Это средится как сборщик. И этима тоже хлестали. Из соломы, как веревочки [свиты]. «С кем-нибудь е. . . лась?» — «Е. . . лась!» — «Пенка шла?» — «Пенка шла!» — «Пи. . . сонцем грело?» — «Сонцем грело!» — «В пи. . . салышко кипело?» — «Кипело!» Если не скажешь это, хлещут плеткой. Каку-то шубу шерстью кверху вывернет, шапку оденет. Как увидят, сборщик где пришел, дак

убегали. . . А я ишло в детстве была, меня «на корабле» таскали, а я всё-так сказала! [Информантка смеется] (21).

56. *Рыбаки* были: в сети — расставят — и ловят девок. Ак чо? Кому чо на смех-от надо сказать, дак не стеснялися, говорили! (27).

57. *Рыбаки*-те бывали. Сети наладят, «рыбачат». Ходят по залу с сетями, с бреднями, ловят девку каку-ко. И спрашивают: «Ну-ка! Кака попала?» Нос [у девки] подёргают в разны стороны: «Хороша, нехороша попала?» Если мяхкий [нос], то скажут: «О, эта уже всё — пролетела!» Так и позорили! А люди не верят: ведь игришшо, чо и ни к чему скажут! Для смеху только! . . . А котора «не пролетела», — скажут: «Это нос-от тугой ишло!» (12).

58. Ой, какие игры выводили! Всяки! *Царья!* . . . Царь, значит, как раньше людей казил да што да. Там царь Миколай был. . . Ну вот, так жетам выражали. . . были раньше хороши кителя, привозили из армии, старинные. Погоны надевает, ремни токо на себя навдевает, фуражка с кокардой. . . Царь Миколай Первый был и Второй, но тудо один царь был. Когда уж ево сняли, дак тогда пачали всю эту ерунду выводить-то! . . . Стали ето вспоминать да што да. . . Каку-нибудь изделаем. . . шашку на пояс. . . Ишло револьверты были, привозили с гражданской войны, што ты! Ну, наденет, пристрашат. А он сидел или стоял когда. А стол был там тоже. К ему приводили людей. Среди там, братвов, [царь] выберет, значит, молодова парня, он и приводит «преступника». «Почему ты то не уплатил, друго не уплатил?» И сделают такую из соломы такую совьют, как плетку. Тут начинают дуть по заднице: «Почему ты не уплатил там столько налогу ле, штраховки ле? . . . Почему ты не платишь налогу вовремя?» Ну, и штраф давали, всяку таку ерунду (20).

59. *Короля* срежали. Полный мужик был, Васька Поспелов. Годов сорок. Ево уговорили: тебя, мол, поташшим на доске (31).

60. «Будь покойником! Мы тебя поташшим! Ты в почестех будешь! Будто короля срежаем!» (33).

61. У ево шуба была новая, иё выворотили, одели на ево, на доску положили и ташшат. Он лежит, все ревут: «Король идёт, король идёт! [т. е. «едет»]». А другие робята сидят на полатах с водой. Как занесли, они — раз, раз воды на короля, прямо на шубу! Вот и шуба новая на левой стороне! Он соскочил: «Мать — мать! Всю шубу вымочили!» Ково-ка хлэшшот. А нам-то смешно: ведь мужик-от пожилой был! . . . Вот и король! (31).

62. У нас на смеху держали парня. Васька, звали Козлом. Все говорил: «Козу мать! . . .» Васька «просил» [напрашивался, дразнил любителей игрищного ряженья]: «Не средите меня никакако-ся!» Ну, ево и сделали *мельником*: повалили ево на лавку. . . руки-ноги привязали, руки по локти привязали. Дали в руки камешки. «Мне чо говорить?» Парни говорят: «Мы тя заташим, а ты говори [как учили]». Вот круг ево ходят: «Мельник, мельник, чо ты мелешь?» — «Солод!» — «А почем солод?» — «Рупь сорок!» — «Зачем он дорог?» — «Мелко смолот!» — он отвечает. Он камешки стак трет друг о дружку, будто жернова мелят. Пеглядыват на нас: ему любо кажется! Потом ребята подошли: кто пёрнет, кто задницей сядет на лицо ему, кто иное заводит. Потом жо он заревел. А потом ево на улицу выбросили [вместе с лавкой], на снег. Кто прибежит, за ножки вместе с лавкой перевёрнет. . . Потом отвязали ево, и он убежал домой. Больше не ходил (24).

63. По правде сказать, я все правил [на игрище]. Это мы с ребятами *мельника* делали. . . У нас дядюшка был, Зарубин Иван Ефимович, мирской [не старообрядец], он все делал [на игрище]. Он девять годов в армии служил, на германской был, в ту воевал. А я у дяди все подсматривал (7).

64. *Мидведь* придет на игришшо, средится: шубу наденет. . . две шубы, выворотят, а это завяжут тряпицей, чо-ко-ся там напехат! То ли бы камни,

то ли чо. . . Шапку тожо такжо выворотят, на голову накинут. [Лица] не видно. . . На четырех костях [ходит]. Ну, что-то он часто вытаскиват, ну, вот тех жо робят ли, девок. Ох, он и хлоп! . . . Какая девка понасерке, просто за руки хватат, на пол валит и навеприт бока-те. «Ну-ко, мишка, как мужики баб бьют?» Он все показывает, как «лес валят». Палок каких-то наберет да чо да. . . (9).

65. *Медведя* седни срежали! У мня сестра старша ходила. Дак он придет, сказывает: «Как дрова рубят?» Начнет валить девок, бросать на пол. «Как мужик с бабой спит?» Он счас храпнет девку и сам на иё (25).

66. Начнет мять ей бока, особенно которую понасерке держат. У ково нет кавалера, над такой и декуются. . . Ак веть собачины на руки одеват [мехом наружу] (25).

67. Как хозяин, он, значит, ведет *медведя* так-от. . . да тут она [веревка-узда], на шее. . . А хозяин — тожо шуба навыворот. . . а и в обычной одеже быват. Сряжён мушшина ли, парень. . . Ну, ему говорит старший тут [на игрище]: «Мишка! Покажи, как бабы воду носят!» Он так станет «на ноги», показыват, как вроде на коромысле ведра. . . переваливается. . . Он делат, што велят! Хозяин говорит: «Мишка! Покажи, как бабы пляшут!» Ему говорит, медведю. Он начинает это. . . тихонько передвигаться на четырех, он вот так тихонько и ходит, он ить ничо не пляшот, поворачивается только. . . Гармошка играет. Я знаю, што надо ему играть, на какую [музыку] плясать. А медленную там ведь играшь. . . да вроде плясовую, только реже иё, реже надо играть, тихо. Он жо не может так бойко ходить на четырёх-то ногах! Потом ему скажут: «Как бабы по воду ходят, воду носят?» Медведю хозяин-то говорит: «Покажи! . . .» Гармошка уж тут не играет. . . Это ить недолго, раз показал. . . и всё (10).

68. Вот возьмут маленькова, средят, на шею посадят и танцуют с им. Вот это называлось *паньи*. . . Я лёгонька была, худенька, дак с паньей и бывала: в платочке, в платьичко одета до пояса [поддерживавшей ее на шее старшей девушки]. А у самой девушки свое платье: вот и получается платье в два ряда. Она пляшот, гармошка играет. Раньше говорили: «Дурную пляшут [паньи]!» На святках. Гармошки нет, вот и запоют:

Я сидела по-над крутым бережком,
Подпоясалась широким ремешком.
Да ремешочек-от не сходится,
Брюшко маленько заводится!
Привесу малютку маленьку,
Да посажу за зыбку мамоньку!
Ох, мамонька, Пашку люблю
Да голубова на рубашку куплю! (34)

69. Костюмы из соломы делають. Ржаная солома, колосками кверху, вместо юбки и вместо кофты. Перевязывают посередке, штоб не развалилось. . . Как. . . ржаной суслон, пляшот, ходит. Две *паньи* таки ходят. По гармошке (31).

70. То ишшо *паньи*-те старухима изрядятя: титьки изладят, в сарафанах с лямками. Уж мы сарафанов не носили, а носили кофты с юбочками (33).

71. *Лесники* были. Лесовать ходили в простой одежде, какой-то бадог в руке, быдто ружьё. . . В солому завернули кал человеческий, «подгаивали» в бане на полок [как белку на дереве], и «били» его бадагом, быдто ружьями. А малолетних-то ребят нарядят собаками. . . Быдто собаки, вставали на четвереньки, рвут [«добычу»] друг у друга [зубами], потом и говорят: «Чо-то вонько!» Потом узнали, похохотали и ушли (19).

72. Сделають *белку*. Выредят, на двери вот посадят. И собаку «умну». Тожо из самих [себя] выредят! «Умна, ну-ко белку сорви!» Это собаку звали умной. «Умна, Умна! Белку ну-ко сорви!» Белку-ту она сорвет: чо, ить, собака, дак она трясет [«добычу»]! А в ей [белке] гóвна накладены. Она всех и обрызжот! . . . Вот над ей хохочут: «Умна, Умна! Ах, ты Умна!

Ишь чо сделала! . . Рострясла всех! Забрызгала!» Это ребята придумывали всё (26).

73. Вот *попы* ишло срежались. Девка распустит волосы, накинута как ризу, на лавку или стол упрутся руками-ногами взад как взгляивают и поют это: «Наш поп благочинной, пропил тулуп овчинной и ножик перочинной. Усмешительно! Усмешительно, усмешительно, усмешительно!» Начнут собирать: «У их попа попадью пердела на бадью, руки-ноги отрубил, в п. .ду пороху набил. Удивительно! Удивительно, удивительно, удивительно!» Девки мирские или староверки — все ходили. Не считалось за грех. Вовсе никто не запрещал. Это все на святки, от рождества до крещения (7).

74. *Афонька малый*. Парень один, большой, здоровой. Сделает у себя брюхо большое — большой человек. А Афонька малой — это другой парень. Как слуга ему. У ево спрашивает барин: «Афонька Малый!» — «Што барин удалый?» — «Ты моих коней поил?» — «Поил-поил, да все четыре ноги отрубил!» — «Как? Как?» — «Никак нет! Напоил и на барский двор свел!» — А барин опять к нему: «Афонька Малый!» — «Што, барин удалый?» — «Красива ли моя Марья Ивановна?» — «Красива-то красива: белится-румянится, а выйдет за ворота, — никому не глянется! Сам черт не узнает!» — «Как? Как?» — «Никак нет! Белится-румянится, выйдет за ворота, как аленький цветочек!» — «Молодец, молодец, можешь отдохнуть!» (10).

75. Во все выряжались. Во *старуху* и *старика*. Тожо по гармошке плясали, игра была така. В тряпье, пониток шерстяной, боры были сзади-то! На голову каки-ко-ся навздевают. Чо, игра есть игра! . . Старик со старухой говорили друг дружке напереки, всяко друг дружку называли: «Ты старик бестолковой, делать ничо не умешь!» — А он ей отвечает: «Ты прясти не умешь!» Ну, слово за слово. Они друг дружке и отвечали. Бороду копопляну делали. . . Стариком парень выряжался, а старухой — девка (14).

76. Парень невестой, а девка — женихом, как в *свадьбу* играют. Были и родители: мать и отец. Наладят ково-то-ся. И подружка [подружье] — все из парней, все выряжаются. Присказывали каки-то песни свадебны, — раз кака-ко-ся свадьба! В шутку! Хорошо, снаряднехонько оденут. А невеста — ленточки, цветы оденет. У ково есть, солдатское ишло накинута жениху-ту! Молодых венчали. Поп венчал. Каку-ко-ся клеенку ли чо накинет. «Это хороша, — грит, — риза!» На голову каку-то шапку худую. В лапоть наладят, нажгут. . . кадило. Поп и папеваёт: «Радуйся, сорока! Радуйся, ворона, и ты, воробей-животворец! Поглядите под окошком, там п. .да сидит с лукошко! Братцы, радуйся! Поглядите на телегу, там п. .да п. .ду тербит! Братцы, радуйся!» (18).

77. *Невеста* и *женихи* паряжались на игрищах. Это называлось — халуи! . . В лопоть. Цветы, ленты, пара хорошая: юпка-кофта. Мы парнима средимся, а робята — невестыма. . . Приходили и плясали. И наговаривали всяки прибаутки. Ету пили:

Теньки-бреньки, сковорда,
У Андреянки борода!
У Андреяники — хохол,
Он повисился на кол!
На самую веточку,
На конфеточку!

Раньше так-ту не матюгались! Только на игришше! Парами — жепих и невеста [ходили]. «Восьмерку», «двойку» — как кадрили пляшут. Поп не венчал ничо. Попляшут да уйдут (12).

78. *Сиротинушка* — это девкой средится парень. «Она» лёжится. А тот придет с соломенным. . . А мать-то где-ко она тут где-то-ся. «Мати-

барони, мать-сударыни, прикажи сиротинушке ножку отпехнуть!» — «Отпехни, отпехни, сиротинушка! Отпехни, отпехни, балагуренька! Отпехни, отпехни, баламутенька!» (21).

79. Другой парень — бадажок у ево. Он отбрасывает одну ногу [лежащего ряженого девкой], потом другую и приговаривает: «. . . Мать-барыня! Мать сударыня! Прикажи сиротинке плешку добыть!» Все так и насказывали (8).

80. «Прикажи сиротинушке плешку вымочить» . . . Потом: «Прикажи сиротинушке плешку сунути!» — «Сунь, сунь, сиротинка! Сунь, сунь, балагуренька! Сунь, сунь, баламутенька! . . .» А потом ишло и говорит: «Взять запехнуть. . .» Забыла уж я вовсе. . . В избе это игралп. . . В Ломах! (21).

81. У ево как соломенный. . . налажен. В баню полизет: «Разрешите сиротинке в баню полить!» Девки поют: «Шагни, шагни, сиротинка! Шагни, мироумненька! Шагни, малодуренька!» . . . Заходит он в баню. Лежит у порога на полу парень, от шубы рукав держит кверху. Опять сиротинка: «Разрешите на колени стать!» А девки опять поют: «Стань, стань, сиротинка! Стань, мироумненька! Стань, малодуренька!» — «Разрешите сиротинке засунуть!» — «Сунь, сунь, сиротинка! Сунь, сунь, мироумненька! Сунь, сунь, малодуренька!» Засунул. «Разрешите сиротинке добыть!» Девки поют: «Добудь, добудь, сиротинка! Добудь, добудь, мироумненька! Добудь, добудь, малодуренька!» — «Разрешите сиротинке на поги стать!» — «Ставай, ставай, сиротинка! Ставай, ставай, мироумненька! Ставай, ставай, малодуренька!» Встает и уходит из бани. В предбаннике растолочивается. Или на мосту [в сенях] (7).

82. Сиротинка сряжалася. Василий Прокопьевич Сазонов, он один токо плясал. Поясцами весь обмотался. Базарские, где-то куплены, шерстяные, широкущие! . . и «эта штука» тоже обмотана поясом, в руках дёржит; вприсядку пляшет, как молодой! И тыкат девкам. Вот и девки заивкают: «И-и-и!» Шибко смешно средится. На голове острая шляпа кака-то. Конечно, наверно, с кисточкой была! (1)

83. У нас Василий Прокопьевич Сазонов. . . беда уж он любил выколочивать с этой *кобылкой*! Ак ведь пожилой был уж! . . А «водил» кобылку Темников Александр Павлович, двоюродный брат мой. Ох, уж как они плясуны были, как вприсядку доказывать! «Ну-ко, русскова! Сыграй мою!» Гармонщик сам знат, каку игру им надо. Какие игры пришли, то. . . и играют. Прясница — изладят, точно как голову, кобылку: узду наденут настоящую, дугу, обязательно колокольцы привяжут к дуге. . . Он её посит в руках. Один за узду «водит», другой за копыло «дёржится». Сами в рубашках. Поясами опояшутся (1).

84. Все шубыма закроют. Изукрасят *кобылу*: сделают шлею, повод, узду. . . на ноги. . . ете шарки [крупные бубенцы] навяжут. Туту средится хозяин у лошади: шубу навыворот, шапку навыворот. Сделают лекаря: средятся по-худому, сумку возьмет кожаную, в бутылку «лекарства» нальет. А кобыла «заболеет»: пляшет, пляшет, как человек на ей сидит, потом вместе с ей и падет. Хозяин спрашивает ходит: «Вот у меня кобыла заболела седни, нет ли где какова-то лекаря?» А он спрятался за людей, тожно выходит: «А чо вам нужно?» — «Да вот кобыла у меня пропадат. Не можете ли полечить?» — «Могу, могу!» . . . А там средят маленьких робят собакама. Тожно лекарь. . . начинает лечить: перво из бутылки ей чо-ка в рот нальет. Хозяин стоит у рыла все ишло. А лекарь лечить начинат. Ножом режет заплаты от шубы и кличет: «Курья-варья!» Это собакам, мол, ешьте! Собаки и начинают грызть кобылу. Хозяин увидел, с плетью побежал за собакима. . . А тот лекарь начинат уж кобылу обдирать. Тожно хозяин и лекарь давай драться, один другова бить. А кобыла соскочит и из избы убежат. Потом хозяин с лекарем уходят, и игра кончилась (32).

85. *Фершал* бутылкой в преснищу чо-ка побрякат. . . все рыло оболъет! То по девкам ишшо брыжжет, на смех-от. . . Рашпилем «зубы точит» ей. А тожно вылечит, опять стала плесать кобыла. . . А хозяин: «Ой, вылечил тожно! Поеду в ямшину, заработаю полтину, куплю овчину — на такую детину!» Всяко тако насобирает. И пляшот весело, лучше кобылы отскакиват! . . . Опять кобыла умирает, падат, опять грызут её собаки, опять фершал лечит (33).

86. У мня брат срежался так. Частенько. . . Пляшет, а я уж играл гармошкой. . . Колокольцы привязаны маленьки. . . к ногам. . . Шпоры ишшо. Натрясыват! . . . Прыгат на людей да што, то задом лягат их, а там. . . стул да што — тычет же людей!. . . Она [*кобылка*] не можот быстро-то плесать! . . . А я играю в гармошку тихо, но под пляску. Похоже на русскова, токо медленно! . . . Собак не было у нас. . . Когда кобылка падет, я уж не играл. Как стает кобылка, я уж знаю: играть надо! Ей надо плясать! Повеселей! Вот веселей и играшь! И потом уходила. Там опять другая игра, как выдумают (10).

87. Я *Аника-воином* сряжалася. Хватки-то нету у молодежи-то, у робят нет такой сметки! Раньше ходили на игришше, стары-те люди играли! Это все сыстари идет! . . . Я на игришше перва заводчик была! . . . Сюда платок такой, сзаде другова цвета платок, на этот рукав такой платок, на этот — другой. . . Тоды штаны оденешь, место юбки. А на штаны — платки. На эту ногу штан сделашь из платка, так схватят, завяжут круг ноги; сзаде на поясе провяжут ишшо один платок и на другую ногу как штан другой платок. . . Ну, ишшо пояс опояшошь. На голову сделашь вострую шапку из гумагу, токо кись каку-ко сделашь изо льпа ли, из мочала. На ноги — колокольчики, ниже колена: плясать-то было, дак костки-то колотит! На ногах каки-ко обутки, ну, сапоги, штобы постукивало — плясать-то! И гармошка была, двухрядка. Была мать. Была смерть. Мать, она просто так сряжена была, лицо шчо не закрыто. А смерть — она в чем попало, в гутьке какой, в каку-ко рвань, лицо тожо открыто. . . Где-ко не тут срежашша! Ну, этта, заходишь: «Здравствуйте!» — «Здравствуйте!» — «Можно погулять?» — «Да пожалуйста! — скажут, — Пожалуйста!» Вот начинат играть [гармонист], я, значит, пляшу, у меня полено в руках. А там назаде смерть. Она стоит на месте. Ну, я. . . это пляшу, потом поленом о стену хрупну: «Хор-рош ли Аника-воин?» — «Хорош!» Робята [в толпе ответят]. . . А смерть-то, она мне ноги подрезыват: «Подрежу, подрежу тебе, подколенные жилы подрежу [информатка произносит это измененным, пискливым голосом]». Она сзади меня заползат, за мной, значит. На коленях, ага! Она с палкой, шоркат мне по ноге-то! Я уж там дальше иё нейду плясать! . . . Я кругом все пляшу. А она уж подвинется, там уж она миня не пропускает. Всё! Загонит меня в угол! Уж оттуль я скажу: «Ну, мамка, гляди! Кака-то тварь ко мне привязалася! Можно ли ишшо погулять?» — «Да погуляй-ко ты, погуляй, мило дитятко!» — «Дак есть, мам, денежки-то?» — «Дак есть, погуляй! . . .» Я опять начинаю, попляшу, значит. А смерть-то уж тут стоит. Она миня покамисть не загонит в угол, не «подрежат» меня. А я опять: «Можно, мам, погулять?» — «Можно, можно, погуляй!» — «Дак есть деньги-те, нет?» — «Да где-ко наживу, да чо-ко продам!» Да вот такое [мать говорит]. Ну, я опять. . . пляшу. А гармонист играт «Барыню». «Барыню» Аника-воин и пляшот! . . . А потом, значит, «подрежат» меня смерть, уж мне некуда деваться, тогда я лёжусь на лавку. . . Ходят прошшаются, как с покойником. . . Дак ково понасерке тяпнешь зубами, укусишь (9).

88. *Аника-воин* надинет сапоги, навяжот колокольчики на колени, на себя одёжу хорошу надеват, на плечи. . . платки, фуражка с ленточкой, в руке трось. Он и постукивал ходил. . . Тут у ево мать старушка. Мужик средитса: девке не успеть скакать за сыном! . . . Оденет дубас старинной, платок, кокошник под ним — лучиночку поперек головы. . . На пол

под трипциу человека посадят. . . дадут ему палку. Он тамо стукат палкой. Ето будет смерть, ето у Аники-воина! . . . А тут кто-ка гармошкой играет, а он пляшот. . . Потом спрашивает: «Смерть ты, смерть! Сколько мне гулять-то?» Смерть: «Десять лет». Она идет, матери долаживает, кличет иё: «Где моя мать? Где моя мать?» А она спряталась за людей. Потом выходит к ему. Аника-воин и говрит: «Мать моя! Вот тожно ишо сколько мне гуляти — десять лет!» Она тожно начнет скакать, плесать за им: то когда на колени скачёт, то прыгат до грядки: «Ой, погуляй, дитятко, погуляй, милое!» А Аника-воин попляшот, попляшот, потом опять спрашивает: «Смерть ты, смерть! Сколько мне ишо гулять?» — «Девять! (Восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, полгода)». Потом уж месяча будет говорить: «Вот уж только месяц!» А мать-то бегат ревет, за кольцё хвататся. . . Раньше зыбки-то были на кольцах, на кольцах очепа были. За кольцё пойматся, ревет: «Ой-ёй-ёй! Мало дитятку гулять! Мало дитятку гулять!» Сразу станет все плакать. . . «Ой, погуляй, погуляй, дитятко! Скоро тебя увезут в некрута!» Он опять прыгат, пляшот, пелитися, скачёт, спаси бох! Мать за им бегат, плачет. Смерть говорит: «Последняя неделя!» Потом: «Последний денечек!» Потом: «Последний часочек!» Потом: «Последна минутка!» Под последней раз мать-то уж плачёт: «Ой, конец моему дитятку! Ой, конец, конец!» И уходят все они умирать. Свет гасят (32).

89. *Некрута* были, гуляли. На игрище придут, песни поют. В центре сидит хоть кто, закрыт пологом. У него спрашивают робята [некрута]: «Скоко де ишо гулять нам?» Центральной говорит: «Десять лет». Они идут, поют, пляшут. Потом снова спрашивают: «Скоко нам гулять?» Отвечат: «Девять лет». Ну, так все сбавлят им. Потом говорит: «Последни денечки, сыночки!» Они опять пляшут, гуляют. Больше ничо не сказывали. Некрута совсем уходят, перерядятся, опять придут в своем [на игрище как зрители] (19).

90. *Некрута* — два парня. Один с гармоньей. На ноги красны платки: по одному на ногу, штобы ноги закрыто было, как юбка! На спину красный платок, на брюхо; на голове фуражка военная. . . Красный ситец для того припасали! Колокольцы не привязывали. На лавке сидит, как старуха, — в переднем углу. Тоже парень. Я сёживал старухой, потому што всегда некрутам самогонку готовили, нет-нет да и подам некрутам по стаканчику, а сам два выпью! Оне: «Скоко ишо нам, мамонька, гулять?» Старуха и говорит: «Да гуляй! Ты ишо мёртву старуху не е. . . л!» Вот и начинает собирать — скверны слова выражать. Ишо походят, походят, один в гармонь играет, другой песни поет, прибаутки иле частушки. . . Опять: «Сколь ишо нам, мамонька, гулять?» Имя все меньше-меньше говорают, начнет [старуха] убавлять. Под послед старуха говорит: «Пора ити в армию!» И они уходят. Ничо не причитат старуха (7).

91. Самая хорошая игра, девчата выряжались и робята. «*Разбойнишна шайка*» называлася. . . Кардонка круглая, перо сделают, втыкают в кардонку. . . В простой рубаше, о празднике чо носят. . . Средитса человек пять-шесть. Одна женщина — девка. Выходит с графином, со стаканом. В графине вода — не водка! Кто иё раньше, водку-то пил? Оне заходят. Девка с ими. «Туши огонь! Игра идет!» Ребята как зайдут, шашкима крест-накрест стукнут. У их как сабли были деревянные. У их из роту по всему залу пыхнут, как огонь! Один говорит другому: «Крепок ли мой табак?» — «Крепок, крепок, господин атаман, как твое ярое сердце!» Ходят по избе и говорают: «Ты — есаул, я — атаман! Што поизволите нам?» (3).

92. «Ты сходи-ко на каку-ненабудь большую дорогу, поиши каку-ненабудь большую добычу!» Асаул: «Ходил я на большую дорогу, но не мог найти некакой добычи! Только нашел Офоньку забияку!» А Офонька, он ить был как из детства. Ну, небольшой ишо, маленькой, пацан.

Вот он и спрашивает: «Офонька малой, принеси-ка мне воточки алой!» — «А где же мне её взять-то?» — «Ну, у богатова купца в подставе» (26).

93. «Стоит мельница на семи-то семи поставах?» (28).

94. «А какой её чёрт там поставил?» Ну, атаман опять асаулу как говорит: «Ты — асаул, я — атаман! Кто покоритель здешних стран?.. Сходи опять на большую дорогу и принеси мне каку-нечабудь опять большую добычу!» Он: «Ходил я на большую дорогу, но никакой добычи не нашел, только нашел старова старичишша!» Атаман и говорит: «Подходи ко мне скорее, говори со мной смелее! Што невесело подходишь? Што несмело говоришь? Враз стопчу и с душой разлучу! Откудав ты такой старый старичишша?» — «Я из печишша!» — «А где же ты находился?» — «А я на овине сушился!» — «А овин-от бы загорелся?» — «А я бы вышел да погрелся!» Сначала Офоньку спрашивали, а потом старичишша. А потом атаман и говорит: «Ты — асаул, я — атаман! Все подласы нам!» Это значит, што во же нам покорны. Это «подласы» вот!.. Ну, это тоже было говорено: «У ково болит голова, надо волосы снять догола! Снять череп, мозгов убавать, а прибавить опилу ле, мякину ле» (26).

95. «За ково вы меня почитаете? За царя русскова или за короля французского? Я не есть царь русский, не есть король французский, есть доктор питенбургский! Живых лечу, из мертвых кровь точу! Ко мне приходят на ногах, от меня увозят на осиновых дровнях! Если у ково болит голова, нужно снять волосы догола, чашку снять, мозгов убавить, кислой гушши прибавить, осиновым колом приударить, — тогда не будет болеть голова, будет навеки крепка! Если у ково болят уши, нужно прибить железные баклуши, — не будут болеть уши! У ково болят зубы, нужно зашить губы, — не будут болеть зубы! У ково болят ноги, нужно прибить железные подмоги, — не будут болеть ноги! У ково болят руки, нужно прибить железные крюки, — не будут болеть руки!..» Это доктор здоровствовался, да там тожо другие [персонажи] средились. Чо-то-ся тут они говорили, дак я забыла. А он сперва подошел к им, доктор, и вот поздравствовался. А он так просто, но тожо хорошо одетой был. . . А так средились, как царь или кто каки-то-ся. . . Шляпы большушши были, со звездочками. . . Каки-то-ся значки, колпаки из бумаги (21).

96. Колды уж принесут лавку и садятся поперек, туго говорят: «Садитесь, братцы, по местам, берите весла по бортам! Раз-два, поехали!» И запоют:

Вниз по матушке, по Волге, по Волге,
Вниз по Волге, по широ. . . по широкой,
По широкой, славной, до. . . славной, долгой!
Славной, долгой. . . подымалось мать пого. . . мать погода.
Мать погода. . . погодушка немала. . . немалая. . .
Немалая. . . немалая речка валова. . . валовая.¹
Ничево в валах не видно,
Только видно, только слышно
Сверху лоточка бежала,
Эта лоточка косная,
Што косная, ой да розгребная.
В этой лоточке сидят ребята,
Всё ребята молодые,
Молодые, ой да холостые.
В этой лоточке сидят косновцы,
Што косновцы-розгребновцы.
Во этой лоточке сидят атаман с веслом,
Асаул с багром.
Во середке-то сидят красны девицы,
Асаулу-то они — родны сестрицы,
Атаману-то они — полюбовницы.
— Подгребайте-ко, ребята,

¹ Далее в тексте песни подобное же строфообразование.

Ко крутому бережочку,
 Ко желотому ко песочку,
 Ко Анютиному ко крылечку.
 Тут Анюта выходила,
 Графин водки выносила,
 Стокан водки наливала,
 Атаману подавала (3, 26).

97. Только вот подает будто ему — игра-то! — карасин-от. . . Он как бузгнет! Ну, из рота! И по всей избе огонь. Так и летит. Там-от [в углу пзбы] огонь горит, тамо-ка зажгут (28).

98. Ето девка выходила с графином, а графин-от не графин, а кака-то бутылочка была, называли графином. Где-ко робята в армии были, дак по-путному говорили, не как раньше-то, где-ко по-культурному стали разговаривать. . . Не помню, за што они иё убивали. Знаю вот, как иё качают и поют таку псню:

Померла наша Невера,
 Жизнь покончилась ие!
 Ручки к сердцу приложила,
 Грудь закрыта полотном.
 На кладбишно приносили,
 Состонала мать земля,
 Состонала и сказала:
 — Из разбойничков была!

Атаман говорит: «Бросьте иё в воду!» И иё с рук-от вот едак-то и сбросят, на руках низенько и скинут, она и станет. Эта уж игра хорошая была! Даже пожилые ходили смотрели (26).

99. *Шайку разбойников* играли. Был у меня старший брат, Григорий Павлович Баранов. Книжка у ево была [записная]. Вся игра туда спшсана, чо когда делать. Грамотный был. . . А при мне уж ставили иё один раз. Семнадцать токо лет мне ишло было. [Играли]: Сергей Ларионович Баранов, Егор Федорович Титов, Иван Иванович Брагин и Иван Павлович Баранов, другой брат мой. Там надо: атаман, асаул, Юрко и Анюта. Вот мы иё и разыгрывали. Сначала заходят в избу. На их на всех одинаковы шляпы были, острые, с кисткой. Ну, кисточка из бумажки, нарежут, покрасят, хоть какой цвет, — лишь бы покрашена была! Сам колпак [шляпа] — бумага склеена. На себя надевают хорошее: раз уж разбойнишна шайка, дак одеты чистенько: рубашка, штаны, на ноги валенки, в январе дело-то! Это они разыгрывают! Колокольчики не привязывали. Сначала заходят в избу. Говорят: «Гасите огонь! Игра идет!» Смотреть бегут все, говорят: «Седни шайка разбойников будет выступать!» Первый заходит атаман. . . Здесь они приносят с собой скамью. Заносят в избу и ставят вдоль по полу. Не поперек [досок пола]! Пока не садятся. Когда все проиграют все игры эти [диалоги атамана с Офонькой, старчишшем, которых информантка уже не слышала], потом садятся. Атаман по избе ходит и и все говорит: «Юрко, Юрко, подходи ко мне скорее, говори со мной смелее!» А тот Юрко не скоро подходит. Атаман: «Што невесело подходишь, песмсло говоришь? В грязь стопчу! С душой разлучу!» Юрко подходит и говорит: «Есть, товарищ атаман!» Или: «Есть, товарищ капитан!» Доктор был. . . Это Юрко говорит за доктора. Потом «садятся в лодку» и затягивают песню «Вниз по матушке по Волге, по широкой, славной, долгой» (1).

100. *Розбойнишна шайка* на скамейке сидела, воспевала «Вдоль по матушке реке было по Волге» (23).

101. Там все по псне и разыгрывают. . . Анюта и подавала воду в стакане. Анюта не в «лодке» была, а на стороне — как будто на берегу. Атаман сидит последний на лавке — ему одному подает стакан. Он выпивает. . . Што тут-ка дальше делают, уж не помню (1).

102. Тут всякие игры выражались, *разбойники* ли, как ли. Катерину ли

ешшо каку-то, Катеньку сватали! «Пойдем, — грит, — с нами! Я — атаман! Полюби нас хоть которова! Хоть за которова пойдн замуж!» — «Нет, нейду! Нет, не хочу я с вами водиться, лучше в воду утопиться!» Иё не «зарубливали» пашкой, а только водили в «темницу». Дак забыла, как туто-ся. . . Она одна была в дому-то, на игришшо. Она стояла под порогом. Они пачинали писни пить. Потом стали иё уговаривать. А она отказалася (22).

103. Шайка берет иё на руки. Стоят лицом друг другу. Их штук пять, наверно, шесь — в шайке. И качают на руках и поют:

Померла наша Надежда,
Жизнь скончалася иё,
Ручки к сердцу положила,
И на кладбишше понесли,
На кладбишше приносили,
Застонала мать-земля!
Отчего же застонала?
Из разбойничков была!

Они качают, качают, отпустят — успевай только на ноги ставай! Ногами вперед бросают. Задни-те содырживают: не дают пасть на пол. В шайке гармошка не играла! После зтова гармошка играт, они запляшут — шайка загуляет! . . . Старинно [пляшут]: топают, руками намахивают! Поплясали и ушли. . . Шайка разбойников кончится, таких игров [больших, «хороших»] не выводят. Тогда начинают девчата игрешпенские писни пить [петь]. Мужики и отвалят. . . Тогда спокой маленько! (1).

104. *Разбойнишна шайка* — оно название такое. «Туши свет! Игра идет Разбойнишна шайка!» В деревнях-то знали разбойнишну шайку, которы ребята (12).

105. Атаманов выряжали. Вырядятся атаман и есаул. Атаман хорошо наредится, шибко веселый. Военной средится. . . в фуражке, а другой — в гражданской. Асаул накинёт на себя такой башлык острый. . . Из гумаги наладят острый башлык. Как шлемы каки-то. Атаман-от снарянее был, красивее. . . И наговаривают, ходят по избе-то: «Ты — асаул, я — атаман! Што поизволишь делать нам?» Они пели «Вниз по матушке по Волге. . .» «Ты — асаул, я — атаман! Два де года гулял! . . . Тово в грязь пушшу, с душой разлучу!» (4).

106. Атаман сам средится, потом рядовые. Палочки возьмут, похлопывают по голенищу. Много наговаривали, — а это я не помню. Красива была игра, интересна. Пели «Померла наша Немера» (15).

107. Вырядятся три человека или четыре. Налажают каки-то острые шапки, пояса с кистями. Атаманы-те, они. . . атаманску писню поют, дак я уж забыла (29).

108. Они даже в клубе играли, им Андрейко Плешкович помогал. Мужик! «Вам, — грит, — робята, не сыграть однем-то!» Андрей Крюков это был, погиб в эту войну. . . Асаула играл он. В клубе делали. Комсомольцы жо! Ваня Крюков, Петруша Шаламов и мой Гриша [муж информантки]. Разбойнишну шайку они у старых людей научились. У атамана и есаула просто из гумаги [головные уборы], сделают нарощно на рожественску нидилю. Ишо возьмут девку, — парень это вырядится. Приводят девку. . . Только у трех шапки вострые: атаман, асаул и который говорит иё сначала. Тожо у ево така жо сашка и шапка вострая (12).

109. Этнх атаманов я помню. «Ты — асаул, я — атаман! Все угодыя нам! . . . Это. . . «Юрко, Юрко, подходи ко мне скорей! Говори со мной смелей! Невесело подходишь, несмело говоришь, в грязь спушшу, с душой разлучу! . . .» Ишшо доктор был у атамана. . . Атаман да есаул, оне как в лодке ехали. «Вниз по матушке было по Волге» и запевали. . . Туто-ся все это было-было:

Тут Анюта выходила,
Графин водки выносила,

Асаулу налевала,
Атаману подавала.

Ходили, ходили сватать девуку к атаману (18).

110. Перво асаул иё свататся за sibя. Потом уж атаман-от! Он только выходит с сашками и. . . С атаманом-то сашкой едак-ту черканут [одна о другую]. «Поди, веди мне красную девицу, молодую молодицу!» Которы выводят, двое, — они без ленточек робята, никак не снаряжены. . . Она говорит: «Не пойду! С камнем в воду утоплюся, а за тебя, за асаула, не пойду!» А оп скажот: «Отведите эту девицу в темную темницу, не одумается ли она, не пойдет ли за меня?» А когда девуку в голбец [т. е. в «темницу»] отведут, сами пляшут, напевают. Частушки да чо да выговаривают:

А едрена гать, макаровский мужик,
Ты зачем нашу колашницу бранишь? —
Я за то вашу колашницу браню,
Пошто маленьки калачики печет?
Она рано на базар волокет,
По пяти копеек фунт продает!
Я колашницу на короб посажу,
И колашницу по рынку прокачу!

Опять асаул говорит: «Отворите-ка темницу, выводите вы девицу, молодую молодицу! Не одумается ли она, не пойдет ли за меня?» Она все равно не идет [замуж]. . . А потом атаман свататся. А асаул ишшо скажот: «Ну-ко, не пойдет ли за тебя, за атамана?» Он давай спрашивать: «Пойдешь — нет за меня, за атамана? Красная девица, молодая молодица?» — «Не пойду!» Тоже не идет! «Лучше с камнем в воду утоплюся, токо за вас не пойду!» И тогда он. . . Иё вот так чирканет. . . крест—накрест сашкой по груди (12).

111. «Зарубили» иё и говорили [пели]:

Померла наша Невера
Жизнь покончилась пё. . . (18).

112. Потом ишшо скажут: «Прощай!» Как иё понесут. И запоют, все, сколько на игришше. Тут ить народу-то не маленько! Берут на руки, народ, и запоют:

Померла наша Манера,
Жись покончилась иё!

Девки и робята. . . писню поют, а едак качают. . . Как манерная она: не хочет взамуж итти, вот иё и навеличивали. . . Как с рук спустят пё, она уйдет, тогда они поют:

Мы не воры, не разбойнички,
Мы промысловые да роботнички!

Вот только едак скажут и все. Игра кончатся, и другую заводят (12).

113. Перво атаман будет иё сватать. «Не пойду я вожжаться с разбойнишной шайкой, лучше с берега в воду утоплюсь!» Он скажот: «Отведите иё в темную темницу, не одумается ли она, не пойдет ли за меня?» А она все то же говорит. Парня тожо вырядят. В девичью лопоть. . . кофту да юбку носили, запон — фартук. . . Она скажот в третий раз: «Лучше с камнем в воду утоплюся, а за тебя, за атамана, не пойду!» (12).

Ю. И. МАРЧЕНКО

ЗАМЕЧАНИЯ О НАПЕВАХ ВОЛОГОДСКИХ ПРИЧИТАНИЙ

В фольклористической литературе причет рассматривается как художественная система, связанная с женскими прощальными обрядами.¹ Что же касается ее собственно музыкальных характеристик, то они многоплановы и устанавливают параллели с различными интонационными источниками. По-видимому, причетные напевы уместно определить как простейшие музыкальные формы, сложившиеся посредством художественного обобщения приемов возгласного и речевого интонирования, но преимущественно тех из них, которые формировались на основе традиции плача. Это определяет художественную специфику напевов, которые, с одной стороны, обнаруживают параллели с музыкальными формами поющих жанров повествовательного фольклора (в первую очередь с эпосом и лирикой), но с другой — образуют самостоятельную систему, легко различимую среди прочих музыкальных систем традиции и обладающую неповторимыми, присущими ей одной музыкальными качествами.

Формирование причета связано с различными обрядами — погребальными, свадебными, календарными. Поэтому напевы плачей отличаются сложным соотношением музыкальных компонентов, восходящих как к декламационным, так и к песенным формам. Причем даже в напевах одной традиции возможно соединение генетически различных интонационных элементов.

Своеобразие причитаний отмечено многими исследователями. Из музыковедческих трудов, специально посвященных этому жанру, первоочередного внимания заслуживает монография Б. Б. Ефименковой «Севернорусская причет». Работа выполнена на ограниченном материале, записанном в междуречье Сухоны и Юга и в верховьях р. Кокшеньги (восточные районы Вологодской области). Но ее основные положения имеют важное значение для музыкальной текстологии. Суть их сводится к следующему. Севернорусский причет представлен двумя видами плачей — индивидуальными и групповыми. Последние свойственны только свадебному обряду. В вологодских традициях за каждым из видов закреплены свои напевы. В каждой местности исполнение причетных текстов происходит на два напева. Один из них — напев плача по умершим, другой — напев свадебного группового причета. Все другие причитания (воинские, причеты невесты, причеты на случай) не имеют своих напевов и интонируются в зависимости от обычая на напевы либо погребального, либо свадебного причета. Свадебные причитания в свою очередь опираются на традицию местного погребального плача.²

Используя народную терминологию, Б. Б. Ефименкова вводит понятие «песня-причет» и «причетная песня»³ для обозначения музыкальных форм, выступающих в функции группового причета. Устанавливаются два пути вырастания песни из плача: первый, по мнению автора, связан с развитием внутрислоговой мелодики, второй — с усложнением музыкальной формы, с превращением ее в строфическую.⁴ Из контекста работы следует, что первичными музыкальными формами причета были напевы погребальных плачей. Их структурное усложнение привело к возникновению свадебных групповых причитаний. Все прочие плачи изначально не имели самостоятельной традиции напева.

Иную точку зрения сформулировал В. А. Лапин. Он утверждает, что «свадебное групповое голошение — это не „фактурный“ вариант индивидуального причитания и не один из типов причета вообще. Сама форма группового голошения должна быть отнесена к важнейшим обрядовым символам, которые участвуют в обряде и в то же время подвергаются многократно дублированной „расшифровке“». Более того, по мне

---

¹ Чистов К. В. Причитания у славянских и финно-угорских народов. (Некоторые итоги и проблемы) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 104—105.

² Ефименкова Б. Б. Севернорусская причет. М., 1980. С. 13, 36, 57.

³ Ефименкова Б. Б. Причетная песня в бассейне реки Юг // Памяти К. Квитки. М., 1983. С. 149—165.

⁴ Ефименкова Б. Б. Севернорусская причет. . . С. 77—78.

нию автора, «групповое голошение — самостоятельный вид русского музыкального фольклора».⁵ В. А. Лапин пытается рассматривать групповое голошение вне сферы причети, избегая в своих определениях даже само слово «причет». Обособляя групповое голошение в «самостоятельный вид русского музыкального фольклора», автор стремится определить границы его музыкально-стилевого диапазона. Суть наблюдений он формулирует так: «... по комплексу структурно-стилевых характеристик рассматриваемые (лужско-шелонские. — Ю. М.) голошения демонстрируют огромный диапазон возможностей, территориально в той или иной степени дифференцированных. . . Создается впечатление, что здесь в групповых голошениях испробованы и проверены многие принципиальные композиционные и ладомелодические „идеи“ русской песенности».⁶

В. А. Лапин публикует тринадцать образцов группового голошения, десять из которых приводятся в записи с сольного исполнения. Поэтому типологическая представительность материала, к которому обращается исследователь, нуждается в дополнительных подтверждениях. Публикация сопровождается наблюдениями эмпирического характера, отмечаются связи группового голошения с похоронными причитаниями, лирическими свадебными, лирическими протяжными песнями.⁷ Строго говоря, научная позиция В. А. Лапина не получает в скромной по объему работе должного текстологического обоснования. Поэтому попытка обособления группового голошения в самостоятельный вид или жанр русского музыкального фольклора выглядит несколько преждевременной.

В музыкальном плане причет не выходит за рамки повествовательных жанров поощерого фольклора. Она представлена напевами, которые следует отнести к разряду музыкальных форм, направленных на произнесение слова. Возможно, их целевое назначение изначально не предполагало песенного решения. Ведущим в причети оказывается поэтическое начало, и какими бы ни были напевы, среди которых встречаются и развитые в музыкальном отношении композиции (примеры 1, 2), они всегда остаются средством произнесения поэтического текста, т. е. в конечном счете восходят к обрядовым формам музыкальной декламации. И даже в том случае, когда причетные напевы внешне напоминают песенные структуры, внутренняя организация материала у них иная, не позволяющая рассматривать эти напевы как образцы чисто песенного происхождения.⁸ Таким образом, устанавливается типологический статус, общий для всех причитаний, независимо от их вида и музыкальной формы. В этой связи и «причетные песни» или «песни-причеты», и поморские «свадебные стихи»,⁹ и «хоровое голошение» следует рассматривать как явления одного функционального ряда, но характеризующие разные местные традиции. Это все-таки групповые причитания, если угодно, — самостоятельный вид русской причети, но не вид и не жанр русского музыкального фольклора.

Причитание — всегда коллективная форма. Даже в том случае, когда оно исполняется одной плачеей, т. е. имеет внешне индивидуальную форму выражения, обязательно предполагается соучастие. Это могут быть успокаивающие плачею уговоры, жесты участников обряда и др. Причитают всегда на людях и все коллективные действия обязательны и закреплены обычаями. По-видимому, различные формы участия в обряде могли получать многостороннее художественное выражение, и в частности — музыкально-художественное. Тут, на наш взгляд, и следует искать причины для возникновения самостоятельных, но тесно связанных музыкальных форм, предпосылки

⁵ Лапин В. А.: 1) Воля — групповое голошение в лужско-шелонской свадебной традиции // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 114—115; 2) Свадебное групповое голошение — песня или причет? // Музыка русской свадьбы: Проблемы регионального исследования. Тез. докл. науч.-практ. конференции (г. Смоленск, 20—24 мая 1987 г.). М., 1987. С. 45—47.

⁶ Лапин В. А. Свадебное групповое голошение — песня или причет? С. 45—46.

⁷ Лапин В. А. Воля — групповое голошение. . . С. 108, 110, 112. Отметим, что на связи причитаний с песенным жанром указывает и Б. Б. Ефименкова (Севернорусская причет. . . С. 68—69). Интересные наблюдения содержатся в работе М. К. Бурьяк (*Бурьяк М. К.* Групповое голошение Гдовской свадьбы // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. . . С. 116—124). См. также: Руднева А. В. О двух вариантах плача «Пора встать ото сна беспечального» // Памяти К. Квитки. . . С. 138—148. А. В. Руднева выдвигает гипотезу о влиянии культуры знаменитого распева на групповое голошение поморов. Со своей стороны отметим, что такое влияние могло быть очень значительным (см. Приложение, пример 1).

⁸ Таковы, например, образцы групповых причитаний, записанные в районах позднего заселения. См.: Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома: Русские песни Южного Алтая (альбом грампластинок с приложением нотировок и расшифровок текстов). С20 19883 005. Мелодия, 1983. № 4, 9.

⁹ Резниченко Е. Б. Поморские «свадебные стихи» как особый вид северной причети // Традиционное народное музыкальное искусство и современность. М., 1982. С. 64—78.

для формирования минимум двух контрастных музыкальных традиций, вытекающие из самой коллективной природы причети.

Исходя из положения о генетической однородности обряда и его музыкальных форм на значительной территории Б. Б. Ефименкова отмечает, что различные виды причетного типа (мелодические и ритмические) самостоятельны по отношению друг к другу и вступают в разнообразные комбинации.¹⁰ Одновременно исследователь утверждает, что территории восточновологодского края являются «областью распространения одного из стилевых типов севернорусского причета».¹¹ Если принять позицию Б. Б. Ефименковой, то оказывается, что некоторые вологодские причетные традиции отличаются сочетанием напевов различных стилевых типов. Объяснить же такое явление сложным процессом формирования местных песенных культур далеко не всегда удастся. Б. Б. Ефименкова устанавливает ядро ареала и переходные стилевые зоны, но нет никакой гарантии, что состояние местных традиций за последние полтора столетия не связано с процессами угасания культуры, забвения ранее существовавших форм, наконец, с их постепенным упрощением, приведенным к «золотой середине». Думается, ответы на эти вопросы еще впереди.

Музыкальные материалы по вологодской причети убеждают в том, что конкретные напевы складывались под воздействием нескольких интонационных источников: плач, повествовательная речь, лирический распев и др. Более всего эти напевы сохраняют связь с речевыми прототипами. Отсюда — направленность на произнесение слова, а в конечном счете — опора на систему тонического стихосложения. Так определяется комплекс формообразующих принципов, свойственный музыкальным формам различных традиций. Простое декламационное произнесение текста выражается через равномерное слогопроизнесение. Принцип возгласного интонирования находит воплощение в ритмической опорности на минимальных промежутках звучания (слоговые пары) путем чередования долготы и краткости (в простейшем соотношении — 2 : 1 или наоборот). Существенную роль играют акценты тонического стиха — в координации стиха и напева происходит совпадение долготы произнесения слога со стиховым акцентом. Возможно увеличение музыкального времени начального и конечного слогов — слогов, приходящихся на границы стиха. Тем самым подчеркивается смысловая цезура, отделяющая один стих от другого. Связь с плачевым интонированием выражается в традиции прерывистого дыхания, что приводит к слогоразрывам и словообрывам. Их местоположение в напевах всегда строго определено. Традиция прерывистого дыхания формирует короткофразные построения. Возможно усеменение или ускоренное интонирование завершающих частей музыкальной формы. Фраза основного причетного текста часто предваряется возгласом. Такие возгласы, состоящие из междометий и предлогов, могут закрепляться как самостоятельные элементы музыкальной формы и часто разрастаются до фразы-предикта.

Главные формообразующие принципы по-разному сказываются на стилистике местных музыкальных форм причети. Возможно частичное усвоение выразительных средств, присущих культуре плача, закрепление этих средств как специфических для конкретной традиции. В результате возникают особенные, не имеющие аналогов, музыкальные версии. А это в свою очередь позволяет осуществлять локализацию местных традиций с большой точностью.

Важный вопрос связан с разграничением декламационных и песенных форм в причети. Ф. А. Рубцов отмечал условность воплощения плачевых интонаций в песенных формах.¹² Тем самым исследователь впервые указал на контрастные музыкальные традиции, сформировавшиеся на основе плачевой культуры. Уместно привести формальные характеристики декламационных и песенных форм в крайних точках присущего им диапазона выразительных средств. Декламационные формы отличаются отсутствием постоянного количественно-слогового объема, отсутствие регулярного музыкального времени, принцип соответствия одного слога одному звуку, наличие одной интонационной опоры, преимущественно одноголосное изложение, нерасчлененность музыкальной формы, цезурность, стиховая композиция. В этих условиях решающим фактором оказывается направленность на произнесение слова, что подчеркивает связь музыкальной формы с речевым началом. Песенные формы характеризуются постоянством количественно-слогового объема, постоянством музыкального времени всех элементов музыкальной формы, наличием внутрислоговых распевов, присутствием нескольких интонационных опор, принципиально многоголосным изложением, развитостью композиции, бесцезурным изложением, строфическим строением. Важнейшие качества такой формы указывают на преобладание принципов собственно музыкального развития, подчеркивают вторичность взаимосвязи слова и музыки.

Можно предположить, что декламационные и напевно-декламационные формы в большей степени свойственны сольным плачам, песенные — групповым причетаниям. Но это не всегда так. Имеются многочисленные примеры использования декламационных форм в групповой причети и песенных — в одиночных плачах (см. приме-

¹⁰ Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. . . С. 49.

¹¹ Там же. С. 33.

¹² Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М., 1973. С. 51—53.

ры 3, 4). Большинство же напевов отличает сложное и своеобразное соотношение музыкальных элементов, восходящих и к декламационным, и к песенным формам.¹³ Практически любой причетный напев может характеризоваться через преобладание признаков декламационного или песенного начал, но не через отсутствие признаков одного из них.

Таким образом, в качестве предварительного вывода можно отметить, что музыкальная типология причетных напевов не связывается прямо ни с их конкретным назначением в быту (похоронное, свадебное, рекрутское причитание или какое-либо причитание на случай), ни с местной формой исполнения (сольной или групповой).

Следующий круг вопросов касается музыкальной стилистики местных причетных традиций. Показательно, что Б. Б. Ефименкова рассматривает преимущественно те традиции, которые опираются на идентичные или типологически родственные формы напевов. Это позволяет исследователю установить многосторонние взаимосвязи между музыкальными формами. Подчеркнем, что при таком подходе наиболее удобными для анализа оказываются напевы северо-восточных причитаний. Именно в этом разделе работы Б. Б. Ефименковой (бассейн р. Кокшеньги) содержатся наиболее убедительные текстологические наблюдения.¹⁴ Дело в том, что все причитания верховьев Кокшеньги опираются на одну композицию, которая получает распространение в двух темповых версиях. Одну из этих версий Б. Б. Ефименкова связывает с погребальными плачами, другую — со свадебными групповыми причитаниями. По нашим материалам такая особенность отличает причетные традиции всего лишь трех сельсоветов Тарногского района (Илезский, Верх-Кокшеньгский, частично Озерецкий). Каждая из версий встречается как в сольном, так и в групповом исполнении, одна из них (скорая) имеет широкий внутрияровой диапазон и используется в различных причитаниях независимо от их конкретного назначения (в том числе и в групповых поминальных или погребальных плачах — см. пример 5). Но уже на Уфтюге (приток Кокшеньги) в причети появляются две контрастные формы, прямая взаимосвязь которых далеко не очевидна.¹⁵ Между тем этнографические характеристики причетных традиций на Уфтюге не дают никаких оснований для того, чтобы противопоставлять их традициям верховьев Кокшеньги. Б. Б. Ефименкова же утверждает следующее: «Здесь (на Уфтюге. — Ю. М.) причитает одна невеста (на напев плача по умершим, но с кратким восклицанием «ой, да»); девушки поют только величания во время застолья. Однако некоторые из них (величания тысяцкого, божатки) имеют типовые напевы, аналогичные групповым причетам-песням соседних традиций. . . В силу такого отличия традиций, к тому же недостаточно самостоятельной по мелодическому материалу, свадьба на Уфтюге в работе не рассматривается».¹⁶

Позволим себе не согласиться с Б. Б. Ефименковой. Во-первых, нет никакой гарантии, что скорая версия верх-кокшеньгского причетного напева сложилась изначально в сольных причитаниях — ее структурные характеристики скорее свидетельствуют об обратном; во-вторых, неясно почему она связывается автором в первую очередь с погребальным обрядом. В-третьих, не явились ли обе версии результатом музыкального взаимодействия каких-либо третьих форм, утраченных еще в тот период, когда их научная фиксация не могла производиться? В-четвертых, является ли «типологическая чистота» традиции признаком ее наибольшей архаичности? А потому — что и как должно было влиять на традиции Уфтюги, на наш взгляд, весьма богатые и органично вплетающиеся в причетную культуру восточновологодского края, и почему не наоборот?

С другой стороны, по мере изучения вологодской песенности стало ясно, что традиции Кокшеньги хоть и вписываются в культуру вологодского края, но резко отличаются от соседних, охватывающих территорию междуречья Сухоны и Юга. Именно по Кокшеньге проходит южная граница северных традиций, распространяющихся с территории Архангельской области. Прослеживается это на музыкальной стилистике всех жанров песенного фольклора, улавливается и в особенностях местного говора. Кокшеньгские причитания в большей степени связываются с причетью междуречья Северной Двины и Ваги, составляя контраст музыкальным формам южновологодских культур, к коим следует отнести причитания междуречья Сухоны и Юга. Благодаря этому территория восточной части Вологодской области делится как бы пополам, и граница проходит примерно по Сухоне.

Намного сложнее обстоит дело с материалами по Тотемскому району. Так, музыкальные формы причитаний среднесухонской зоны (Мосеевский, Матвеевский, Медведевский, Вожбальский сельсоветы) можно отнести к единому причетному типу, получающему специфические воплощения в декламационных (сольных) и песенных

¹³ Марченко Ю. И. Напевы групповых причитаний в междуречье Северной Двины и Ваги // Русская народная песня: Стиль, жанр, традиция. Л., 1985. С. 45—50.

¹⁴ Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. . . С. 42—44, 58—59.

¹⁵ Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985. С. 83—89, № 5—7.

¹⁶ Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. . . С. 57, сн. 1.

(групповых) формах.¹⁷ Но уже в населенных пунктах, расположенных вокруг озера Сондуга (Вожбалский сельсовет), причетные тексты исполняются на пять напевов (один похоронный, четыре свадебных), которые устанавливают параллели не столько со среднесухонской, сколько с другими и более отдаленными традициями Вологодской области. В чем же причина такого явления? Так ли разительно отличалось формирование местных культур в разных деревнях одного (Вожбалского) сельсовета? Вероятнее всего, нет. Но среди причетных напевов, записанных в разных концах этого сельсовета, есть и такие, которые, согласно концепции Б. Б. Ефименковой, следовало бы отнести к различным стиливым типам причеты (например, восьмисложные и семи-девятисложные формы: первые типичны для восточных районов, последние отличают традиции Верховажья и Белозерья, распространяясь на север до Шенкурского района Архангельской области). Конечно, можно попытаться объяснить такое смещение внутрирайонными миграциями населения, присутствием переселенцев с Ваги, Кулоя, Сухоны. Однако причетные напевы Сондуги складываются в достаточно стройную систему, распределяясь по назначению так: один напев закреплен за похоронными причитаниями, один — за сольными причитаниями свадебного обряда, самостоятельные напевы имеют причеты плачей и групповые причитания девушек. Пятый напев используется в отдельных обрядовых ситуациях плачей (сольная форма) и девушками (групповая форма). В данном случае для нас несущественно, сколько было источников, повлиявших на формирование такой системы, не важно и то, какие это были источники. Одно безусловно — сама система могла сложиться и существовать только лишь при условии ее традиционности. По-видимому, местная плачевая культура изначально предполагала закрепление самостоятельных музыкальных форм за различными по назначению причитаниями, и, вероятно, достаточно архаичные традиции Сондуги сохранили эту особенность в наиболее полном виде.

Так или иначе, но многие местные традиции опираются на три и даже четыре напева при интонировании причетных текстов. Причем некоторые из напевов оказываются взаимозаменяемыми. Не всегда возможно рассматривать такие культуры как периферийные, расположенные на границах ареалов. Кроме того, сами ареалы устанавливаются посредством картографирования отдельных характеристик музыкальной формы (у Б. Б. Ефименковой: — ритмический и мелодический виды причетного типа в похоронных и свадебных причитаниях), т. е. до некоторой степени представляют собой результат аналитического восприятия материала исследователем. Нет пока гарантии, что найден оптимальный вариант картографирования музыкальных традиций, хотя опыт такого картографирования безусловно полезен.

Подчеркнем еще одно важное обстоятельство. Всякая система традиционна для местной культуры, поэтому важнее, на наш взгляд, сравнивать фольклорные традиции с точки зрения их полноты, но не с точки зрения их генетической зависимости друг от друга. Тем более, если речь идет о местных культурах, формировавшихся параллельно и родственных в своей основе.¹⁸ В отношении причеты это означает, что необходим учет максимального количества музыкальных форм и условий их бытования, быть может, и отказ от преждевременных генетических концепций. Во всяком случае желательно задуматься над тем, возможно ли вообще применение историко-этнографических концепций плачевой культуры к музыкальным системам этой культуры, или же следует вести поиск в другом направлении, рассматривая музыкально-стилевые каноны на музыкально-художественном уровне, в сложившейся системе жанров музыкального фольклора и в художественных системах местных песенных традиций.

Следующий вопрос касается причетно-опевальных комплексов свадебного обряда. В севернорусской свадьбе, в особенности на территории Вологодской области, получают распространение причитания невесты на фоне групповых причетов девушек. Образующиеся при этом музыкальные комплексы зачастую объединяют напевы, входящие к различным интонационным и даже музыкально-художественным прототипам. Но одновременное звучание контрастных напевов не вызывает ощущения дисгармонии. Почему же это происходит? Более того, почему это типично для различных местных форм русской свадьбы? Допустим, что формирование традиции происходило на основе разнообразных заимствований и в результате местная причет получила выражение в предельно контрастных по отношению друг к другу напевах. Но этого недостаточно для объяснения хотя бы потому, что не всегда удается отыскать «типологически чистые» культуры, которые можно было бы принять за исходные. Скорее, речь может идти о внутренней взаимосвязи напевов, вытекающей не только из конкретной обрядовой ситуации. Причина такой взаимосвязи — в опоре напевов причитаний на единую систему музыкального интонирования. Если рассмотреть на-

¹⁷ См.: 1) Народные песни Вологодской области: Песни средней Сухоны / Сост. А. М. Мехнецов. Л., 1981. С. 3—4; № 23—26, 29—31; С. 49—52, 53—58; 2) Марченко Ю. П. Напевы групповых причитаний. . . С. 47—48.

¹⁸ Балашов Д. М. От полевой записи — к изданию (современное состояние свадебного обряда) // Русский фольклор: Полевые исследования. Л., 1985. Т. 23. С. 83—87.

певы причитаний с точки зрения их композиции, то окажется, что в каждом из них реализуется несколько определяющих формообразующих принципов, но не один из принципов не реализуется полностью (см. примеры 6—9).¹⁹ С другой стороны, один какой-либо композиционный прием может получать лишь частичное воплощение в напевах какой-либо традиции и никак не обнаруживать себя в напевах соседней местной культуры. Поэтому есть все основания связывать причет с особой музыкально-художественной системой, которая объединяет культуры на обширной территории, но реализуется лишь в конкретных и исключительно местных формах.

По-видимому, в напевах причитаний следует подчеркнуть не столько генетические и семантические связи, сколько их морфологические особенности. Все напевы оказываются звеньями одной цепи, но звенья эти разбросаны, что в свою очередь серьезно затрудняет комплексный анализ всей музыкальной системы.

Мы вправе предположить, что формирование вологодских песенных традиций было связано с процессом переинтонирования ранее сложившегося музыкально-художественного фонда. Вероятнее всего, этот художественный фонд опирался именно на новгородскую культуру. Но вологодские причетные напевы, к каким бы источникам они ни восходили, должны рассматриваться прежде всего в контексте севернорусской песенной культуры. Мы не можем исключить изначального влияния на эти формы ни древнерусского фольклорного наследия, ни возможного влияния культуры автохтонного (финно-угорского) населения, однако должны подчеркнуть следующее: независимо от того, каким был процесс формирования напевов вологодских причитаний, окончательно они закрепились и получили распространение уже в то время, когда севернорусская музыкальная культура устной традиции сложилась как культура самостоятельная.

ТЕКСТЫ

1

1 Бла - го - сло - ви - ко се да_к(ы) бо - же гос_по_ди,

2 Божь - я .. о_й(и) да_к(ы) бо_ж(и)я_то
мать пре - сва - та_я бо_го - ро_ди_ца

3 Ко - то.. о_й(и) да_к_то_ра на сте -
ны сто - и_т(ы) да_к(ы) во ки о_т

4 Во се.. о_и(и) да_к(ы) во се -
ре бря но_м(ы) сто_ит во о_к(ы) ла_де

¹⁹ Ср.: Никольские песни, записанные в Никольском районе Вологодской области / Сост. М. Л. Мазо. М.; Л., 1975. С. 38—41, № 34, 35. См. также: Ефименкова В. В. Севернорусская причет. . . С. 34.

$\text{♩} = 84-88$ 2

1. Ой да ты вста ва (а) й(и), да на_ша по_д(ы) ру_жень_кя,

2 Да со по_сте (е) л(и)_юш_ки пу_хо_вы_е,

3. Да из_под о_ды_я (а) ле_ц(и)_кя тѣп_ло_во_.

4 Да со по_ду_(у) ш(ы)_ки_то да мяг_ки_е

$\text{♩} = 100$ 3

56 Ох ты глу па_я мо_я м(ы)_ла.. /да милая/
но

57. Уж не бо_л(и)_ше_н(и)_ко_й(и) че_с(ы)_ной го_с(ы)_под_ней.. /день/
й

58 Про_сва_та_на, мо_я м(ы)_ла.. /да милая/
й

59 у лас_ко_т(и)_ни_ц(и)_ка_к(ы)_ра_с(ы).. /на солнышка/
й

60 У пас_ко_т(и)_ни_ци_то мо_е_й(и) жа_лан_ной.. /матушки/
й

$\text{♩} = 52$ 4

1. Ой да е_то што у вас да за пра_зд_ни_цѣк,

2 Да е_то што же да за пре_сто... оль_ной день?

3 Да к нам_та за_цем же да гос_ти_то съе_ха_лись,

4 О_не_то за_цем_то за сто_л(ы), то са_ди_ли_ся?

$\text{♩} = 60-64$ 5

1 О.. ой - бй дак по - ка - ти_с(и), мо_й(и) зы - це(и) о го_лос,

2 Да вы_со - ко по_по_д(ы) не . о . 'бе_су,

3 Да ши - ро - ко по сы - ро(й).. о... зем(ы)ле,

4 Да да - лё - ко по до - ро. о... жен(и)ке...

$\text{♩} = 160-164$ невеста. 6

$\text{♩} = 160$ девушки.

1 Ой . ой дак уж от_ка -

1 От_ка - жи, ле_бедь бе_ла_я, от_ка - жи, ле_бедь_бе...

_ жу, ле_бедь бе_ла . ой! 2 Ой дак уж три пу -

2. Три пу - ти, три до - ро_жень_ки, три пу - ти, три до - ро_жень_ки.

_ ти, три до... ой! 3 Ой дак уж три лю -

3 И три лю_би_мы_ё у_ходь_я, три лю_би_мы_ё у_ходь_я.

_ би_мы_ё у_ко . ой!

$\text{♩} = 168$
девушки

7

1 Е ще сла - ва, сла - ва бо - гу, е - щё сла...

$\text{♩} = 164 - 168$
невеста

1 Ой дак уж до - жда -

2 До - жда - лась до - где - де - ла - се, до - жда - лась

лась - то я, до - где - де - ла - се, 2. Ой дак уж я до

3 Я до све - ту - то бе - ло - ва, я до све

све - ту то бе - ло - ва

4 И до крас но - во сол ныш - ка, и до кра ..

$\text{♩} = 224$

8

1. Мо - я жа... жа - лость ве - ли.. ли - ка - я,

2. Да' мой ро - ди... ди - мой ты тя . тя - тень - ка.

3. Да я из див... из див по - ди - ву.. у - ю - се -

4. Да ку - да жа... жа - лость де - ва... ва - ла - се?

5. Да от ме - ня... ме - ня от - сту - пи... пи - ли - се!

6. Да все хо - тел... хо - тел ты, ро - ди... ди - мень - кой...

♩ = 180

9

1 Бла - сло - ви - ко, ис - тин - ной Хрис - тос,
 бла - сло - ви - ко, ис - тин - ной Хрис - тос,

2 Мне вста - вать - то, мо - ло - де шень - ке,
 мне вста - вать - то, мо - ло - де шень - ке,

3 Со вы - со - ки - ё - то ла воць - ки,
 со вы - со - ки - ё - то ла воць - ки...

(к напеву 1)

Благослови-ко-се, дак боже-господи,
 Божья... ой дак божья-то мать пресвятая богородица,
 Кото... ой да котора на стены стоит дак во ките,
 Во се... ой дак во серебряном стоит во окладе.

(к напеву 2)

Ой да ты вставай, да наша подруженья,
 Да со постельюшки пуховые,
 Да из-под одыялецкя тёпловое,
 Да со подушки-то да мягкие.
 Ты вставай-ко да на ножки резвые,
 Да на цюлоцьки сафьяные.
 Да подойди-ко, да родная матушка,
 Да ты ко мне дак под окошецкё.
 Ты позови-ко да родного батюшка
 Да в остальные в последний.
 Ты сходи-ко, да родная матушка,
 Во столовую-ту в горницу.
 Да принеси-ко да мне платье белоё,
 Да белоё, да подвенешное,
 Да принеси да на мои ручки белые.
 Да проводи-ко, да меня, горькую,
 Да проводи-ко, да бедногорькую,
 Да на весёлую гуляноцькую,
 На широкую улоцькую,
 Да со своим да подруженькам...

(к напеву 3)

Ох ты, глупая моя мля. . . <да милая>
 Уж не большенькой чёстной господиней. . . <день>
 Просватана, моя мля. . . <да милая>
 У ласкотницька крас. . . <на солнышка>
 У ласкотници-то моёй жаланной. . . <матушки>
 За етую-ту злодей. . . <ку незнакомую>
 Подойди-ко, ласкотницёк, моё красно. . .
<солнышко>
 Благослови-ко меня, крас. . . <но солнышко>
 Как уж мылась-то во тёплой-то во пар. . . <ной
баенке>
 Пришла хрёстненька крёсто. . . <ва магушка>
 Называет куколкой <. . .>
 «Во госьи-то, милого сви. . . <дети>
 Розреши-ко ты мне-ка, глу. . . <пой девице>». . .

(к напеву 4)

Ой да ето што у вас да за праздницёк,
 Да ето што же да за престольной день?
 Да к нам-то зацем же да гости-то съехались,
 Оне-то зацем-то за стол-то садились?
 Да оне руками-то крепко да брались,
 Да оне словами да уливались. . .

(к напеву 5)

О. . . ой-ёй дак покаться, мой зыцё(п). . . о. . .
голос,
 Да высоко по подне. . . о. . . бесу,
 Да широко по сыро(й). . . о. . . земле,
 Да далёко по доро. . . о. . . женьке,
 Да к соловецьким-то за. . . о. . . морё.
 Ой да прилетите, серы. . . о. . . гуси,
 От соловецьких из-за. . . о. . . моря.
 Да уж вы сядьте, серы. . . о. . . гуси,
 Да на крёсты-те церко. . . о. . . вные —
 Да тут не место, не ми. . . о. . . стецько!
 Да попуститесь, серы. . . о. . . гуси,
 Да на клубци золоцё. . . о. . . ные —
 Да тут не место, не ми. . . о. . . стецько!
 Да попуститесь, серы. . . о. . . гуси,
 Да на крутую доро. . . о. . . женьку —
 Да тут не место, не ми. . . о. . . стецько!
 Да попуститесь, серы. . . о. . . гуси,
 Да на кресты-те моги. . . о. . . льные —
 Да тут не место, не ми. . . о. . . стецько!
 Да попуститесь, серы. . . о. . . гуси,
 Да на крутую моги. . . о. . . лоцьку.
 Да розгребите, серы. . . о. . . гуси,
 Зелёные-те лужо. . . о. . . цики,
 Да розгребите, серы. . . о. . . гуси,
 Да жовтые-те песо. . . о. . . цики,

Да розгребите, серы. . . о . . . гуси,
 Да серые камешо. . . о . . . цики!
 Ой-ёй да накатись, туця гро. . . о . . . зкая,
 Да перевалушка си. . . о . . . пня,
 Да со серым камешо. . . о . . . циком.
 Да упади, серой ка. . . о . . . мешок,
 Да в крутую-ту моги. . . о . . . лушку.
 Да росшиби, серой ка. . . о . . . мешок,
 Да гробовую доще. . . о . . . ченьку
 Да на цётыре цясти. . . о . . . ноцьки!
 Да дуньте, ветры-те бу(й). . . о . . . ные,
 Да со востоцьную сто. . . о . . . рону.
 Да сдуньте, ветры-те бу(й). . . о . . . ные,
 Да всё у младушки ми. . . о . . . лые
 Да со лица-то гума. . . о . . . жново
 Да долгое полотё. . . о . . . нышко!
 Да цяс от ным да топе. . . о . . . реци,
 Да ты вставай-ко, су-мла. . . о . . . душко,
 Ой да цветоцёк баской я. . . о . . . блуцёк,
 Да ты, любой ты племя. . . о . . . нницёк!
 Ой да подыми брови ру. . . о . . . сые,
 Да звезды оци-те я. . . о . . . сные,
 Да склади крёст по-писа. . . о . . . льному,
 Да перекстись по-досе. . . о . . . льному!
 Да ты ставай-ко, племя. . . о . . . невко,
 Да на свои резвы но. . . о . . . женьки!
 Да погляди-ко, су-бра. . . о . . . тёвко,
 Ты по народу крешё. . . о . . . ному.
 Да погляди-ко, су-бра. . . о . . . тёвко,
 Да на крутую моги. . . о . . . лушку!
 Да на крутой-то моги. . . о . . . лушке
 Да не клубоцик ката. . . о . . . итце —
 Твоё дитя убива. . . о . . . итце!

(к напеву 6)

Н е в е с т а:

Ой. . . ой дак уж откажу, лебедь бела. . . ой!
 Ой дак уж три пути, три до. . . ой!
 Ой дак уж три любимые уха. . . ой!
 Ой дак уж первую-ту путь-дороже. . . ой!
 Ой дак уж в лес по губки, по яго. . . ой!
 Ой дак уж во вторую путь-до . . . ой!
 Ой дак уж на гулянки-наря. . . ой!
 Ой дак уж на кацюлю весёлу. . . ой!
 Ой дак уж на игры на му. . . ой!
 Ой дак уж третьюю путь-дороже. . .

Д е в у ш к и:

Откажи, лебедь белая, откажи, лебедь бе. . .
 Три пути, три дороженьки, три пути, три дороженьки,
 И три любимые уходя, три любимые уходя.
 Первую-ту путь-дороженьку, первую-ту путь-дороженьку —
 И в лес по губки, по ягодки, в лес по губки, по ягодки,

И по зелёные винецьки, по зелёные ви. . . <нецьки>.
 Во вторую путь-дороженьку, во вторую путь-дороженьку —
 На гулянки-наряжонки, на гулянки-наряжонки,
 На кацюли весёлые, на кацюли весёлые,
 На игры на мудрёные, на игры на мудрёные,
 Третью-ту путь-дороженьку, третью-ту путь-
 дороженьку —
 На работу тяжёлую, на работу <тяжёлую>.

(к напеву 7)

Н е в е с т а:

Ой дак уж дождалась-то я, догледеласё,
 Ой дак уж я до свету-то белова,
 Ой дак уж и до солнышка краснова.
 Ой дак уж летят. . . летят лебеди белые,
 Ой дак милые. . . милые мои подруженьки.
 Вам добро идти-жаловать
 Ой дак уж к нам во светлую свитлицю,
 Ой дак уж во столовую горницю
 Ко моим ко родименьким,
 К им на пир да на братцинку,
 На весельё, на радости.
 Ой дак уж ко мне, молодёшеньке,
 Ой дак на горё да на круцину,
 На пецаль на великую.
 У меня-то горё-круцина
 Полна буйная голова.

Д е в у ш к и:

Ещё слава, слава богу, ещё сла. . .
 Дождалась-догледеласё, дождалась. . .
 Я до свету-то белова, я до све. . .
 И до краснова солнышка, и до кра. . .
 Что летят-то из под солнышка, что летят. . .
 Летят лебеди белые, летят ле. . .
 Милые мои подруженьки, милые. . .
 Вам добро идти-жаловать, вам добро. . .
 К нам во светлую свитлицю, к нам во све. . .
 Ко моим-то ко родименьким, ко моим. . .
 К ним на пир да на братцинку, к ним на пир. . .
 На весельё, на радости, на весе. . .
 А ко мне, молодёшеньке, а ко мне. . .
 На горё да на круцину, на горё. . .

(к напеву 8)

Моя жа. . . жалось вели. . . лкая,
 Да мой роди. . . димой ты тя. . . тятенька.
 Да я из див. . . из див подиву. . . уюсё —
 Да куда жа. . . жалость дева. . . валасё?
 Да от меня. . . меня отступи. . . пиласё!
 Да всё хотел. . . хотел ты, роди. . . дименькёй,
 Да в зелен сад. . . сад меня поса. . . посадити,

Вешаньём. . . ём изуве. . . вешати.
 «Тя надержу. . . жу, доци ми. . . милая-та,
 До любви. . . би до вели. . . ликий!»
 Уж как то. . . токо топе. . . ереци,
 Дак засадил меня, родименькёй,
 Ты во заса. . . саду вели. . . великую,
 Ты во тоску. . . ску непоме. . . ерную!

(к напеву 9)

Бласлови-ко, истинной Христос, бласлови-ко, истинной
 Христос,
 Мне вставать-то, молодёшеньке, мне вставать-то, молодёшеньке,
 Со высокие-то лавоцьки, со высокие-то лавоцьки,
 Под пецальной окошецька, под пецальной окошецька.
 Мне и выйдти да выступить, мне и выйдти да выступить
 Середь светлыё-то свитлици, середь светлыё-то свитлици,
 И столовые-то горници, и столовые-то горници.
 Луцились ли вы во тереме, лучились ли вы во тереме,
 Паткиё да жалостливыё, добрыё да милостливыё,
 Вы мой-то да родимыё, вы мой-ти жалостливыё!

Сведения о записи причитаний¹

1. ФА МФ 1258-08. Зап. 18 июля 1978 г. В. В. Коргузалов, Н. И. Хомчук в д. Красная Гора Пертоминского с/с Северодвинского р-на Архангельской обл. Исп.: А. И. Васильева, У. А. Сметанина, А. Ф. Тряпицына, Е. Ф. Тряпицына, М. И. Тряпицына, Ф. Д. Тряпицына. Свадебный групповой причет.

2. ЛГК 395-19. Зап. в июле 1972 г. М. Л. Мазо и группа студентов Ленинградской консерватории в д. Гора Ведерковского с/с Грязовецкого р-на Вологодской обл. Исп. А. В. Козлова. Свадебный причет. Распространен в сольных и групповых формах исполнения.

3. ФА МФ 2845-01. Зап. 12 июля 1979 г. П. С. Выходцев, В. В. Коргузалов, С. Г. Зверева в д. Малошуйка Малошуйского с/с Онежского р-на Архангельской обл. Исп.: Е. С. Барышева, Е. П. Докукина, К. Ф. Кондратьева, М. Д. Кузнецова, К. Д. Привалихина. Свадебный групповой причет. Запись приводится от 56-го стиха.

4. ЛГК 395-13. Зап. в июле 1972 г. М. Л. Мазо и группа студентов Ленинградской консерватории в д. Лысово Демьяновского с/с Грязовецкого р-на Вологодской обл. Исп. Н. С. Герасимова. Свадебный сольный причет невесты.

5. ЛГК 458-02. Зап. 10 июля 1974 г. М. Л. Мазо и группа студентов Ленинградской консерватории в д. Шевелевская Илезского с/с Тарногского р-на Вологодской обл. Исп.: А. П. Попова, О. И. Худякова и группа женщин. Поминальный групповой причет. Записан на кладбище во время обряда поминания на 40-й день после смерти.

6. ЛГК 554-36. Зап. в июле 1975 г. группа студентов Ленинградской консерватории в д. Быково Погореловского с/с Тотемского р-на Вологодской обл. Исп.: А. И. Фунникова, А. Ф. Лазарева, А. Ф. Моранова. Свадебный причет невесты с групповым причетом девушек.

7. ЛГК 555-49. Зап. в июле 1975 г. группа студентов Ленинградской консерватории в д. Манылово Маныловского с/с Тотемского р-на Вологодской обл. Исп.: А. А. Меншикова, К. В. Речкова, П. С. Федорова. Свадебный причет невесты с групповым причетом девушек.

8. ЛГК 549-17. Зап. в июле 1975 г. группа студентов Ленинградской консерватории в д. Великий Двор Погореловского с/с Тотемского р-на Вологодской обл. Исп. П. М. Дудина. Свадебный сольный причет невесты.

9. ЛГК 549-44. Зап. в июле 1975 г. группа студентов Ленинградской консерватории в д. Ваулово Погореловского с/с Тотемского р-на Вологодской обл. Исп.: А. В. Петухова, М. В. Сняжкова, А. В. Суханова, А. К. Фенискова. Свадебный групповой причет девушек.

¹ Публикуемые напевы и тексты расшифрованы с фонограмм Ю. И. Марченко. Записи хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы и в Лаборатории народного творчества Ленинградской консерватории. Индекс и номер фонограммы обозначают следующее: буквенное обозначение — место и вид хранения (ФА — Фонограммархив, МФ — магнитофонный фонд, ЛГК — Ленинградская государственная консерватория); цифровое обозначение — номер пленки (первое число), порядковый номер записи на пленке (второе число через дефис).

В. Е. ГУСЕВ

К ПУБЛИКАЦИИ РУССКИХ ПЕСЕН, ЗАПИСАННЫХ
В. КАРАДЖИЧЕМ

(Текстологические заметки)

Совершая в 1819 г. девятимесячное путешествие по России, молодой сербский просветитель и собиратель фольклора Вук Стефанович Караджич после того, как побывал в Москве, поехал в Киев. Позднее в письме Я. Копитару, отправленном из Кишинева 13 августа 1819 г., он так описал эту поездку (привожу текст в переводе): «Из Москвы я не хотел ехать почтовой каретой, но нанял одного *извозчика* до Киева и поехал с ним не спеша, чтобы учиться русскому языку; в Орловской губернии мы остановились на два дня, и здесь я записал несколько русских песен из уст русских женщин и девушек (и это, быть может, первые русские песни (и слова!), которые записаны так, как народ поет и говорит. . .)»¹ Это письмо Караджича свидетельствует, что сам он осознавал научное значение своего опыта фонетической записи русских песен в момент их хорового исполнения. Записи Караджича представляют тем больший интерес, что они впервые зафиксировали южнорусскую песенную традицию.

Полевые карандашные записи шести песен сделаны Караджичем на таблице в книге П. Строева «Краткая российская история для начинающих» (2-е изд. М., 1819), подаренной автором Караджичу во время его пребывания в Москве (17 июня 1819 г.).² Пять из них Караджич переписал начисто на отдельных листах, которые сохранились в его рукописном собрании.³ Караджич намеревался, возвратившись в Вену, издать свои записи в отдельной «книжице»,⁴ однако это ему не удалось сделать.

Материалы эти, а также копии пяти русских песен из сборника Н. И. Новикова (сняты неизвестным писцом) были разысканы сербским ученым, биографом и исследователем наследия Караджича Л. Стояновичем, но были предоставлены им в 1906 г. в распоряжение М. Н. Сперанского, находившегося тогда в Белграде. Русский филолог впервые опубликовал переписанные начисто тексты пяти песен и отрывок одной из полевых записей, не перебеленный Караджичем, со своими текстологическими примечаниями.⁵ М. Н. Сперанский первым же оценил, хотя и осторожно, важное значение записей Караджича: «И, по-видимому, Вук был прав: ранее 1819 года фонетических записей русских песен, кажется, не известно».⁶

После того записи Караджича неоднократно воспроизводились в Югославии. Особенно тщательно это сделано в двух изданиях. Более точно, чем у М. Н. Сперанского, чистовые тексты (сербской графикой, введенной самим Караджичем) опубликованы Г. Добрашиновичем в сорокатомном собрании трудов Караджича,⁷ а затем Ж. Младеновичем и В. Недичем в приложении к неопубликованным рукописям из собрания Караджича.⁸ Полевые записи приводятся впервые полностью параллельно с чистовыми текстами в названной публикации Г. Добрашиновича.

¹ Вукова преписка. Књ. 1. Београд, 1907. С. 176—177. Запись произведена в д. Полива (в конце июня—начале июля 1819 г.). Слова «научиться русскому языку» следует понимать в том смысле, что Караджич хотел усовершенствоваться в разговорной народной речи, так как литературным русским языком он владел.

² Экземпляр книги с записями Караджича хранится в Библиотеке Сербской Академии наук и искусств в Белграде (шифр Рв 25).

³ Архив Сербской Академии наук и искусств в Белграде (шифр 8552/257; XXIV 4/1—5).

⁴ Вукова преписка. Књ. 2. Београд, 1908. С. 232.

⁵ Сперанский М. Н. В. С. Караджич и русская народная песня // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1907. Т. 12, кн. 4. С. 281—285.

⁶ Там же. С. 281.

⁷ Сабрана дела Вука Караџића. Књ. 18. Београд, [1972]. С. 336—343.

⁸ Српске народне пјесме из необјављених рукописа Вука Стеф. Караџића. Књ. прва. Београд, 1973. С. 323—326, № 524—528. Кроме того, там же приводится еще один

Сопоставив песни в полевой записи и переписанные тексты, М. Н. Сперанский утверждал, что предпочтение (в смысле фонетической точности) надо отдать «черновой как более непосредственной»,⁹ однако опубликовал чистовой текст (с разночтениями по черновому), желая показать результат редакторской работы Караджича (возможно, сербская графика как раз затруднила восприятие текстов русским читателем и это было причиной того, что записи Караджича до сих пор в сущности не вошли в обиход русской науки). Г. Добрашинович, напротив, полагает, что «замечание Вука, что это первые песни, записанные так, как их поет народ, больше относится к беловому тексту», поскольку именно сербское правописание позволило Караджичу воспроизвести русское произношение.¹⁰

Последовательное сличение полевой записи и ее сербской транскрипции позволяет разрешить этот спор следующим образом: ни та, ни другая, взятые в отдельности, строго говоря, не могут считаться последовательно выдержанной системой фонетической записи; вместе с тем они как бы дополняют друг друга, предоставляя варианты транскрипции. В одних случаях полевая запись ближе воспроизводит орфоэпические нормы русского языка (южнорусского говора): аканье, окончания -ево, -ово (там, где в чистовой записи появились книжные -его, -ого), звук «ы» (хотя особенности сербского гласного звука «и» позволяли Караджичу заменять иногда русское «ы» буквой «и»). В других случаях сербская графика действительно помогала Караджичу более точно передать русское произношение, чем соответствующая буквенная запись черновика (ср., например: «на закатыи» в полевой записи и «на закаѣи» в чистовике; соответственно: «време нутратѣи» и «време н'утраѣи»). Вместе с тем в чистовике употребление букв, обозначающих аффрикаты сербского языка (ђ — джь, џ — дж), неадекватно воспроизведению звука русского языка (мягкое «д»; например: «грудь» в полевой записи, «груђ» в чистовике); в некоторых случаях эта неточность наблюдается и в полевой записи: «отъждал» (отъезжал), «ђети, џети» (где ты, где ты), «иђот» (идёт). В целом же полевая запись, произведённая посредством русской графики с элементами сербской, относительно в большей степени приближается к фонетической. Поэтому воспроизводим ее целиком.

<1>

Випил рюмку
 Випил двѣ
 Зашумѣло в головѣ
 Засилал милой ко мнѣ
 Јишчо милой дорогой
 Велѣл знать
 Што бы я ишла гулять
 Я у матушки родимой
 Просилася погулять:
 Судариня моя мать
 Позволь вити погулять.
 Позволенье мать дала
 С милым видитса пошла.
 Не успѣла вити вон
 Стоит милой предо мной
 Говорит рѣчи со мной
 Здравствуй лапушко моя
 Давно я ждал тебя
 Сударушка ты моя
 Меня дома не было
 Во дорожку отъждал
 Ни печался ни тужи
 Сей час буду сюди
 Я пришол тебѣ не даром
 Проъос * лапушко подарак
 Подарчик дорогой

отрывок песни «На тую на дорожку. . .», записанный на отдельном листе, хранящемся также в Архиве Сербской академии (шифр 8552/257, XXIV, 2) (Там же. С. 326, № 529).

⁹ Сперанский М. Н. В. С. Караджич и русская народная песня. С. 280.

¹⁰ Сабрана дела Вука Караджића. Књ. 18. С. 890.

* Описка исправлена в чистовике: приъос.

Гри́туровой платок
 На шеюшку земчушку
 На бѣлую грудь цѣпочку

<2>

Са восточной са сторонки
 Халаѳон то студјон *
 Вѣтерок паносить
 Всѣ дубровушки с вѣтру разшумились
 По дубровушки молоѳец гуляет
 В возвончатые гусельки играет
 Душу ли душу ли красную дѣвушку за-
 бавляет
 Во шуму во гаму ничего неслышно
 Только слышна один голосочек
 Голосочек не простова казака Донскова
 Казачинка по Дону гуляет
 Ничего не знает

<3>

Во лузи зельной
 Выросла трава шолковая
 Раствѣли твѣти лазоревыя
 Уж я той травой выкормлю коња
 Поведу та коња к баѳушки:
 Государь ти мой баѳушко
 Ты прими слова ласкавая
 Полюби привѣтливая
 Не давай за старова за муж
 Уж и стар добрѣй и неровнѣ мнѣ
 Ты одай меня за ровнюшку
 Уж я с ровнюшкой гулять пойду
 И ровнюшки калач куплю
 Сам бы ты сѣл ** да нѣчева

<4>

По твѣтам дѣвки гуляли
 Твѣти алы саривали
 Вѣночки савивали
 На головку надѣвали
 Домой одти припоздали
 Припоздали приустали
 Под куст сѣли одохнули
 Злы собаки набѣжали
 Красных дѣвок испужали
 На ту пору на тот час
 Самохотник наѣждал
 Са добра коња слѣзал
 Любовь девушки сказал:
 Иди ко мнѣ паринь смѣла

* [Холоден то студѣн]. Пример колебаний Караджича в воспроизведении русского «ё» (ѳо, јо).

** [сѣел].

Гледи моя ћела бѣла,
 Моя ћела припоћела
 Разгулятса захотѣла.
 Войду я во горинку
 Сяду я на лавачку
 Возму балалаичку
 Стану я игратьи
 Јищо пѣсни припѣвати
 Ярославским извощикам
 В сумах * пожеласа
 Прибогатиласа
 По сумама ** гуляли
 Серебро на мѣдь мѣняли
 Муку солот покупали
 Да браженки варили
 И для погребѣ томили
 Красных дѣвушек поили
 Домой проводили
 Проводили до крыльца
 До новой до горницы
 До свѣтлой до свѣтлицы

<5>

Дѣвка колчиком стучит
 Своему баћушки кричит:
 Ох ты баћушка родимой
 Отвор' нову горницу
 Пусти меня дѣвицу

<6>

Сонце на закаты
 А време нутраты***
 Сѣли дѣвки на лужокъ
 Ће муравки и твѣтокъ
 Ће мы съвечера рѣзвились,
 Въ караводѣ веселились
 Во приятной тишинѣ
 Подъ березою однѣ
 Ћети ѣти въ рукаву****
 Без тебя радость умру
 Слышу Ваньин голосок
 Раздајотса во лѣсок
 Всѣ девушки испугались
 За куститы пометались
 А Анушиньки дружок
 Садиласа на лужок
 Ће муравка и твѣток
 Са травы твѣт рвала
 Из твѣтков то вѣнки вила
 Не успела клас пучечки
 И ѣот милой иза рѣчки

* Следовало бы: Сумах.

** Следовало бы: Сумама.

*** [на утрати].

**** Искаженное: [Где ты, где ты, друг? Ау!].

Падошол к Аньи прильог
 А у Анюши ти сердце јок
 Серце сердцу покорилсь
 Шчочки разумом * покрились
 Но любов в свѣтъѣ одна
 От природы дана
 От матушки от родный
 От дѣвушки молодой

Текст <1> — контаминация мотивов различных плясовых песен. Зачин — часть широко распространенной шуточной песенки («Чижик-пыжик, где ты был...»), в фольклорных сборниках встречается весьма редко. Известна поздняя публикация в качестве зачина донской песни о Платове (Песни Печоры. М.; Л., 1963. С. 336, № 311).

Текст <2> — вариант широко известной лирической песни, впервые опубликованной во втором издании «Собрания русских народных песен с их голосами» Н. А. Львова—И. Прача (СПб., 1806).

Текст <3> — лирическая песня, варианты которой многократно публиковались уже после записи Караджича.

Текст <4> — контаминация мотивов плясовых и шуточных песен. Зачин чаще: «По лугу (по лужку, по лужкам) девки гуляли (Маша гуляла)» и т. п.

Текст <5> — отрывок песни, неизвестной по публикациям. Колчик — колочек, небольшой кол. Этот текст сохранился только в полевой записи.

Текст <6> — песенный вариант стихотворения поэта-сентименталиста XVIII в. С. Митрофанова, автора книги «Песни русские известного охотника М***» (СПб., 1799). В песенниках впервые появилось в 1808 г. («Новейший и отборнейший российский всеобщий песенник». СПб., 1808) как песня «пастушеская»; в нотированных сборниках — с 1830-х гг. («Народные русские песни. . .» И. Рупина. Тетр. 1. СПб., 1831; «Русские песни. . .» Д. Кашина. М., 1833—1834).

Кроме песен, записанных от женщин и девушек, сам Караджич в письме Л. Мушицкому из Львова (18/30 сентября 1819 г.) упомянул о «нескольких русских песнях», записанных из уст русских мужчин и женщин («Руса и Рускиња»).¹¹ Имя некоего Василия Николаевича Головина из села Болохово значит по соседству с полевыми записями на книге П. Строева. Не был ли этот мужчина одним из тех «рус», от которых Караджич записывал песни? Едва ли такой опытный собиратель песен успел за два дня записать лишь шесть песен. Вряд ли, намереваясь издать русские песни в отдельной «книжице», он мог ограничиться лишь пятью переписанными начисто текстами. Подтверждением этому предположению является еще один разысканный и опубликованный текст:

<7>

На тую на дорожку
 Дружка провожала
 Во зельный садъ гулять пошла —
 Провожавши дружка, спать льогла —
 Не имѣла сторонушка (?).¹²

Если наша догадка достоверна, то сохранившиеся тексты — лишь часть записанных Караджичем в Орловской губернии, и судьба других текстов остается пока неизвестной.

* Искаженное: [розаном].

¹¹ Вукова преписка. Књ. 2. Београд, 1908. С. 231—232.

¹² Вероятно: [Немилая сторонушка]. См.: Српске народne пјесме из необјављених рукописа Вука Стеф. Караџића. Књ. прва < . . . >. С. 326, № 529. В архиве Караджича хранятся также пять копий текстов, переписанных кем-то для него из сборника Н. И. Новикова «Новое полное собрание российских песен» (1780): «Дорогая моя, хорошая. . .», «Туманно красное солнышко, туманно. . .», «Соловей кукушку подговаривал. . .», «Как доселева у нас, братцы, чрез темный лес. . .», «В старые веки прежние. . .». В сохранившейся библиотеке Караджича имеются лишь сборники украинских народных песен.

Ю. И. С МИ Р Н О В

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Несколько лет назад мне предложили подготовить том былин для планируемой серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Позже, когда корпус былин был уже составлен, редколлегия этой 60-томной серии сочла необходимым расширить том за счет включения в него других русских эпических произведений. Пришлось заново просматривать доступные источники текстов и обращаться к владельцам личных коллекций, понадобилось менять и саму систему расположения текстов в томе. Так в поле зрения наряду с былинами и сказками на былинные сюжеты оказались баллады, «скоморошины» (произведения, пародирующие иные эпические песни) и исторические песни. К числу баллад и «скоморошин» мною неизменно относились произведения, варианты которых где-либо в европейской части страны исполнялись как эпические песни, хотя в самой Сибири многие из них, в особенности баллады «Молодец манит девушку в Казань» и «Муж жену губил», далеко не всегда сохраняли эпический характер, не всегда осознавались и тем более пелись подобно былинам. Из исторических песен учитывались произведения, по своему содержанию соотносимые с событиями не позже конца XVIII в. и, как правило, по своим признакам зависимые от старших эпических песен. Корпус былин сибирской записи трансформировался, таким образом, в корпус произведений русской эпической традиции к востоку от Уральского хребта.

Эта новая концепция корпуса, как очень скоро выяснилось, не могла быть осуществлена в пределах намеченного тома, так как объем записей оказался значительно больше, чем я предполагал. В том «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (РЭПС) удалось включить 245 текстов и еще 10 нотированных фрагментов, помещенных в дополнение к первым записям. За пределами тома осталось 261 произведение. Сведения о них составили Перечень непубликуемых текстов. Перечень пришлось поместить в другое издание — сборник «Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока» (Горно-Алтайск, 1986). Между тем ко мне продолжали поступать тексты, преимущественно записи последних десятилетий. Когда их число перевалило за 100, стало ясно, что ими уже нельзя пренебречь. Так возникла потребность в Дополнении к Перечню непубликуемых текстов. Они даются в настоящей статье. Надо думать, что это не последние дополнения. Со временем в каких-то архивах, обычно плохо каталогизированных, отыщутся пока неизвестные науке тексты; где-то в Сибири еще запишут что-либо — процесс прибавления наших знаний о русском эпическом репертуаре Сибири, к счастью, еще не закончен, хотя и не беспределен.

Том «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока», Перечень непубликуемых текстов и помещаемые здесь Дополнения к Перечню вместе составляют первый в нашей фольклористике корпус русской эпической поэзии Сибири и Дальнего Востока. Это записи преимущественно от русских, а также от представителей автохтонных народов. Корпус включает свыше 600 произведений и около 150 содержащихся в них сюжетов и, следовательно, отражает значительную часть репертуара всей русской эпической традиции. За исключением Русского Севера, нигде в европейской части страны не был фиксирован столь большой репертуар русских эпических произведений. Этим и подчеркивается обязательность привлечения сибирских записей в любых исследованиях по русской эпической традиции.

Приведенные цифры внешне выглядят внушительно. Достаточно напомнить, что примерно столько же записей русских эпических произведений было сделано в западной части Русского Севера (бывш. Олонецкая губ.) за все дореволюционное время. Почти столько же записей дают и вместе взятые классические коллекции А. В. Маркова, А. Д. Григорьева и Н. Е. Ончукова, собранные на рубеже XIX—XX вв. в восточной части Русского Севера (бывш. Архангельская губ.).

Вместе с тем очевидна относительная величина приведенных по Сибири цифр. Вспомним, что всего два собирателя — П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг — в короткие сроки записали немногим меньше русских эпических песен (но с большим удельным весом былин) в западной части Русского Севера, на крохотной по сравнению

с сибирскими просторами территории от Выгозера и Онежского озера на западе до бассейна р. Онеги на востоке. Хорошо известно, что П. Н. Рыбников и особенно А. Ф. Гильфердинг довольно выборочно записывали эпические песни. Еще бóльшая выборочность, а точнее случайность, характерны для фиксации русских эпических текстов за Уралом, где их львиную долю собрали любители, плохо подготовленные к роли собирателей и не слишком увлеченные самим поиском эпических произведений. Систематического и целенаправленного поиска русских эпических текстов в Сибири и на Дальнем Востоке не проводилось вплоть до самого последнего времени. Такого рода поиск в некоторой степени может возмещаться частотой случайных сборов: чем чаще собиратели посещают один и тот же район, тем вероятнее, что их случайные сборы материала в совокупности зафиксируют большую, а не меньшую часть бытующего репертуара. За исключением разве что устья Индигирки, результативная частота случайных сборов материала не характерна для поселений Сибири и Дальнего Востока.

Почти вовсе не обследовались на эпос старожильческие крестьянские поселения Западной Сибири, хотя какие-то шансы добыть там что-то из эпических песен пока существуют, о чем свидетельствуют недавние записи в Курганской области не только баллад (см. ниже Дополнения), но даже и пропетой былины «Илья и татарин» («Сокольник») (РЭПС, № 237). Крайне досадно, что совсем не обследовались на эпос небольшие анклавные потомков служилых людей, официально именовавшихся казаками еще в XIX в., — особенно в Сургуте, Березове и Обдорске на Оби, в селах близ Красноярска и других местах по Енисею. Лишь чуточку, очень редкими наездами собирателей затронуты поселения некогда обширного и хлебобродного бывшего Илимского воеводства, еще недавно многочисленные и по многим чертам хозяйствования и быта совпадавшие с поселениями Русского Севера, откуда в большинстве своем и пришли в XVII в. их первоизводители. Не проводился серьезный поиск на эпос в Забайкалье, в старожильческих поселениях бывлых казаков, крестьян и горнозаводских рабочих. Среди семейских Забайкалья усердно записывали массу текстов позднего происхождения, заимствованных ими уже в Забайкалье, включая «жестокие» романсы и литературные песни, но эпические песни по-настоящему не искали, и теперь, судя по всему, у семейских почти полностью исчезли из бытования тексты, принесенные ими в Забайкалье. После М. К. Азадовского, посетившего поселения амурских казаков в 1913—1914 гг., там никто целенаправленно не собирал эпические песни, и о традиции амурских казаков остается судить лишь по репертуарному перечню и по испорченному восковому валику, случайно уцелевшему от всех записей М. К. Азадовского, которые нелепо погибли во время революции отчасти по вине самого собирателя, не погрудившегося сделать копии текстов. . . Короче, в Сибири и на Дальнем Востоке еще сохранились русские поселения, главным образом старожильческие, где и в наше время довольно вероятно обнаружение бытования остатков эпической традиции, однако для этого нужен серьезный поиск хорошо подготовленных собирателей. Каждая новая запись — это частичка того духовного наследия, которое несли с собой русские переселенцы за Урал. Чем больше соберется таких частичек, тем полнее станут представления об этом духовном наследии и легче будет определить, откуда — из каких мест европейской части страны — его приносили. В местах, где уже что-то записывали, новые записи чрезвычайно важны для подтверждения старых записей и для раскрытия истории бытования того или иного текста в местных условиях. Наконец, нельзя исключать и того, что в новых записях, подобно некоторым старым, выявятся версии более ранние в эволюционном отношении, нежели версии тех же текстов, записанных в европейской части страны.

Сопоставляя состояние русской эпической традиции в послевоенные десятилетия на Русском Севере и за Уральским хребтом, можно утверждать, что ее необратимое отмирание на Русском Севере началось на два-три десятилетия раньше, чем в Сибири, а административное укрупнение деревень, начавшееся на Русском Севере с середины 1950-х гг., тем более резко подстегнуло там процесс отмирания всей фольклорной традиции. В ряде мест Сибири тех социальных изменений, которые характерны для Русского Севера, еще не произошло, и это укрепляет надежду на новые записи русских эпических текстов. Подтверждение надежды видно в текстах, собранных буквально в последние годы: те из них, что мне известны, перечислены в Дополнениях или же помещаются ниже.

В Дополнениях тексты расположены по той системе, которая дана в РЭПС и в Перечне и наиболее полно раскрыта в приложенном там указателе сюжетов и мотивов-перенесений. Тут эта система в своих первых частях может показаться странной. Она действительно выглядит непривычно, поскольку не представлена здесь подавляющим большинством сюжетов, что нельзя считать основанием для отказа от применения самой системы.

Помимо обычных сведений о текстах в Дополнениях, как и в предшествующих частях сибирского корпуса, приводится характеристика текста в отношении его формы и содержания. Сообщается о качестве передачи текста (есть ли в нем пропуски, добавления и пр.), о качестве записи (текст записан под диктовку, со сбоями, или на магнитную ленту и др.), о характере содержащейся в нем версии и о ее отношении к иным версиям на этот сюжет.

Почти все тексты, о которых говорится ниже, были получены мною в копиях, рукописных или на магнитных лентах, от Р. А. Афанасьевой (Иркутск), Л. Е. Большаковой (Магадан), Т. Г. Леоновой (Омск), Р. П. Матвеевой (Улан-Удэ), Л. А. Мухомединой (Иркутск), Н. Л. Новиковой (Иркутск), В. П. Федоровой (Курган), Т. С. Шенгалинской (Москва), за что выражаю им самую искреннюю благодарность.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПЕРЕЧНЮ НЕПУБЛИКУЕМЫХ ТЕКСТОВ

І. Былины и баллады

1. Д ю к С т е п а п о в и ч. Проза с вкраплениями стихов. Рукопись, присланная собирательницей. Магнитофонная запись Л. Е. Большаковой в марте 1985 г. от чуванца Ивана Ивановича Куркутского 81 г. в пос. Марково Анадырского р-на Магаданской обл. См. текст № 1.

2. Т е щ а в п л е н у у з я т я. Ритмизованный сказ, перемежаемый прозой. ФА ОГПИ, 1952, тетр. 3, № 249. Зап. В. Мотовилов и В. Назарова летом 1952 г. от Марии Ивановны Ельцовой 57 л. в с. Екатерининское Тарского р-на Омской обл. За исключением трех последних лет, всю жизнь исполнительница прожила в г. Ишиме Тюменской обл., где, очевидно, и переняла текст.

3. Т о ж е. Проза, перемежаемая ритмизованными фразами. ФА ОГПИ, 1953, тетр. 21, № 8. Зап. И. Михалева и Т. Михно в 1953 г. от М. И. Ельцовой. Это — повторная запись после предш. № 2.

4. Т о ж е. Проза, перемежаемая ритмизованными фразами. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 56, № 66. Зап. Г. Габова и другие студенты в 1979 г. от Ефросиньи Лаврентьевны Варфоломеевой 77 л. в с. Ново-Киевка Любинского р-на Омской обл. Уроженка Омской обл., рассказчица некоторое время жила на Тамбовщине, а затем вернулась на нижний Иртыш. В ее тексте содержится цитата из «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова.

5. Б р а т ь я - р а з б о й н и к и и с е с т р а. Копия текста, присланная В. П. Федоровой. Зап. В. П. Федорова с тремя студентками в 1980 г. от А. А. Воденниковой 59 л. и Л. П. Воденниковой 28 л. в с. Звериноеловское Притобольного р-на Курганской обл. Певицы считают текст «старинной казачьей» песней. На деле же в нем отражена севернорусская версия баллады о Моряночке.

6. Т о ж е. Не совпадающие между собой машинописная копия и копия магнитофонной записи, присланные В. П. Федоровой. Магнитофонная запись В. П. Федоровой и М. Г. Екимова 6.4.1985 от Феклы Егоровны Астафьевой 71 г. в райцентре Юргамыш Курганской обл. Певица, относящая себя к старообрядцам, эту «песню» переняла от своей матери, умершей за 29 лет до момента записи. Ею она обычно укачивала своих детей. Героиня баллады названа Марьей Юльевной, в чем видно влияние былины «Князь Роман и Марья Юрьевна», популярной в ряде мест Русского Севера, по ни разу не записанной в Сибири. Сходный вариант, с упоминанием Марьи Юрьевны и татар, отождествленных с братьями-разбойниками, был записан в ином месте Курганской обл. и тоже в старообрядческой среде (РЭПС, № 240). Обнаружение одной версии баллады в разных местах свидетельствует о том, что она сложилась задолго до современных ее исполнителей и устойчиво бытовала среди старообрядцев Курганской обл.

7. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1974, тетр. 2, № 130. Зап. Л. Белкина и Т. Захарова в 1974 г. от Феклы Антоновны Павлоиной 77 л. в д. Айлинка Знаменского р-на Омской обл. Певица 13-летней девочкой приехала в Сибирь из Витебской губ. В ее тексте отражена одна из среднерусских версий баллады.

8. М у ж - р а з б о й н и к. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 26, № 22. Зап. И. Устинова и другие студенты в 1979 г. от Арины Филипповны Киреевой

в д. Алексеевка Горьковского р-на Омской обл. Родители певицы приехали в Сибирь из района Курска. В ее тексте отражена южнорусская версия баллады.

9. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 14, № 65. Зап. Артемова и Воробьева от Анастасии Васильевны Чебаковой 75 л. в с. Любино-Малороссы Любинского р-на Омской обл. Певицу 12-летней девочкой привезли с Нижегородчины в Сибирь.

10. Т о ж е. РО БФ, инв. № 3503, п. 1, л. 67. Зап. А. Г. Игумнов в августе 1986 г. от Анны Семеновны Безруких 64 л. в с. Яркий Богучанского р-на Красноярского края. Текст содержит среднерусскую версию. Оригинально узнавание убийства: стирая рубашку мужа, женщина «на ней узнала братскую кровь».

11. Т о ж е. РО БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 41—43. Зап. В. Л. Кляус в августе 1986 г. от Екатерины Ивановны Скурихиной 61 г., Зинаиды Михайловны Левицкой 68 л., Августы Алексеевны Мутовиной 58 л., Екатерины Пентьевны Черняевой 82 л. в с. Пинчуга Богучанского р-на Красноярского края. Здесь муж дает жене «эту» рубашку; развернув ее, женщина тотчас «узнала» на ней кровь брата.

12. Д о б р ы н я и А л е ш а (М у ж н а с в а д ь б е с в о е й ж е н ы). Проза, местами ритмизованная. Копия магнитофонной записи, присланная Р. П. Матвеевой. Ср. с расшифровкой: РО БФ, инв. № 3503, п. 1, л. 102—104. Зап. Р. П. Матвеева и И. Т. Карасева 9.8.1986 от Иннокентия Андреевича Лушника 57 л. на нижней Ангаре, в д. Яркий Богучанского р-на Красноярского края.

13. Т о ж е. Проза, местами ритмизованная. Копия магнитофонной записи. Ср. с расшифровкой: РО БФ, инв. № 3503, п. 1, л. 105—106. Повторная запись тех же собирателей 13.8.1986 от И. А. Лушника на нижней Ангаре. См. текст № 2.

14. М у ж г у б и т ж е н у п о к л е в е т е м а т е р и. ФА ОГПИ, 1973, тетр. 1, № 65. Зап. Л. Новоселова и Л. Рюнтю в 1973 г. от Ирины Харитоновны Ласковец 62 л. в с. Екатерининское Тарского р-на Омской обл.

15. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1973, тетр. 5, № 40. Зап. Е. Зуева и Г. Каратаева в 1973 г. от Анны Ивановны Бариновой 67 л. в с. Екатерининское Тарского р-на Омской обл.

16. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 40, № 22. Зап. Супрун и Горова от Пелагеи Корниловны Сазоновой 80 л. в с. Ложниново Тарского р-на Омской обл. Певица в 1936 г. переехала из Могилева в Сибирь.

17. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 48, № 84. Зап. в 1980 г. от Праксвии Петровны Дейнеко 70 л. в д. Голубовка Седельниковского р-на Омской обл. Отец певицы — выходец из Харькова, мать — из Могилева.

18. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1981, тетр. 8, № 39. Зап. от Корнеевой в Большеуковском р-не Омской обл. № 14—18 отражают популярную южнорусскую версию баллады, ее герой назван донцом.

19. М у ж у х о д и т н а с л у ж б у (как монолог жены!) + М у ж г у б и т ж е н у п о к л е в е т е м а т е р и (начало). РО БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 71. Зап. В. Л. Кляус от Е. И. Скурихиной и других певиц (см. № 11) в с. Пинчуга на нижней Ангаре. Текст обрывается речью матери: «Твоя жена зелен сад повырыла, вороных коней всех повыгнала».

20. М у ж ж е н у г у б и л. ФА ОГПИ, 1952, тетр. 2, № 127. Зап. в 1952 г. от М. И. Ельцовой в с. Екатерининское Тарского р-на Омской обл. О певице см. выше № 2.

21. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1953, тетр. 1, № 21. Зап. в 1953 г. в Нижнеомском р-не Омской обл.

22. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1964, тетр. 1, № 61. Зап. в 1964 г. от А. И. Семеновой в д. Смолино Усть-Ишимского р-на Омской обл.

23. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1964, тетр. 10, № 274. Зап. в 1964 г. в д. Дурново Муромцевского р-на Омской обл.
24. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1966, тетр. 5, № 80. Зап. в 1966 г. в д. Бергамак Муромцевского р-на Омской обл.
25. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1966, тетр. 7, № 2. Зап. в 1966 г. от А. И. Грошевой в д. Луговая Муромцевского р-на Омской обл.
26. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1966, тетр. 7, № 20. Зап. в 1966 г. от Е. М. Ивановой в д. Курнево Муромцевского р-на Омской обл.
27. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1967, тетр. 3, № 10. Зап. в 1967 г. от Е. П. Петелиной в д. Утускун Усть-Ишимского р-на Омской обл.
28. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1967, тетр. 3, № 44. Зап. в 1967 г. от А. К. Сиротиной в д. Утускун Усть-Ишимского р-на Омской обл.
29. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1967, тетр. 4, № 140. Зап. в 1967 г. от А. П. Фоминой в д. Загвоздино Усть-Ишимского р-на Омской обл.
30. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1967, тетр. 5, № 31. Зап. в 1967 г. от Е. М. Кармановой в д. Паново Усть-Ишимского р-на Омской обл.
31. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1967, тетр. 6, № 9. Зап. в 1967 г. в д. Паново Усть-Ишимского р-на Омской обл.
32. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1967, тетр. 9, № 12. Зап. в 1967 г. от К. Ф. Евмененко в д. Белый Яр Тевризского р-на Омской обл.
33. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1969, тетр. 1, № 76. Зап. в д. Пологрудово Тарского р-на Омской обл.
34. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1969, тетр. 7, № 38. Зап. в 1969 г. от Е. Н. Булавко и М. Я. Самойловой в д. Васисс Тарского р-на Омской обл.
35. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1970, тетр. 7, № 132. Зап. в 1970 г. от А. К. Холкиной в д. Орловка Марьяновского р-на Омской обл.
36. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1970, тетр. 9, № 35. Зап. в 1970 г. от А. М. Рекшинской, А. В. Молодевой и М. В. Королевой в д. Волчанка Москаленского р-на Омской обл.
37. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1971, тетр. 3, № 30. Зап. в 1971 г. от Ф. М. Ботвинкиной в д. Атирка Тарского р-на Омской обл.
38. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1971, тетр. 5, № 95. Зап. в 1971 г. от Н. С. Казаковой в с. Усюльган Тарского р-на Омской обл.
39. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1973, тетр. 1, № 10. Зап. Т. Леонова в 1973 г. от Елены Анисимовны Аверьяновой 58 л. в д. Тайга Знаменского р-на Омской обл. Родители певицы приехали в Сибирь с Витебщины.
40. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1973, тетр. 5, № 91. Зап. Е. Зуева и Г. Каратаева в 1973 г. от Александры Прохоровны Шишкиной 83 л., уроженки Тюменской обл., в с. Екатерининское Тарского р-на Омской обл.
41. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1975, тетр. 11, № 3. Зап. Н. Фролова и Л. Стебловская в 1975 г. от Евдокки Николаевны Рубан в с. Андреевка Саргатского р-на Омской обл.
42. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1978, тетр. 18, № 30. Зап. Сафронова в 1978 г. от Федосьи Ивановны Тимошенко 61 г. в д. Ермолино Тюкалинского р-на Омской обл.
43. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1978, тетр. 21, № 102. Зап. Г. Рудаева и другие студентки в 1978 г. от Василисы Тимофеевны Зыряновой и Арины Федуловны Горчаковой в с. Ома Тюкалинского р-на Омской обл.
44. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 12, № 14. Зап. Т. Исаева и другие студентки в 1979 г. от Екатерины Федоровны Епанчинцевой 55 л. и Галины Захаровны Метеловой 42 л. в с. Серебряное Горьковского р-на Омской обл.
45. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 21, № 17. Зап. Г. Афонина и Т. Колманова в 1979 г. от Матрены Клементьевны Остаповой 78 л. в с. Новопокровка Горьковского р-на Омской обл.
46. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 24, № 51. Зап. Т. Толпехина и Л. Тюрина в 1979 г. от Татьяны Даниловны Косаревой 67 л. в с. Алексеевка Горьковского р-на Омской обл.

47. То же. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 57, № 41. Зап. Н. Панова и В. Мазуркина в 1979 г. от Татьяны Иваповны Лазеевой 67 л. в с. Ново-Киевка Любинского р-на Омской обл.

48. То же. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 5, № 45. Зап. Рыкина и Вакуленько в 1980 г. от Анны Алексеевны Севужновой 82 л., Марии Ефремовны Черниковой 73 л. и еще трех женщин в с. Любино-Малороссы Любинского р-на Омской обл.

49. То же. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 13, № 15. Зап. Шерстюк и Суходолова в 1980 г. от Елизаветы Иваповны Кубраковой 68 л. в с. Любино-Малороссы Любинского р-на Омской обл.

50. То же. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 21, № 140. Зап. в 1980 г. от Марии Ивановны Ивановой 52 л. в с. Михайловка Тарского р-на Омской обл. Родители певицы — выходцы из Белоруссии.

51. То же. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 27, № 4. Зап. В. Трофимова в 1980 г. от Полины Ивановны Мордвинцевой 55 л. в п. Лещинск Оконешниковского р-на Омской обл.

52. То же. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 33, № 15. Зап. Вычужанина и Светлицкая в 1980 г. от Ефросиньи Федоровны Щербаковой 62 л. в д. Ложжиново Тарского р-на Омской обл.

53. То же. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 39, № 36. Зап. Супрун и другие студентки в 1980 г. от Матрены Ивановны Золотаревой 72 л. в с. Тешино Тарского р-на Омской обл.

54. То же. ФА ОГПИ, 1981, тетр. 24, № 110. Зап. Додонова и другие студентки в 1981 г. от Екатерины Владимировны Белянской 53 л. в с. Новологиново Большереченского р-на Омской обл.

55. То же. ФА ОГПИ, 1982, тетр. 20, № 25. Зап. Г. Веселова и Н. Орехова в 1982 г. от Елены Андреевны Смородиной 74 л. в д. Кирсаповка Большереченского р-на Омской обл.

56. То же. ФА ОГПИ, 1982, тетр. 29, № 1. Зап. Г. Семенова и Л. Голованова в 1982 г. от Пермяновых Ивана Семеновича 75 л. и Анны Борисовны 70 л. в с. Ингалы Большереченского р-на Омской обл.

57. То же. ФА ОГПИ, 1982, тетр. 30, № 80. Зап. в 1982 г. от Анны Андреевны Гавриленко 76 л. в с. Рямовка Большереченского р-на Омской обл.

58. То же. РО БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 38—40. Зап. В. Л. Кляус в августе 1986 г. от Е. И. Скурихиной и других певиц в с. Пинчуга на нижней Ангаре.

59. То же. РО БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 134. Зап. А. Г. Игумнов и В. Л. Кляус в августе 1986 г. от Ф. И. Брюхановой 65 л., А. Х. Брюхановой 75 л., А. В. Безруких 63 л., М. В. Кашаликовой 68 л. в с. Карабула Богучанского р-на Красноярского края.

60. То же. РО БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 144. Зап. В. Л. Кляус в августе 1986 г. от Раисы Лукиничны Рукосуевой 69 л. в с. Ирба Богучанского р-на Красноярского края.

61. То же. РО БФ, № 3503, п. 2, л. 245. Зап. В. Л. Кляус в августе 1986 г. от Лукерьи Ильиничны Безруких 68 л. в пос. Осиновый Мыс Богучанского р-на Красноярского края. Краткий пересказ песни, слышанной от старушки, приехавшей из Горьковской обл.

62. То же. Личный архив В. П. Зиновьева (Иркутск). Зап. Л. Кустова в 1975 г. от Л. И. Губановой в п. Дарасун Карымского р-на Читинской обл.

63. То же. Копия текста, присланная Л. В. Устюжаниной. Зап. И. Береснева, С. Гударева и С. Кузнецова в июле 1983 г. от Анны Петровны Дороховой 45 л. в с. Покровка Баяндаевского р-на Иркутской обл.

Перечисленные № 20—63 отражают поздние среднерусские и южно-русские версии баллады «Муж жену губил», ее герой нередко назван казаком.

64. Н е б ы л ь ц а. Копия текста, присланная В. П. Федоровой. Зап. в 1981 г. от Н. А. Андриюшиной 31 г. в Кургане. Певица выучила текст у своей бабушки А. С. Архиповой из с. Никитино Шадринского р-на Курганской обл. На вопрос о функции песни она сказала: «Песня плясовая. Старички возьмутся за руки, встанут в круг и притопывают, припевая. Поют по кругу, на святках».

65. Т о ж е. ГАКК, ф. 796, оп. 1, ед. хр. 4658, л. 73; копия — РО БФ, инв. № 3443, п. 5, л. 44. Паспортных сведений нет. Судя по упоминанию «балахтинских сударушек», данному в конце текста, запись сделана в районе с. Балахта, к юго-западу от Красноярска. Ср. вар., записанный в 1912 г. в самой Балахте (РЭПС, № 245).

66. Т о ж е. Копия текста, присланная М. П. Татаринцевой. Зап. М. П. Татаринцева в 1982 г. от М. А. Мерзляковой 56 л. в г. Кызыл (Тува).

67. Т о ж е. РО ИРЛИ, кол. 234, п. 3, № 14. Зап. Л. Киселева в 1962 г. от Г. Ф. Чувывчелевой 43 л. в с. Череличкино Кемеровской обл. Песня названа плясовой.

68. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. собиратель от А. К. Зиновьевой в 1974 г. в г. Нерчинске Читинской обл. Текст стяжен.

69. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. А. Кукса в 1977 г. от Ф. Ф. и Н. М. Анциферовых в с. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл. Текст стяжен.

II. Сказки о богатырях

70. И л ь я М у р о м е ц. Проза. ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 182, л. 85; копия — л. 126 об., в составе рукописи П. А. Городцова «Тобольские сказки», т. 3. Зап. П. А. Городцов в 1907 г. от Дмитрия Никифоровича Плеханова, крестьянина с. Плехановское Тюменского у. Тобольской губ. Краткий пересказ-воспоминание о сюжете «Исцеление Ильи».

71. И л ь я М у р о м е ц. Контаминация ряда сюжетов. Копия текста, присланная собирательницей. Магнитофонная запись Л. Е. Большаковой в марте 1985 г. от И. И. Куркутского на среднем Анадыре, в п. Марково Анадырского р-на Магаданской обл. Сюжеты: Исцеление Ильи Муромца + Илья и тяга земная. Оба сюжета связаны между собой не только образом Ильи, но и образом его антипода — старичка, выступающего в роли бога, но называющего себя Святогором. Такая логическая увязка обоих сюжетов в других местах их бытования не фиксировалась, поэтому можно полагать, что это объединение сюжетов посредством двух сквозных персонажей-антиподов совершилось именно на среднем Анадыре. Те неизвестные предшественники И. И. Куркутского, кто нашел подобное и безусловно творческое решение, по-видимому, считали похвальбу Ильи поменять небо и землю настолько кощунственной, что не утерпели превратить второй сюжет в моралистическое и неперемное наказание Ильи.

72. Т о ж е. ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 84, л. 1—3; в изложении собирателя — там же, ед. хр. 16, л. 24—25; в составе рукописи Н. Е. Ончукова «Сказки Тавдинского края». Зап. Н. Е. Ончуков в июле 1926 г. от И. Е. Байдакова в с. Велижаны ныне Нижнетавдинского р-на Тюменской обл. В тексте кратко изложены сюжеты: Исцеление Ильи Муромца + Илья и Святогор + Илья и Соловей-разбойник + Добрыня и Алеша.

73. Т о ж е. Проза, нередко ритмизованная. Копия магнитофонной ленты, присланная Р. П. Матвеевой. Ср. с расшифровкой: РО БФ, инв. № 3503, п. 1, л. 108—114. Зап. Р. П. Матвеева и И. Т. Карасева

9.8.1986 от И. А. Лушникова на нижней Ангаре в д. Ярки Богучацкого р-на Красноярского края. Сюжеты: Исцеление Ильи Муромца + Илья бьет татарскую силу под Черниговом + Илья и Збук Борис-королевич + Илья и Соловей вор-разбойник + Ссора Ильи с князем Владимиром + Илья и татарское пашествие (Калин) + Илья и Святогор.

74. То же. Копия магнитофонной записи. Ср. с расшифровкой: РО БФ, инв. № 3503, п. 1, л. 115—121. Повторная запись тех же собирателей 13.8.1986 от И. А. Лушникова на нижней Ангаре. См. текст № 3.

75. То же. Газ. Иркутского пединститута «Путь к знанию» № 3 от 29.1.87. Зап. О. Ключникова, Е. Митичкина и О. Антонова в июле 1986 г. от Григория Тимофеевича Колобова 74 л. в д. Кулап Сретевского р-на Читинской обл. Сюжеты: Исцеление Ильи Муромца + Выбор одной из трех дорог + Илья и Соловей-разбойник + Ссора Ильи с князем Владимиром + Илья и татарское пашествие (Калин) + Ольга Мутина, жена князя Игоря, просит у киевлян дань голубыми и воробьями и устраивает в Киеве пожар + Илья и вор-нахвалящик (сын). Подобная контаминация сюжетов свидетельствует о вторичной фольклоризации текста, усвоенного, очевидно, из какого-то книжного свода об Илье Муромце. В той же газете «Путь знания» (№ 36 от 31.12.1986) за подписями собирательниц помещена статья «Самому эти сказы дороги», посвященная рассказчику и сопровождаемая публикацией сказки «Сивка-Бурка». Биография рассказчика не оставляет сомнений в том, что текст был усвоен им из книги, быть может, и сейчас лежащей в местной библиотеке.

76. Илья Муромец и Идолице. Копия текста, присланная собирательницей. Магнитофонная запись Л. Е. Большаковой в марте 1985 г. от И. И. Куркутского на среднем Анадыре. Сюжет передан кратко. Как и в пидигирских вариантах, встреча персонажей происходит у безымянного царя. На среднем Анадыре сюжет зафиксирован впервые.

77. Илья Муромец и богатырь-чужеземец (сын). Копия текста, присланная собирательницей. Магнитофонная запись Л. Е. Большаковой в марте 1985 г. от И. И. Куркутского на среднем Анадыре. Ее запись — повторная. Первая запись этого текста от И. И. Куркутского была сделана Т. С. Шенталинской в 1981 г. (РЭПС, № 80).

III. Исторические песни

Исторические песни, относимые к событиям XVI в.

78. Молодец манит девушку в Казань. ФА ОГПИ, 1952, тетр. 1, № 16. Зап. В. Назарова и В. Мотовилов в 1952 г. от Федосьи Антоновны Марамяиной 57 л. в с. Екатерининское Тарского р-на Омской обл.

79. То же. ФА ОГПИ, 1952, тетр. 13, № 44. Зап. В. Василенко и В. Шушарина в 1952 г. от хора в 15 человек в д. Мариновка Крупиновского р-на Омской обл.

80. То же. ФА ОГПИ, 1953, тетр. 21, № 20. Зап. И. Михалева и Т. Михно в 1953 г. от Зои Ивановны Никитиной 52 л. в с. Екатерининское Тарского р-на Омской обл. Вторая часть текста не допета — отсутствует ответ девушки.

81. То же. ФА ОГПИ, 1953, тетр. 29, № 21. Зап. К. Горшкова и И. Шушарина в 1953 г. от Александры Ивановны Петровой 85 л., Евгении Андреевны Васильевой 60 л., Валентины Григорьевны Петровой 55 л. в райцентре Муромцево Омской обл. Вторая часть текста не допета — отсутствует ответ девушки.

82. То же. ФА ОГПИ, 1953, тетр. 29, № 79. Зап. К. Горшкова и И. Шушарина в 1953 г. от Ивана Михайловича Подкурова в райцентре Муромцево Омской обл. Певец 40-летним мужчиной переехал сюда с Черниговщины.

83. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1963, тетр. 3, № 160. Зап. А. Роздымаха и Л. Горбунова в 1963 г. от Марфы Бобровой и Марии Переваловой в райцентре Усть-Ишим Омской обл.

84. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1964, тетр. 9, № 58. Зап. А. Шевкин и Н. Васильева от Зои Максимовны Козловой 54 л. в д. Надеждинка Муромцевского р-на Омской обл.

85. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1969, тетр. 10, № 149. Зап. С. Порошкова и Н. Иванова в 1969 г. от Милы Александровны Стрелко 73 л. в д. Гриневичи Тарского р-на Омской обл. Текст обрывается на недосказанной речи парнишки.

86. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1973, тетр. 7, № 32. Зап. Л. Новоселова и Л. Рюнтю в 1973 г. от Прасковьи Андреевны Баштадской 63 л. в с. Екатерининское Тарского р-на Омской обл.

87. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1973, тетр. 12, № 2. Зап. Л. Новоселова в 1973 г. от Анны Ивановны Пастушковой 71 г. в с. Екатерининское Тарского р-на Омской обл. Певца ребенком была привезена сюда из Иркутска.

88. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1976, тетр. 1, № 76. Зап. Т. Леонова и Г. Сосновец в 1976 г. от Евдокии Гавриловны Волок 66 л. в д. Николаевка Тюкалинского р-на Омской обл. Текст кончается стяженным и нетрадиционным ответом девушки:

— Да я сама, девчонка, сама я там была,
В этом ручеечке водичку пила.

89. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1976, тетр. 3, № 30. Зап. Л. Шевченко и Г. Сосновец в 1976 г. от Марии Тимофеевны Артюшенко в с. Кутырлы Тюкалинского р-на Омской обл.

90. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 17, № 18. Зап. Герасимова и Карнаухова в 1979 г. от Веры Владимировны Четвериковой 76 л. в с. Новопокровка Горьковского р-на Омской обл. Текст обрывается речью парнишки.

91. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 20, № 33. Зап. Н. Петрова и Е. Новожеева в 1979 г. от Анны Евстафьевны Фельчиковой 64 л., Надежды Ивановны Фурлетовой 66 л., Варвары Харитоновны Шереметьевой 74 л., Матрены Трофимовны Антросновой 64 л. в с. Новопокровка Горьковского р-на Омской обл. Вторая часть текста стяжена.

92. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 22, № 39. Зап. Н. Козлова от Александры Филипповны Федориной 57 л. в д. Алексеевка Горьковского р-на Омской обл. Текст обрывается речью парнишки.

93. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 111, № 7. Зап. Баркова и Саушева в 1979 г. от Елены Егоровны Люсовой 67 л. в с. Новопокровка Горьковского р-на Омской обл. После речи парнишки добавлен заключающий текст стих: «Молода девчонка с парнишком прошла». Иными словами, здесь в отличие от традиционного решения девушка поддалась на уговоры молодца.

94. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 50, № 7. Зап. Г. Безлепкина и В. Дудко в 1979 г. от Акуленко Павла Осиповича 67 л. и Христины Никитичны 63 л. в Омске. Ранее исполнители жили в Тарском р-не.

95. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 15, № 8. Зап. Артемова и Воробьева в 1980 г. от Марии Егоровны Нулиной 67 л. в Омске.

96. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1982, тетр. 1, № 11. Зап. О. Гришанова от Софьи Степановны Колокольниковой 68 л. в Омске. Текст кончается очень стяженной речью мальчишечки.

97. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1982, тетр. 30, № 127. Зап. Гришмановская в 1982 г. от Евдокии Михайловны Берестовой 48 л. в с. Рямовка Больше-реченского р-на Омской обл.

98. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1953, тетр. 5, № 3. Зап. Н. Дергач и Г. Флейшман в 1953 г. от Ольги Дмитриевны Уськовой 64 л. в с. Крупинка

Омской обл. Текст плохо записан. После речи молодца дана нетрадиционная концовка:

Красна девка к речке подошла.
— Не пей, девка, воду, вода медова,
Милый друг уехал, позабыл тебя.

99. То же. ФА ОГПИ, 1974, тетр. 1, № 67. Зап. Н. Бодунова и Л. Белкина в 1974 г. от Варвары Алексеевны Посудиной 65 л. в райцентре Усть-Ишим Омской обл. Текст заканчивается речью парня, к которой прибавлены три нетрадиционных стиха, из коих самый последний по смыслу неуместен:

... Казань-город славный на горе стоит,
Под горой речушка быстрая бежит,
По той по речушке корабли плывут,
Один корабль белый, другой — голубой,
А третий краснее — сидел милый мой.

100. То же. Личный архив Л. А. Мухомедшиной. Магнитофонная запись собирательницы в октябре 1977 г. от Анны Михайловны Ярыгиной 66 л. в г. Ангарске Иркутской обл. Уроженка Нижнеилимского р-на, певица переехала в Ангарск после затопления родной деревни.

101. То же. ИО ВООПиК, 1980, 134/31. Магнитофонная запись Л. А. Мухомедшиной 19.4.1980 от Татьяны Николаевны Карнауховой 68 л. в г. Иркутске. Певица — уроженка Нижнеилимского р-на.

102. То же. ИО ВООПиК, 1982, 404/42. Магнитофонная запись Л. А. Мухомедшиной 28.2.1982 от Колпаковых Григория Васильевича 55 л. и Олимпиады Константиновны 65 л. на средней Ангаре, в пос. Недокура Кéжемского р-на Красноярского края.

103. То же. ИО ВООПиК, 1985, 629/191. Магнитофонная запись Л. А. Мухомедшиной 3.7.1985 от Екатерины Фиापентьевны Черняевой 81 г. и Нины Поликарповны Рукосуевой 88 л. в с. Пинчуга Богучанского р-на Красноярского края.

104. То же. РО БФ, инв. № 3503, п. 1, л. 57. Зап. А. Г. Игумнов в августе 1986 г. от А. С. Рукосуевой 76 л. и А. С. Безруких 64 л. в с. Ярки Богучанского р-на. У текста нет начальных слов, а во второй части имеется пропуск.

105. То же. РО БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 4. Зап. В. Л. Кляус в августе 1986 г. от Е. Ф. Черняевой. Повторная запись (см. № 103). В первой части песни имеется пропуск.

106. То же. РО БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 25 (рукопись) или л. 67—68 (машинопись). Зап. В. Л. Кляус в августе 1986 г. от Е. И. Скурихиной и других певиц (см. № 11) в с. Пинчуга Богучанского р-на.

107. То же. РО БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 230. Зап. В. Л. Кляус в августе 1986 г. от Пелагеи Демьяновны Безруких 78 л., Лукерьи Ильиничны Безруких 68 л. и Феклы Демьяновны Рукосуевой 75 л. в пос. Синовий Мыс Богучанского р-на.

108. То же. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. собиратель в 1974 г. от А. Д. Конева, А. В. Корниловой и А. В. Хлестуновой в с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл.

109. То же. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. С. Выходцева в 1974 г. от О. Ф. Шубиной и Ф. Д. Синякиной в с. Унинкер Шилкинского р-на Читинской обл.

110. То же. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. М. Соловьева и другие студентки в 1975 г. в пос. Дарасун Карымского р-на Читинской обл.

111. То же. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. Л. Павловская и Н. Скобелкина в 1976 г. от И. Е. Кучина в с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл.

112. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. А. Кукса в 1978 г. от А. Т. Субботной и А. Б. Ёлгиной в с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл.

113. С о л о в е й м а н и т д е в у ш к у. ФА ОГПИ, тетр. 2, № 32. Зап. Л. Белкина и Н. Засядко в 1976 г. от Акулины Михайловны Третьяковой 61 г. в д. Кутырлы Тюкалинского р-на Омской обл. Вторая часть текста подверглась стяжению в такой степени, что традиционный ответ девушки звучит в нем как ответ кукушки соловью. Сходная форма — «Соловей манит кукушку в Казань» — еще раньше сложилась спонтанным образом на нижней Индигирке, откуда, по-видимому, была перенесена на Колыму (см. Перечень, № 167—171).

114. С о л о в е й к у к у ш к у у г о в а р и в а л. Копия текста, присланная В. П. Федоровой. Зап. в 1975 г. от группы из шести пожилых женщин в с. Ильинское Катайского р-на Курганской обл.

115. Т о ж е. Копия текста, присланная В. П. Федоровой. Зап. в 1980 г. от Ф. С. Кочевой 64 л. в Кургане.

116. Т о ж е. Копия текста, присланная В. П. Федоровой. Зап. в 1985 г. от Марии Степановны Федоровой 74 л. в с. Обрядовка Притобольного р-на Курганской обл. Как отмечает собирательница, песня широко известна в Притоболье, где ее характеризуют как «старинную проголосную».

117. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1952, тетр. 9, № 922. Зап. И. Буянов и О. Свешникова в 1952 г. от Х. П. Шинкаревой и Г. Г. Уваровой в райцентре Большеречье Омской обл.

118. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1953, тетр. 21, № 17. Зап. И. Михалева и Т. Михно в 1953 г. от П. Н. Стасюковой 80 л. в с. Екатерининское Тарского р-на Омской обл.

119. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1964, тетр. 1, № 86. Зап. в 1964 г. от А. И. Субботиной в д. Отеренки Усть-Ишимского р-на Омской обл. Начало текста скомкано.

120. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1964, тетр. 7, № 36. Зап. Н. Артамонова и Д. Титов в 1964 г. от С. Н. Федосеева 52 л. на льнозаводе в Муромцевском р-не Омской обл.

121. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1966, тетр. 2, № 93. Зап. В. Сукачева и Г. Коловашенко в 1966 г. от И. Г. Кузьмина в д. Дурново Муромцевского р-на Омской обл. Текст стяжен.

122. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1966, тетр. 3, № 24. Зап. Т. Коробицына и И. Иващенко в 1966 г. от Е. Н. Калташевой 53 л. в д. Б. Красноярка Муромцевского р-на Омской обл.

123. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1971, тетр. 3, № 82. Зап. Т. Леонова и Г. Пономаренко от Д. П. Рязановой 58 л. в д. Атирка Тарского р-на Омской обл. Текст стяжен.

124. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1973, тетр. 3, № 22. Зап. Т. Леонова и Н. Матвеева в 1973 г. от А. С. Волшениной 60 л., М. Я. Рязановой 67 л. и А. Е. Мелеховой 58 л. в с. Новоягодное Знаменского р-на Омской обл. Дано лишь начало текста.

125. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1973, тетр. 3, № 40. Зап. Т. Леонова и Н. Матвеева в 1973 г. от сестер А. Е. Мелеховой 58 л. и М. Е. Глушковой 73 л. в с. Новоягодное Знаменского р-на Омской обл.

126. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1975, тетр. 6, № 30. Зап. Т. Щербакова и Л. Шевченко в 1975 г. от Ф. Н. Дендюковой 66 л. в д. Андреевка Саргатского р-на Омской обл. Текст стяжен.

127. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1975, тетр. 11, № 103. Зап. Н. Фролова и Л. Стеблевская в 1975 г. от Н. И. Пацуковой 62 л. в д. Андреевка Саргатского р-на Омской обл. У текста нет концовки.

128. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1975, тетр. 15, № 62. Зап. Л. Новоселова

в 1975 г. от А. С. Кутузовой 70 л. в д. Качесово Муромцевского р-на Омской обл.

129. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 14, № 7. Зап. В. Зубанов и другие студенты в 1979 г. от А. Я. Степановой 61 г., А. А. Полуниной 70 л., А. Е. Бертяковой 65 л. и С. С. Бертякова 64 л. в с. Серебряное Горьковского р-на Омской обл.

130. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1979, тетр. 21, № 4. Зап. Т. Косманова и Г. Афошина в 1979 г. от Е. В. Киреевой 68 л. в с. Новопокровка Горьковского р-на Омской обл. У текста нет концовки.

131. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 25, № 7. Зап. Л. Афельд и Н. Герасимова в 1980 г. от М. А. Анохиной 55 л. в с. Васисс Тарского р-на Омской обл. Текст стяжен.

132. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 52, № 37. Зап. О. Желтухина и другие студентки в 1980 г. от Н. С. Чумаковой 52 л. в д. Голубовка Седельниковского р-на Омской обл. Текст стяжен.

133. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1980, тетр. 52, № 88. Зап. О. Желтухина и другие студентки в 1980 г. от С. Г. Дяденко 69 л. в д. Голубовка Седельниковского р-на Омской обл. Текст стяжен.

134. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1981, тетр. 30, № 42. Зап. Н. Козлова и др. в 1981 г. от Е. И. Гринковой 74 л. в с. Старомалиновка Нижнеомского р-на Омской обл. У текста нет концовки.

135. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1981, тетр. 33, № 93. Зап. Е. Козлова и др. в 1981 г. от А. К. Опрятовой 69 л. в д. Покровка Нижнеомского р-на Омской обл.

136. Т о ж е. ФА ОГПИ, 1982, тетр. 27, № 47. Зап. Т. Соколова и др. в 1982 г. от М. И. Ивановой 72 л. в с. Могильно-Посельское Больше-реченского р-на Омской обл. Текст стяжен.

137. Т о ж е. Личный архив Л. А. Мухомедшиной. Магнитофонная запись собирательницы 2.8.1976 от Анны Иосифовны Рукосуевой 36 л. в пос. Кóдинск Кежемского р-на Красноярского края. Певица — уроженка с. Проспихино того же р-на.

138. Т о ж е. Личный архив Л. А. Мухомедшиной. Магнитофонная запись собирательницы 7.8.1976 от Алексея Александровича Зарубина 68 л. в д. Ёдорма Усть-Илимского р-на Иркутской обл.

139. Т о ж е. Личный архив Л. А. Мухомедшиной. Магнитофонная запись собирательницы 30.8.1976 от Ивана Федоровича Дмитриева 71 г. в д. Аксеново Кежемского р-на Красноярского края.

140. Т о ж е. ИО ВООПиК, 1984, 505/66. Магнитофонная запись Л. А. Мухомедшиной 3.3.1984 от Марии Никитичны Брюхановой 63 л., Раисы Никитичны Быковой 57 л. и Евдокии Демидовны Заборцевой 59 л. в г. Иркутске. Все певицы — уроженки и постоянные жительницы д. Замка Кежемского р-на Красноярского края.

141. Т о ж е. РО БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 101. Зап. А. Г. Игумнов и В. Л. Кляус в августе 1986 г. от Феклы Иннокентьевны Брюхановой 75 л. в с. Карабула Богучанского р-на Красноярского края.

142. Т о ж е. РО БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 142. Зап. В. Л. Кляус в августе 1986 г. от А. Е. Брюхановой 56 л. в с. Ирба Богучанского р-на.

143. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. собиратель в 1974 г. от М. А. Рычковой в п. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл.

144. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. собиратель со студентками Л. Пошовой и Н. Новиковой в 1974 г. от К. И. Калиберды в с. Кйбасово Нерчинского р-на Читинской обл.

145. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. Керп и Погуральская в 1976 г. от А. П. Кирилловой в с. Ундá Балейского р-на Читинской обл.

146. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. собиратель в 1976 г. от А. Ф. Зиминой в д. Деревцово Шелопугинского р-на Читинской обл.

147. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. Н. Скобелкина и Л. Павловская в 1976 г. от М. И. Астраханцевой в с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл.

148. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. Огородникова в 1979 г. от А. М. Филипповой в с. Пешково Нерчинского р-на.

149. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. М. Соловьева и И. Смолина в 1979 г. от П. Д. Тонких в с. Бóри Сретенского р-на Читинской обл.

150. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. Н. Скобелкина и А. Порошина в 1979 г. от К. К. Дружининой в с. Бори Сретенского р-на.

151. Т о ж е. Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. А. Лапшинкина и А. Яцук в 1979 г. от П. Ф. Кривоносковой в с. Кулаково Нерчинского р-на.

152. Т о ж е. Из материалов фольклорной экспедиции 1983 г. // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985. С. 106. Зап. В. Осипова и А. Игумнов в 1983 г. от У. И. Подойницыной 60 л., М. С. Астраханцевой 62 л., Е. Старицыной 25 л. и В. М. Ермак 33 л. в с. Беломестное Нерчинского р-на Читинской обл. Стяженный текст потирован.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ, ОТНОСИМЫЕ К СОБЫТИЯМ XVII В.

153. О т р а в л е н и е С к о п и н а. Магнитофонная запись Т. С. Шенталинской 20.1.1985 от Ипата Ивановича Суздалова 82 л., уроженца Походска, в пос. Черский Нижнеколымского р-на Якутской АССР. Старик честно пытался вспомнить популярный не так давно текст, но спетый им вариант получился стяженным, с пропусками и без концовки. На Колыме песня «Отравление Скопина» неизменно исполнялась в форме святочного виноградаря. Сам И. И. Суздалов помнит, что раньше, когда под Рождество и на «Крещатки» совершались обходы домов, виноградарь обязательно пел у порога каждого дома. Все колымские и анадырские варианты песни «Отравление Скопина» (РЭПС, № 193—195; Перечень, № 201—204) содержат одну версию, которая в эволюционном отношении восходит к версии этой песни, бытовавшей в восточной части Русского Севера.

154. С ы н о к С т е н ь к и Р а з и н а (начало). Личный архив В. П. Зиновьева. Зап. М. Соловьева, А. Порошина и А. Кукса в январе 1977 г. от М. Я. Хариной и А. П. Астафьевой в с. Кактолга Сретенского р-на Читинской обл. Собиратели, к сожалению, не попытались выпросить у певиц последующее содержание песни и записать ее продолжение хотя бы в виде пересказа. Между тем, судя по некоторым деталям, здесь, возможно, произошло перенесение текста на какой-то иной персонаж.

155. С и з е н ь к и й г о л у б ч и к , я с н е н ь к и й с о к о л и к. Личный архив Л. А. Мухомедшиной. Магнитофонная запись собирательницы 31.7.1976 от Натальи Власовны Колпаковой 71 г. в с. Проспихино Кежемского р-на Красноярского края.

156. Т о ж е. Личный архив Л. А. Мухомедшиной. Магнитофонная запись собирательницы 30.8.1977 от Ивана Федоровича Дмитриева 72 л. в д. Аксеново Кежемского р-на.

157. Т о ж е. Личный архив Л. А. Мухомедшиной. Магнитофонная запись собирательницы 10.7.1979 от Татьяны Васильевны Перфильевой 55 л. в райцентре Кежма. Песню переняла у невестки, которая в свою очередь выучила ее у отца из д. Карамышево, на р. Кова, притоке Ангары.

158. Т о ж е. ИО ВООПиК, 1979, № 77. Зап. на магнитофон Л. А. Мухомедшина 17.7. 1979 от Галины Федоровны Перфильевой 48 л., невестки Т. В. Перфильевой (см. № 157) и сестер Татьяны Васильевны Перфильевой и Елизаветы Васильевны Вороновой 53 л. в райцентре Кежма на средней Ангаре.

159. То же. ИО ВООПиК, 1979, № 30. Магнитофонная запись Л. А. Мухомедшиной 13.7.1979 от Акулины Игнатьевны Брюхановой 77 л. в райцентре Кежда, куда певица вышла замуж в 1930 г. из д. Заимка того же р-на.

160. То же. ИО ВООПиК, 1980, 151/5. Магнитофонная запись Л. А. Мухомедшиной 12.8.1980 от Анны Григорьевны Кокориной 71 г. в райцентре Кежда.

161. То же. ИО ВООПиК, 1981, 256/36. Магнитофонная запись Л. А. Мухомедшиной 18.8.1981 от Марии Ефимовны Поповой 81 г. и ее двоюродной сестры Евдокии Ивановны Качиной 73 л. в райцентре Кежда. Певицы — уроженки деревень того же р-на.

162. То же. ИО ВООПиК, 1982, 383/21. Магнитофонная запись Л. А. Мухомедшиной 26.2.1982 от Марии Никитичны Брюхановой 61 г. в д. Заимка Кежемского р-на.

163. То же. ИО ВООПиК, 1984, 476/37. Магнитофонная запись Л. А. Мухомедшиной 27.2.1984 от Марии Никитичны Брюхановой 63 л. и Марии Ефимовны Поповой 84 л. в Иркутске. Ср. записи № 161, 162 от этих певиц.

164. То же. ИО ВООПиК, 1984, 603/93. Магнитофонная запись Л. А. Мухомедшиной 2.7.1984 от Екатерины Фиалентьевны Черняевой 80 л., Александры Васильевны Логиновой 80 л., Нины Поликарповны Левицкой 87 л. и Зинаиды Михайловны Левицкой 66 л. в с. Пинчуга Богучанского р-на Красноярского края. Первые две певицы — уроженки Пинчуги, вторые две — уроженки соседней д. Иркинэево.

165. То же. Личный архив Л. А. Мухомедшиной. Магнитофонная запись собирательницы в 1983 г. от Елены Васильевны Тарбеевой 70 л. и Анастасии Михайловны Савинской 67 л. в Иркутске. Певицы — русские, уроженки с. Тугутуй Эхирит-Булагатского р-на Усть-Ордынского национального округа Иркутской обл.

Перечисленные варианты песни «Сизенький голубчик, ясененький соколик» (№ 155—165, см. также Перечень, № 232—235) представляют собой местную переделку среднерусской песни «Князь Голицын возвращается в Москву». Местная версия утратила многие реалии своей эволюционной предшественницы, зато приобрела местный топоним «Мурский косо-гор», — очевидно, местность близ Мурского порога на Ангаре, у с. Пинчуга. Она стала носить характер лирической песни о безымянном молодце, думающем пробраться к своей милой. Ее ареал ограничивается ангарскими поселениями, причем, как можно заметить, чаще всего песню записывали на средней Ангаре, в районе с. Кежда, лишь дважды — на нижней Ангаре и всего один раз — на верхней Ангаре.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ, ОТНОСИМЫЕ К СОБЫТИЯМ ХVIII В.

166. Часовой у гроба царя. ФА ОГПИ, 1968, тетр. 2, № 164. Зап. А. Гальцева и Н. Пименова в 1968 г. от Екатерины Степановны Никитиной 107 л. в д. Бородинка Тевризского р-на Омской обл. Исполнительница девочкой была привезена из России. Текст записан под диктовку и потому имеет сбои в стихах. Он стяжен. Имя царя не названо.

167. Три полка солдат у могилы царя. ФА ОГПИ, 1967, тетр. 2, № 156. Зап. Е. Крам и Н. Гильденберг в 1967 г. от Евдокии Петровны Перменовой 57 л. в д. Бакшеево Усть-Ишимского р-на Омской обл. Текст явно записан под диктовку. Его начальный стих «На Васильевском славном острове», очевидно, заимствован из относимой к петровским временам песне о молодом матросе, снабившем корабли. Речь солдат — краткий перепев речи часового из песни типа предш. № 166. По этой речи текст относится к эволюционным производным песни «Часовой у гроба

царя». Имя царя в тексте не названо, а студентки не спросили его у исполнительницы.

168. Шведский король пишет Петру Великому. ФА ОГПИ, 1981, тетр. 45, № 17. Зап. В. Арбузов в 1981 г. от Евдокии Степановны Зайцевой 76 л. в д. Черемновка Называевского р-на Омской обл. Исполнительница — уроженка Кологривского р-на Костромской обл., в Омскую обл. переехала в 1963 г., поэтому надо полагать, что текст был принесен ею с родины. Ее текст — эволюционная производная песни «Шведский король требует возвращения городов». Имя Петра в нем является несомненно поздним привнесением.

169. Нападение киргизов на спящих казаков. Копия текста, предоставленная В. М. Щуровым (Москва). Магнитофонная запись собирателя в 1977 г. от Е. Н. Кораблиной 87 л. и А. Д. Кораблиной 63 л. в с. Слюдянка Усть-Калманского р-на Алтайского края. Это всего лишь третий сибирский вариант: первый записан Г. Н. Потаниным на Иртышской военной линии — РЭПС, № 235; второй записал А. А. Шренк также среди иртышских казаков (Перечень, № 261).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАКК — Государственный архив Красноярского края.

ИО ВООПиК — Иркутское отделение Всесоюзного общества охраны памятников и культуры.

РО БФ — Рукописный отдел Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР.

ФА ОГПИ — Фольклорный архив Омского государственного педагогического института.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ТЕКСТЫ

1. Дюк Степанович (см. № 1)

Хорошие сказки, старинные, от стариков. . . Но я их все забыл. . .

Ну как же их тебе сказать? . . . Один раз Дюк Степанович свет Иванов, так его величали, занаряжался в гости ко городу ко Киеву, ко Владимиру ко княжескому. Ну когда он занаряжался, мать вышла его провожать. (А мать звали Аксиция Александровна, отца у них, видимо, не было, — так рассказчик рассказывал.) И вот как она —

Не полынь-трава шатается,
Бела береза к земле пригибается,
Дюк с матерью прощается.

Она его просто величала Дюк, не Дюк Степанович, — как сына. Потом. . . «Вот, — говорит, — Дюк,

Поедешь ко городу ко Киеву,
Не заезжай на горы Сорочинские,
На горы Сорочинские много заезжало, но мало выезжало,
И приедешь ко князю ко Владимиру,
Ты не хвастай своим бедным имуществом».

Ну ладно, всё, простились. Он не поехал, а полетел

Выше леса стоячего,
Ниже облака ходячего —
Долго ли, далеко ли,
Низко ли, высоко ли.
Подъезжает к горам Сорочинским.

И вот стал думать: «Драка тут, наверное». Стал думать: «Что делать? Если попасть вместе с конем, посмотреть». Ну попал вместе с конем. Стоит палатка семиполосная, семь полос. Человек спит в этой палатке, ноги же до колен еще на дворе. Дык он так храпит — все равно как телега ордынская гремит. А конь ходит шестикрылый. И подумал он: «Как я подойду?» Стал думать. Думал, думал: «Сначала я коня отщущу. Если копы будут друг к другу ластиться, — значит хороший хозяин, а если копы будут драться, то плохой хозяин». Ну он долго не думал, коня отпустил. Конь подошел. У того незаважен и у этого. Ну конь стал ластиться. Потом он подошел — человек-то спит, храпит, а он сам-то не знает, кто это. «Как я его буду будить, или как?» У того ноги немного скорчило — он за его спиной и ляг, Дюк Степанович.

Тот как-то взбрыкнулся, нутряной воздух выпустил — сразу разбудился. Разбудился, оглянулся: «Ты, — говорит, — откуда?» Дюк Степану говорит этот человек. (Это Илья Муромец). Он говорит: «Я — сын-выпердыш». (Так он с усмешкой говорит). Ну тот не осердился, ничего. Поздоровались. Стал расспрашивать, куда поехал, чего поехал, показаться [ли] поехал. Ладно. Он всё ему рассказал, Илья-то Муромец. А там застава была, богатыри там сдруживались: «Ладно, — говорит, — если трудно станет, меня вспомнишь». Это Илья Муромец ему. Простились. Он поехал.

Приезжает ко городу ко Киеву. . .

К князю Владимиру приехал российский богатырь. С России приехал. Сразу пошел он. Поздоровались, как чего. Ну и потом стали выпивать. Богатыри ихние собрались все. «Ну я, — говорит, — ни с кем не братывался и товарища не имею, — это Дюк Степанович. — Одного только встретил дорогой». Ну он у него спросил: «Кого?» Он сказал: «Илью Муромца встретил». Ну сразу вспомнил: «Если будет трудно, вспомнишь. . .» Ну вспомнил.

Не долго, вдруг приехал, входит Илья Муромец. Тут разговорились. Стал Владимир их звать к себе. Но они обои не пошли, и ничего такого не делали. И тут сразу обратно разъехались. Вот и вся сказка. Дюк Степану поехал домой, а Илья Муромец поехал в другую сторону, тоже домой.

Но сказка продолжалась дальше, а дальше не знаю. . . Там еще какой-то Владимир оказался. . . Вот это так сказка и есть. Рассказчик так рассказывал.

2. Добрыня и Алеша (см. № 13)

Пошел Микитушка Добрынюшка в царску армию служить. И своей жене наказывает: «Жди, — говорит, — меня пять лет, жди меня десять лет, а замуж не ходи. Если, говорит, — уж двадцать лет (а служили двадцать пять лет, писем не писали), если, — говорит, — двадцать пять не будет, то выходи замуж, только не ходи, — говорит, — за моего за недруга великого, за Алешу Поповича».

Ну и он писем не писал. Когда кончилось двадцать пять лет, она вышла замуж за этого за Алешу Поповича. Только ее увязли, и он приезжает. Спрашивает у своей матери: «Здравствуй, моя родная матушка, честна вдова Афимья Ляксандровна!» Она говорит: «Нет, это не мой сын Микитушка Добрынюшка. У моего, — говорит, — Микитушки Добрынюшки сапожки были сафьяновые, лицо было белое, как бумажечка». Он говорит: «Красоты моей ветры буйные избавили, сапожки, — говорит, — по лясам по дремучим испрырывал я». Она говорит: «Нет, все равно не мой это сын Микитушка Добрынюшка. У моего, — говорит, — Микитушки Добрынюшки под правой мышцей было родимое пятнышко». Он снимат рубашку: «Вот, — говорит, — моя родная матушка, честна вдова Афимья Ляксандровна, вот, — говорит, — мое родимое пятнышко». Тогда она

убедилась. Он спрашивает: «Дак что, моя рѳдная матушка, честна вдова Афимья Ляксандровна, а где, — говорит, — моя молодá жена Настасья Микулишна?» Она говорит: «Твоя молодá жена — только что вот из-за стола вышли — замуж ушла за твоёго за недруга вяликого, за Алешу Поповича». Он поднарядился, взял музыку каку-то, гусли на йгрыща (!): «Пойду, — говорит, — к Алеше на свадебку».

Пришел, заиграл: «Кому, — говорит, — будет стыдно и кому будет совестно, что разве можно так делать, чтобы от живá мужа жену отнять?» А она услышала: «Ох, — говорит, — ты мой любезный! Если, — говорит, — хочешь, через стол скочу. Обождешь, — говорит, — кругом обойду». А он играт, а эти гусли выговаривают: «Сиди, — говорит, — моя любезная, за дубовым столом, не ломай стола княженецкого!»

Тогда, когда вышли из-за стола, он бярет ее за руку, под ручку и заиграл: «Поскорешенько Алешенька женился, да не с кем спать!»

Приводит ее домой и говорит матери: «Что, — говорит, — мне делать: бить, — говорит, — жену иль убить молодú?» А мать ему говорит: «Не бей, — говорит, — жену и не убей молодú, дай, — говорит, — жене три грозы женские». Но он не стерпел. Поставил ее к воротам и расстрелял ей груди белые.

Это я запомнил. А боле. . . Может, она еще доле, но по-моему так отец ее, столь ее рассказывал.

3. *Илья Муромец* (см. № 74)

В городе было Муроме, во селе было Карачарове, у крестьянина с крестьянкой было любимое детище Илюша, Илья Муромец сын Иванович. Сидел сиднем ровно тридцать лет, ногам не ходил. И вот во время покоса пришли к нему три калеки перехожие и попросили милостыню. Он говорит: «Эх вы, калеки перехожие, рад бы я вам дал, да ходить не могу». — «А попробуй, — говорит, — Илюша, встань». Он встал и пошел, дал имя по калачику. Тогда оне выташшили бутылѳк, пузырек: «Вот, — говорит, — попей, — говорит, — нашего пивца медвяного». Он попил. «Ну как, — говорит, — себя чувствуешь?» — «А чувствую в себе силушку мочную». — «Ну попей, — говорит, — ешшо». Он ешшо попил. «А теперь, — говорит, — как?» — «А теперь, — говорит, — если бы можно было, — говорит, — чем захватить, одной бы, — говорит, — рукой город переворотил». — «Попей ешшо». Он попил. «А теперь как?» — «А теперь, — говорит, — поменьше». — «Ну вот, — говорит, — Илюша, на роду, — говорит, — тебе смерть не написана, оружие твое будет палица девяносто пудов и в колчане каленá стрела. Возьми купи, — говорит, — у соседа жеребеночка, выходи и вырасти его в три росы и в три грозы, чтобы был твой бурушка-косматушка швыткой и прыткой, мелкие реки и озера промеж ног спускал».

Ну вот он пошел к отцу-матери на покос. Все дубки-колоды повбѳдгергал, в глубоку реку повбѳгрузил. . .

Мать с отцом пришли домой — Илюша ходит: «О, слава бох, работник будет!» Ну Илья рассказал имя, что вот так и так, приходили три калеки перехожие и не велели дома жить. Отец с матерью запечалились: «Уедет от нас Илюша!»

Вот он купил у соседа жеребеночка, выходил и вырастил его в три росы и в три грозы, стал его бурушка-косматушка швыткой и прыткой мелкие реки и озера промеж ног спускать. Простился с отцом, с матерью. Видели Илью, что на коня сая, а не видели, куды поездку дал: первый скок нашли за семь верст, а второй найти не могли.

И подъезжает Илья Муромец к реке Смородине. Реку Смородину конь не мог перескочить. Он наломал дубков, намостил мостов, коня спустил травы пощипать, а сам сварил себе кáшицы и, позавтракавши, начал

сон держать. И прилетел Збут Борис-королевич, сяд на сырой дуб и стрéлил в Илью Муромца из колчана каленбй стрелой, и попал ему прямо в белые груди, в отцовский крес[т]. От креста стрела изломалася, ото сна Илья разбуждается. Берет Збута Бориса-королевича за белые кудри и бросат его ниже облака ходячего, выше дерева стоячего, и обратно, говорит, на руки подхватил: «Ох, — говорит, — ты, чадо несмышленое, не знашь, — говорит, — с кем ты силой сраждаешься!» Он его стал просить: «Хоть для матушки для родимой мне пощаду дай!» Он вспомнил, Илья, свою мать и отпустил его. Отпустил и поехал.

Приезжат в город Чернигов. А мужички-черниговцы Илью встречают — напали на их татарара. И вот он поехал по этим по татарам воевать. Ездил и выбил всю татарскую силу эту. Вернулся в Чернигов. Мужички-черниговцы стали его уговаривать: «Останься у нас воеводою!» Он говорит: «Нет, мужички-черниговцы, расскажите мне дорожку прямоезжую, прямо в стольный Киев-град к царю Владимиру». — «Эх, старой казак Илья Муромец, прямоезжую, — говорит, — дороженьку завалило и заколодило ровно тридцать лет: птица не пролетит и зверь не прорыщет. Залег, — говорит, — Соловей вор-разбойник, сидит, — говорит, — на девяти ста дубах и захватывает, — говорит, — на девяти ста верстах».

Он поехал. Поехал, подъехал к камню. На камне написано: «По правой, — говорит, — дороженьке ехать — женатому быть, по левой ехать — богатому быть, а по средней ехать — убитому быть». «Богатство, — говорит, — мне, сыну крестьянскому, не надобно, с женою жить — мне неведомо, а убить, — говорит, — меня не за что и взять с меня нечего. Не честь, — говорит, — моя хвала богатырская, что поеду я дорожкой окольной, а поеду, — говорит, — дорожкой прямоезжею».

И вот поехал. Этот Соловей засвистел по-соловьиному, зашипел по-змеиному и заревел по-звериному — конь у Илья на колени упал. «Что, — говорит, — ты падашь, песьтая кляча, травяной мешок? Неужели, — говорит, — не слышал ты крику звериного?» — «Я, — говорит, — такого чуда и не наезживал».

Ну конь поправился. Он подъезжат. Стрéлил с колчана каленбй стрелой и попал ему в правый глаз. Привязывает его к лукé седлянбй и поехал. И едет мимо дому Соловьиного. Ребятишки увидели и к матери: «Матушка, — говорит, — матушка, когда-то батюшка мужиков возил, а теперь батюшку мужик везет». А она вышла: «Ох, Илья Муромец сын Иванович, на, — говорит, — мои золотые ключи и отмыкай подвалы глубокие, и набирай, — говорит, — сколь надо злата и сéребра, только Соловья оставь у меня». Он говорит: «Не нужна мне твоя дурная казна, повяжу, — говорит, — его к царю Владимиру». И поехал.

Приезжает на дворк царю, приезжает к царю Владимиру. У его как раз почетный пир, пир богатырям. . . [Пауза]. Ну он был человек образованный, на все четыре стороны поклонился и князю со княгинею, и за стол. А выпил. «Налей, — говорит, — мне чару зелена вина полтора ведра». Царь ему поднес зелена вина полтора ведра. Он взял за ушкй и выпил до дна, выпил, посидел и говорит: «Проехал я дорожкой прямоезжею». А царь ему говорит: «Охмелел, — говорит, — ты, детина, п в речах своих зазираешься!» — «А что, — говорит, — ты не веришь в мою добычу богатырскую? Соловья, — говорит, — привез на двор к тебе».

Но все выпил смотреть Соловья. Он берет князя с княгинею под руки и выходит, говорит Соловью: «Свистни, — говорит, — по-соловьиному и зареви по-звериному, только в полголоса!» Он засвистел и зашипел, — дак все маковки на церквах зашевелилися, гости на карачках ползают, а царь с царицей у его под пазухом ни живы, ни мёртвы стоят. Царь говорит: «Эта шутка нам не надобна». Илья стал его унимать — он не униматся. Взял его за белые кудри, об камень ударил и расшиб.

Но тогда Илья живет у царя. Живет, воюет. Отвоевали — он опять приезжает всех сзади. Почетный пир опять у царя этим богатырям. «Вонде, старой казак, тебе на краю стола мѣстеца!» — и дарит его шубой. Он выпил и говорит: «Да, сравнял, — говорит, — ворона с воронятами и даришь, — говорит, — с татарины бусурманины!» Царю это незлюбилося, что он тех богатырей назвал воронятами. «Берите, — говорит, — его под руки и ведите, — говорит, — его в подвал глубокой!» По трюю схватили, он руками развел — все разлетелось. «Людьми, — говорит, — берите!» Он говорит: «По двадцать хоть воронѣнок поставь, от желанья руками махну — ни одного живого не останется. Дай, — говорит, — мне книгу евангелие, я сам уйду». Он заскочил в свой кабинет, в шкаф там, дал ему книгу. Он коня в повод и в подвал. Задѣрнули решеткою, засыпали хрящом.

Прошли-прокатились три года торопливые. А царица была жалостлива, наняла подкуп. И там это кормили, Илью Муромца. И свет, и все у его было.

Напали татары на царя. Он говорит: «Надо, — говорит, — откопать подвал, не живой ли старой казак». Откопали там, доложили, что живой старой казак. Царь пошел. Сам упал к нему в ноги: «Прости меня, я был хмельной!» Он поднял его.

Ну три-четыре денька отдохнул, стал просить помощника: «Давай, — говорит, — мне помощника, стал, — говорит, — я старик, сам на себя не надеюсь». Ну один за другого, другой за третьего — никто с им не едет. Он говорит: «Ну, Владимир-князь, закрывай, — говорит, — ворота крепко-накрепко, стал, — говорит, я старик, а поехал от тебя один, как посланничком».

Ну и начал по силе татарской ездить. Палицей бьет, копьѣм колет и коном топчет. А оне накопали ям. В первую яму конь упал — выскочил, он усидел. А в другую яму упал — конь выскочил, а он в яме остался. И тут его забрали.

Конь прибѣжал через заборы каменные и ко столбу стал. Царь увидел: «Да, стал, — говорит, — старой казак неживой, конь пришел!»

Его привяли в штаб, заковали ему руки и ноги, стали над им издвигаться. Он посмотрел на все четыре стороны — ничего опасного нету. Ручками развел — цепи разлетелись, ножками дрыгнул — цепи разлетелись. Хватил, говорит, скамеечку дубовую и давай, говорит, скамеечкой татар возить. Выбил всю силу татарскую и пешком пошел. Идет, в ворота стучит и зычным голосом кричит. Царь пропустил его.

Тогда он царю велел построить церкву новую, освятить и нарядить. Царь построил церкву. Освятили и нарядили ее, всё. И он с конем вместе ушел в эту церкву и больше не вернулся.

И вот когда оне с Егором-Святогором — уж их не стала подымать земля, только ездили по каменной горе — наехали на гробницу, Егор-Святогор лег и говорит: «Да, — говорит, — мне маленько тесновата». Тогда Илья: «Но-ка, — говорит, — я лягу». Илья Муромец лег: «А мне, — говорит, — в самый раз». Наскочила покрывка и два обруча железны. Он говорит: «Руби обручи!» Он стал рубить обручи. Ешшо как рубит ешшо два наскочат. «Нет, — говорит, — Илья Муромец, видно тут твоя смерть!» Он говорит: «Нет, у тебя силы мало. Я, — говорит, — буду жаться, из-под покрывки пойдет пена, ты, — говорит, — лижи пену и ешшо руби». Начал жаться — пошла пена из-под покрывки. Он пену лизал, как рубнул — опять два наскочили. «Нет, — говорит, — Илья Муромец, видно смерть твоя здесь!» Тут оне и разъехались.

III. ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, БИБЛИОГРАФИЯ

Г. А. ГУБАНОВА

БИБЛИОГРАФИРОВАНИЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА (обзор)

Одним из важных требований в развитии отраслевой библиографии является создание общепрофессиональных указателей — основного ядра системы. Библиография фолклора располагает фундаментальным указателем М. Я. Мельц «Русский фольклор» (1901—1975), охватившем документальный массив отрасли за 75 лет.¹ М. Я. Мельц, известный советский библиограф-фольклорист, в своей деятельности руководствуется современными требованиями науки о самостоятельном и многоаспектном изучении народно-поэтического творчества. Она является основным, а нередко и единственным автором многочисленных библиографических пособий, посвященных проблемам фолклора.

Охватив столь значительный хронологический период, пятитомник «Русский фольклор» вместе с тем явился первым опытом отражения точно определенного объекта библиографирования на основе современного понимания предмета фольклористики как сложного синкретического искусства. Отбор материалов в пособии отвечает специфике предмета. Поэтому в указателе отражены не только материалы и исследования, связанные с устным, словесным творчеством народа, но и работы, рассматривающие взаимосвязи фольклористики с литературоведением, этнографией, историей, философией, музыковедением и другими науками.

Следуя традиционному пониманию предмета фольклористики, составитель вместе с тем стремится расширить тематический диапазон отбора за счет материалов пограничного характера и тем самым обеспечить возможно полное отражение предмета исследования фольклористов во всех его связях и проявлениях. В указателе включены материалы и исследования, отражающие особенности бытования устной поэзии наших дней, а также традиционных фольклорных жанров.

Такой подход позволил отразить специфику фолклора как особой формы духовной деятельности, а также создать предельно достоверный свод печатной продукции отрасли.

Появление столь фундаментальной работы придало новые качества развитию библиографии русского фолклора. Оно свидетельствует о создании ядра в формирующейся системе фольклорно-библиографической информации. Принятая в указателе М. Я. Мельц жанрово-тематическая группировка материала, сочетающаяся с хронологическим расположением, дает возможность одновременного исторического, жанрового, проблемно-тематического и персонального библиографического поиска. Справочные аннотации и вспомогательные указатели имен, географических названий и использованных источников усиливают средства ретроспективного поиска.

Таким образом, созданный указатель библиографическими средствами показал состояние, масштабы, проблематику, внутреннюю логику документального массива, а следовательно, и самой отрасли знания. Его выход обнаружил незнание или слабую разработку целого ряда вопросов истории и теории русского фолклора — например, его художественного метода, исторически сменяющихся «типов художественного мышления» народа, эволюции фольклорных признаков внутри того или иного жанра, соотношения понятий «традиционный фольклор» и «новый фольклор» и т. п. Библиографическими средствами были определены направления дальнейшего развития советской науки о фольклоре, что свидетельствует о большой научной значимости указателя, а также о возможности опережения фольклорной библиографией научного изучения отдельных фольклорных явлений, тем, аспектов. Созданная серия томов получила высокую оценку специалистов.²

¹ Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1901—1916 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1981; Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1917—1944 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1966; Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1945—1959 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1961; Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1960—1965 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1967; Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1966—1975. Ч. 1—2 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1984—1985.

² См. рец.: Дмитриков И., Тихонова Л. Библиография русского фолклора // Вопросы литературы. 1986. № 9. С. 231—238; Бахтин В. Бесценное хранилище // Нева.

Библиографическое освоение отрасли как целостного явления предполагает также отражение литературы по фольклорным жанрам, темам, а также в персональном и региональном аспектах.

В структуре фольклористических знаний особенно важным является исследование проблем отдельных жанров. Для специалистов, изучающих песенное народное творчество, литературоведов и музыковедов издан указатель В. М. Сидельникова «Русская народная песня» (1962). В нем впервые собран и обобщен значительный материал по ведущему жанру фольклорного творчества. Автор пособия поставил перед собой задачу — учесть все издания и публикации русской народной песни и исследования по ней, появившиеся в печати более чем за 200 лет — с 1735 г. по 1945 г. Однако многочисленные пропуски, элементы случайности в отборе, неудовлетворительное построение указателя во многом снижают его справочную ценность.

Большой интерес для специалистов представляет нотографическое пособие Д. М. Бацера и Б. И. Рабиновича «Русская народная музыка» (1981—1984).³ В нем впервые собраны воедино нотифицированные публикации русского песенного фольклора за 1776—1973 гг.

Работы по песенным и прозаическим жанрам русского фольклора отражены в специальных указателях М. Я. Мельца.⁴ Материалы о других фольклорных жанрах содержатся только в прикнижных указателях литературы, которые прилагаются к сборникам фольклорных текстов, а также к исследовательским работам. Некоторые из них довольно полно учитывают имеющуюся литературу. Например, книга И. Земцовского «Мелодика календарных песен» (Л., 1975) включает библиографический указатель (более тысячи названий), который в сущности является наиболее полным сводом европейской литературы по обрядовому фольклору. Обширные сведения приводятся в списках литературы по героическому эпосу, пословицам, поговоркам, исторической песне, устному рассказу, сказке и др.⁵ Однако в большинстве своем прикнижные списки литературы крайне неполные, зачастую содержат случайные сведения, не систематизированы, учитывают публикации за небольшие хронологические периоды. Их наличие не решает проблемы достоверного и концентрированного показа состояния документального массива определенных жанров. Создание жанровых указателей литературы остается одной из актуальных задач фольклорной библиографии.

Важное место в системе библиографического освоения отрасли принадлежит тематическим указателям, посвященным актуальным проблемам фольклористики. Библиографические пособия тематического плана носят комплексный характер и освещают конкретные проблемы в различных аспектах: историческом, сюжетном, жанрово-тематическом и др. В них широко привлекается материал из смежных областей знания.

В настоящее время этот вид фольклорной библиографии недостаточно развит. Наиболее тщательно разработана тема «В. И. Ленин и фольклор». Достаточно полно по этой теме собран материал в указателе М. Я. Мельца.⁶ Здесь представлена литература по различным аспектам темы: знание В. И. Лениным фольклора и массовых революционных песен, фольклор и массовые революционные песни в трудах В. И. Ленина, значение трудов и высказываний В. И. Ленина для развития советской фольклористики и др. Более полный перечень публикаций фольклорных произведений о В. И. Ленине и исследований по данной теме представлен в указателе того же автора «В. И. Ленин в фольклоре народов СССР».⁷ В нем самостоятельным разделом выделены материалы

1986. № 10. С. 147; *Иванова Т. Г.* // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1986. № 6. С. 84—86; *Лазарев А. И., Губанова Г. А.* // Советская этнография. 1987. № 1. С. 153—156.

³ *Бацер Д. М., Рабинович Б. И.* Русская народная музыка: Нотографический указатель. В 2-х ч. (1776—1973). М., 1981—1984. См. рец.: *Иванова Т. Г.* Новое библиографическое пособие по русскому фольклору // Русская литература. 1986. № 1. С. 251—254.

⁴ *Мельц М. Я.* 1) Песенные жанры русского фольклора: (Материалы к библиогр.) (1966—1968) // Русский фольклор. 1971. Т. 12: Из истории рус. нар. поэзии. С. 309—320; 2) Прозаические жанры русского фольклора: (Материалы к библиогр.) // Русский фольклор. Т. 13: Русская народная проза. 1972. С. 294—304.

⁵ См. библиогр. прилож. в кн.: Избранные пословицы и поговорки русского народа. М., 1957; *Лазутин С. Г.* Очерки по истории русской народной песни. Воронеж, 1964; *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963; *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960; Русские пословицы и поговорки. М., 1969; *Ярневский И. З.* Устный рассказ как жанр фольклора. Улан-Удэ, 1969; *Петенева З. М.* Язык и стиль русских былин. Львов, 1985; Жили-были: Русские народные сказки о боге, черте и попе, и хитроване мужике. М., 1985, и др.

⁶ *Мельц М. Я.* В. И. Ленин и фольклор: (Материалы к библиогр.) (1925—1968) // Ленинское наследие и изучение фольклора. Л., 1970. С. 182—196.

⁷ *Мельц М. Я.* В. И. Ленин в фольклоре народов СССР: Библиогр. (1923—1968) // В. И. Ленин в песнях народов СССР. М., 1971. Вып. 1. С. 283—321; То же. 1969—1970 // Там же. С. 321—328.

русского фольклора. Ценным представляется раздел «Фольклор о В. И. Ленине в профессиональном искусстве», освещающий один из важных и интересных аспектов темы.

Некоторые сведения о литературе, посвященной исследованию темы «Образ В. И. Ленина в русском фольклоре», даны в указателях Н. П. Галкиной «Образ В. И. Ленина в советской художественной литературе (и фольклоре) (1959—1973)» (М., 1970—1974). Часть материалов ленинской проблематики отражается в библиографических пособиях И. В. Голенищевой-Кутузовой и А. М. Гуткиной «Ленин и литературоведение» (1917—1968) (М., 1969) и Н. И. Желтовой «Ленин и наука о литературе» (1955—1968) (Л., 1970). Названные библиографические работы могут послужить основой для подготовки фундаментального указателя по данной важнейшей методологической проблеме.

Имеется положительный опыт учета материалов по теме «Народнопоэтическое творчество Великой Отечественной войны (1941—1961)» (составитель М. Я. Мельц).⁸ Пособие отражает не только собственно фольклорные материалы военной тематики, но и многочисленные публикации фронтового фольклора в самых различных по содержанию статьях и сборниках о войне, а также в письмах, мемуарах, воспоминаниях и др. Мемуарно-документальная литература представлена самостоятельным разделом. Так же детально учтена исследовательская литература. Имеются данные об индивидуальном творчестве сказителей. При подготовке пособия автором широко привлекались периодические и продолжающиеся издания. Исключение составили фронтовые газеты, которые ввиду их многочисленности и труднодоступности не использовались. Выявление и учет фольклорных публикаций фронтовой печати — актуальная задача советской фольклорной библиографии. Требуется также хронологическое продолжение созданного библиографического труда.

Актуальность проблемы взаимосвязи устного народного творчества и русской советской литературы определило появление двух библиографических пособий М. Я. Мельца, посвященных данной теме и учитывающих публикации с 1935-го по 1960 г.⁹ Указатели включают книги, брошюры, статьи и заметки, рассматривающие проблему фольклоризма советской литературы, пути освоения богатейшего художественного опыта, заключенного в фольклоре, значения и места народной поэзии в творчестве отдельных писателей и т. д. В них отражены работы, не только целиком обращенные к этой теме, но и отводящие ей несколько глав или страниц. Приводятся публикации исследователей и критиков, а также высказывания о фольклоре самих писателей и поэтов по использованию фольклорных начал в их творчестве.

М. Я. Мельц очень тщательно подходит к отбору и характеристике литературы. Ею широко привлекаются исследования по смежным областям знания, содержащие ценные сведения для фольклористов. При этом в аннотациях указываются аспекты рассматриваемых проблем, тематика, круг затрагиваемых вопросов.

Значительную информацию по проблемам взаимосвязей литературы и фольклора содержат фундаментальные библиографические труды по истории литературы.¹⁰ Литературу по теме «Писатель и фольклор» отражают тщательно подготовленные научно-вспомогательные указатели о творчестве отдельных писателей. В последние годы подготовлены пособия, посвященные М. Ю. Лермонтову, А. И. Герцену, Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому, А. М. Горькому и др.¹¹ Многие из них включают вспомогательный предметно-тематический «ключ», позволяющий выявить публикации по теме.

⁸ Мельц М. Я. Народнопоэтическое творчество Великой Отечественной войны: Материалы к библиогр. (1941—1961) // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 414—477.

⁹ Мельц М. Я. Фольклор и русская советская литература: Библиогр. материалы (1935—1955) // Вопросы советской литературы. Сб. 4: Фольклор в русской советской литературе. М.; Л., 1956. С. 333—423; Мельц М. Я. Фольклор и русская советская литература (1956—1960): Материалы к библиогр. // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 382—402. См. рец.: Шишкина А. Живая мысль // Нева. 1959. № 3. С. 217.

¹⁰ Дробленкова Н. Ф. 1) Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. / Под ред. и со вступ. статьей В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 435 с.; 2) Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. Ч. 1—2. 1958—1967. Л.: Наука, 1978; Степанов В. П., Стенник Ю. В. История русской литературы XVIII века: Библиогр. указатель / Под ред., с доп. и предисл. чл.-кор. АН СССР П. Н. Беркова. Л.: Наука, 1968. 500 с.; История русской литературы XIX в.: Библиогр. указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 966 с.; История русской литературы конца XIX—начала XX в.: Библиогр. указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 519 с. и др.

¹¹ Миллер О. В. Библиография литературы о М. Ю. Лермонтове (1917—1977 гг.). Л.: Наука, 1980. 517 с.; Набокова Т. И., Терещатова Л. С. Библиография литературы об А. И. Герцене. 1936—1970 гг. Л., 1984. 632 с.; Ф. М. Достоевский: Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965 / Гос. лит. музей; Музей-квартира Ф. М. Достоевского. М.: Книга, 1968. 407 с.; Шеляпина Н. Г., Уса-

Особого внимания заслуживает библиографическое пособие В. В. Кузнецовой «Павел Петрович Бажов» (Свердловск, 1960), посвященное творчеству уральского сказителя — автора всемирно известных сказов «Малахитовой шкатулки». Создать по возможности полное представление о жизни и творчестве П. П. Бажова — основная задача этого пособия. Большое место в указателе занимает раздел «Материалы к биографии», где даны автобиография писателя, хроника жизни и творчества, воспоминания. В разделе «Творчество» названы издания произведений П. Бажова на русском языке, на языках народов СССР, на языках зарубежных народов; собраны почти все газетные и журнальные публикации сказов, очерков, статей. Также полно представлена литература о творчестве сказителя. Необходимо хронологическое продолжение столь ценного труда.

Можно назвать еще ряд проблемно-тематических указателей литературы: «Вопросы теории фольклора» (1953—1959), «Вопросы истории фольклора» (1945—1960), «Актуальные проблемы современного народного творчества» (1960—1965), «Русский фольклор и современная художественная самодеятельность» (1960—1965) и др.¹² Но все они содержат в основном избранные работы по темам, требуют хронологического продолжения и углубленной библиографической разработки.

Многие важные темы совсем не обеспечены библиографически. Остро ощущается необходимость составления свода работ по проблемам исторической поэтики фольклора. Развитие фольклористики как комплексной науки обуславливает многообразие и многоаспектность ее связей с другими отраслями знания. Они особенно усиливаются и приобретают органический характер на уровне теоретико-методологических исследований. Поэтому библиографические потребности специалистов в области истории, теории и методологии фольклористических исследований требуют создания нового жанра указателей — комплексных тематических пособий, позволяющих учесть работы междотраслевого, междисциплинарного характера. Перспективным представляется библиографирование материалов, связанных с историей изучения отдельных памятников народного творчества.

Библиографическая разработка актуальных проблем фольклористики в виде указателей, раскрывающих состояние первичного документального потока в различных аспектах, — одна из насущных задач современности.

Важным звеном в системе ретроспективной библиографической информации по фольклору и фольклористике являются персональные библиографические пособия, служащие необходимой основой глубокого и всестороннего изучения творчества отдельных исполнителей, собирателей и исследователей фольклора.

Персональные указатели литературы, посвященные деятельности дореволюционных и советских исследователей народной поэзии, нередко публикуются в приурочении к юбилеям ученых или в качестве приложений к некрологам. Составлены перечни трудов и литературы о жизни и творчестве целого ряда известных дореволюционных специалистов по фольклору — П. В. Шейна, П. С. Ефименко, П. Н. Рыбникова, И. А. Ху-

---

чева А. С., Лисовская Л. Г. Библиография литературы о Л. Н. Толстом. 1962—1967. М.: Книга, 1972. 350 с.; Шеляпина Н. Г. Библиография литературы о Л. Н. Толстом. 1968—1973. М.: Книга, 1978. 231 с.; Лукирская К. П., Морщицина А. С. Литература о М. Горьком: Библиогр. 1955—1960 / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л.: Наука, 1965. 406 с.; Лукирская К. П., Миллер О. В., Морщицина А. С. Литература о М. Горьком: Библиогр. 1961—1965 / Под ред. К. Д. Муратовой. Л., Б-ка Академии наук, 1970. 291 с.; Морщицина А. С., Мироненко Л. Г., Лукирская К. П. Литература о М. Горьком: Библиогр. указатель. Ч. 1—2. 1966—1970 / Под ред. К. Д. Муратовой. Л., 1985, и др.

¹² Мельц М. Я. 1) Вопросы теории фольклора: (Материалы к библиогр.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1960. Т. 4. С. 441—454; 2) Вопросы истории фольклора: Материалы к библиогр. // Там же. 1961. Т. 6. С. 377—389; 3) Актуальные проблемы современного народного творчества: Материалы для библиогр. // Там же. 1964. Т. 9. С. 322—330; 4) Поэтика, стилистика и лексика русского фольклора: (Материалы к библиогр.) (1968—1971) // Там же. 1974. Т. 14. С. 311—326; 5) Отражение социального протеста в русском фольклоре: (Материалы к библиогр.) // Там же. 1975. Т. 15. С. 274—279; 6) Историческое развитие русского фольклора: (Материалы к библиогр.) // Там же. 1976. Т. 16. С. 279—291; 7) Теория и история жанров русского фольклора: (Материалы к библиогр. за 1966—1978 гг.) // Там же. 1979. Т. 19. С. 228—238; 8) Русский фольклор и историческая действительность: (Материалы к библиогр. за 1966—1978 гг.) // Там же. 1981. Т. 20. С. 200—212; 9) Структура, поэтика, стилистика и лексика русского фольклора: (Материалы к библиогр. за 1972—1979 гг.) // Там же. 1981. Т. 21. С. 199—210; 10) Русский фольклор и современная художественная самодеятельность: (Библиография. 1960—1965) // Фольклор и художественная самодеятельность. Л., 1968. С. 211—231; Повичкова Т. А. Актуальные проблемы фольклористики: Обзор исследований по фольклору за 1980—1983 гг. // Русская литература. 1985. № 2. С. 200—218, и др.

дякова, П. И. Якушкина и др.¹³ Имеются также библиографические персоналии советских фольклористов.¹⁴

Сведения о трудах по фольклористике присутствуют также в библиографических пособиях, посвященных литературоведам, историкам литературы, чьи научные интересы в той или иной мере касались фольклористических проблем. В этом плане необходимо отметить серию указателей «Материалы к библиографии ученых СССР», отличающихся научной достоверностью и полнотой учета литературы. Это пособия «В. П. Адрианова-Перетц» (М., 1963), «В. М. Жирмунский» (М., 1964), «Д. С. Лихачев» (М., 1977), «Н. К. Пиксанов» (М., 1968) и др.

В фольклористике давно назрела необходимость создания библиографического словаря исследователей фольклора. Накопленный библиографический материал, на наш взгляд, позволяет приступить к решению этой задачи нынешнему поколению ученых.

Почти не разработан жанр указателей, посвященных исполнителям произведений народной поэзии. Из имеющихся библиографических материалов этого рода можно отметить указатель, вобравший публикации текстов, а также литературу об известной русской сказочнице А. Н. Корольковой.¹⁵ В традиционных для персонального указателя разделах «Произведения А. Н. Корольковой», «Литература о жизни и творчестве А. Н. Корольковой», «Справочно-библиографическая литература» тщательно учтены сборники фольклорных произведений, а также публикации сказок, песен из ее репертуара в различных периодических и продолжающихся изданиях. Аналитическое библиографирование широко использовано и в других разделах пособия.

Опыт библиографического освоения наследия носителей фольклора пока еще незначительный. Между тем творчество сказителей, певцов, сказочников составляет основу фольклористических исследований. Поэтому этот жанр библиографических пособий должен получить свое развитие как один из важных компонентов в системе библиографической информации по фольклору и фольклористике.

Специфика бытования фольклора на местах определила потребность в библиографическом освоении фольклорных богатств края как важного аспекта в системе фольклорной библиографии. В настоящее время существуют различные формы учета народнопоэтических публикаций, относящихся к тому или иному географическому району. К ним относятся библиографические обзоры литературы по фольклору отдельных краев и областей, прикнижные списки литературы в областных сборниках

¹³ Печатные работы П. В. Шейна. Литература о П. В. Шейне // *Новиков Н. В.* Павел Васильевич Шейн: Книга о собирателе и издателе русского и белорусского фольклора. Мпнск, 1972. С. 187—197; Основные труды И. А. Худякова. Литература об И. А. Худякове // *Великорусские сказки в записях И. А. Худякова.* М.; Л., 1964. С. 284—287; *Разумова А. П.* Из истории русской фольклористики: П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 130—140; *Базанов В. Г.* Павел Иванович Якушкин, 1820—1872: Этнограф и фольклорист. Орел: Орловская правда, 1950. С. 77—79, и др.

¹⁴ *Толмина В. П.* Марк Константинович Азадовский (1888—1954): Указатель литературы. Новосибирск, 1983. 134 с.; *Венеш В.* Библиография научных работ и переводов П. Г. Богатырева // *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 523—543; Список работ А. М. Астаховой: К 70-летию со дня рождения (1926—1956) // *Русский фольклор: Материалы и исследования.* Л., 1956. Т. 1. С. 305—310; *Путилов Б. Н.* Печатные работы А. М. Астаховой с 1957 г. // Там же. 1968. Т. 11. С. 342—347; *Мельц М. Я., Митрофанова В. В.* Список работ А. М. Астаховой за 1968—1971 гг. Статьи об А. М. Астаховой // Там же. 1972. Т. 13. С. 265; *Путилов Б. Н.* Библиография трудов В. Я. Проппа (1927—1971) // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 16—25; *Мельц М. Я.* Библиография [И. И. Земцовского] // *Земцовский И.* Фольклор и композитор. Л.; М., 1978. С. 158—173; *Ивлева Л. М.* Виктор Евгеньевич Гусев: Библиогр. указатель научных трудов (1941—1981). Л., 1984. 40 с.; *Коган Е. П.* Лазарев Александр Иванович: Науч.-вспом. указ. Челябинск, 1977. 24 с.; *Померанцева Э., Чичеров В.* Основные печатные работы Б. М. Соколова // *Советская этнография.* 1955. № 4. С. 104—105; Список печатных работ Н. Ф. Бабушкина (1942—1966) // *Учен. зап. Томск. гос. ун-та им. В. В. Куйбышева.* 1969. Вып. 77. С. 271—272; *Соколова В.* Основные работы В. И. Чичерова (1935—1957) // *Советская этнография.* 1957. № 3. С. 188—189; *Астафьева Л. А., Шолмина В. Г.* Список основных работ Н. И. Кравцова в области фольклора и литературы // *Русский фольклор.* 1976. Т. 16. С. 300—303; Список основных работ по фольклористике и этнографии доктора исторических наук, профессора К. В. Чистова: (К 60-летию со дня рождения) // *Советская этнография.* 1980. № 1. С. 186—189; Список основных работ доктора филологических наук Бориса Николаевича Путилова: (К 60-летию со дня рождения) // *Советская этнография.* 1979. № 5. С. 184—187; *Архангельская В. К. Т. М. Акимова:* К 70-летию со дня рождения // *Русский фольклор.* 1972. Т. 13. С. 242—244, и др.

¹⁵ *Губанова Т. П. А. Н. Королькова: Указатель литературы.* Воронеж, 1978. 26 с. (Сер. «Воронежские писатели и литературоведы»; Вып. 4).

фольклорных текстов; сведения о фольклористических изданиях присутствуют в качестве отдельных глав и разделов в библиографических пособиях, посвященных литературной жизни края, его историческому развитию и др.

Имеется положительный опыт создания самостоятельных краеведческих указателей, например «Фольклор Воронежского края» (Воронеж, 1965) и «Фольклор Нижегородского края» (Горький, 1971). Для данного типа пособий характерна тенденция к большому хронологическому охвату литературы. Составители стремятся представить все имеющиеся источники и исследовательские работы с момента первой публикации. Так, указатель по Воронежскому краю учитывает фольклорные тексты и материалы по фольклористике за 150 лет. «Фольклор Нижегородского края» освещает историю собрания и изучения народнопоэтического творчества за период с 40-х гг. XIX в. по 1969 г. При этом широко привлекаются местная периодическая печать и продолжающиеся издания (как дореволюционные, так и советские). В результате в научный оборот опосредованно вводятся многие из забытых уникальных материалов. Кроме того, большой заслугой авторов данных пособий является учет местного фольклора в общерусских сводах фольклорных текстов. Материал в пособиях группируется по жанрово-тематическому принципу с расположением описаний внутри разделов в хронологической последовательности. В их построении творчески использована схема, созданная М. Я. Мельц.

В известном смысле полезным изданием для исследователей фольклора является «Библиография уральского фольклора» (Свердловск, 1949), составленная М. Г. Китайником. В указатель включены материалы, опубликованные в «Пермских губернских ведомостях» и других местных изданиях. Учтены уральские материалы из крупнейших сводов фольклорных текстов В. И. Даля, М. К. Азадовского и др. М. Г. Китайник дает обстоятельные указания на имеющиеся варианты тех или иных произведений фольклора, что очень важно для специалистов.

Однако не все в данной работе удовлетворяет. Пособие содержит серьезные пропуски; трудно определить, какими принципами руководствовался автор при отборе литературы: в указатель в основном включены материалы по фольклору бывших Пермской и Оренбургской губерний, заглавие же — «Библиография уральского фольклора» — предполагает учет материалов и других уральских регионов. Указатель построен по формальному принципу: в общем алфавите даны советские и дореволюционные издания; тексты фольклорных произведений не отделены от исследовательских работ; нет разделения материала по жанрам. Кроме того, в библиографическом описании часто отсутствуют необходимые сведения о времени, месте издания, не всегда точно приведены заглавия работ и т. д. Все это затрудняет пользование указателем, а в некоторых случаях делает работу с ним практически невозможной. Из сказанного совершенно очевидно вытекает вывод, что поставленная М. Г. Китайником задача подведения итогов фольклористического изучения Урала осталась до конца нерешенной.

Заметный вклад в области библиографирования народнопоэтического творчества Урала внес известный уральский фольклорист и краевед В. П. Бирюков. Им впервые была составлена и издана в качестве приложения к сборнику «Дореволюционный фольклор на Урале» (Свердловск, 1936) «Библиография уральского фольклора», охватывшая значительное количество советских и дореволюционных изданий с начала XIX в. по 1936 г. В дальнейшем эта работа В. П. Бирюкова была продолжена. В новом сборнике текстов — «Урал в его живом слове» (Свердловск, 1953) — отдельной главой был опубликован второй указатель литературы по уральскому фольклору, а в сборнике «Урал советский» (Курган, 1958) напечатана «Библиография народного устного поэтического творчества на Урале советского времени». В совокупности данные библиографические пособия охватили важнейшие источники по уральскому фольклору и фольклористике. В указатели включены не только сборники и журнальные публикации, но и значительное количество газетных статей. При выявлении материалов к обследованию привлекались как центральные, так и местные периодические издания: «Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Записки Уральского общества любителей естествознания», «Пермские губернские ведомости», «Кунгуро-Красноуфимский край» и др.

Однако указатели В. П. Бирюкова также не лишены серьезных недостатков. Включенный в них материал располагается, как и в пособии М. Г. Китайника, в общем алфавите авторов и названий; в одном ряду помещаются дореволюционные и советские публикации, тексты и исследования. Многие описания страдают ошибками и неточностями, зачастую в них бывают пропущены год, место издания, количество страниц и т. д. Отсутствует научно-справочный аппарат. К тому же эти указатели являются далеко не полными. Достаточно тщательно учтены дореволюционные издания; материалы же советского периода представлены лишь наиболее существенными источниками по устному народному творчеству Урала.

Таким образом, библиографические указатели В. П. Бирюкова также не разрешили проблемы полного учета публикаций уральского фольклора и исследований по местной традиции устной народной поэзии.

Из имеющихся региональных указателей можно назвать еще библиографические

работы по фольклору Саратовской области и Карельской АССР.¹⁶ Фольклорные материалы других краев и областей остаются неосвоенными участками в библиографической практике. Тщательный учет исследований и публикаций по фольклору отдельных регионов явится условием не только расширения исследовательских возможностей, но и решения фундаментальной задачи — библиографического освоения дореволюционного периода в истории русской фольклористики (XVIII—XIX вв.).

Анализ состояния научно-вспомогательной библиографии по русскому фольклору и фольклористике обнаружил большое количество ретроспективных источников библиографической информации, изданных в форме прикличных списков, библиографических обзоров, отдельными главами в указателях смежной тематики, в качестве специальных разделов в научных монографиях и коллективных трудах. Эти разнообразные и трудно обозримые источники вторичной информации в настоящее время не собраны и не обобщены. Некоторые сведения о них содержат указатели библиографических изданий по смежным областям знания — литературе, этнографии, искусству.¹⁷

Для создания более или менее стройной системы библиографического обеспечения данной отрасли знания необходимо в первую очередь составление библиографических путеводителей по имеющимся указателям литературы. Причем сейчас назрела необходимость создания также сводов библиографических материалов, выходящих в национальных республиках и за рубежом. В них должны быть выявлены и охарактеризованы все известные в настоящее время фольклорно-библиографические пособия (текущие и ретроспективные). Это позволит не только активизировать всю систему отраслевой библиографической информации, но и сыграет решающую роль в реальном обеспечении ее целостности.

Как целостное явление система библиографической информации развивается, учитывая также сложные, разноуровневые потребности читателей. Библиография русского фольклора и фольклористики обращена не только к специалистам — исследователям фольклора, но и к читателям других категорий, профессионально связанных с изучением и пропагандой фольклора. Этому способствуют подготовка семинариев, а также заметно усилившееся в последние годы библиографическое оснащение учебников, учебных пособий и хрестоматий для высшей школы. Методическим совершенством и глубиной профессиональной разработки отличается «Семинарий по народному поэтическому творчеству» Т. М. Акимовой (Саратов, 1959) и учебное пособие к семинарским занятиям «Русское народное поэтическое творчество» (М., 1983; авторы Т. М. Акимова, В. К. Архангельская, В. А. Бахтина). Темы для самостоятельного исследования распределены в них по основным видам и жанрам поэтического творчества дореволюционного и советского периодов. Выделено несколько общетеоретических тем, посвященных исследованию природы фольклора, а также методологическим проблемам фольклористики. Ценным представляется наличие сведений о библиографических указателях по теме.

Актуальной проблеме посвящен семинарий А. М. Новиковой и Е. А. Александровой «Фольклор и литература» (М., 1978). В нем нашли отражение важнейшие явления фольклоризма русской литературы дореволюционного периода. Содержание пособия определяют основные его разделы: фольклор и древнерусская литература, фольклор и литература XVIII в., фольклор и литература первой половины XIX в., фольклор и литература второй половины XIX в., фольклор и литература XX в. (до 1917 г.). Пособие содержит развернутый историографический обзор, в котором анализируется степень изученности проблемы взаимовлияний фольклора и литературы до революции. Значение семинария определяется не только тем, что он способствует начинающим исследователям активизировать научные поиски в области изучения фольклоризма литературы, но и более глубоко осмыслить историко-культурный процесс.

¹⁶ Библиография саратовского фольклора // Фольклор Саратовской области / Сост. Т. М. Акимова. Саратов, 1946. Кн. 1. С. 513—521; Белованова А. В., Кийранен В. П. Библиографический указатель по традиционному фольклору КАССР за советское время (1917 г.—июнь 1954 г.) // Тр. Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1957. Вып. 8. С. 81—156; Виноградов Н. Фольклор Карелии: Библиогр. указатель материалов по фольклору, содержащихся в местных изданиях бывш. Олонецкой губернии (1838—1917). Петрозаводск, 1937.

¹⁷ Кандель Б. Л., Федюшина Л. М., Бенина М. А. Русская художественная литература и литературоведение: Указатель справочно-библиогр. пособий с конца XVIII в. по 1974 г. М.: Книга, 1976. 493 с.; Титова З. Л. Этнография: Библиогр. русской библиографии по этнографии народов СССР (1851—1969). М.: Книга, 1970. 143 с.; Фокин А. Г. Путеводитель по библиографии, библиографии, историографии, хронологии и энциклопедии литературы: Систематизированный аннотированный указатель русских книг и журнальных работ, напечатанных в 1736—1932 гг. Л.: Гослитиздат, 1934. 335 с.; Мокиенко В. М. Советские библиографические указатели паремнологической и фразеологической литературы // Советская этнография. 1983. № 3. С. 156—161, и др.

Самостоятельной главой представлена тема «Ленин и устное народное творчество» в семинарии В. Ф. Воробьева «В. И. Ленин о литературе» (Киев, 1970). Ценными книжными списками литературы снабжены учебные пособия для учителей В. П. Аникина «Русский богатырский эпос» (М., 1964) и «Русская народная сказка» (М., 1977). Обширные библиографические разделы содержат учебники и хрестоматии по русскому фольклору, вышедшие под редакцией известных исследователей — П. Г. Богатырева, А. М. Новиковой, Н. И. Кравцова, С. Г. Лазутина, В. И. Сидельникова и др.

Задача состоит в дальнейшем развитии этого направления в фольклорной библиографии. Совершенствование научно-вспомогательной библиографии фольклора в плане читательского и целевого назначения служит основой совершенствования функциональных возможностей системы в целом.

Объективными условиями существования системы научно-вспомогательной фольклорной библиографии является ее постоянное обновление, развитие. Это выражается в правильном обеспечении динамики системы, заключающейся в регулярном и своевременном дополнении основных ретроспективных трудов. Динамические закономерности отчетливо прослеживаются в развитии современной фольклорной библиографии. Основная совокупность фольклорно-библиографических пособий периодически пополняется новыми элементами, обеспечивающими функционирование системы.

Основы динамических закономерностей в развитии библиографии русского фольклора и фольклористики заложены М. Я. Мельц. Особенно отчетливо они проявились в создании общетраслевых сводов. Правильно понимая динамику системы, М. Я. Мельц стремилась 'отразить не только передний край науки, но одновременно осваивала отраслевой массив с глубокими ретроспективными позициями. Так, создание в первой половине 1960-х гг. библиографических указателей серии «Русский фольклор» началось с тома, охватившего фольклористический процесс последних десятилетий (1945—1959 гг.) — наиболее актуальной части документального массива. Затем библиографическое освоение отрасли идет параллельно в двух направлениях: углубляя ретроспекцию (второй том учитывает литературу за 1917—1944 гг., четвертый — за 1901—1916 гг.), М. Я. Мельц обеспечивает хронологическое продолжение ранее созданного труда (в третьем томе учтена литература за 1960—1965 гг., в пятом — за 1966—1975 гг.). Недавно вышел в свет шестой том, охвативший публикации за 1976—1980 гг.¹⁸ подготовлен к печати седьмой, ретроспективный том (1881—1900). При этом сохраняются преемственные и функциональные связи между указателями, что еще раз подтверждает мысль о наличии системных начал в развитии фольклорной библиографии.

Тенденция совершенствования динамики ретроспективного библиографического учета наблюдается также в проблемно-тематическом, персональном и других направлениях.

Вместе с тем далеко не все указатели получают свое хронологическое продолжение. Велик интервал в издании очередных сводных библиографических томов. Кроме того, в отрасли пока не существует самостоятельного текущего учета. Препятствием во внимание эти обстоятельства, представляется целесообразным издание ежегодных указателей литературы, положительный опыт чего имеется — «Библиографический указатель литературы по фольклору на русском языке (1956)» М. Я. Мельц.¹⁹ Идея подготовки ежегодных указателей литературы нам представляется очень актуальной и перспективной для современного развития библиографии фольклора. С одной стороны, ежегодники явятся средством, восполняющим отсутствие текущего указателя по фольклору и фольклористике, а с другой — будут способствовать актуализации системы библиографической информации в целом.

Уровень и перспективы библиографического обеспечения отрасли во многом зависят от организации деятельности библиографических служб, занимающихся подготовкой фольклорно-библиографических пособий. Основная работа по библиографическому учету произведений русского фольклора и фольклористики в настоящее время сосредоточена в Отделе народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, который является ведущим центром фольклористической и фольклорно-библиографической работы в стране. Библиографические труды, подготовленные в Отделе (до последнего времени — в лице автора основных указателей литературы М. Я. Мельц), теснейшим образом связаны с фольклористическими исследованиями, определяющими специфику содержания и формы библиографируемого материала.

М. Я. Мельц справедливо считается создателем очень важной и вместе с тем очень своеобразной историко-ведческой отрасли — библиографии русского фольклора и фольклористики. При этом имеется в виду не только созданный пятитомник по библиографическому обеспечению отрасли в целом, но и библиографические приложения

¹⁸ Русский фольклор: Библиогр. указатель (1976—1980) / Сост. Т. Г. Иванова. Л., 1987.

¹⁹ Мельц М. Я. Библиографический указатель литературы по фольклору на русском языке (1956 г.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. 1959. Т. 4. С. 454—529.

к томам ежегодника «Русский фольклор», многим коллективным сборникам, а также указатели работ целого ряда фольклористов и др.

Фольклорно-библиографическая работа интенсивно развивается также в системе других учреждений Академии наук СССР и ее филиалов. Сотрудники Академии — ведущие советские фольклористы — постоянно снабжают свои исследования ценными прикижными списками литературы по жанрам, темам, различным аспектам, о которых говорилось выше. Кроме того, в последние годы появилась тенденция к обобщению научных трудов фольклорных коллективов в виде специальных библиографических указателей;²⁰ подготавливаются также обзоры рукописных фондов, хранящихся в архивных отделах институтов.²¹ Сведения о работах фольклорной проблематики входят в указатели материалов, опубликованных в академических периодических и продолжающихся изданиях.²²

Созданием системы фольклорно-библиографических пособий занимаются также другие центры страны (кафедры фольклора крупнейших университетов, вузы), различные организации (Дома народного творчества, музеи, фольклорно-краеведческие общества), а также крупные библиотеки. Они выпускают указатели литературы по различным аспектам и направлениям изучения народнопоэтического творчества. Особая роль в плане подготовки краеведческих фольклорно-библиографических пособий принадлежит областным и зональным библиотекам, степень активности которых определяет масштабы и уровень библиографической разработки фольклора краев и областей.

Усилиями многих (названных выше) библиографических служб достигнуты большие успехи в развитии фольклорной библиографии, сформированы основные звенья системы библиографической информации по русскому фольклору и фольклористике. Однако их работа до сих пор ведется разрозненно, локально, а потому недостаточно эффективно. В настоящее время остро стоит проблема создания координационного центра в развитии фольклорной библиографии, в ведение которого входили бы функции планирования, методического руководства и организации фольклорно-библиографической работы в стране. Им бы мог стать Отдел народного творчества ИРЛИ АН СССР, имеющий давние традиции и большой опыт в библиографировании произведений русского фольклора и фольклористики. Это во многом будет способствовать укреплению организационных начал и созданию возможностей для развития целостной системы библиографической информации по данной отрасли знания.

²⁰ Библиография изданий Института русской литературы (Пушкинского Дома) // 50 лет Пушкинского Дома. М., 1956. С. 167—243; Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л.: Наука, 1982. 319 с.; Бунакова О. В., Каменецкая Р. В. Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962. Л.: Наука, 1967. 281 с.; Кацеленбоген Н. И. Список фольклорных изданий Института [театра, музыки и кинематографии] (1923—1969) // Славянский музыкальный фольклор. М., 1972. С. 434—436; Ивлева Л. М. Фольклористические публикации сотрудников ЛГИТМиК (1969—1974) // Современность и фольклор. М., 1977. С. 334—342, и др.

²¹ Радзиевская С. В. Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. Вып. 1: Фольклор. Казань, 1958. 35 с.; Шаповалова Г. Г. Фольклорные фонды рукописного отдела Института русской литературы АН СССР: (Обзор) // Советская этнография. 1963. № 2. С. 139—144; Азбелев С. П. Неопубликованные записи былиш // Русский фольклор. 1981. Т. 20: Фольклор и историческая действительность. С. 162—195.

²² Перечень статей и материалов, напечатанных в I—X выпусках ежегодника «Русский фольклор» (1956—1966) // Русский фольклор. 1966. Т. 10. С. 344—354; То же: в XI—XX томах (1968—1980) // Там же. 1981. Т. 20. С. 212—223; Советская этнография: Указатель статей и материалов, опубликованных в 1946—1955 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 44 с.; То же: в 1956—1960 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 32 с.; То же: в 1961—1965 гг. М.: Наука, 1966. 41 с.; Указатель авторов и их статей, напечатанных в «Известиях ОРЯС Академии наук» за все время существования этого издания с 1896 по 1927 гг. Т. 1—32 / АН СССР. Л., 1928. 55 с.; Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1966—1970 гг. // Советская этнография. 1971. № 6. С. 140—180; То же: в 1971—1975 гг. // Там же. 1977. № 6. С. 143—195; То же: в 1976—1980 гг. // Там же. 1981. № 6. С. 159—183; То же: в 1981—1985 гг. // Там же. 1986. № 1. С. 148—175; Указатель статей, опубликованных в «Очерках истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (Вып. 1—5) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978. Вып. 8. С. 173—175; Степанов В. П. Журнал «Русская литература» за 1958—1973 гг.: Указатель содержания. Л.: Наука, 1975. 176 с.

М. Я. М Е Л Ь Ц

БИОБИБЛИОГРАФИИ РУССКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

В прошлом десятилетии (1981—1988) появилось значительное количество разнообразных источниковедческих подборок, отразивших деятельность русских дореволюционных и советских собирателей и исследователей народного творчества.

По типу публикаций указатели могут быть разделены на четыре группы: 1) региональные библиографические справочники и библиографические словари; 2) персональные библиографии в отраслевой периодике; 3) персональные библиографии, входящие в состав сборников статей; 4) отдельные книги.

Региональные справочные издания содержат подчас несколько персональных сводок, относящихся к определенному географическому району. О фольклористах, являющихся членами Союза писателей СССР, сообщается в библиографиях, подготовленных областными писательскими организациями или универсальными библиотеками. В них обычно присутствуют лишь сжатая биографическая справка и краткий перечень вышедших работ.¹ В некоторых случаях приводится обстоятельное изложение жизненных и научных фактов,² порой с разбивкой по рубрикам («отдельные труды», «публикации в сборниках и периодической печати») и с приложением списка критической литературы.³ О народах прошлого можно узнать из краевых изданий другого профиля, для которых использованы источники с уклоном в местную тематику.⁴ В крупных указателях по Восточной Сибири сведения, относящиеся и к современным деятелям, показаны более расширенно,⁵ иногда предваренные развернутой обзорной статьей.⁶

Отраслевая периодика, прежде всего журнал «Советская этнография», регулярно печатает хронологические перечни главных трудов ведущих фольклористов. Приурочиваются данные сводки к юбилеям ученых⁷ или же завершают некрологи.⁸ В библио-

¹ Д. М. Балашов // Писатели Советской Карелии. Петрозаводск, 1985. С. 10—14; И. В. Зырянов // Писатели Пермской области. Пермь, 1985. С. 50—51.

² См., например, библиографический справочник «Писатели Ленинграда: 1934—1981» (Л., 1982), в котором характеризуются 14 фольклористов — покойных (М. К. Азадовский, В. Г. Базанов, Д. М. Молдавский и др.) и здравствующих (Л. И. Емельянов, Н. П. Колпакова и др.). В издании «Ленинградские писатели-фронтовики: 1941—1945. Автобиографии. Биографии. Книжки» (Л., 1985) заключены дополнительные сведения об участниках Великой Отечественной войны — В. С. Бахтине, П. С. Выходцеве, К. В. Чистове (приведены фотографии военных лет) и о погибших в осажденном городе Н. П. Андрееве и П. И. Калецком.

³ П. Ф. Лебедев // Писатели Саратова. 2-е изд. Саратов, 1985. С. 205—211; Ф. В. Тумилевич // Писатели Дона. 2-е изд. Ростов н/Д, 1986. С. 345—348. Любопытная деталь: в указателе «Писатели Москвы» (М., 1987), раскрывающем на 1985 г. состав самого большого отделения писательской организации страны, не упомянут ни один фольклорист!

⁴ М. К. Азадовский // Краеведы и литераторы Забайкалья: Дореволюц. период. 2-е изд. Чита, 1981. С. 7—8; Г. С. Виноградов // Там же. С. 22; С. В. Максимов // Исследователи Коми края. Сыктывкар, 1984. С. 52—53.

⁵ Пособие «Писатели Восточной Сибири» (Иркутск, 1983. Вып. 2, ч. 1) в первом разделе дает материал о В. Г. Богораз-Тале и И. А. Худякове, во втором — о М. К. Азадовском, А. В. Гуревиче, Л. Е. Элпасове и И. З. Ярпевском.

⁶ В. С. Арефьев // Литературная Сибирь: Критико-биогр. словарь писателей Вост. Сибири. Иркутск, 1986. С. 189—194; Г. С. Виноградов // Там же. С. 220—224; М. К. Азадовский // Там же. С. 224—228.

⁷ Список основных работ доктора филол. наук П. В. Новикова: (К 75-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1986. № 6. С. 124—126; Список основных работ доктора ист. наук Л. Г. Барага: (К 75-летию со дня рождения) // Там же. 1987. № 2. С. 130—133; Список основных работ доктора филол. наук Н. П. Колпаковой: (К 85-летию со дня рождения) // Там же. 1987. № 5. С. 137—139.

⁸ Список основных работ [Э. В. Померанцевой] // Там же. 1981. № 1. С. 183—185. См. также «Список опубликованных трудов В. Г. Базанова в области фольклора и фольклористики» в ежегоднике «Русский фольклор». М.; Л., 1981. Т. 21. С. 211—217.

графиях, входящих в состав сборников статей, посвященных отдельным ученым, наблюдается тенденция к использованию рубрикации,⁹ изредка довольно дробной («издания текстов», «исследования», «архивные материалы») и суммированию публикаций о самом фольклористе.¹⁰

Наиболее полной и эффективной формой раскрытия творческих интересов крупнейших деятелей науки является обобщение материалов в виде отдельных книг. Эти подборки дают представление о нескольких категориях исследователей: 1) ученые, главным предметом занятий которых является широкий комплекс проблем народного творчества; 2) ученые, изучающие фольклор параллельно с другими гуманитарными дисциплинами; 3) ученые, обращающиеся к устной словесности в связи со своими основными профессиональными интересами. С библиографической точки зрения, т. е. по методу показа массива авторских работ, указатели расчленяются на два вида: 1) отражающие всю печатную продукцию единым перечнем; 2) группирующие труды по отдельным рубрикам.

Без тематической разбивки помещены описания в серии «Материалы к биобиблиографии ученых СССР», много лет издаваемой Академией наук СССР. Все выпуски строятся по традиционному плану: основные даты жизни и деятельности исследователя; краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности; литература о его жизни и трудах (алфавитное расположение сведений); рецензии на труды (алфавитное расположение сведений); хронологический указатель трудов ученого (без нумерации); именной указатель соавторов; алфавитный указатель трудов (с отсылкой к году издания). Эта обязательная схема не предполагает наличия вспомогательного тематического регистра, кроме того, абсолютное отсутствие аннотаций и выделение рецензий в особый раздел затрудняет пользование справочниками сериала, в том числе книгой о члене-корреспонденте АН СССР, профессоре П. Н. Беркове, появившейся в обозреваемый период.¹¹ В ней нелишними будут сведения о фольклористических разысканиях исследователя,¹² однако обнаружить их в большом объеме описаний довольно сложно.

По схожему принципу составлена биобиблиография доктора филологических наук, профессора М. К. Азадовского; имеющаяся в ней нумерация основного раздела и вспомогательные реестры позволяют быстро и легко разобраться в многочисленных привлеченных источниках.¹³

Отбирая литературу, В. П. Томина учитывала не только материал, непосредственно посвященный М. К. Азадовскому, но и внутрикнижные и внутривстречные высказывания; внимание к мелким существенным подробностям безусловно является одним из достоинств пособия. Однако, как уже отмечено критикой, оказались пропущенными публикации ученого и отзывы о нем.¹⁴ Некоторые вещи, видимо, были обойдены сознательно: в указателе не упомянуто ни одно выступление 1948—1949 гг., эпохи «борьбы с космополитизмом», и начала 1950-х гг., времени критики теории академика Н. Я. Марра, составивших особую страницу в жизни ученого. Биобиблиография же, призванная быть наиболее беспристрастной и объективной, должна включать в себе сумму всех оценок и воззрений, непосредственным образом отражающих каждую фазу движущегося литературоведческого процесса.

Вторую группу отдельных персоналий уже с использованием дробной рубрикации составляют биобиблиографии доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Башкирской АССР Л. Г. Барага,¹⁵ доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля искусств РСФСР В. Е. Гусева,¹⁶ доктора филологических

⁹ Список научных работ профессора Я. Р. Кошелева // Сибирский фольклор: Сб. трудов. Новосибирск, 1981. С. 169—173.

¹⁰ Литература // В. П. Смаков и народное творчество: Межвуз. темат. сб. трудов. 2-е изд. Калинин, 1987. С. 141—144.

¹¹ Павел Наумович Берков (1896—1969) / Сост. Р. И. Кузьменко, Н. Д. Кочеткова. М.: Наука, 1982. 153 с., портр. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 14).

¹² П. Н. Берков изучал русскую народную драму, лубок и среднеазиатский эпос (см.: Кочеткова Н. Д. О П. Н. Беркове как фольклористе // Русский фольклор. М.; Л., 1972. Т. 13. С. 266—268).

¹³ Марк Константинович Азадовский (1888—1954). Указатель литературы / Сост. В. П. Томина; Отв. ред. Е. А. Куклина. Новосибирск, 1983. 135 с.

¹⁴ См.: Эльзон М. Д. Рец. // Советская библиография. 1984. № 6. С. 66—67; Мельц М. Я. Рец. // Советская этнография. 1985. № 3. С. 156—157; Эйдельман Н. Я. Рец. // История СССР. 1986. № 4. С. 197—199. В приложении к рецензии М. Я. Мельца «Памяти М. К. Азадовского» (Сибирские огни. 1988. № 12. С. 165—171) перечислено более 70 добавлений, относящихся к охваченному В. П. Томиной отрезку времени (1911—1982).

¹⁵ Лев Григорьевич Барага: К 70-летию со дня рождения. Библиогр. указатель / Сост. Ф. Г. Габсалямова. Уфа, 1981. 33 с., портр.

¹⁶ Виктор Евгеньевич Гусев: Библиогр. указатель научных трудов (1941—1981) / Сост. Л. М. Ивлева; Ред. А. Я. Трабский. Л., 1984. 40 с.

наук Б. Н. Путилова,¹⁷ в творчестве которых интерес к народной словесности является основополагающим.

Сведения о публикациях ученых разделены в этих указателях на следующие главы: монографии; издания текстов;¹⁸ статьи, разделы в коллективных трудах, выступления в дискуссионных, рецензии и т. д.; редакторская работа.¹⁹ При такой общности наблюдаются и композиционные различия: при раскрытии научных занятий Б. Н. Путилова выделен параграф «Краткие изложения неопубликованных докладов»; в библиографии В. Е. Гусева отсутствует развернутое вступление о нем, но зато только к этой книге (единственной!) приложен проблемно-тематический «ключ» с 31 позицией и наличествует более традиционный вспомогательный «Указатель периодических и продолжающихся изданий» с перечислением привлеченных источников и отсылкой их к корпусу пособия. К сожалению, ни один составитель не подготовил перечень народов, фольклор и фольклористика которых проанализированы в ученых материалах.²⁰

В библиографии Л. Г. Барага существует раздел, представляющий литературу об ученом, где отдельно суммированы библиографические справочники и сведения о его деятельности, в том числе из трудов, отводящих исследователю лишь несколько страниц. Здесь же перечислены книги, получившие оценку в печати, причем каждая с относящимися к ней отзывами составляет особую «подглавку» со своей нумерацией. Отдельную пагинацию имеют вообще все разделы (в первом она проведена римскими цифрами), что безусловно рассеивает внимание читателя.

Справочник представляет научную продукцию фольклориста на русском, белорусском и башкирском языках (19 работ монографического характера, 162 статьи, 10 трудов, отредактированных Л. Г. Барагом). Из русскоязычных разсылок не учтены только хроникальные заметки «Результаты экспедиции 1969 г. Башкирская АССР» (Русский фольклор. М.; Л., 1972. Т. 13. С. 274) и «Рабочее совещание по вопросам изучения народных сказок» (Русская литература. 1972. № 2. С. 256—257).

Библиографически грамотно подготовлен указатель, посвященный В. Е. Гусеву, почти во всем объеме отразивший его многочисленные отечественные и зарубежные публикации (258 номеров). Однако и здесь выявляются пропуски и отдельные неправомерности. Не упомянута статья «В. Г. Белинский», написанная совместно с А. Лавренко (В. Е. Гусеву принадлежит раздел фольклора) для Краткой литературной энциклопедии (М., 1962. Т. 1. Стб. 503—510), тезисы доклада, прочитанного на международной конференции (см. книгу «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций». М., 1974. С. 36—37). Кроме того, Гусев был одним из составителей проекта «Словника русских фольклористических терминов» (Л., 1978); им был сделан авторизованный перевод с польского языка обзора Г. Чайки «Изучение фольклора восточных славян в Народной Польше» (Русский фольклор. М.; Л., 1969. Т. 11. С. 308—317).

Подробно перечислив труды, вышедшие под редакцией В. Е. Гусева, и выявив имеющиеся на них советские и иностранные рецензии,²¹ Л. М. Ивлева совершенно не сообщила данные о его работе в составе редколлегии ряда книг (2, 4, 6, 7, 9, 11-го томов ежегодника «Русский фольклор», сборника статей «Эстетические особенности фольклора» (Улан-Удэ, 1969) и др.), в то время как эти сведения раскрывают общественно-научные заслуги профессора.

При некоторых описаниях следовало дать аннотацию (№ 76, 81, 118, 162), в отдельных случаях таким разъяснением явилось бы полное воспроизведение заглавия публикации (в № 95 выпал подзаголовок «По материалам научной командировки в Польшу в 1963 г.», в № 165 — «Живые традиции. Необходимость объединения специалистов для координации фольклорной работы»).

Интересно было бы раскрыть ход дискуссии о происхождении народного героического эпоса (№ 80), ибо на статью профессора последовало дополнительное выступление в печати К. С. Давлетова и В. М. Гацака «О реплике В. Е. Гусева» (Русская литература. 1962. № 4. С. 242—244), не отмеченное в справочнике. Неполно освещена полемика об авторе песни «Красное знамя» (№ 128 и 133): необходимо подчеркнуть, что вторичное обращение последователя к этой теме вызвано возражениями Е. В. Гиппиуса и

¹⁷ Борис Николаевич Путилов: Библиография (1940—1987) / Отв. ред. Е. И. Шастина. Иркутск, 1987. 50 с., портр., автограф.

¹⁸ В библиографии Л. Г. Барага эти два раздела объединены в один — «Монографии, учебные пособия, научные фольклорные сборники», но в него включены небольшая статья (№ XIX) и автореферат докторской диссертации (№ III). §

¹⁹ В библиографии Б. Н. Путилова отдельно представлена ответственная редактора и рядовое участие в подготовке книг.

²⁰ Л. Г. Бараг рассматривает устную поэзию восточных славян, народов БССР и Поволжья; В. Е. Гусев и Б. Н. Путилов исследуют фольклор русских, украинцев, белорусов и зарубежных славян; Б. Н. Путилов, кроме того, разрабатывает проблематику народной словесности населения Австралии и Океании.

²¹ Отзывы такого рода не привлечены для библиографий Л. Г. Барага и Б. Н. Путилова.

П. Г. Ширяевой «По поводу заметки В. Е. Гусева» (Русская литература. 1968. № 2. С. 115—124), также не упомянутыми в перечне. Не приведены отклики, появившиеся в газетах «Северная правда» (1963. 2 июня, № 129) и «Сельская жизнь» (1964. 11 января, № 9) на экспедиционный отчет о записи фольклора Костромской области (№ 71). Отсутствуют также отзывы, посвященные разбору всех статей, в том числе и В. Е. Гусева, входящих в состав того или иного коллективного труда (№ 78, 91, 102, 117, 135, 147, 164 и др.).

Аналогичные замечания вызывает библиография Б. Н. Путилова, отличающаяся полнотой охвата материала, изданного в СССР и разных странах Европы и Азии (420 номеров). Из обнаруженных упущений можно назвать разыскание «Фольклорное наследие русского народа и современная культура» (Русский фольклор. М.; Л., 1964. Т. 9. С. 60—81); не отмечено, что ученый был ответственным редактором шестого тома и членом редколлегии третьего и одиннадцатого томов ежегодника «Русский фольклор». В справочник не попали сведения о разборе монографии Б. Н. Путилова «Славянская историческая баллада» (№ 2) в «Заметках фольклориста» В. Г. Базанова (Русская литература. 1966. № 2. С. 228—230) и данные о полемических высказываниях С. Н. Азбелева (История СССР. 1966. № 4. С. 92—93, 96—97) по поводу публикации ученого «Современная фольклористика и проблемы текстологии» (№ 99). Недостаточно показаны обобщающие рецензии, оценивающие его работы из совместных сборников разных авторов (№ 54, 65, 72, 76, 194, 228, 252).

Раздел «Литература о Б. Н. Путилове», отсутствующий в книге, без сомнения, повысил бы научную ценность справочника.²² Помимо рассмотрения деятельности ученого в итоговых книгах типа «Пушкинский Дом» В. Н. Баскакова (Л., 1980) и обозрения Ю. В. Бромлея и К. В. Чистова «Ордена Дружбы народов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая — 50 лет» (Советская этнография. 1983. № 4), ему посвящена заметка Г. Г. Шаповаловой в «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1974. Т. 6. Стб. 89) и ряд юбилейных публикаций.²³

Близка к рассмотренным изданиям по структуре основной части библиография слависта и лингвиста, члена-корреспондента АН СССР, профессора Н. П. Толстого, разработавшего теорию нового направления филологии — этнолингвистики.²⁴ В трудах профессора присутствует семиотический анализ образцов устной словесности, лингвистическая интерпретация этнографических и фольклорных фактов, сравнительно-типологическое изучение и регионально-лексическая обрисовка славянской обрядовой терминологии.

Пособие открывается большой вступительной статьей, затем дается перечисление в тематических рубриках всех видов печатной продукции исследователя (205 номеров): статьи, монографии, персоналии; редактирование; рецензирование; переводы; персоналии-некрологи. Вспомогательный аппарат составляют указатели имен, лингвистических терминов, языков, диалектов и говоров, упоминаемых Н. П. Толстым, а также перечень отзывов на его труды (с отсылкой к номеру описания без повтора заглавия).

Несмотря на дробность, пользование библиографией представляет для фольклористов определенную трудность: в ней нет тематического реестра, а подробные аннотации, подчас переходящие в многостраничный пересказ положений отдельных штудий (например, № 61), не всегда акцентируют народноэстетические аспекты работы (так, в № 98 не сказано, что в нем дается анализ текстов гадалий и предсказаний).

В книге обнаруживаются некоторые неточности и небрежности: № 53, 62, 82 — это рецензии на лингвистические журналы и, следовательно, они должны находиться в соответствующем разделе; № 104 и 111 — издания 1974 г. — включены в перечень 1976 г.; на страницах 49—51 и 54—60 нарушен алфавитный порядок расположения материала, принятый для показа сведений в пределах года. Если в начале основного раздела пособия дата опубликования трудов вынесена в обозначение параграфа и больше не повторяется, то, начиная со страницы 49, она содержится, кроме того, в каждом описании (что более правильно).

Непривычно видеть в именном реестре фамилии, не значащиеся ни в заглавии работ, ни в аннотации: Аарне-Андреев (№ 97),²⁵ Гильфердинг А. Ф. (№ 190), Лихачев Д. С.

²² Такую главу следовало включить и в указатель, посвященный В. Е. Гусеву.

²³ Борис Николаевич Путилов: (К 50-летию со дня рождения) // Изв. Чечено-Ингуш. науч.-исслед. ин-та ист., яз. и лит. при Совете Министров Чечено-Ингуш. АССР, 1972. Вып. 3. С. 214—217; Список основных работ доктора филологических наук Б. Н. Путилова: (К 60-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1979. № 5. С. 184—187; Владимирцев В. П., Шаповалова Г. Г. 60 лет Борису Николаевичу Путилову // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20. С. 197—198.

²⁴ Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию: профессор Никита Ильич Толстой / Сост. С. А. Бойцов, В. Д. Бояркин, А. М. Бушуй и др.; Отв. ред. А. М. Бушуй, В. М. Мокиенко. Самарканд, 1983. XVIII. 111 с., порт. Рец.: Никитина С. Е. // Советская этнография. 1985. № 6. С. 155—157.

²⁵ Наверно, речь идет об Анти Аарне и Н. П. Андрееве, ибо существует подготовленный Н. П. Андреевым «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне» (Л., 1929).

(№ 158), Пропп В. Я., Рыбаков Б. А., Чичеров В. И., Шафарик П. (все отнесены к № 192) и др. Видимо, информация об этих и иных лицах имелась в расширенных заготовках, не вошедших целиком в библиографию, но такая форма привлечения данных не оговорена, и может сложиться впечатление о простой опечатке или даже ошибке (это относится и к перечислению языков, диалектов и говоров).

К 150-летию со дня рождения Александра Николаевича Веселовского, в кругу интересов которого большое место занимала устная поэзия,²⁶ в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР была подготовлена выставка печатной продукции и архивных документов, характеризующих научное творчество академика. Ее организовали в связи с проходящей конференцией «Этапы изучения классического наследия русского эпоса».

В структуре издания для участников конференции «Каталога выставки» насчитывается большое количество рубрик, раскрывающих сведения о русских и иностранных публикациях 1866—1988 гг. и рукописных источниках из архивохранилищ страны.²⁷ Так, глава «Труды А. Н. Веселовского» (149 номеров) поделена на 4 части, глава «Литература об А. Н. Веселовском» (№ 162—274) — на 5, глава «Из архивов» (№ 275—314) — на 7. Отдельной главой представлены сведения об обнаруженной переписке ученого (№ 150—161); завершается брошюра вспомогательным указателем имен.

Фактически «Каталог выставки» является биобиблиографией и может стать надежным базисом исчерпывающей сводки материалов, относящихся к А. Н. Веселовскому. Потребность в таком справочнике очень велика и совершенно очевидна: хотя списки трудов ученого выпускались неоднократно (последний вышел в 1922 г.), там дается довольно полное представление о прижизненных и посмертных публикациях только дореволюционного периода. Кроме того, они давно стали библиографической редкостью.²⁸

Хочется высказать несколько рекомендаций, которые, возможно, будут полезны при дальнейшей работе над библиографией исследователя. Видимо, следует полнее представить публицистику 1940—1950-х гг., когда его идеи и само имя были преданы ошельмованию. В первую очередь надо назвать «установочную» статью «Против буржуазного либерализма в литературоведении» (Культура и жизнь. 1948. 11 марта, № 7): в ней А. Н. Веселовский аттестован как «безоговорочно вредный нам ученый». Думается, что надо привлечь обзоры В. И. Чичерова «Обсуждение на заседании Ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов» (Советская этнография. 1948. № 3. С. 146—163) и «О порочных взглядах Н. Я. Марра и его последователей в области фольклористики» (Там же. 1952. № 3. С. 3—15), содержащие «критику» концепционных положений академика.

Необходимо внести в будущий перечень сведения о трудах Л. Г. Якобсона, отразивших литературоведческие искания 1920-х гг. — «Александр Веселовский и Вильгельм Гаузенштейн: (К социологии литературных стилей)» (Печать и революция. 1926. Кн. 6. С. 35—54; кн. 8. С. 39—55) и «Александр Веселовский и социологическая поэтика» (Литература и марксизм. 1928. № 1. С. 10—55), а также размышления В. М. Жирмунского «Историческая поэтика А. Н. Веселовского» (Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1938. № 4. С. 43—66), В. Е. Гусева «Еще раз о наследии А. Н. Веселовского» (Литературная газета. 1957. 24 января, № 11). В пособии должно присутствовать упоминание заметок из всех изданий Большой и Малой советских энциклопедий²⁹ и других книг такого профиля.³⁰ Обязателен учет путеводителей по архивам; при разработке этой темы недостаточно ограничиться только статьей Г. С. Виноградова о рукописях, хранящихся в Пушкинском Доме (№ 216).³¹ Однотипные источниковедческие разработки А. Н. Пыпина, представленные пока порознь (№ 183 и № 268, 270) имеют смысл сгруппировать в одном месте.

²³ См.: *Азадовский М. К.* А. Н. Веселовский как исследователь фольклора // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1938. № 4. С. 85—119; *Гусев В. Е.* Проблемы теории и истории фольклора в трудах А. Н. Веселовского конца XIX—начала XX в. // Русский фольклор. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 217—240.

²⁷ К 150-летию со дня рождения Александра Николаевича Веселовского: Каталог выставки, организованной в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР / Сост. М. М. Матренина; Ред. Г. В. Бахарева. Л., 1988. 38 с.

²⁸ Таковой уже является «Каталог выставки»: его офсетное издание имеет тираж 200 экземпляров. Другие подборки литературы также выпущены в минимальном количестве: биобиблиография Л. Г. Барага — 200, М. К. Азадовского — 293 (ротапринт), В. Е. Гусева — 300, Б. Н. Путилова — 500 (ротапринт), Н. И. Толстого — 600 (ротапринт) экземпляров.

²⁹ Пока учтено лишь первое издание БСЭ 1928 г. (№ 260) и МСЭ 1929 г. (№ 261).

³⁰ Например: Энциклопедический словарь. М.: Изд-во «БСЭ», 1953. Т. 1. С. 293; Ленинград: Энциклопедический справочник. М.; Л., 1957. С. 461.

³¹ См., например: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. М., 1962. Т. 1. С. 138.

* * *

Основой всех выявленных библиографий является хронологический принцип расположения сведений, иногда собранных в тематические главы, сохраняющие временную последовательность. Если при незначительном числе описаний деление их на рубрики не нарушает общности восприятия, то при большом количестве в несколько сот номеров такое дробление разбивает впечатление целостности. Поэтому наиболее целесообразным представляется показ данных в едином сквозном потоке, несущем дополнительную ценную информацию, т. е. создающем возможность проследить динамику творчества ученого и выявить объем его трудов в том или ином году. Различные же направления научных занятий специалиста (исследовательское, собирательское, редакторское, рецензентское и т. д.), а также проблематика разысканий легко вскрываются с помощью дифференцированного вспомогательного аппарата, который способствует свободному ориентированию в любом обширном материале.

Перечисленные указатели, отличающиеся друг от друга объемом и характером раскрытия источников, заслуживают всяческого одобрения. Нужно стимулировать публикацию всевозможных справочных сводок, средствами библиографии раскрывающих вклад отдельных исследователей в нашу науку и состояние самой фольклористики на соответствующих этапах ее развития.

В. И. ЕРЕМИНА

*Е. А. КОСТЮХИН. ТИПЫ И ФОРМЫ ЖИВОТНОГО ЭПОСА.
М., 1987*

Традиция, по которой последующие поколения осуществляют конкретные замыслы своих великих предшественников, оказывается весьма продуктивной в науке вообще и в фольклористике в частности. Так, В. Я. Пропп в книге о структуре волшебной сказки выполнил часть грандиозной, но четко очерченной программы А. Н. Веселовского — изучения мифа и сказки. Е. А. Костюхин в свою очередь сделал реальной программу изучения животного эпоса, намеченную В. Я. Проппом в спецкурсе по русской сказке.¹ Научная преемственность такого рода не предполагает непременно предварительного знакомства ученых более позднего поколения с программами на будущее своих предшественников. Это происходит чаще всего спонтанно. Наука не терпит «белых пятен», и неизбежно рано или поздно найдется исследователь, который возьмет на себя труд ликвидировать пробел, существующий в науке. Такой новаторской по своей сути, нетрадиционной по форме исполнения и оказалась книга Е. А. Костюхина, посвященная изучению сложного фольклорного феномена, объединенного названием «животный эпос».

Повествование находит свое конкретное воплощение в различных словесных формах: мифах, сказках, баснях, эпических поэмах, сатирических повестях и т. д. Все эти художественные повествовательные формы принадлежат разным народам и разным эпохам, но вместе с тем их совокупность, как убедительно показал автор, составляет определенное единство. Выбор объединяющего термина «животный эпос» для всего комплекса историй с различной жанровой природой представляется весьма оправданным, и связан он с рядом конкретных обстоятельств: с разомкнутостью жанровых границ внутри животного эпоса, с постоянным взаимодействием с другими жанрами фольклора, с отсутствием надежного статуса у сказок о животных и т. д.

Изучение разнообразных жанров животного эпоса выстраивается Е. А. Костюхиным в определенной исторической перспективе, что в нашей науке для изучения животного эпоса делается впервые. Намечая стадии эволюции животного эпоса, автор в полной мере осознает не только трудность осуществления этой задачи, но и определенную уязвимость своей позиции, так как для реконструкции архаических стадий развития животного эпоса исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью обращения к фольклору современных культурно отсталых народов. Подобный материал — единственный и в конечном итоге достаточно надежный источник для рассмотрения ранних форм народной поэзии, несмотря на неоднозначность, как это и показывает Е. А. Костюхин, более высокой по уровню культуры палеолита и регрессирующей культуры отсталых народов.

Е. А. Костюхин, как и его предшественники, относит происхождение животного эпоса к большой древности. В. Я. Пропп отмечал, что вопрос о происхождении животного эпоса еще не изучен должным образом, он «подлежит разработке на большом сравнительном материале, включающем мифы первобытных народов на различных стадиях их общественного развития» (Пропп, с. 315). Эта работа, — писал он, — потребует усилий «не одного только человека, а целой школы всей нашей современной фольклористики» (Там же). Рецензируемая книга и явилась своеобразным итогом усилий русских и западноевропейских фольклористов и этнографов в этом направлении за последние пятнадцать-двадцать лет.

Выбор материала исследования, его ограничение, очевидно, представляет для автора одну из главных трудностей.

Е. А. Костюхин исходит из положения, что «разнородность культур, первобытных или современных, вовсе не означает отсутствия фундаментальных общих черт в культурном развитии человечества» (с. 10), т. е. мировой фольклор рассматривается как единая художественная система. Отсюда получается, что выделенные Е. А. Костюхи-

---

¹ Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

ным формы животного эпоса представляют собой «некие идеальные образцы», «эвристические феномены», которые находят свое непосредственное воплощение в целом ряде региональных отклонений в фольклорах разных народов мира и могут быть выделены только путем широкого сравнительно-исторического изучения как фольклорного, так и литературного материала.

Определяя древнейшие формы животного эпоса, автор опирается на архаический повествовательный материал, так как только он способен показать, с одной стороны, ту «пропасть», которая лежит между современной сказкой и зародышевыми спикретическими формами будущего животного эпоса; с другой стороны, именно этот материал позволяет проследить трансформационный процесс от первобытных мифов к современной сказке о животных.

Эпизодическое обращение к архаическому повествовательному фольклору привело в свое время В. Я. Проппа к заключению, что «животный эпос не возникает из наблюдений над реальными силами и возможностями животных. Животное является героем в силу приписываемого ему могущества, вовсе не реального, а магического» (Пропп, с. 314). Е. А. Костюхин подтверждает это наблюдение на широком материале и дает ему теоретическое обоснование. «Поскольку искусство не столько практическим, сколько духовно осваивает мир, выводит его сюжеты непосредственно из практики оказывается методологически неправильным. Искусство надлежит рассматривать не в связи с материальной практикой, а в его связях с идеологической деятельностью в целом — идет ли речь о современности или о первобытном мире» (с. 20). Отсюда вытекает принцип рассмотрения тотемизма как идеологической базы для животного эпоса, а вся совокупность произведений повествовательного фольклора определяется А. Е. Костюхиным, вслед за Е. М. Мелетинским и другими исследователями, как мифология. Это не новация, но очень показательная для всего исследования в целом позиция автора, результатом которой оказались важные конкретные выводы. Необходимо отметить, в частности, выдвинутое Е. А. Костюхиным положение о том, что древнейший повествовательный животный фольклор связан не с охотничьей практикой (к этому сводились выводы многих ученых), а «с более общими представлениями о мире и социальной жизни» (с. 25).

Словесная форма, в которой получает конкретное воплощение миф, дает Е. А. Костюхину право наметить структурно-содержательные основы архаического мифа. Этот новый фольклористический подход к проблеме мифологии наверняка не будет единогласно принят. В конкретном исследовании он, однако, продуктивен, так как позволяет выделить так называемые «жанры», если этот термин применим к ранним формам животного эпоса.

Е. А. Костюхин пытается определить и законы «стилистического оформления архаического мифа» (с. 36). Несмотря на то что эти законы не могут еще быть четко заданы и лишены жесткой стилистической структуры, автор определяет композиционный стержень архаического мифа (странствия предков) и принципы его оформления: инициальные и финальные формулы, сообщения о разного рода превращениях и другие конструктивные элементы. «Структурное» рассмотрение мифа дает возможность Е. А. Костюхину поставить очень важный вопрос о том, какие изменения должен был претерпеть архаический миф, чтобы стать сказкой. Основным изменением следует считать десакрализацию мифа, о чем уже неоднократно упоминалось в работах русских и западноевропейских ученых. Е. А. Костюхин идет в своем исследовании дальше, он существенно уточняет это положение в применении к своему материалу, показав, что десакрализация мифов о зооморфных предках и устроителях — это только необходимое условие, а не сам путь формирования животного эпоса. Выделив мотив трикстерства как главный в процессе формирования животной сказки, исследователь утверждает, что отсутствие этой основы даже при десакрализации мифа о зооморфном культурном герое приведет не к рождению животной сказки, а к возникновению совсем иных фольклорных жанров. Дальнейший вывод чрезвычайно ответствен, а потому он требует, с моей точки зрения, более развернутой аргументации, чем это сделано в книге. Сводится он к тому, что «почвой для развития животной сказки были не мифы „вообще“, не какая-нибудь универсальная мифология (. . .) и не все мифы о тотемных предках, демпурагах и культурных героях, а определенная их категория — мифы трикстерского содержания» (с. 40).

Стадиальное рассмотрение материала дало возможность автору убедительно продемонстрировать ту грань в общем культурном развитии, когда классический тотемизм уступил место промысловому культу. Подобный переход связан с рождением такого нового фольклорного жанра, как «миф-быличка». Этот новый жанр уже в силу своего позднего происхождения не может, по утверждению автора, рассматриваться как универсальный источник современной животной сказки: он явился в общей эволюции животного эпоса лишь той почвой, из которой вырастают некоторые ситуации и отдельные мотивы более позднего фольклора (волшебной сказки, бывальщины). Внутри же животного эпоса архаические мифы-былички послужили источником только одного и далеко не ведущего жанра — новеллистической сказки о животных.

В книге «Русская сказка» в главе о животной сказке В. Я. Пропп указал, что «одна из настоятельных задач нашей науки состоит в том, чтобы сопоставить мифы с современной сказкой (. . .)». Применительно к сказке о животных такая работа даже не

начата» (Пропп, с. 305). Очень существенный вклад в разработку этой проблемы и вносит рецензируемая книга.

Когда речь шла об архаических формах животного эпоса, вопрос в отношении материала исследования был сразу определен и правомерность и необходимость использования именно этого материала сомнений не вызывала. От исследователя требовалась большая эрудиция, оценочное и корректное владение тем обширным материалом, который был накоплен по данной теме в мировой этнографии. Особые трудности с отбором материала, на мой взгляд, возникают позже, по мере приближения к изучению собственно сказки.

Показ универсальных конструкций (с учетом или без учета их подвижного и неустойчивого характера) возможен только на широком международном материале. Сложность состоит не столько в том, чтобы выделить эти универсалии, сколько в том, чтобы определить степень этой универсальности. Конкретное же обращение к национальному сказочному репертуару (русскому, в частности) показывает, что 46 % сюжетов животных сказок являются совершенно оригинальными и не имеют аналогов в мировом фольклоре. Очевидно, нечто подобное будет ожидать исследователя, если он обратится к рассмотрению любого другого национального материала. И тут нас не спасут рассуждения о диалектичной природе жанра животной сказки, о подвижности и деформации жанровых признаков сказки в границах тех или иных регионов.

Существуют, по-видимому, два основных подхода к материалу: когда за основу берется весь национальный сказочный репертуар (у русских это 119 типов животных сказок) со всеми его международными параллелями и на этой ограниченной и исчерпывающей одновременно материальной базе выделяются типы и формы или в поле зрения исследователя попадает только тот материал, который является общим для всех народов (сознательно исключаются при этом специфически национальные сюжеты).

Е. А. Костюхин выбирает — не всегда, правда, абсолютно последовательно — второй путь, о чем свидетельствует список сюжетов и мотивов, упоминаемых в книге (см. с. 260—264).

Этот путь, по-видимому, менее верный. Не совсем ясно, что же ожидает исследователя, когда он прикоснется к специфически национальному материалу. Ограничение подобного рода менее застраховано от случайностей, отсюда меньшее доверие к выводам. Отсутствие возможности охватить все делает менее надежным и сам способ доказательства. Вот несколько конкретных примеров, касающихся аполога. Доказательством положения, что аполог несводим к аллегории, служит лишь один конкретный пример сказки с учетом не всех, а лишь немногих вариантов (с. 121 и след.). Дело не в том, что взят один пример, а не десять. Десять тоже не спасли бы положения, так как это все равно не все, а что такое все — неизвестно. Другое утверждение о том, что «апологи не только используют наследие классической сказки, но вырабатывают собственный сюжетный фонд» (с. 121), нуждается как минимум в таблице, где сюжетный состав апологов был бы определен. Или глобальный и, по-видимому, абсолютно верный вывод: «... аполог — вовсе не венец развития фольклорного животного эпоса, а его боковая ветвь» (с. 122), — тоже требует более надежной и развернутой аргументации, чем это сделано в книге. Известно, что аполог не характерен для европейского фольклора и фольклора народов Востока, но тем не менее он все же составная, пусть очень незначительная, часть фольклора этих народов. Каков характер аполога у этих народов? В чем состоит отличие (и есть ли оно?) от классических форм аполога? И т. д. Все эти вопросы возникают сами собой и особенно в связи с утверждением, что апологи — «это сравнительно поздняя форма животного эпоса, относящаяся к тому времени, когда моральные нормы уже определились» и начали подыскивать для себя «подходящую форму» (с. 123).

Ряд вопросов, частных пожеланий мог бы быть значительно расширен, но суть не в этом. Важно, что исследование животной сказки на международном уровне не только не опровергло, но в основе своей полностью подтвердило те наблюдения, которые были сделаны В. Я. Проппом на материале русской животной сказки. Оба исследователя пришли к заключению, что животная сказка условна, не нравоучительна, не сатирична. Это тот редкий в науке случай, когда общность полученных разными учеными выводов на разном материале усиливает методологический подход и в том и в другом случае и дает утешительную надежду, что национальная специфика материала не играет в данном случае такой уж решающей роли.

Литературные формы животного эпоса — предмет исследования последней главы монографии. Правомерность включения в книгу литературного материала автор обосновывает следующим образом: «Животный эпос включает разностадиальные и полифункциональные явления, но обладает известным единством — прежде всего с идейно-тематической точки зрения. Уже одно это открывает возможность широкого взаимодействия разных форм животного эпоса — и фольклорного, и литературного» (с. 11).

Задача последней части монографии сводится к выяснению того, как и по каким законам фольклорная основа продолжает жить в литературных формах животного эпоса. Рассматривая последовательные жанры животного эпоса — от классических, оставшихся, однако, частью современного литературного сознания, до полностью умерших и сохранившихся только как достойные истории литературы, — автор делает немало открытий и уточнений. Так, он убедительно доказывает несостоятельность

теории речевого происхождения басни, а как позитивное начало развивает мысль Я. Гримма о басне как последнем этапе в эволюции «миф — сказка о животных — басня». В результате такого рассмотрения оказалась несостоятельной мысль о назидательной функции басни как «врожденной». Е. А. Костюхин считает эту, казалось бы, столь очевидную функцию лишь как приобретенную в результате становления «общественного человека и морали как особой формы идеологии» (с. 166). Костюхин впервые в нашей науке четко выделяет и особый этап «фольклорного» существования басни, что, с одной стороны, снимает ограничение сути басни только моралистическим началом, которое, кстати, как показывает автор, «общечеловечно», т. е. лишено «специфической социальной окраски» (с. 172), с другой — вводит ее в универсальную стихию комического. Именно эта универсальная стихия и определяет суть, природу и животного эпоса в целом, и басни как его частного проявления.

Если трикстерские сказки были лишь частью басенных сюжетов, то в формировании средневековой сатиры они сыграли решающую роль. Формы животной сатиры разнообразны, но все они складываются лишь в позднем средневековье. Почвой, на которой они произошли, стал опять-таки фольклор. Эти произведения, «пародируя <...> официальные нормы и официальный язык, помогая смехом преодолеть суровую действительность», стали «манифестом нового, демократического сознания» (с. 209).

В физиологической саге Е. А. Костюхин видит более тесную связь с этнографической фантастикой, чем в сочинениях позднеантичных философов, хотя символическое толкование животного мира присуще в равной степени и позднеантичной литературе, и физиологической саге. Поскольку «за животными скрывается вселенский смысл» (с. 214), то светское содержание в физиологической саге начинает превалировать над религиозно-назидательным началом. Автор видит генетическую связь физиологической саги с «животной мифологией», что очень существенно для средневекового сознания вообще. Физиологическая сага, заключает исследователь, привела нас уже «не к фольклору, то есть не к искусству, а к мифологическому сознанию» (с. 221). Постепенное преодоление реальности, рассмотренное Е. А. Костюхиным на разных формах и типах животного литературного эпоса, «помогало человеку жить, а стало быть, отчетливо выявило специфику искусства, его „жизненное назначение“» (с. 221).

Монография Евгения Алексеевича Костюхина — глубокое, новаторское исследование. Книга «Типы и формы животного эпоса» представляет собой определенный и очень значительный этап в изучении животного эпоса, она будит творческую мысль, а потому безусловно повлечет за собой волну более конкретных, уточняющих исследований этой темы, к которой так долго всерьез не обращались ни русские, ни западноевропейские фольклористы.

Т. А. НОВИЧКОВА

Н. А. Криничная. *РУССКАЯ НАРОДНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА. ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА И СТРУКТУРЫ. Л., 1987*

Жанр преданий рождается и активно бытует на протяжении всего существования народа, сохраняющего устное творчество в качестве компонента своей духовной культуры. С этой особенностью жизни преданий связаны все преимущества и трудности их изучения. С одной стороны — широта временного диапазона исследуемого материала: от преданий «Повести временных лет» до устных рассказов о Константине Заслонове; с другой — специфическая пестрота и многослойность повествований, не допускающие однозначного толкования жанра только как устной хроники местного характера.

В книге Н. А. Криничной проблема историзма преданий тесно связана с проблемой художественной структуры жанра. По мнению автора, «дальнейшее изучение народной исторической прозы вне рассмотрения ее структуры как одного из важнейших жанровых признаков и как ключа к раскрытию генезиса данного жанра сейчас уже не представляется возможным» (с. 20).¹ Сюжеты и мотивы преданий рассматриваются ею в рамках циклов: о заселении и освоении края, об аборигенах края, о панах, о кладах, о великанах, богатырях и силачах, о борьбе с внешними врагами, о разбойниках и об исторических лицах. Эта систематизация была апробирована Н. А. Криничной в сборнике «Северные предания» на достаточно богатом материале.²

В то же время концептуально новая книга Н. А. Криничной является не просто развитием установок, выдвинутых ею в предисловии к сборнику «Северные предания», но предложением нового угла зрения на природу жанра, обобщением положений ряда ее статей.³ В монографии с полной очевидностью обнаружилось стремление автора к исследованию древнейших основ преданий, генетически восходящих к мифологии, в частности к комплексу представлений о божественном предке: «... поскольку предание вызревает в недрах мифологии, можно утверждать, что именно в мифах о божественном предке закладываются основы организации структурных компонентов в единое целое» (с. 224).⁴

Такой подход к преданиям в русле современных разысканий ученых — лингвистов, этнографов и фольклористов — в области реконструкции древней славянской духовной культуры. Синкретический характер проблемы обусловил взаимосвязь собственно филологического и историко-этнографического аспектов изучения преданий в книге Н. А. Криничной. В монографии использована и учтена самая разнообразная литература: писцовые книги Оболенской пятины, археологические описания курганов и могильников, характеристики типов жилищ, поселений и домашней утвари; таким образом, процессы сюжетообразования преданий исследованы автором в широком историко-этнографическом контексте.

---

¹ Здесь и далее ссылки на страницы рецензируемой книги даны в тексте.

² Северные предания: (Беломорско-Оболенский регион) / Изд. подг. Н. А. Криничная. Л., 1978.

³ Криничная Н. А. 1) Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах» // Советская этнография. 1977. № 4. С. 105—111; 2) Предания об аборигенах края: (К вопросу о мифологизации раннеисторических представлений) // Русский фольклор. Т. 20. Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. С. 45—61; 3) Историко-этнографическая основа преданий о «панах» // Советская этнография. 1980. № 1. С. 117—127; 4) Элементы хтонического происхождения в «родословной» эпического героя // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982—1983 гг.: Тез. докладов. Черновцы, 1984. Ч. 2. С. 312—313.

⁴ Необходимо оговорить, что термин «структура» часто употребляется Н. А. Криничной в качестве синонима традиционного термина «сюжет». В данном случае речь идет именно о процессе сюжетообразования.

Поставив перед собой филологическую задачу — описание морфологии жанра, сюжетных структур преданий, Н. А. Криничная в качестве своей конечной цели выдвигает «выявление генетических истоков жанра и отдельных его мотивов» (с. 20). Перед нами совмещение задач проповедской «Морфологии» и «Исторических корней» волшебной сказки. Методика изучения волшебной сказки В. Я. Проппом безусловно оказала серьезное влияние на автора. В соответствии с традициями сравнительной типологии Н. А. Криничная рассматривает мотивы преданий как «местные по применению и интернациональные по сущности» (с. 21); отсюда — привлечение ею обширного этнонационального материала, типологически соотносимого с архаическим состоянием духовной культуры этносов (сказок и преданий эвенков, иганасан, ненец и других народов Севера и Сибири).

Распределит сюжеты преданий по принципу тематической хронологии, Н. А. Криничная анализирует в первую очередь повествования наиболее архаичных типов: о заселении и освоении края и об аборигенах края. Такие предания вошли еще в «Повесть временных лет» на правах переосмысленных летописцем культовых родоплеменных сказаний (о Кие-перевозчике и братьях первопоселенцах).

Н. А. Криничная указывает на благоприятные условия для сохранения подобного типа преданий на Русском Севере, где вплоть до конца прошлого столетия сохранялись в обиходе рудименты родовых отношений, а заселение территории происходило «родственными коллективами-патронимиями» (с. 33). Автором рассматривается процесс трансформации героя древнейших типов преданий: от мифологического великана, богатыря, первопредка до конкретной социально обозначенной личности (крестьянин, купец, солдат). Наибольшее внимание Н. А. Криничная уделяет мотивам, обладающим историко-культурным близнравством, сосуществованием феодального и родоплеменного, языческого и христианского начал. Например, мотив выбора места для поселения, по мнению автора, варьирует в своей эволюции следующие компоненты: священный столб — бревно — икона, как предметы, которым поручается указать на место будущего обитания пришельцев (с. 44—52). Обрядовый и фольклорный контекст, в который автор помещает мотивы русских преданий вышеназванного цикла, убеждает нас в минимальном значении роли случая в таком важном деле, как выбор места первопоселения: с помощью священных предметов узнавали волю духов воды, камней и растений и их благосклонность к выбору того или иного места.

Рассматривая предания о строительстве города, городской стены, крепости, замка, мельницы, Н. А. Криничная приходит к выводу о зависимости сюжетобразующих мотивов этих повествований от архаических представлений, легших в основу ряда строительных обрядов и прежде всего обряда «строительной жертвы», подробно описанного А. К. Байбуриным.⁵ Сюжеты преданий помогают уяснить смысл обряда как средства получения «души» строением, приобретающим даже некоторые антропоморфные признаки закланной жертвы (с. 58—60). Дальнейшим развитием и модернизацией этих мотивов являются предания об убийстве мастеров, выстроивших город, крепость и т. д. Так относительно поздние по происхождению и оформлению мотивы преданий оказываются построенными на прочном архаическом фундаменте.

Конечно, далеко не для всех мотивов преданий может быть обнаружен древнейший историко-этнографический субстрат, многие из них являются конкретной фиксацией событий местной истории. В монографии такие предания также рассматриваются; они даже выделены в специальные разделы (например, предания о монастырской колонизации, предания о раскольниках: с. 66—70, 185—193). Поскольку в целом книга носит концептуальный характер и задача ее иная, нежели чем описание состояния традиций жанра преданий на Русском Севере, можно было отказаться от материала, лежащего на периферии основной линии исследования. В то же время уместными были бы разделы, посвященные этнологическим и демонологическим преданиям, «солидный возраст» которых не подлежит никакому сомнению; мотивы этих преданий непосредственно порождены мифом и вполне согласуются с идеей автора о зависимости художественных особенностей преданий как жанра от мифов о культурном герое, первопредке, тем более что в других своих работах Н. А. Криничная связывает эти разновидности устной прозы с мифами о тотеме-первопредке.⁶

Эстетической функции преданий долгое время не придавали большого значения, считая этот жанр по преимуществу информационно-познавательным.⁷ Поэтому вымысел в преданиях часто рассматривался как нечто постороннее, привнесенное из других жанров. В монографии Н. А. Криничной практически впервые осуществлена попытка

⁵ Байбурин А. К. «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии: К столетию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. К. Зеленина. Л., 1979. С. 155—162.

⁶ Криничная Н. А. 1) Концепция архетипа и проблема преемственности образов в системе мифа и предания // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 4—24. 2) Корреляция архетипов индивида, коллектива и природы в мифологии. Препринт доклада на заседании Президиума Карельского филиала АН СССР 25 сент. 1986. Петрозаводск, 1986.

⁷ Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 260.

проанализировать вымысел как неотъемлемое художественное свойство преданий, обусловленное природой их сюжетного архетипа. С наибольшей убедительностью эта мысль раскрывается на материале преданий о чуди, панах, кладах и разбойниках.

Чудь, по мнению автора, не столько конкретный этноним, сколько воплощенное в фантастическом образе представление об «аборигенах края, впоследствии заселенного племем по своему этническому происхождению народом» (с. 79). Образ чуди — исчезнувшего аборигенного населения — типологически соотносится в книге с великанами эвенкийских и якутских преданий, с библейским народом «анак», жившим до прихода израильтян в Палестину, и с образами русской летописи. Высокий рост и «белоглазость» чуди объясняются Н. А. Криничной не как антропологические признаки, но как мифологические характеристики персонажей родственных одноглазым циклопам античности и средневековым собакоголовым людям (с. 78—85).

И все же в некоторых мотивах преданий о чуди присутствует и конкретный историко-этнографический субстрат (правда, культово окрашенный). Так, например, мотив «чудь заживо себя погребла» связывается Н. А. Криничной с особенностями жилища некоторых финноязычных народов (это был сруб, засыпанный землей или углубленный в землю, — с. 90), а также с чудскими могильниками. Таким образом, мифологическое осмысление исчезновения аборигенов подкреплялось реально существующими следами их пребывания в той или иной местности. Но восприятие следов пребывания аборигенов было мифологическим, связанным с культом мертвых: места захоронения чуди, огромные «чудские» кости, зачарованные чудские клады — все это оказалось не только материалом преданий, но и объектом культового почитания (с. 95).

Предания о панах обычно рассматриваются фольклористами как поздние по происхождению, отразившие борьбу с польско-литовскими интервентами в XVII в.⁸ Принципиальной новизной отличается интерпретация этого типа преданий Н. А. Криничной, предложившей прочесть предания о панах в контексте представлений о загробном мире и предках (с. 109). Учитывая позднейшие наслоения, взаимодействия разного рода персонажей в образе панов (мифологических существ, предков-родоначальников, аборигенов, язычников, внешних врагов), Н. А. Криничная все же видит главную свою задачу в том, чтобы «показать потенциальные возможности для появления панов в различных эпосах», которые «заложены уже в соответствующем архетипе» (с. 109). Панам — польским интервентам предшествовал синкретический образ панов-первоначальников, предков, даже языческих божков, причем поздние наслоения не вытеснили древней основы образа.

Сюжеты повествований о кладах очень сходны у всех славянских народов; существование бродячих сюжетных мотивов с особой остротой ставит вопрос о закономерностях художественного языка этого типа преданий. Росписи кладов, написанные в разное время и в разных регионах страны, представляют собой мало чем отличающиеся реестры традиционных «кладовых» мест: сосна, три дороги, камень с какими-то приметами, церковь, родник, кладбище и т. д.⁹ На языке фольклора это каналы связи между миром живых и умерших. С этой точки зрения предания о кладах действительно могут быть связаны «с представлениями об аборигенах края» (с. 110), но архаизм их все же не в зависимости от представлений об аборигенах и первоначальниках, а в представлениях о золоте как атрибуте загробного мира.¹⁰ Клады «мыслились как бы исконно хранящимися в земле (древняя основа выступает в таких рассказах наиболее отчетливо)»,¹¹ т. е. их принадлежность кому-либо имела гораздо меньшее значение, чем их существование в земле.

Генезис преданий о кладах очерчен автором интересно, но достаточно спорно. Выделяя четыре структурно-хронологических типа преданий этого цикла (от повествований о «зачарованных кладах» до рассказов о кладах «в прямом значении этого слова» — с. 109), Н. А. Криничная останавливается на мотивах зооморфизации и антропоморфизации кладов (клад показывается людям в виде свиньи, теленка, старика и т. д.). Приобретение кладом черт животного или человека объясняется ею также, как и антропоморфизация строений — в связи с жертвоприношением. При закапывании клада в жертву приносили человека или животное, впоследствии в преданиях клад приобретал их черты (с. 113). Во-первых, это практически не доказуемо; во-вторых, преданию чаще всего вообще не важно при каких обстоятельствах зарыт клад, зримый облик которого, вероятнее всего, сложился по тем же законам, по которым сказка воздвигает золотые, медные и серебряные царства, т. е. по законам общеславянской эстетики.

Широкий общеславянский контекст, которого несколько не хватает в разделе «Преданий о кладах», привлечен Н. А. Криничной в исследовании мотивов преданий о великанах, богатырях и силачах. Происхождение богатырей и великанов от гор,

⁸ Там же. С. 41.

⁹ См., например: Якушкин П. И. Путевые письма // П. И. Якушкин. Сочинения / Вступ. ст. и коммент. З. И. Власовой. М., 1986. С. 60—63.

¹⁰ См., например: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 275—276; Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 56—64.

¹¹ Солодова В. К. Русские исторические предания. С. 189.

огня, воды, природных стихий; чудесное обретение силы и ее местонахождение в волосах, сердце и печени героя, способы проявления силы и ее утрата — все эти мотивы убедительно подключены автором к системе мифологических воззрений, аналоги им найдены в литературе древности и фольклоре других народов. Раскрывая общечеловеческий, международный характер вышеназванных мотивов, Н. А. Криничная создает благоприятную почву для изучения ряда поэтических метафор в собственно русской традиции. Так, например, эпическая формула «смотреть ретиво сердце со печенью» как угроза врагу обнаруживает свои глубинные корни в мифологических представлениях о средоточии силы великана и богатыря в этих органах (с. 134—135). В принципе былина вообще не может быть понята вне сопутствующего ей жанра преданий о богатырях.

Образ разбойника сложился в фольклорной традиции очень давно: в былине об Илье Муромце и разбойниках мы уже имеем дело со сформировавшимся фольклорным персонажем, с типичной фольклорной ситуацией, — таким образом, вряд ли будет ошибкой отнести появление сюжетов повествований о разбойниках не позднее чем к X—XII вв. Длительное бытование разнообразных (песенных и прозаических) нарративов на тему грабежа и разбоя привело к чрезвычайной многослойности преданий о разбойниках, практически не поддающихся конкретному историческому анализу. Даже относительно поздних, приуроченных к реальной исторической личности преданий (например, о Степане Разине) приходится признать, что основная часть их представляет собою «контаминацию весьма известных странствующих сюжетов с отголосками полузабытых исторических штрихов о Разине».¹² Тем актуальнее попытка Н. А. Криничной охарактеризовать «модель, структуру, стереотип» преданий о разбойниках как порождение «мифологического фонда»: такая характеристика необходима для уяснения художественной природы этих повествований. В некотором противоречии с масштабной задачей раздела находится распределение автором материала по двум линиям: предания о собственно разбойниках и о благородных разбойниках (с. 171). Эта классификация вряд ли универсальна: она подсказана чисто русскими особенностями бытования преданий, региональным фактором: среднерусские предания вобрали в себя представления об уходе в разбой как средстве освобождения от крепостной неволи, отсюда — появление сюжетов о благородных разбойниках; на Русском Севере крепостной зависимости не было, поэтому не сложился и соответствующий сюжетный тип (с. 172—173). Верное и интересное по сути наблюдение основано на позднем состоянии жизни предания в русской традиции, поэтому оно вряд ли может быть с большой эффективностью использовано в качестве классификационной основы для распределения сюжетных мотивов преданий о разбойниках с целью выяснения их генезиса, принципиальных линий развития этого цикла, архаичного по природе.

Некоторые просчеты монографии ни в коем случае не умаляют ее главного достоинства: отечественная фольклористика получила первое фундаментальное исследование механизма порождения художественного языка преданий, эстетики жанра. Книга убеждает нас в том, что закономерности сюжетообразования преданий в своих истоках восходят к мифологическому времени, рудиментарно сохраняющемуся в жанре устной исторической прозы; вполне обоснованным представляется поиск сюжетного архетипа преданий в области представлений культа предков и умерших — «единственно всеобщего, полно и хорошо представленного, повсеместно довольно четко реконструируемого у славян культа».¹³

¹² Лозанова А. Н. Народные легенды и предания о Степане Разине // Художественный фольклор. 1929. Вып. 4—5. С. 62.

¹³ Толстые Н. И. и С. М. Ответы на анкету по проблемам реконструкции древней славянской духовной культуры // Советская этнография. 1984. № 4. С. 78.

Т. Г. ИВАНОВА

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987

Рассматриваемое издание представляет собой первое в русской фольклористике собрание быличек и бивальщин — жанров малоизученных, никогда не бывших в центре внимания ученых. Исследователи XIX—начала XX вв. оставили нам несколько классических работ по народным верованиям,¹ но объектом их изучения были суеверные представления как таковые, а не те устные повествовательные жанры, в которых они отразились. В 1970—1980-е гг. в советской науке вновь обострился интерес к языческим богам и низшим демонологическим персонажам славян.² На этот раз возник и специальный интерес к фольклорным жанрам, воплотившим в себе древние поверья. В русле этого процесса и появилась рецензируемая книга.

Былички занимают особое место в системе жанров русского фольклора. Наряду с другими родственными жанрами (например, детскими «страшилками»), они продолжают достаточно интенсивно бытовать до сих пор. Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что каждый из нас — и фольклористов, и не фольклористов — хоть раз в жизни попадал в ситуацию (у походного костра, в охотничьей избушке, на ночевке в заброшенном доме и т. д.), когда кто-либо из небольшой группы присутствующих вспоминал что-либо о домовом или лешем. С верой или полуверой, с насмешкой или иронией, с желанием напугать собеседников — но вспоминал. Интерес наших современников к художественной стороне быличек зиждется на веками выработанной эстетической категории «ужасного» и поддерживается, кстати, литературной традицией (Н. В. Гоголь, А. К. Толстой и т. д.). Существует, на наш взгляд, еще один фактор, не позволяющий исчезнуть быличке в наше рациональное время. Структура этого жанра относительно проста. Пересказать быличку, в отличие от сказки, может любой человек, отнюдь не являющийся носителем классической фольклорной традиции. Из всего этого и складывается особый статус былички в художественной системе русского фольклора.

Составитель сборника, покойный сибирский фольклорист В. П. Зиновьев, занимался собиранием и систематизацией мифологических рассказов на протяжении семнадцати лет — с 1966-го по 1982 г. Планмерно и скрупулезно вместе со студентами им были обследованы различные районы Забайкалья (Читинская и Иркутская области). Результатом этой работы стали около 1800 текстов быличек. На сегодняшний день это, пожалуй, самое большое региональное собрание данного жанра. В сборнике опубликованы 444 текста из коллекции В. П. Зиновьева. К сожалению, самому ученому не пришлось завершить работу над своим собранием. По его планам и заметкам издание осуществили Н. Л. Новикова и Г. Н. Зиновьева.

Прежде всего хочется отметить, что мы имеем дело с текстологически надежным материалом. Большинство быличек записывалось на магнитную ленту. Во вступительной заметке редактора сборника Р. П. Матвеевой отразилось понимание значимости текстологической подготовки фольклорных записей. Специально для издания тексты были вновь сверены с фонограммой, исправлены неточности; оговорены принципы подачи диалектных особенностей речи исполнителей; разъяснено употребление отто-

---

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Т. 1—3. М., 1865—1869; Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903; Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1, и др.

² Померанцева Э. В. 1) Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975; 2) Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 143—158; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982; см. также соответствующие статьи в энциклопедии «Мифы народов мира: В 2 т.» (М., 1980—1982) и др.

чпя в угловых сксбках (в текстах опущены слова, неудобные для печати, и фрагменты, в которых информатор отвлекался от рассказа на бытовой разговор). Издатели не пренебрегли возможностью опубликовать повторные записи сюжета от одного и того же исполнителя (см. № 1 и комментарии к нему; № 78 и 79; 292 и 293). Такого рода материал весьма ценен для текстологических наблюдений.

В корпусе текстов в соответствии с традицией, сложившейся при изучении других произведений русского фольклора, былички сгруппированы в отдельные сюжетно-тематические разделы: повествования о духах природы (леший, водяной, русалка); о домашних духах (домовой, банник, кикимора); былички о змее, черте, проблятых; рассказы о людях, обладающих сверхъестественными способностями (ведьма, колдун, покойник); былички о кладах, предсказаниях судьбы и предзнаменованиях. Если образы лешего, домового, банника, черта уже достаточно выпукло обрисовались в фольклористической литературе,³ то другие циклы быличек из сборника В. П. Зиновьева по сути дела впервые дают исследователям доброкачественный материал для размышления над некоторыми сторонами суеверных представлений русского народа.

Огромный интерес представляет раздел рассказов о кикиморе (№ 123—138).⁴ Как известно, кикимора — весьма расплывчатый образ русского демонологического пантеона. Э. В. Померанцева в своей монографии его не касалась. По определению В. П. Зиновьева, кикимора — «ангипод домового» (с. 387): если домовый часто радеет за хозяйство, то кикимора, напротив, портит все в доме. Эту же сторону образа кикиморы подчеркивает в своем исследовании о мифологической лексике и О. А. Черепанова. По собранным ею многочисленным наблюдениям над севернорусским материалом определяющими характеристиками этого персонажа являются следующие: «... появление (но не обитание) в доме и хозяйственных постройках, связь с прядением, участие персонажа в хозяйственных делах людей, мотив порчи, уничтожения добра, выживания из дому, уродливость наружности (сухощавость, горбатость, хромота), малый рост, неопрятность».⁵ Забайкальские былички рисуют несколько иной образ: кикимора принимает образы людей или животных, беспokoит жильцов («чудится» в доме); чтобы защититься от кикиморы, надо найти и убрать куклу, с помощью которой ее навлекл в дом. Мотив куклы, редкий в севернорусских записях, в сибирских текстах является ведущим.

Привлечет внимание исследователей и цикл рассказов о колдунах — повелителях змей (№ 335—351). Без сомнения, в этих быличках отразились какие-то реальные отношения между человеком и окружающей его природой. При изучении мотивов, связанных со змеями, фольклористам, полагаем, придется обратиться за разъяснениями к зоологам и, по всей вероятности, к дрессировщикам и гишотизерам.

Связь между свадебным дружкой и колдуном давно отмечена в нашей этнографии. Материалы В. П. Зиновьева (№ 285—307) дают новый импульс для изучения данной проблемы.

Справедливое само по себе выделение группы текстов о кладах ставит вопрос о связях быличек с другим жанром несказочной прозы, в котором также фигурирует клад, — с преданием. Обнаруживаются связи быличек и со сказками. Так, тексты № 441 и 442 перекликаются со сказочным сюжетом 813 А****, а текст № 443 отмечен в указателе сказок под индексом 934 А.⁶

Сборник В. П. Зиновьева лишний раз подтверждает взаимосвязь всех жанров русского фольклора. Опубликованные тексты заинтересуют не только исследователей народных поверий, но и дадут новый материал ученым, изучающим свадебные и календарные обряды, предания и сказки.

Отрадно, что столь «неклассический» жанр как быличка издан по образцу классических сборников русского народнопоэтического творчества, на основе традиционных, десятилетиями выработанных принципов научной публикации устной прозы. Рецензируемый сборник снабжен обширным, хорошо продуманным научным аппаратом. В комментариях читатель найдет необходимые сведения о публикуемых текстах (так называемые паспортные данные) и определение типа сюжета по указателю мотивов быличек, разработанному В. П. Зиновьевым. Списки исполнителей и собирателей, словарь диалектных слов, указатели мест записи и мифологических персонажей — все это облегчает работу исследователей и снабжает их ценной информацией.

В книге дана статья В. П. Зиновьева «Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы» (с. 381—399). Основные положения этой работы уже знакомы фольклористам по монографии автора «Жанровые особенности быличек».⁷ Как и полагается статье,

³ См. тексты в публикациях: Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // Отечественные записки. 1848. № 4. Смесь. С. 132—153; Богатырев П. Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии // Этнографическое обозрение. 1916. № 3—4. С. 42—80; Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб., 1909; Балашов Д. М. Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970, и др.

⁴ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в тексте.

⁵ Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983. С. 129.

⁶ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барраг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

⁷ Зиновьев В. П. Жанровые особенности быличек. Иркутск, 1974.

сопровождающей какую-либо публикацию, здесь освещается круг проблем, связанных с печатаемым материалом: история собрания быличек, образы мифологических персонажей, особенности бытования жанра, его поэтики и т. д. В статье дается характеристика отдельных исполнителей, владеющих определенным репертуаром мифологических рассказов (П. А. Достовалов, Г. В. Пешков). Насколько нам известно, В. П. Зинovieв первым в нашей науке представил портреты сказителей — рассказчиков быличек. Тем самым он как бы подчеркнул, что традиционные способы изучения фольклора вполне применимы к неклассическим его жанрам.

Особого разговора заслуживает «Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин» (с. 305—320). Впервые подобного рода указатель применительно к русскому материалу был сделан С. Айвазян под руководством Э. В. Померанцевой.⁸ Основные разделы здесь посвящены лешему, водяному, русалке, полевику и полуднице, домовому, баннику, черту, змею и проклятым. Указатель С. Айвазян—Э. В. Померанцевой носит изначально «открытый» характер: ведь это первый подступ к решению проблемы систематизации быличек. Записи В. П. Зинovieва позволяли расширить указатель: появились разделы о кикиморах, ведьмах, колдунах, покойниках, окладах, былички о предсказаниях судьбы и о небесных сплах. Существенно были пополнены новыми мотивами и разделы, выделенные С. Айвазян—Э. В. Померанцевой. Указатель В. П. Зинovieва в его полном виде был напечатан в 1985 г. Н. Л. Новиковой и Г. Н. Зинovieвой;⁹ в рецензируемом же издании он включает в себя лишь те мотивы, которые имеются в публикуемых текстах. Совершенно очевидно, что и после существенных дополнений В. П. Зинovieва указатель сохраняет свой «открытый» характер. Дальнейшее накопление материала по другим регионам внесет в него последующие коррективы. Учитывая этот факт, мы хотели бы относительно указателя сделать несколько замечаний.

Основной недостаток указателя можно, на наш взгляд, определить следующим образом: в разных его разделах под мотивом понимаются сюжетные единицы разного объема и характера. Так, например, чрезвычайно скрупулезно разработана тема «Леший показывается людям в разных образах» (А I 1а-у). Свой индекс получили мотивы лешего в образе старика, человека огромного роста, коня, ягненка, быка, совы, колоды, маленького человечка и т. д. Точно так же подробно разработан мотив А I 8а-ж, связанный с суеверными представлениями защиты от лешего (моливта, переодевание одежды на левую сторону, очерченный круг, табак, стрельба, ругань и т. д.) (ср. также мотивы А II 1а-к, Б I 1а-ц, Б I 12а-п, Б II 1а-ж, Б II 5а-ж и др.). С другой стороны, целый ряд мотивов подан в указателе явно обобщенно. Примером может служить мотив Г II 10в (Колдун «морочит», заставляет человека делать то, что он велит). Следуя принципу максимальной подробности, реализованному в указанных выше частях указателя, в быличках В. П. Зинovieва можно выделить под разными индексами следующие разновидности данного мотива: колдун делает так, что человек не знает, как слезть с печи; заставляет человека стоять на одной ноге; не позволяет двигаться; заставляет людей драться друг с другом; может заставить человека повеситься и т. д.

Далее. Вследствие укрупненного понимания некоторых мотивов тексты разного содержания оказываются обозначенными одним и тем же индексом. Например, былички № 418—420 отнесены по указателю мотивов к Е I 1 (Женщина в белом (в красном) предсказывает бедствия: выходит из лесу, останавливает машину, просит шофера купить ей товару, когда шофер отдает товар, она предсказывает бедствия; плачет в лесу — людей косит болезнь). Однако в текстах № 418—419, где развивается тема «шофер — женщина в белом» отнюдь нет предсказания беды: героиня на вопрос шофера, будет ли война, отвечает отрицательно. Быличка же № 420 и вовсе не имеет ничего общего с предыдущими текстами. Здесь рассказывается о том, как во время уборки хлеба на поле появляется плачущая женщина в красном, ее пытаются поймать, но она уходит, не произнеся ни слова, старики говорят, что ее появление предвещает беду; вскоре в деревню пришел мор. Без сомнения, былички № 418—419 и № 420 в указателе мотивов надо было бы отнести к разным индексам.

Все выказанные замечания по поводу указателя мотивов ни в коей мере не могут быть поставлены в упрек В. П. Зинovieву. Как точно определили Н. Л. Новикова и Г. Н. Зинovieва, указатель отражает «лишь определенный этап в изучении (<...> быличек».¹⁰ Дальнейшее собрание и изучение мифологических рассказов позволит внести значительные дополнения в указатель С. Айвазян—Э. Померанцевой—В. Зинovieва. Он будет развиваться, совершенствуя свою структуру и увеличиваясь в объеме.

В заключение скажем еще раз: со сборником «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири» фольклористы получили первое образцовое издание быличек, жанра все более приковывающего к себе внимание ученых. Книга В. П. Зинovieва станет весомым вкладом в изучение русской сказочной прозы и, без сомнения, привлечет к себе многочисленных читателей.

⁸ Айвазян С. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 162—191.

⁹ Зинovieв В. П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985. С. 62—76.

¹⁰ Там же. С. 63.

М. М. МАТРЕНИНА, Г. Т. ЯКУНИНА

**ФОЛЬКЛОР НА СТРАНИЦАХ КУРСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ПЕРИОДИКИ**
(Библиография)

В 1987 г. Отдел народнопоэтического творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР со страниц своего ежегодника «Русский фольклор»¹ обратился к вузовским преподавателям с предложением организовать силами студентов просмотр всех местных периодических изданий с целью выявления фольклорных материалов. Данная публикация является первым откликом на призыв Отдела. Оказалось, что в некоторых регионах страны работа такого рода уже велась. В частности, в Курске Г. Т. Якуниной была подготовлена к печати библиографическая подборка по местному фольклору. Сотрудница Отдела народнопоэтического творчества М. М. Матренина проверила материалы Г. Т. Якуниной *de visu*, в некоторых случаях уточнила их и дополнительно просмотрела отдельные курские издания.

Г. Т. Якуниной и М. М. Матрениной были просмотрены следующие издания: Курский сборник / Изд. Курск. губ. стат. комитета. Курск, 1901—1912. Вып. 1—7; Сборник трудов учащихся Курской губернии. Курск, 1907; Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863—1874. Вып. 1—4; Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Курск, 1911—1915. Вып. 1—2; журналы: Курские епархиальные ведомости. (1871—1917); Курский миссионерский листок (прил. к «Курск. епарх. вед.»). 1913; Курский театр. 1915—1916; Первоцвет. 1910—1914; газеты: Голос Курска (ранее — «Курское эхо»). 1906; Корочанский листок. 1906; Курская быль. 1906—1916; Курская весть. 1906; Курская газета (ранее — «Справочная газета»). 1911—1916; Курская газета общественной жизни, политики, литературы и торговли. 1897—1903; Курская жизнь. 1906; Курская речь. 1906; Курские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1838—1909; Курские записки. 1906; Курский голос. 1906; Курский листок объявлений (с 1882 г. Курский листок). 1879—1906; Курское эхо. 1906; Курянин. 1893—1895; Родная страна. 1906. Во многих из перечисленных изданий фольклорные материалы не обнаружены, поэтому в настоящем указателе они не представлены.

Структура указателя: I. Продолжающиеся непериодические издания; II. Журналы; III. Газеты. Принцип расположения — алфавитно-хронологический. Библиография завершается индексом имен и жанрово-тематическим указателем.

I. ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ НЕПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Курский сборник / Изд. Курск. губ. стат. комитета. Курск, 1901—1912. Вып. 1—7.

1901. Вып. 1.

1. Программа для собиранья писанок и сведений о них [для XII археологического съезда в Харькове] // С. 118—119.

О собираньи фольклора.

2. *Резанова Е. И.* Материалы к этнографии Курской губернии: (Наблюдения и заметки). Детские игры. Поверья // С. 177—184.

Детские игры. С. 177—181; Поверья. С. 181—184.

1902. Вып. 2.

3. *Золотарев Я.* Пригородная слобода Казацкая (Этнографический очерк) // Отд. 1. С. 118—132.

¹ О необходимости библиографической фольклорной практики в вузах // Русский фольклор. Т. 24: Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. С. 196—199.

Тексты хороводных песен. С. 118—122; Тексты «жестокых романсов». С. 123—124; Тексты свадебных песен. С. 128—129.

1902. Вып. 3: Материалы по этнографии Курской губ.

4. Песни, собранные в г. Обояни и его уезде А. С. Машкиным / Подгот. к печати В. И. Резанов // Ч. 1. С. 1—69 (2-я паг.).

Свадебные. С. 1—39; Хороводные. С. 40—69.

5. Резанов Вл. [Обоянские] Варианты и параллели [к опубликованным записям русских народных песен] // Ч. 2. С. 111—122 (3-я паг.).

6. Резанов Вл. Предисловие // Ч. 1. С. I—XIII (1-я паг.).

Обзор литературы о фольклоре Курской губ.

7. Этнографические материалы, собранные в д. Саломыковой Обоянского уезда Е. И. Резановой // Ч. 2. С. 5—109 (3-я паг.).

Протяжные песни. С. 8—23; Обрядовые песни. С. 23—29; Уличные песни. С. 29—54; Свадебные песни. С. 54—91; Характеристика исполнительниц песен. С. 91—97; Воззрения на природу. С. 98—99; Почитания праздничных дней. С. 99—103; Поверья и легенды. С. 103—109.

1903. Вып. 4: Материалы по этнографии Курской губ.

8. Резанов В. И. Бумаги А. С. Машкина // Ч. 3. С. 1—10.

9. Сборники А. С. Машкина / Подгот. к печати В. И. Резанов // Ч. 3. С. 11—115.

Сборник пословиц и поговорок, употребляемых в г. Обояни и уезде его. С. 11—46; Загадки, записанные в г. Обояни и его уезде учителем Машкиным. С. 47—50; Приметы и предрассудки обоянских простолюдинов. С. 65—73; Сказки, рассказы, анекдоты, прибаутки и детские песенки, записанные в г. Обояни и его уезде. С. 74—115.

1907. Вып. 6: Памяти Алексея Степановича Машкина.

10. Резанов В. И. К вопросу о новейших наслоениях в русской народной песне // С. 13—29, с нот.

Обзор современных песен и частушек; тексты и напевы песен.

11. Резанов В. И. Список трудов А. С. Машкина // С. 11.

12. Смирнов Л. М. Биографическая записка [А. С. Машкина] // С. 5—7.

13. Соловьева Л. П. Свадьба (Быт) с. Шелковка Обоянского уезда // С. 31—42. Описание обряда, тексты свадебных песен.

1912. Вып. 7.

14. Арнольди А. К. Две песни, записанные в с. Макаровке Льговского уезда Курской губернии // С. 69—70.

15. Арнольди А. К. Чого люди не роблять по праздникам («Приказка», записанная в с. Кучеровом хуторе Суджанского уезда Курской губ.) // С. 68—69.

16. Зеленин Д. К. Материалы для описания Курской губернии, хранящиеся в Ученом архиве имп. Русского географического общества // С. 103—125.

17. Рутцен-фон Ф. И. Народные песни, записанные в с. Покровском (Алисове) Фатежского уезда Курской губернии // С. 31—68.

Свадебные песни. С. 31—50; Протяжные песни. С. 51—57; Песни разные. С. 57—67.

18. Таряников М. В. Материалы по этнографии Корочанского уезда (с. Стрелца) // С. 70—84.

Свадьба. С. 70—76; Крестины. С. 76—77; Похороны. С. 77—78; Троица (семик). С. 78—80; Хороводные песни. С. 80—84.

Труды Курского губернского статистического комитета. Курск. 1863—1874. Вып. 1—4.

1863. Вып. 1.

19. Машкин А. Обычаи и обряды простонародья в г. Обояни // С. 484—505.

Описание обрядов: родильный, крестильный, свадебный (приведены тексты свадебных песен), похоронный, поминальный, при отъезде в путь, перед смертью, при пожарах; тексты заговоров.

20. Сказки, записанные в Тимском уезде / Собр. Белкин Ф. // С. 518—542. Тексты (14) сказок.

Труды Курской губернской ученой архивной комиссии / Курская губ. учен. арх. комиссия. Курск. 1911—1915. Вып. 1—2.

1911. Вып. 1.

21. Абаза А. М. К вопросу о пополнении музыкального отдела в Курском историко-археологическом музее // Ч. 1. С. 169—171 (1-я pag.).

Об особенностях народного музыкального творчества, описание народных музыкальных инструментов.

22. Горяинова А. П. Песни, собранные в с. Вышнем Реутце и прилегающих деревнях Обоянского уезда (с приложением нот) // Ч. 1. С. 250—272 (1-я pag.).

23. Журнал заседания Курской ученой архивной комиссии 3 сентября 1909 года // Ч. 2. С. 86—91 (2-я pag.).

О представленном А. А. Огульковым, А. М. Абазой и Е. И. Резановой на рассмотрение комиссии фольклорно-этнографическом материале. С. 88—90.

24. Марков Р. Л. Голубец на Красной Поляне // Ч. 1. С. 138—162 (1-я pag.).

Местные предания о битве на Красной Поляне в Петров день; обычаи, обряды, суеверия, связанные с поминовением убитых богатырей.

25. Отчеты о деятельности и денежных средствах Курской губернской ученой архивной комиссии и Курского историко-археологического и кустарного музея, состоящих под августейшим покровительством его имп. высочества великого князя Михаила Александровича с 23 ноября 1903 г. по 9 ноября 1906 г. 8. Отчет за 1908 год // С. 131—139 (2-я pag.).

О поступивших в комиссию в течение 1908 г. докладах и сообщениях, в том числе фольклорно-этнографический материал. С. 135—136.

26. Резанова Е. И. Материалы по этнографии Курской губернии: (Детские игры, Сороки и др. обычаи. Игрища и гаданья. Суеверия. Праздники и др. дни. Сказки) // Ч. 1. С. 172—249.

Детские игры (Записаны в д. Хитровка Суджанского уезда). С. 173—184; Сороки и др. обычаи. С. 184—188; Новогодние игрища и гаданья (Записаны в д. Хитровка Суджанского уезда). С. 188—195; Суеверия и обычаи, записанные в с. Ивне и д. Хитровка (Демонология; Праздники и др.). С. 195—200; Крестьянин-сказочник В. С. Нечаев и тексты сказок, записанных от него. С. 200—249.

1915. Вып. 2.

27. Журнал заседания общего собрания гг. членов Курской губернской ученой архивной комиссии 30 мая 1914 года // С. 65—66.

О чтении А. А. Танковым народных песен, собранных М. В. Таряниковым в Корочанском уезде. С. 65.

II. ЖУРНАЛЫ

Курские епархиальные ведомости. Курск. 1871—1917.

28. Н. К. Беседа с прихожанами о некоторых нехристианских святочных обычаях, существующих в народе // 1872. 1 янв. № 1. С. 33—46.

29. Кокшаров М. Народный обычай в г. Белгороде в Троицын день // 1872. 1 июня. № 11. С. 698—712.

О происхождении местного обычая под названием «немчик»; тексты свадебных песен.

30. Соколов Ф. Поучение о несоответствии обычного проведения масленицы в русском христианском народонаселении с церковнохристианским взглядом на сырную седмицу // 1876. 1—15 февр. № 3. С. 122—127.

31. Друг Нар. Заметка о красном, пасхальном, яйце // 1877. 1—15 апр. № 7. С. 368—373.

32. Тимофеев И. Народные заговоры // 1894. 27 авг.—3 сент. № 35. С. 726—729. Тексты заговоров.

Курский театр. Курск. 1915—1916 (с 1916 г. «Курский театр и жизнь»).

33. И. С<трельский>. Концерты Н. В. Плевичкой // 1915. 17 мая. № 1. С. 6—7.

34. Татьяна. Мои беседы у Н. В. Плевичкой // 1915. 17 мая. № 1. С. 7—8.

35. Татьяна. Мои беседы у В. Р. Гардина // 1915. 24 мая. № 2. С. 9—10.

Об участии Н. В. Плевичкой в съемках фильма режиссера В. Р. Гардина.

36. Стрельский И. В гостях у Н. В. Плевичкой // 1915. 26 дек. № 33. С. 11—12.

37. И. Г. Концерты Олениной Д'Альгейм и Плевичкой // 1916. 14 февр. № 7. С. 7—8.

Первоцвет. Литературный журнал учащихся [курской мужской гимназии]. Курск. 1910—1914.

38. Народные песни, собранные в д. Пустой и Пронине, Калужской губернии учеником VII класса мужской гимназии П. И-м // 1911. № 8. С. 312—314.

III. ГАЗЕТЫ

Курская быль. Курск. 1906—1916.

39. Нравы и обычаи Холмщины // 1910. 8 марта. № 101.

Обряды, обычаи, поверья.

40. Сельское врачевание // 1910. 28 июля. № 166.

О заговорах.

41. Языческие обычаи // 1910. 28 июля. № 166.

Древний обычай «рубить холеру».

42. Труп колдуньи // 1910. 9 окт. № 224.

Быличка.

43. Концерт Н. В. Плевницкой // 1911. 16 апр. № 83.

44. Концерт Плевницкой // 1911. 20 апр. № 86.

45. К концерту Комаровой // 1912. 21 окт. № 237.

Исполнение былин и народных песен.

46. *Дилетант.* Концерт М. П. Комаровой // 1912. 26 окт. № 240.

47. Возрождение русской народной песни // 1912. 15 нояб. № 257.

48. Концерт Н. В. Плевницкой // 1912. 9 дек. № 275.

49. *Дилетант.* Концерт Н. В. Плевницкой // 1912. 12 дек. № 277.

50. Концерт капеллы М. Д. Славянской // 1913. 24 апр. № 92.

Исполнение исторических песен.

51. Концерты капеллы М. Д. Агреновой-Славянской // 1913. 26 апр. № 94.

Исполнение былин, народных песен, сказаний.

52. *Л. Ч. (Л. Чемисов).* Русалочье озеро // 1913. 2 июня. № 124.

Местное предание.

53. *Дилетант.* Концерт Н. В. Плевницкой // 1913. 20 авг. № 186.

54. *Дилетант.* Концерт Е. И. Башарниной // 1913. 11 дек. № 275.

Исполнение народных песен.

55. Языческое моление // 1914. 24 апр. № 92.

56. День Ивана Купала // 1914. 24 июня. № 140.

Поверья.

57. О лубочных картинах // 1914. 26 нояб. № 284.

58. Легенды о Христе // 1915. 22 марта. № 77.

Роза; Вера человеческая.

59. *Дилетант.* Концерт Н. В. Плевницкой // 1916. 5 февр. № 33.

60. [Объявление о benefice собирателя волжских народных песен, сказаний и былин В. Г. Спешинского] // 1916. 2 авг. № 201.

Курская газета (ранее «Справочная газета»). 1911—1916.

61. *Юли-Вер.* Концерт М. П. Комаровой // 1911. 22 сент. № 51.

Курская газета общественной жизни, политики, литературы и торговли. 1897—1903.

62. Кликучество в д. Гремячке Нижегородской губ. // 1898. 20 июня. № 161. Суеверия.

Курские губернские ведомости. Курск. 1838—1909. Часть неофициальная.

63. *Корончевский П.* Открытые тайны народных поверий // 1843. 18 сент. № 38. Знахарство, ведовство.

64. О признаках дождливого и сухого лета // 1843. 18 сент. № 38.

65. *Корончевский П.* О народной музыке и напсвах песен Курской губернии // 1843. 4 дек. № 49.

Тексты песен Обоянского уезда.

66. Музыкальные орудия древних русских войск // 1844. 5 февра. № 6.

67. Старинные народные замечания по явлениям природы // 1844. 22 апр. № 17.

Приметы.

68. Новый год у разных народов // 1845. 3 марта. № 9.

69. Простые способы предугадывать погоду // 1847. 1 нояб. № 44.

Приметы.

70. Новый год. Что такое год и начало его у разных народов // 1850. 1 янв. № 1. Обычай.
71. Отчего обманывают первого апреля? // 1850. 1 апр. № 13.
Распространенность обычая в древности у разных народов.
72. Материалы для описания Курской губернии. Ст. III. Пословицы и поговорки // 1850. 11 нояб. № 45.
Тексты (180 пословиц и поговорок).
73. Придворные обряды и обычаи царей московских в неделю мясопустную // 1851. 10 февр. № 6.
74. Материалы для описания Курской губернии. Ст. IV. Уличные песни // 1851. 10 марта. № 10; 17 марта. № 11; 28 апр. № 17.
Тексты песен (весенние, свадебные, хороводные).
75. Материалы для описания Курской губернии. Ст. VII. Загадки // 1851. 8 сент. № 36.
48 загадок.
76. О препровождении досужного времени на Руси // 1851. 10 нояб. № 45; 17 нояб. № 46.
Игры на Руси.
77. Материалы для описания Курской губернии. Ст. VIII. Город Короча и уезд его // 1851. 22 дек. № 51; 29 дек. № 52.
Тексты песен; приметы и поверья; «разговор сватов».
78. О сновидениях и снотолкователях // 1852. 8 нояб. № 45.
79. Вор В. Г. Свод метеорологических наблюдений и народных примет // 1853. 24 янв. № 4; 31 янв. № 5; 7 февр. № 6; 14 февр. № 7.
80. Материалы для описания Курской губернии. Ст. XII. Дмитриюков А. Народные игры, загадки, анекдоты и присловия жителей Суджанского и Рыльского уездов // 1853. 7 февр. № 6; 14 февр. № 7; 21 февр. № 8; 14 марта. № 11; 21 марта. № 12; 28 марта. № 13.
Приводится описание более 50 игр Суджанского уезда;
тексты загадок, анекдоты, шуточный заговор от зубной боли.
81. О старинных русских свадьбах // 1853. 14 марта. № 11.
82. Русские народные мифы и саги в применении их в географии и особенно к этнографии русской // 1853. 21 марта. № 12.
Предание об Алатырь-камне.
83. Материалы для описания Курской губернии. Ст. XII. Николаев А. Очерк демонологии малороссиян Суджанского уезда // 1853. 4 апр. № 14.
84. О различии между сказками и песнями русскими // 1853. 29 авг. № 35.
85. (З. Г.). Простейшие способы для предузнавания погоды // 1854. 25 сент. № 39.
Приметы.
86. Даль В. И. О народных врачебных средствах // 1855. 1 янв. № 1; 8 янв. № 2.
Суеверия, заговоры, поверья, приметы.
87. Несколько слов о поверьях, суевериях и предрассудках русского народа // 1858. 22 нояб. № 47.
88. М. Л. Свадьба и похороны // 1861. 26 авг. № 34.
Городские обряды.
89. Проект программы статистического описания Курской губернии // 1863. 8 июня. № 23.
Раздел V. Этнографические особенности. Обряды и обычаи великороссов и малороссиян. Предания, народные праздники, фольклор.
90. «Там течет ручей. . .»: народная песня из Рыльска // 1964. 8 февр. № 6.
Текст песни.
91. Ф. З. О быте русских крестьян Корочанского уезда // 1865. 24 апр. № 17.
Обычай.
92. Русская этнографическая выставка в Москве // 1867. 22 июля. № 29.
О коллекции изданий народных песен, духовных стихов, лубочных картин.
93. (Р. И.). Поверья крестьян об урожае // 1868. 13 апр. № 15.
94. Внутренние известия. Курск [Исполнение русских народных песен хором Молчанова] // 1870. 24 апр. № 31.
95. Хроника // 1883. 16 сент. № 72.
Предания об атамане Кудеяре.
96. Внутренние известия // 1883. 30 июня. № 73.
О книге Дубасова И. «Очерки из истории Тамбовского края». Праздники, обряды, обычаи мордвы и мещеры.
97. Внутренние известия. Прodelки домового // 1885. 11 янв. № 4.
Рассказы о домовом.
98. Второй концерт Д. А. Агренева-Славянского [в Курске] // 1888. 26 июля. № 56.
Исполнение былин, исторических, народных песен.
99. Отрывки из народной поэзии. Акуля: народная быль // 1888. 5 авг. № 59.
Текст из архивных документов.

100. Народная медицина в Курской губ. // 1888. 25 окт. № 82; 28 окт. № 83; 1 нояб. № 84; 4 нояб. № 85.
Знахарство, заговоры.
101. Т. И. Вержбицкий. Церковно-народный календарь // 1890. 24 авг. № 64.
102. Шляховой Т. И. К народным верованиям // 1891. 7 июля. № 57.
День св. мучеников Кирика и Улиты.
103. Вержбицкий Т. И. К народным верованиям // 1891. 3 авг. № 62; 6 авг. № 63; 10 авг. № 64.
Летние праздники. Июль.
104. Суеверия крестьян (Из этнологических очерков) // 1892. 30 сент. № 183.
Приметы о зиме.
105. Резанов Вл. А. В. Кольцов // 1892. 21 окт. № 189.
К 50-летию со дня смерти поэта. Народная поэзия в творчестве К. В. Кольцова.
106. Сырная неделя // 1893. 3 февр. № 246.
Обычай.
107. Историческая справка о маслянице, маскарадах и балаганах в Петербурге // 1893. 4 февр. № 247; 6 февр. № 249.
Весенние праздники, народный театр.
108. Русальная неделя и русалки // 1893. 18 мая. № 348.
Предания, поверья; троицкие обряды.
109. Народное предание о болоте «Замглай» // 1893. 27 июня. № 388.
110. Ильин день // 1893. 23 июля. № 414.
Обычай, поверья.
111. Предание о г. Повенце // 1894. 28 февр. № 630.
112. Вержбицкий Т. И. Несколько слов о радонице — поминовении усопших на Фоминой неделе // 1894. 25 апр. № 682.
Поминальные обряды, обычай.
113. Десна и Семь (народная легенда; записана в Путивльском уезде от старика-лирика) // 1894. 25 дек. № 923.
114. Красное яичко // 1895. 2 апр. № 72.
О символике пасхального яйца; дохристианские легенды.
115. Пасхальные обычай и поверья у славян // 1895. 6 апр. № 73.
116. Несколько слов о влиянии женских учебных заведений на русское общество и русскую женщину // 1895. 9 июня. № 121.
Текст покаянной песни.
117. Сказитель И. Т. Рябинин и его пребывание в Москве // 1895. 25 июля. № 158; 26 июля. № 159.
118. Танков А. Театр и зал дворянского собрания: Из курской старины // 1895. 17 нояб. № 249.
Концерт Славянского (исполнение народных песен).
119. Царь в пословицах русского народа // 1895. 6 дек. № 263.
120. Титов Ф. И. Очерк по этнографии Курского края. Бытовые обряды г. Суджи и окрестных пригородных слобод // 1895. 29 окт. № 234; 1 нояб. № 236.
Свадебный, похоронный, крестильный обряды.
121. Что читает народ? // 1896. 28 янв. № 22.
Обзор изданий для народного чтения (лубочная литература, сонники, гадательные книги).
122. Народное чтение // 1896. 11 апр. № 78; 12 апр. № 79; 13 апр. № 80.
Лубочная литература в изданиях И. Д. Сытина.
123. К суеверным народным обычаям // 1896. 27 июня. № 133.
124. Календарь: Из церковно-народного месяцеслова [30 ноября (12 дек.). День св. апостола Андрея Первозванного] // 1896. 30 нояб. № 251.
Гадания.
125. Легенда о чуме // 1897. 14 февр. № 37.
Текст.
126. Южнорусский народный праздник «Рахманьский Велькдень» // 1897. — 25 апр. № 89; 26 апр. № 90; 27 апр. № 91.
127. Волинцев М. Н. Русские песни (эскиз) // 1897. 9 мая. № 100.
128. О русской народной песне: Всеподданнейшая записка председателя песенной комиссии Имп. Русского географического общества, государственного контролера Т. И. Филиппова // 1897. 13 мая. № 102; 14 мая. № 103.
О мерах по сохранению песенной традиции.
129. Летние русские народные праздники: Купало и Ярило // 1897. 10 июня. № 123; 11 июня. № 124.
130. Зимние народные праздники: Коляда и Овсень // 1897. 12 сент. № 197.
131. Откуда произошел и что означает обычай украшать гробы умерших цветами и устилать путь к кладбищу древесными ветвями // 1897. 13 сент. № 198.
Языческие истоки обычая; похоронный обряд.
132. Громовые стрелки // 1897. 28 сент. № 209.
Поверья.

133. Откуда взялся обычай надевать маски во время «ряженья» // 1897. 4 нояб. № 237; 5 нояб. № 238.
Святочные обычаи.
134. Народная песня: Песни, собранные в Обоянском уезде и на ноты положенные Г. А. Зайцевым (просмотрены А. М. Абазою) // 1897. 23 нояб. № 252; 25 нояб. № 253; 26 нояб. № 254.
Голосовые, плясовые, танки, свадебные, весенняя; с нот.
135. *Зайцев Г. А.* Народные песни, записанные в Обоянском уезде // 1898. 30 янв. № 24; 17 февр. № 36; 19 февр. № 38.
Плясовые, хороводные, солдатские, свадебные и др.
136. [*Зайцев Г. А.*] Русские весенние праздники: Семик и русалок // 1898. 20 февр. № 39; 21 февр. № 40.
Тексты песен.
137. Сословно-профессиональные характеристики в пословицах русского народа // 1898. 24 февр. № 42.
Очерк.
138. Суеверия относительно камней // 1898. 5 авг. № 167; 8 авг. № 169.
139. Спиридон-солнцеворот // 1898. 19 дек. № 271.
Приметы, поверья.
140. Как в Курске праздновали в старину святки (Наброски из местной бытовой истории конца XVIII века) // 1898. 25 дек. № 276.
Местный святочный обычай «палить борова».
141. Святочная сказка (Записана в Курской губернии) / Сообщил А. Танков // 1899. 25 дек. № 276.
142. Танков А. На реке Тускари. (Старинный новогодний обычай) // 1900. 1 янв. № 1.
Конские бега по льду реки.
143. *Танков А. А.* Курская широкая масленица в старину // 1900. 16 февр. № 37; 17 февр. № 38.
Местные предания.
144. Старый курянин. Курские танки // 1900. 9 апр. № 78.
145. *Танков А. А.* Тайна реки Тускари (Из архивных документов) // 1900. 9 апр. № 78.
Описание языческого обряда встречи весны.
146. *Соловьёва Л.* Несколько слов о кладах и «Кудеяре» // 1901. 4 февр. № 28.
Обзор местных преданий о Кудеяре.
147. *Танков А.* Курская масленица: (Из рассказов очевидца) // 1901. 9 февр. № 32.
Бытование духовных стихов и театра Петрушки.
148. *Филиппенко А.* По губернии. Обоянь // 1901. 18 февр. № 33.
Предания о Кудеяре.
149. *Томиллина А.* Еще о кладах и Кудеяре // 1901. 18 марта. № 62.
Предания о Кудеяре.
150. *Танков А.* Весенние и летние обычаи курян в старину // 1901. 1 апр. № 72.
Обзор обычаев и обрядовых песен.
151. *Танков А. А.* Весенний Юрьев день в г. Курске // 1901. 6 мая. № 98.
Выгон скота, обряд.
152. *Танков А.* Троицкая неделя: (Из курских старинок) // 1901. 20 мая. № 107.
Обзор примет и обычаев.
153. *Мерзликин И. М.* Село Шахово. (Этногр. очерк) // 1901. 11 нояб. № 243; 14 нояб. № 245; 21 нояб. № 250.
Песни карагодные, свадебные; описание свадебного обряда.
154. *А. Т.* Святочные костры // 1901. 25 дек. № 274.
155. *Ямщиков И.* Городской театр // 1902. 5 апр. № 77.
Исполнение народных песен хором Д. А. Агреева-Славянского.
156. *К. Д.* «На досках» (Из давних курских обычаев) // 1902. 14 апр. № 83.
Игры.
157. *Резанов В.* «Жестокие романсы» в народной переделке (Посвящается г. Я. Золотареву) // 1902. 23 июня. № 132.
Обзор лубочных изданий; переделка стихов в народной песенной традиции.
158. *З.* По губернии. Из Курского уезда // 1902. 17 июля. № 151.
Игра «в камухи».
159. *Деревенский.* По губернии. Из Курского уезда // 1902. 9 авг. № 169.
Тексты прибауток и лирических песен.
160. [Передовая статья о местном песенном и частушечном творчестве] // 1902. 18 авг. № 176.
161. [О святочных развлечениях на окраинах города] // 1902. 31 дек. № 276.
Святочные игры.
162. *Дубасов И.* Что читали на Руси в былые годы // 1903. 12 марта. № 57.
Пересказ фольклорных преданий из рукописи «Книга простолоудина Никиты о чудесах Богородицы».
163. Хроника // 1903. 13 апр. № 79.

- Описание пасхального гулянья на Георгиевской площади в Курске.
 164. *Заморожников Е.* Рели-качели (маленькая курская старинка) // 1903. 3 июля. № 140.
 Летние праздники; Петров день; игры.
 165. *Т—в С. И.* Святочный обычай // 1904. 16 янв. № 12.
 Святочная песня.
 166. *К. Д.* Старинные курские хороводы // 1905. 28 апр. № 88.
 Очерк.
 167. Святочные гадания в деревне // 1906. 19 марта. № 63; 21 марта. № 64.
 Подблюдные песни.
 168. *Абрамов Ив.* По губернии. Новый Оскол // 1906. 25 апр. № 87.
 Обряд «повиванья»; тексты свадебных песен.
 169. *Танков А.* Пословицы и присловья Курского края // 1906. 4 июля. № 140. Тексты.
 170. *Абрамов И.* Живая старина: (Из очерков сельской жизни) // 1906. 2 нояб. № 235.
 Троицкие обряды; обрядовые песни.
 171. Народная песня и этнографические концерты // 1907. 9 февр. № 31.
 172. *Огульков.* Искорки Курской старины // 1907. 15 марта. № 58.
 Текст заговора от «кушения бешеной собакой».
 *173. *Танков А. А.* Песенка, записанная недавно в Курске от одной мещанки // 1907. № 85.
 *174. Библиографическая заметка «об эпических преданиях» // 1907. 18 июля. № 153.
 *175. *Танков А.* Искорки Рыльской старины // 1907. № 237.
 176. *Душин А.* Легенда о гречке: (К предстоящему завтра 35-летию со дня смерти П. И. Якушкина) // 1908. 8 нояб. № 207.
 Заметка о П. И. Якушкине; текст легенды, записанной им в Курской губ.
- Курский листок объявлений (с 1882 г. «Курский листок»). Курск. 1879—1906.**
177. *Д<обротвор>ский Н.* Народный календарь. Месяц декабрь // 1886. 5 янв. № 2.
 Приметы, поверья.
 178. *Д<обротвор>ский Н.* Народный календарь. Январь // 1886. 6 февр. № 11.
 Обряды, обычай, приметы, поверья, гаданья.
 179. *Добротворский Н.* Народный календарь. Февраль // 1886. 23 февр. № 16.
 Приметы, поверья.
 180. *Д<обротвор>ский Н.* Народный календарь (Приметы и поверья Курского края). Март // 1886. 27 марта. № 25.
 181. *Д<обротвор>ский Н.* Народный календарь: (Приметы и поверья Курского края). Апрель // 1886. 1 мая. № 34.
 182. *Д<обротвор>ский Н.* Народный календарь: (Приметы и поверья Курского края). Май // 1886. 26 июня. № 50.
 183. *Штандель Евг.* Краткие очерки народного творчества в Курской губ. // 1886. 9 окт. № 80; 23 окт. № 84.
 Обрядовые песни.
 184. Вести из уздов (корреспонденции Курского листка). Село Бутово (Грайворонского уезда) // 1886. 6 нояб. № 88.
 О свадебном обряде.
 185. «Хождение с калиною» // 1887. 19 марта. № 23.
 Материал по свадебным обрядам.
 186. *Дворжецкий-Богданович П.* Праздник Ивана Купалы // 1888. 23 июня. № 49.
 187. *И-ский.* Свадебные обычаи в Белогородском уезде // 1888. 1 сент. № 69; 6 сент. № 71; 8 сент. № 72; 10 сент. № 73; 22 сент. № 77.
 188. Саяны: (Историко-этногр. очерк) // 1888. 1 окт. № 81.
 Перепечатка очерка Н. А. Добротворского, помещенного в «Вестнике Европы», с предисл. ред. (Курский листок. 1888. № 78—82). Характеристика местного фольклора.
 189. Пережитки древности, как опасные суеверия настоящего времени // 1889. 5 янв. № 2.
 190. *Богданович П.* Масленица // 1889. 21 февр. № 21.
 191. *Марков Р.* «Курская сторона» по древним актам и по рассказам старых людей: (Исторический очерк) // 1889. 2 марта. № 24; 4 марта. № 26; 7 марта. № 27;

* Помеченные звездочкой номера в фондах Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина отсутствуют.

- 15 апр. № 42; 18 апр. № 43; 20 апр. № 44; 26 мая. № 59; 13 июня. № 67; 15 июня. № 68.
Приведен материал по обрядам и преданиям.
192. *Богданович П.* «Сороки» или «кулики» // 1899. 4 марта. № 26.
Роль птиц в языческих поверьях.
193. Чистый четверг в Курске // 1889. 8 апр. № 41.
Поверья.
194. *Богданович П.* Радуница и день святого Георгия: (Бытовой очерк) // 1889.
22 апр. № 45.
195. *Богданович П.* Зеленые праздники: (Бытовой очерк) // 1889. 27 мая. № 60.
Весенние обряды.
196. *Богданович П.* Чудный цветок: Народное сказание // 1889. 24 июня. № 72.
Поверье о цветке папоротника.
197. О поверьях [«заломы»] // 1890. 15 нояб. № 60.
198. *Смоленский Н.* Из народных преданий. Предания о болоте Молче // 1890.
25 дек. № 77.
199. Начало «бабьего лета» // 1897. 28 авг. № 120.
Жатвенные обряды.
200. Орел-разбойник: (Одно из Рыльских преданий) // 1899. 5 янв. № 3.
201. Из Рыльских преданий, прежних верований, обычаев, поверий и развлечений рылян // 1899. 23 февр. № 40; 27 февр. № 43; 2 марта. № 44.
202. Вести из уездов. Старый Оскол // 1899. 25 апр. № 82.
Текст песни рабочих.
203. *Марков Р.* Недавняя старина. Голубец на Красной Поляне // 1899. 21 дек. № 209.
Легенда о богатырской голове.
204. *В. К. К.* Пасха и пасхальные празднества в старинной России // 1901.
1 апр. № 36.
205. О заговорах // 1903. 3 мая. № 51.
Тексты заговоров.

Курянин. Курск. 1893—1895.

206. Остатки глубокой старины в обычаях и поверьях крестьян-малороссов Кочанского уезда // 1893. 19 янв. № 11.
Языческие обычаи, сопровождающие крестильный обряд.
207. *Тевецкий.* Некоторые попасхальные обряды и обычаи нашего народа // 1893. 13 апр. № 54.
208. *Тевецкий.* Красное яйцо // 1893. 18 апр. № 57.
209. *Ф. П.* Сон — действительность // 1893. 25 дек. № 191.
Рассказ о вещем сне.

Родная страна. Курск. 1906.

210. *Марков Р.* Один из памятников старины в Курской губернии: Голубец на Красной Поляне: [Очерк] // 1908. 19 нояб. № 15.
Предание о богатырской голове.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

А. Т. 154
Абаза А. М. 21, 23, 134
Абрамов Ив. 168, 170
Агреев-Славянский Д. А. 98, 118, 155
Агреева-Славянская М. Д. 50—51
Арнольди А. К. 14, 15

Башарина Е. И. 54
Белкин Ф. 20
Богданович П. 190, 192, 194—196

В. К. К. 204

В-цкий Т. И., см.: Вержбицкий Т. И.
Вержбицкий Т. И. 101, 103, 112
Волынцев М. Н. 127
Вор В. Г. 79

Гардин В. Р. 35
Горяинова А. П. 22

Д-ский Н., см.: Добротворский Н.
Даль В. И. 86

* Курсивом выделены номера источников, в которых есть биографический материал о данном авторе.

Дворжецкий-Богданович П. 186
 Деревенский 159
 Дилетант 46, 49, 53, 54, 59
 Дмитриюков А. 80
 Добротворский Н. 177—182, 188
 Друг Нар. 31
 Дубасов И. 96, 162
 Дунин А. 176

(З. Г.) 85
 Зайцев Г. А. 134—136
 Заморожников Е. 164
 Зеленин Д. К. 16
 Золотарев Я. З, 157

И—ский 187

К. Д. 156, 166
 Кокшаров М. 29
 Кольцов А. В. 105
 Комарова М. П. 45, 46, 61
 Корочевский П. 63, 65

Л. Ч. (Л. Чемисов), см.: Чемисов Л.

М. Л. 88
 Марков Р. Д. 24, 191, 203, 210
 Машкин А. С. 4, 8, 11, 12, 19
 Мерзликин И. М. 153
Михаил Александрович, вел. кн. 25
 Молчанов 94

Н. Г. 37
 Н. К. 28
Нечаев В. С. 26
 Николаев А. 83

Огульков А. А. 23, 172
 Оленина Д'Альгейм М. А. 37

П. И. 38
Плевицкая Н. В. 33—37, 43, 44, 48, 49,
 53, 59

(Р. И.) 93
 Резанов В. И. 4—6, 8—11, 105, 157 Z 158

Резанова Е. И. 2, 7, 23, 26
 Рутцен-фон Ф. Н. 17
Рябинин И. Т. 117

С—кий Н., см. Стрельский И.
Славянская М. Д., см.: *Агренева-Славян-*
ская М. Д.
Славянский, см.: *Агрнев-Славянский Д. А.*
 Смирнов Л. М. 12
 Смоленский Н. 198
 Соколов Ф. 30
 Соловьева Л. 146
 Соловьева Л. И. 13
Спешинский В. Г. 60
 Старый курянин 144
 Стрельский И. 33, 36
Сытин И. Д. 122

Т—в С. И. 165
 Танков А. А. 27, 118, 141—143, 145,
 147, 150—152, 169, 173*, 175*
 Таряников М. В. 18, 27
 Татьянин 34, 35
 Тевецкий 207, 208
 Тимофеев И. 32
 Титов Ф. И. 120
 Томилина А. 149

Ф. З. 91
 Ф. П. 209
 Филиппенко А. 148
 Филиппов Т. И. 128

Чемисов Л. 52

Шляховой Т. И. 102
 Штандель Евг. 183

Юли-Вер 61

Якушкин П. И. 176
 Ямщиков И. 155

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Библиография; библиографические обзо-
 ры 5, 6, 11, 22, 121, 122, 157, 174*
 Гадания и приметы 9, 26, 64, 67, 69,
 77, 85, 86, 104, 124, 139, 152, 167,
 177—182
 Духовные стихи 117
 о них 92, 147
 Загадки 9, 75, 80
 Разговоры. Нар. медицина 19, 32, 80, 86,
 100, 172, 205
 о них 40, 63, 86

Игры детские 2, 26
 Игры, игрища 26, 76, 80, 156, 158, 161,
 164
 Лирические песни 3, 7, 10, 14, 17, 22,
 38, 65, 90, 134, 135, 144, 153, 159
 о них 27, 47, 84, 127, 128, 157, 160,
 166, 171, 202
 Лубок
 о лубочной литературе 121, 122,
 157
 о лубочных картинах 57, 92

- Народные музыкальные инструменты 21, 66
- Народный театр. Народные гулянья 107, 147, 163
- Несказочная проза: легенды, предания, анекдоты 7, 9, 24, 42, 52, 58, 80, 82, 95, 97, 99, 108, 109, 111, 113, 114, 125, 146, 148, 149, 162, 176, 191, 198, 200, 201, 203, 209
- Обзоры местных фольклорных традиций 188
- Обрядовая поэзия. Обряды
- Календарно-обрядовая поэзия 3—5, 7, 18, 22, 77, 134—136, 150, 165, 167, 170, 183
- Народный календарь. Праздники. Обряды 7, 18, 26, 28—31, 56, 68, 70, 89, 91, 96, 101—103, 106—108, 110, 124, 129, 130, 136, 140, 142, 143, 145, 147, 150—152, 154, 161—164, 170, 177—182, 186, 190, 191, 194, 195, 199, 204
- Похоронно-поминальные обряды 18, 19, 24, 88, 112, 120, 126, 131, 194
- Родильно-крестильные обряды 18, 19, 120, 206
- Свадебно-обрядовая поэзия 3—5, 7, 13, 17—19, 22, 27, 29, 74, 77, 81, 88, 89, 120, 134, 135, 153, 168, 183—185, 187, 191
- Пословицы, поговорки, прозвища, при-
слова, прибаутки 9, 72, 80, 119, 159, 169
о пословицах 137
- Программы по собиранию фольклора 1, 89
- Рабочий фольклор 202
- Рецензии на фольклорно-этнографические издания 96
- Сказки 9, 15, 20, 26, 141
о них 84
- Солдатские песни 135
- Суеверия, поверья, толкования снов; языческие представления 2, 7, 9, 24, 26, 28, 29, 39, 41, 42, 55, 56, 62, 63, 68, 70, 71, 73, 77, 78, 83, 86, 87, 91, 93, 97, 100, 102, 103, 106, 108, 110, 112, 114, 115, 121, 123, 126, 129, 131—133, 138—140, 177, 182, 189, 192, 196, 197, 201, 206—208
- Творчество сказителей и народных певцов 7, 26, 117
- Фольклор в архивах, коллекции; деятельность научных обществ 16, 21, 23, 25, 27, 92, 99, 145
- Фольклор на эстраде 33, 37, 43—46, 48, 49—51, 53, 54, 59—61, 94, 98, 118, 155, 171
- Фольклор и русская литература, XIX в. 105
- Частушки, о них 10, 160

М. Д. МАКСИМЕНКО

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СКАЗОЧНОГО СЮЖЕТА «АМУР И ПСИХЕЯ»

Сюжет «Амур и Психея» интересен тем, что он является одним из тех редких примеров, когда документально подтверждается его существование начиная со II в. н. э. (см. роман Апулея «Золотой осел»¹).

Русские исследователи не обращались к данному сюжету. Говорил о необходимости его изучения В. Я. Пропп, и он же рассмотрел появление мотива «лесной дом» в сюжете об Амуре и Психее.² Зарубежные же фольклористы, напротив, посвятили анализу данного сюжета многочисленные работы.³

Фактически все ученые, изучавшие данный сюжет, сходятся во мнении, что II в. н. э. является не датой рождения сюжета, а лишь временем его первой фиксации. Сама сказка несомненно древнее. Предпринятая Д. Фелингом попытка отрицать фольклорный прототип рассказа Апулея неубедительна.⁴

В 1919 г. немецкий ученый Эрнст Тагетхоф на материале 212 вариантов из различных стран Европы и Азии попытался определить, какие мотивы относились к первоначальному состоянию сказки и какие вторичны.⁵ В основу своего исследования Тагетхоф положил принцип логического развития сказочного действия. Но исследование его носило ограниченный характер из-за недостаточного территориального и фактического охвата материала.⁶

После 1920-х гг. в поле зрения фольклористов оказалось много новых материалов по данному сюжету — из Восточной России, Турции, Персии, Америки, Японии, Китая и других регионов. На основе анализа этого богатого индоевропейского материала, а также на базе выводов прежних исследователей шведский ученый Сван написал монографию, явившуюся плодом десятилетнего кропотливого труда.⁷

Он проанализировал 1042 международных сказочных варианта, в том числе учел некоторые русские, украинские, карельские, башкирские, вотяцкие и другие тексты. Новые материалы дали возможность Свану уточнить содержание некоторых мотивов по указателю Аарне. Для исследования ученый выбрал два близких сказочных типа — Аа 425 и 428 (Аа 432 Сван считает независимым типом). Сван дал характеристику источникам, которые в географическом отношении были представлены неровно (из-за различного уровня собирательской работы и в силу ряда информационных и политических факторов), отметил различную ценность записей. Наибольшее количество материала он проанализировал по Центральной, Северной и Западной Европе, по Центральному Средиземноморью, меньшее количество текстов — по России, Индии, Персии, Ближнему Востоку.

Сван выделил 14 подтипов основных мотивов: вводные мотивы, чудесный супруг, свадьба, нарушение табу, поиск супруга, воссоединение и заключительные мотивы,

¹ Апулей Л. Метаморфозы, или Золотой осел. М., 1959.

² Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984; Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

³ Dyroff A. Das Märchen von Amor und Psyche. Köln, 1941; Fehling D. Amor und Psyche. Die Schöpfung des Apuleius und ihre Einwirkung auf das Märchen, eine Kritik der romanischen Marchentheorie. Mainz, 1977; Mantero T. Amore e Psiche. Struttura di una «Fiaba di magia». Bergamo, 1973; Megas G. A. Das Märchen von Amor und Psyche in der griechischen Volksüberlieferung. Athen, 1971; Mosca B. La favola e il problema di Psiche. Adria, 1935; Reitzenstein R. Das Märchen von Amor und Psyche bei Apuleius. Leipzig, 1912; Swan J. O. The tale of Cupid and Psyche. Lund, 1955; Tagethoff E. Studien zum Märchentypus von Amor und Psyche. Bonn; Leipzig, 1922.

⁴ Fehling D. Amor und Psyche. Die Schöpfung des Apuleius und ihre Einwirkung auf das Märchen, eine Kritik der romanischen Märchentheorie.

⁵ Tagethoff E. Studien zum Märchentypus von Amor und Psyche.

⁶ Besprechung von Otto Weinreich in ARM 22. 432 f.// Rhein. Beiträge und Hilfsbücher zur germanischen Philologie U. Volkskunde. 4. S. 59 f.

⁷ Swahn J. O. The tale of Cupid and Psyche. Lund, 1955.

а также составил суммарную таблицу, показывающую состав различных подтипов по регионам, сделал обзор всех записей типа Аа 425.

Одна из глав в монографии посвящена взаимовлиянию литературы и сказочной традиции. В заключение дана богатая и обстоятельная библиография.

Монография Свана была достойным образом оценена критиками, несмотря на некоторые несогласия с теоретическими и методологическими принципами автора.⁸

Еще одним крупным исследованием, рассматривающим сюжет «Амур и Психея», является работа греческого ученого Мегаса.⁹ Опираясь на выводы Свана, Мегас развивает мысль о том, что местом происхождения этой сказки предположительно можно считать Восточное Средиземноморье — пространство, занимающее Южную Италию, Сицилию, Грецию и Турцию. Мегас считает, что традиция этой сказки в странах Восточного Средиземноморья имеет особое значение. Этой территорией он и ограничивает свое исследование. Если Тагетхоф использует всего 12 греческих вариантов и 73 по всему Средиземноморью, Сван располагает 216 текстами (из них греческих 35), то Мегас учитывает 422 греческих варианта сюжета Аа 425. В отличие от Свана, рассматривающего сюжет Аа 432 как самостоятельный тип, Мегас объединяет типы Аа 425, 428 и 432 вместе. Важен и собранный Мегасом материал. Лишь 126 из всей массы учтенных им греческих вариантов сказки были опубликованы, остальные же выявлены ученым в различных рукописных хранилищах. Используя для анализа схему Свана, Мегас выделяет еще два неучтенных его предшественником подтипа сюжета (Р и Ра). Одновременно он указывает также хронологические рамки записи или, если год записи трудно определить, дату первой публикации того или иного текста. В своем исследовании Мегас приводит список вариантов сюжета, наглядно иллюстрирующий распространение различных его версий в Средиземноморье, и делает попытку восстановить сказку об Амуре и Психее в ее первоначальной форме.

Зарубежные исследования сказки «Амур и Психея», без сомнения, являются важным фундаментом для осмысления судьбы этого сюжета на русской почве.

⁸ Anderson W. Eine Monographie über Amor und Psyche // Hess. Blätter f. Volkskd. 46, 1955. F. 118—130; Swans Antwort // Hess. Blätter f. Volkskd. 47, 1956. F. 111; Anderson W. Meine Antwort // Ibid. F. 115—118; Taylor A. // Sarthern Folklore Quarterly. 20. 1956. F. 92—93. Ranke K. // ARW. 12, 1956. F. 158—167.

⁹ Megas G. A. Das Märchen von Amor und Psyche in der griechischen Volksüberlieferung. Athen, 1971.

IV. ХРОНИКА

С. Н. АЗБЕЛЕВ

ФОЛЬКЛОРИСТИКА НА ДЕСЯТОМ МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

Проходивший в Софии 14—22 сентября 1988 г. Десятый международный съезд славистов провел значительную работу в области изучения славянского фольклора. На секции фольклористики было зачитано более 40 докладов ученых 16 стран (9 прочитано членами советской делегации, 6 — представителями Болгарии, 5 — Чехословакии, 4 — Польши, 3 — Румынии; по два докладчика было от делегаций Югославии, США и ФРГ, по одному — от Бельгии, Великобритании, ГДР, Греции, Канады, Швеции, Японии). Весьма интенсивными оказались дискуссии по докладам; следует заметить, что участвовали в этих обсуждениях только ученые славянских стран, причем более трети выступлений принадлежало славистам нашей страны.

Все фольклористические доклады группировались по шести подсекциям, но заседания их не были параллельными, поэтому любой делегат мог при желании участвовать в каждом заседании. Очень многие так и поступали.

Первая подсекция была озаглавлена «Реконструкция ранних этапов истории славянского фольклора; проблематика славянской фольклорной общности». На ней прозвучали следующие доклады: С. Бурласовой (ЧССР) — о словенских збойничьих песнях, Р. Ивановой (НРБ) — об архаичных чертах в образе Марко Кралевича, И. Ито (Япония) — о фольклорных источниках гоголевского «Вия», Л. Н. Виноградовой (СССР) — об отражении древнеславянских мифологических представлений в малых формах славянского фольклора, А. Афанасиевой (НРБ) — об отображении древнеславянской мифологии в южнославянских песнях и былинах, Х. Чайки (ПНР) — об образе святого Георгия в болгарском и польском фольклоре, С. Н. Азбелева (СССР) — о соотношениях устной поэзии древних славян и творчества скальдов, Л. Микова (НРБ) — о мотиве «свадьба-смерть» в славянской обрядности.¹ Число участвовавших в обсуждении этих докладов не превысило количества самих докладчиков, что явилось следствием довольно ограниченного времени на дискуссию (кстати сказать, такое числовое соотношение в основном сохранялось до конца работы секции). Но многие участники выступали по нескольким докладам одновременно, что облегчалось иногда тематической близостью. Однако все же программа этой подсекции была, пожалуй, слишком разнообразна, поэтому дискуссия не смогла сосредоточиться на каком-то узле центральных вопросов, хотя все доклады и получили позитивную оценку. Недостаток времени на выступления с кафедры отчасти компенсировался на протяжении всей работы секции довольно интенсивным обменом мнениями во время перерывов.

Вторая подсекция — «Фольклор и современная культура славянских народов; вопросы фольклоризма» — почти не уступала первой и по количеству докладов, и по интенсивности дискуссии, причем в ней отчасти продолжалось и обсуждение докладов первой подсекции. Темы докладчиков второй подсекции были таковы: И. Клагге (ГДР) — о формах проявления фольклоризма в современной русской культуре, О. Сираватки (ЧССР) — о жанрах и функциях современного чешского фольклора, В. Купижа (ЧССР) — о возрожденческой традиции фольклоризма у чехов и болгар, В. А. Бахтиной и А. Л. Налепина (СССР) — о фольклорном наследии в современной культуре, Р. Вулканеску (СРР) — об игровых обычаях в славянском фольклоре сравнительно с румынским, Е. Хеллберг (Швеция) — о диалогизме частушки и В. Бовака (СФРЮ) — о классификации сербскохорватского фольклора. Здесь дискуссия сосредоточилась преимущественно на проблемах жанровой систематизации и общих вопросах фольклоризма, причем отмечались значительность работы, проведенной в области классификации, и важность поставленных общих проблем фольклоризма, но порой недостаточная глубина характеристик частного материала (например, частушек).

---

¹ Здесь и ниже доклады перечисляются в последовательности их произнесения.

Третья подсекция — «Художественная система славянского фольклора в ее развитии» — сосредоточила наибольшее число выступлений, некоторые из которых вызвали оживленную дискуссию. Здесь прозвучали доклады К. В. Чистова (СССР) — об изучении устной речи в связи с проблемами фольклора, В. Гашпариковой (ЧССР) — о соотношении общих и частных признаков в классификации словацкой фольклорной прозы, Д. Бурхарта (ФРГ) — о функциях русских причитаний по литературным данным, Е. Трифоновой (НРБ) — о соотношении фольклора и литературы (по материалам фольклора славян), В. М. Гацака (СССР) — о проблематике и путях изучения исторической поэтики славян, С. Бояджиевой (НРБ) — «От образа-символа к сюжету», Л. Парпуловой-Грибл (США) — о реконструкции отношений между фольклором и религией на Балканах в средние века (на материале баллады «Замурованная невеста»), Л. А. Астафьевой (СССР) — о сюжетных типах славянских эпических песен, Л. Бенешевой (ЧССР) — о системе жанров чехословацкого фольклора, Д. Пиретто (Италия) — о путешествиях и путешественниках в русских волшебных сказках и В. Цветановича (СФРЮ) — о фольклорных элементах в современной сербской литературе Косова.

Кроме довольно слабого (что было отмечено в прениях) предпоследнего доклада и нескольких тем, страдавших либо общей декларативностью, либо, напротив, чрезмерной локальностью, доклады этой подсекции вызвали продуктивный обмен мнениями (отчасти смыкавшийся с продолжением дискуссии по некоторым темам предыдущей подсекции). Много суждений было высказано в связи с докладами К. В. Чистова, Е. Трифоновой, В. М. Гацака, каждый из которых давал пищу для размышлений совмещением актуальной общей проблематики с конкретными наблюдениями. Обнаружилось, что вопросы жанровых взаимодействий и жанровой классификации относятся к наиболее животрепещущим в фольклористике славян, «притягивая» к себе немало смежных проблем поэтики фольклора, его специфики и его исторического развития.

Менее многочисленны, но достаточно разнообразны оказались темы четвертой подсекции «Взаимодействие фольклора славянских и неславянских народов». Были прочитаны доклады В. А. Юзвенко и М. М. Гайдая (СССР) — о характере современных межэтнических связей в фольклоре славян, А. Баркер (США) — об образе юного героя в былинах сравнительно с гомеровским эпосом, Б. Медведского и Р. Климаша (Канада) — о современном восприятии традиционной славянской культуры в Северной Америке, Д. Симонидес (ПНР) — «Фольклор и национальная идентификация у западных славян», Х. Фай (ФРГ) — о восприятии болгарской сказки немецкими учащимися, З. Юфу (СРР) — о сравнительном изучении некоторых бытовых баллад в болгарском и румынском фольклоре и А. Кросса (Великобритания) — о раннем знакомстве англичан с русской народной песней.

Несколько ученический второй доклад выпадал из общей картины, которая оказалась настолько многокрасочной, что в данном случае обсуждение, как и на первой подсекции, при положительном восприятии почти всего произнесенного не сосредоточилось на общих проблемах, за исключением поставленной в докладе Д. Симонидес.

Темы пятой подсекции «Обрядовые и игровые виды фольклора славян в прошлом и в современности» и шестой «Болгарская фольклористика эпохи национального Возрождения» были объединены в общем заседании. На нем прозвучали доклады В. Е. Гусева (СССР) — о славянском народном обряде проводов весны, К. Вроцлавского (ПНР) — о трактовке «того» и «этого» света в народных повествованиях (на материале польском, болгарском и македонском), В. Закревского (ПНР) — о развлекательных песенках для детей, Е. Поповой-Бекер (Бельгия) о скоморохах. Ко второй проблеме относились доклады Н. С. Шумады, С. М. Пащэнко и Л. К. Вахияюй (СССР) о болгарской фольклористике эпохи Возрождения в ее связях с фольклористикой других славянских стран, З. Урбана (ЧССР) — «Болгарская возрожденческая фольклористика в общеславянском фольклористическом контексте», В. Пенчева, П. Бочкова, Г. Краева (НРБ) — «Болгарская возрожденческая фольклористика и проблемы мифологизма».

Оживленному обсуждению подвергся неоднозначно воспринятый доклад В. Е. Гусева, в связи с которым состоялся достаточно широким обмен мнениями по проблематике обрядового фольклора, выдвинувшейся на одно из важных мест в славянской фольклористике. Благожелательно были обсуждены доклады, посвященные фольклористике болгарского Возрождения.²

Общее впечатление от состоявшихся докладов и дискуссий по ним — при несомненно весьма положительной общей оценке работы секции — несколько противоречиво из-за недостаточной предварительной ознакомленности участников съезда. Трудно укорять в этом его болгарских организаторов. Абсолютное большинство национальных комитетов славистов недостаточно позаботилось (или не имело достаточных возможностей позаботиться) о выполнении весьма важного условия — заблаговременном обеспечении участников опубликованными предварительно полными текстами докладов, которые все зачитывались в сокращенном виде. Изданный Болгарским комитетом сла-

² После завершения работы секции состоялось заседание комиссии по славянскому фольклору, в которой представлены ученые всех славянских и некоторых неславянских стран.

впост сборник коротких резюме докладов ³ (не включивший, к сожалению, в отличие от аналогичного сборника предыдущего съезда резюме письменных сообщений) мог, конечно, предоставить только информацию о тематике, полезную для общей ориентации, но не более того. Положительными примерами могли служить лишь размноженные в достаточном числе оттисков и заблаговременно разосланные доклады чехословацкой делегации. Славистические коллективы, которые, к сожалению, на секции фольклора почти или вовсе не были представлены фактически состоявшимися докладами, имели много отпечатанных экземпляров, но появились они только на самом съезде: было достаточно, например, оттисков упомянутого доклада А. Кросса, французских докладов, на секции фольклора, однако, не прозвучавших.

Международному комитету славистов и национальным комитетам следует, как представляется, на будущее усилить заботу о предварительной информированности участников. Прежние съезды славистов в этом отношении были лучше подготовлены.

Следующий, одиннадцатый съезд славистов намечено провести в Братиславе в 1993 г. Председателем международного комитета славистов на предстоящий срок избран академик Славомир Вольман, принявший эстафету от академика Петра Динкова. Ему и всем болгарским организаторам прошедшего съезда, на котором столь значительное место принадлежало фольклористике, хочется выразить теплую признательность.

---

³ X Международен конгрес на славистите: Резюмета на докладите. София, 14—22 септември 1988 г. София, 1988.

В. К. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

ПАМЯТИ Т. М. АКИМОВОЙ
(1898—1987)

Не стало Татьяны Михайловны Акимовой, доктора филологических наук, профессора кафедры русской литературы Саратовского государственного университета.

Ученица Б. М. Соколова, способная его помощница в фольклорно-этнографическом собирательстве 1920-х гг., Т. М. Акимова позднее стала одним из виднейших советских ученых-фольклористов.

Ко времени поступления на историко-филологический факультет университета в 1917 г. Т. М. Акимова обладала основательной жизненной и трудовой закалкой. Она выросла в семье, имевшей семь детей. Отец — из крестьян — уже семейным человеком закончил воскресную школу, сдал экзамены на учителя и сам стал преподавателем в воскресной школе, одновременно работая служащим на железной дороге и сотрудничая в качестве корреспондента в саратовских газетах. «Он стал настоящим интеллигентом», — говорила Татьяна Михайловна. Всем своим детям он дал высшее образование, чему в немалой степени помогла Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. М. Акимова училась в саратовской женской гимназии на казенный счет, уже с 4-го класса обучения репетиторствовала, «помогала отцу».

Занятия в университете шли в вечернее время. Они совмещались с работой в Этнографическом музее, где Т. М. Акимова была старшим научным сотрудником, а когда музей стал краеведческим, заведовала в нем отделом феодализма. Судьба Т. М. Акимовой с самого начала определялась как судьба представительницы демократической интеллигенции в ее новом, советском поколении, прокладывавшем путь настойчивым трудом и собственной энергией.

Атмосфера и условия университетского обучения были исключительно благоприятными. Ректор университета С. Р. Миротворцев писал в журнале «Студенческая мысль»: «Шестая годовщина застаёт Саратовский университет в полном расцвете сил и внутренней мощи, обеспечивающей ему дальнейший рост и процветание (. . .). Изжит научный голод. Научная жизнь, научная работа бьют ключом (. . .). Тесный контакт всех живых сил университета дал возможность расцвести научным студенческим кружкам, где наши молодые товарищи, под руководством профессоров и преподавателей, привыкают к самостоятельной разработке научных вопросов» (1923. № 12).

Действительно, на историко-филологическом факультете сложился коллектив ученых, интересы которых отличались академической широтой. Увлеченная фольклором, древнерусской и классической литературой, Т. М. Акимова проходит курс «Народной словесности», спецкурс «Русский героический эпос» и семинарии у Б. М. Соколова, слушает лекции В. М. Жирмунского, Н. К. Писанова, Н. Н. Дурново, А. П. Скафтымова, П. Г. Любомирова. Особенно большое внимание уделялось вопросам поэтики. Всячески поощрялись самостоятельные изыскания. Б. М. Соколовым был разработан перспективный план изучения быта и духовной культуры народов Поволжья, и в частности программа фольклористического изучения края, в практическом осуществлении которой студентам-«этнографам» отводилась важная роль. Уже в 1923 г. Т. М. Акимова руководила работой фольклорно-этнографической экспедиции.

В науку Т. М. Акимова вступает в 1922 г., подготовив «Описание этнографических записей, хранящихся в Этнографическом музее Саратовского края» (совместно с М. П. Советовым и Н. М. Цыгановой). Вплоть до середины 1930-х гг. ею ведутся плодотворные разыскания в области русской и чувашской этнографии, а также исторического прошлого Саратовского Поволжья (исследования эволюции женского костюма, вышивки, головного убора, культа божка череха и др.). Созданная совместно с А. М. Ардабацкой к 350-летию города монография «Очерки истории Саратова» (1940) отмечена стремлением молодого ученого к широте постановки проблем, обоснованию выводов большим фактическим материалом.

С первых шагов и до конца 1940-х гг. исследовательская работа Т. М. Акимовой шла параллельно с собирательством. На составленных ею сборниках, исследованиях лежит печать прекрасного знания реального крестьянского быта.

Продолжая начатое Б. М. Соколовым и А. П. Скафтымовым систематическое собрание фольклора, Т. М. Акимова осуществляет целенаправленные тематические экспедиции за сказками, за устной прозой о Чапаеве, за песнями о Великой Отечественной войне. Составленные ею сборники (на «полевых» материалах 1920—1940-х гг.): «Сказки Саратовской области» (1937, совместно с П. Д. Степановым), «Фольклор Саратовской области» (1946), «Сказы о Чапаеве» (1951), «Сказы и песни о Чапаеве» (1957) остаются крупнейшими собраниями поволжского фольклора советского времени. Представляя народнопоэтические произведения с возможной полнотой, они вводили в науку ранее почти неизвестные для Саратовского Поволжья сказки, уникальные произведения других жанров (например, народную драму «Как француз Москву брал»). И. Н. Розанов, подробно рассматривший все разделы книги «Фольклор Саратовской области», писал: «В научном отношении рецензируемый сборник может служить образцом для подобного рода изданий».

Расцвет научно-исследовательской деятельности Т. М. Акимовой связан с ее многолетним трудом на филологическом факультете университета, куда она переходит в 1941 г. по рекомендации А. М. Панкратовой. До середины 1940-х гг. эта работа протекает в тесном общении с эвакуированными учеными Ленинградского университета.

В 1943 г. Т. М. Акимова без прохождения аспирантуры защищает кандидатскую диссертацию о происхождении и поэтике русской народной драмы, где развивает положения о национальных и народных истоках солдатского театра.

В 1930—1960-е гг. Т. М. Акимова на страницах местной печати публикует много научно-популярных статей, увлекательно рассказывающих об истории города, саратовских сказочниках, песнях Поволжья, сказах о Чапаеве, народной самодеятельности и другие: популяризацию исторических и фольклорных знаний она считала своим долгом ученого.

Т. М. Акимову всегда интересовали активизация творческих сил народа в переломные эпохи истории, глубинные процессы, происходящие в традиционном фольклоре, становление новых форм народной поэзии. В 1940-е гг. она собирает песни Великой Отечественной войны. Через ее руки проходят десятки альбомов фронтовиков, госпитальных медсестер, к работе с которыми она привлекает студентов. Ведя записи современных песен в селах, Т. М. Акимова фиксирует пробуждение интереса к забытым сюжетам традиционного песенного репертуара, к произведениям с темами расставания, ожидания. Ее статья «Песни Саратовского Поволжья в годы Великой Отечественной войны» (1949) — одна из первых обобщающих работ, исследующих материал, как отмечали позже А. М. Астахова и Н. В. Новиков, «с широким охватом и глубоко».

Статья «Песни о гражданской войне» (1955) — монографическое исследование, в котором рождались принципиальные вопросы систематизации, исторических судеб большого раздела песенного творчества.

К 50-летию Великого Октября Т. М. Акимова суммирует наблюдения над песенными циклами дореформенного периода, выражающими общественный протест, в книге «Революционная песня в Саратовском Поволжье» (1967). Тексты советского фольклора входят в сборник «Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья» (1969, в соавторстве с В. К. Архангельской).

1950-е и 1960-е гг. были для Т. М. Акимовой временем углубленной работы над поэтикой фольклорных жанров. В статье «Русские героические былины (Схема исторического развития)» (1958) она выдвигает самостоятельную концепцию развития былинного эпоса. В ней вся неповторимость былинной эстетики, сказавшаяся в принципах художественного обобщения, особенностей изображения героев, характере историзма, предстает как поэтически опосредованное отражение закономерностей исторической жизни и сознания творцов былин, а история развития былин, усложнение их проблематики — как следствие изменения жизненных факторов. В статье предпринята оригинальная попытка пересмотреть вопрос о времени изменений, потрясших всю стройную архитектуру монументального жанра и положивших начало его угасанию.

Мастерский анализ поэтики нашел место в изучении народной лирики — наименее разработанного в 1960-е гг. жанра и наиболее излюбленного Т. М. Акимовой. Изучение поэтики, считала она, — наиболее верный путь к обретению литературоведением статуса точной науки.

Монографическое исследование «Русские удалые песни в устном бытовании и художественной литературе конца XVIII—первой половины XIX века» (1964) было защищено Т. М. Акимовой в качестве докторской диссертации в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Критическое рассмотрение огромного текстового материала позволило ей показать жанровую неоднозначность песен, традиционно относимых к разбойничьим, разинским, неисторическим и сатирическим, установить и объяснить изменения в этом специфическом материале на протяжении XVIII—XX вв., а также (в отдельной главе) показать и мотивировать обращение многих русских поэтов к удалым песням.

История народнопесенных циклов обрядовой и необрядовой лирики, отдельных

песенных сюжетов изучалась Т. М. Акимовой в трех последовавших монографиях: «О поэтической природе народной лирической песни» (1966), «Очерки истории русской народной песни» (1977), «Русские народные песни. Очерки истории жанров» (1987). Общность жанровых элементов, присущая каждому из циклов, объясняется, по мысли автора, одинаковостью бытовой функции, а не взаимовлияниями, преувеличение которых приводит к упрощению и искажению представлений о гармонии жанровых систем и самих процессов народного творчества. В последней монографии на жанроворазнообразном материале проводилась мысль об изменяемости народной лирики во времени, о преодолении ею канонов традиционной поэтики и «выходе» к психологии человеческой индивидуальности, к конкретным жизненным ситуациям. Впервые были выделены в качестве самостоятельного цикла мужской лирики песни служивых людей допетровского времени. В 1960-е гг. параллельно исследованиям Т. М. Акимова читала университетский спецкурс «История русской песни».

Т. М. Акимова не осталась в стороне от всегда актуальных проблем связей русской литературы и фольклора («Пушкин о народных песнях» (1953), «Народные основы песенного творчества Исаковского» (1954), «Чернышевский о народной лирической песне» (1971), «О народности жанра сказок Пушкина» (1976), «О жанровом своеобразии песенной лирики А. В. Кольцова» (1979), «Русская песня и романс в первой трети XIX века», «Жанровая природа сказов Бажова» и др.). Ее перу также принадлежат широко известные учебно-методические пособия, в числе которых «Семинарий по народному поэтическому творчеству» (1959), подводивший итоги изучения жанров и проблем фольклора за несколько десятилетий, пособие к семинарским занятиям «Русское народное поэтическое творчество» (1983), написанное совместно с учениками Т. М. Акимовой — В. К. Архангельской и В. А. Бахтиной. Сквозь эти книги проходит продуктивная методическая посылка — знания, полученные в результате собственных разысканий, наиболее прочны. Т. М. Акимова не раз говорила, что истинное наслаждение она получала от практических занятий со студентами, когда неизбежен откровенный разговор, обмен мнениями, споры. Студенты-филологи разных поколений запомнили их на всю жизнь. Решением ученого совета факультета фольклорному кабинету кафедры русской литературы присвоено имя Т. М. Акимовой.

Жизнь Т. М. Акимовой отмечена редким творческим долголетием и гражданской активностью коммуниста. Более 10 лет она с большим тактом и ответственностью выполняла обязанности соредактора межвузовского издания «Фольклор народов РСФСР».

До последних дней Т. М. Акимова не расставалась с письменным столом, дни ее были заполнены до отказа. Она вела работу с аспирантами, встречалась с молодыми преподавателями. «Честность, честность и еще раз честность — вот нравственный критерий каждого вступающего в науку и работающего в ней, тем более каждого прикоснувшегося к делу воспитания молодого человека», — к этой мысли Т. М. Акимова возвращалась не раз в беседах и консультациях с молодыми собеседниками.

Всю жизнь Т. М. Акимова собирала библиотеку. Это свое любимое достояние она преподнесла в дар Саратовскому университету. Личный архив был разобран ею и сдан в кабинет фольклора кафедры.

С удивительным самообладанием итожила свой путь Т. М. Акимова, человек редкий по цельности и ясности своей судьбы. До кончины сохранила она взятый в юности творческий ритм исследовательского труда, верность чувству товарищества, взыскательность и требовательность к себе.

ЭКСПЕДИЦИИ

По планам фронтального обследования фольклорных традиций Архангельской области в 1981—1982 гг. состоялось пять экспедиций Института русской литературы (ИРЛИ) на Северную Двину. Работа осуществлялась совместно с сотрудниками и студентами Ленинградской консерватории (ЛЮЛГК). Обследованы Холмогорский, Виноградовский, Верхне-Тоемский районы. В экспедициях принимали участие П. С. Выходцев, А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко, Л. Ф. Морохова, Л. И. Петрова (ИРЛИ), А. Б. Афанасьева, Е. И. Мельник, А. М. Мехнецов, И. Б. Толстикова (Теплова) (ЛЮЛГК), группа студентов ЛЮЛГК. При подготовке учитывались материалы, собранные в 1962 г. В. В. Митрофановой и Т. И. Орнатской, а также материалы, записанные в Шенкурском¹ и Виноградовском районах сотрудницей Отдела народнопоэтического творчества Т. Г. Ивановой. Программа экспедиций предусматривала осуществление записей по маршрутам ранних собирателей.²

Объем записей по группам ИРЛИ составляет 1983 ед. хр., по группам ЛЮЛГК — 1450 ед. хр. В записях ИРЛИ представлены образцы местного обрядового фольклора (595), хороводные и плясовые песни (361), необрядовые лирические песни (687), непесенные жанры (223), частушки и песни позднего происхождения (117). Особое внимание уделялось сбору материалов по истории и этнографии края, проводились социологические опросы населения.

Предварительная систематизация материалов показала, что в районах Сев. Двины наиболее цельный слой составляют образцы необрядовой лирики. Репертуар лирических песен устойчив, а местные варианты не имеют существенных типологических отличий.

Своеобразие местных песенных традиций больше всего проявляется в песнях свадебного обряда. По особенностям художественной стилистики на Сев. Двине различаются два вида свадьбы. Один из них, песенный, распространяется от территорий Поморья на юг — до северной части Виноградовского района; другой, причётный, охватывает междуручье Сев. Двины и Ваги — его северная граница проходит в Виноградовском районе чуть южнее Двинского Березника.

Традиционные северные хороводы сохранились лишь в южных районах обследованной территории. На севере их вытеснила кадрили.

Из песен календарно-обрядового цикла записаны лишь зимние празднично-поздравительные песни (так называемые «Виноградья»). «Виноградья» или упоминания об их бытовании встречаются в матерпалах повсеместно. Типичное для севернорусских фольклорных традиций отсутствие музыкально-поэтических форм календарно-обрядового цикла компенсируется приуроченными лирическими песнями, которые получают закрепление за весенне-летними обычаями и праздниками. Для районов Сев. Двины наиболее колоритны съезжие престольные праздники, которые сопровождался многочисленными играми и хороводами (ср. печорские «Горки», мезенские «Петровщинки», пинежские «Мечища»). Следует подчеркнуть обычай встречи весны, связанный с первым ледоходом. Ледоход и разлив воды отмечались так: местные жители (парни и девушки) выходили на улицу, катались в лодках по рекам. Сопровождалось это обязательным исполнением лирических песен, причем в некоторых деревнях песни исполнялись в установленном местным обычаем порядке.

Заслуживают внимания трудовые артельные песни. Они исполнялись во время лесосплава и на лесоповальных работах. Но особенности местной музыкальной стилистики не получили в этих песнях яркого выражения. Во всяком случае в наших

---

¹ Подробнее см.: *Иванова Т. Г.* Былички и анекдоты в Шенкурском районе Архангельской области // *Русский фольклор*. Т. 23: Полевые исследования. Л., 1985. С. 26—32.

² *Жаравов А.* Сельские свадьбы Архангельской губернии // *Москвитянин*. 1853. № 13, отд. 7. С. 7—61; № 14, отд. 7. С. 81—104. *Истомин Ф., Дюши Г.* Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году. СПб., 1894; *Протопопов В. В.* Забытая публикация русских народных песен // *Музыкальная фольклористика*. М., 1986. Вып. 3. С. 90—104.

записях не содержится музыкальных форм, существенно отличающихся от общерусских вариантов.

Вопрос о музыкально-поэтических формах местной эпикки остается открытым. Местные жители не владеют эпической традицией. Наиболее пожилые из них вспоминали, что старинные «стихи» исполнялись прежде странствующими нищими и монашками Антониево-Сийского монастыря. Есть упоминания и о каргополах. Судя по рассказам местных жителей, каргополы, приезжавшие на ярмарки, могли знать произведения эпического репертуара.

В целом собранные материалы показывают, что традиции Сев. Двины неоднородны. Среди записей есть и такие, которые свидетельствуют о различных привнесениях, происходивших, по-видимому, в начале XX в. Но наиболее существенным оказывается следующее. Экспедиции позволили установить границу двух севернорусских фольклорных традиций. Эта ареальная граница согласуется с границей административной: она примерно совпадает с пограничьем Емецкого стапа Двинского уезда и Подвинской четверти Важского уезда. По нашим наблюдениям, очаги местных культур связаны с административным подчинением Холмогорам, Шенкурску и Каргополю — трем крупнейшим центрам Двинской, Важской и Онежской земли.³ Вероятно, период формирования и распространения традиций, дошедших до нашего времени, мог охватывать XVI в. и более ранние этапы севернорусской истории. Возможно, наиболее активные процессы начались после падения Новгорода. Между тем местное население считает себя преимущественно потомками древних новгородцев, а в памяти жителей с. Борок и окрестных деревень до сих пор хранятся предания и рассказы об именованной земле, муже легендарной новгородской посадницы. Отсюда якобы ее фамилия — Борецкая Марфа. Эти и многие другие свидетельства наводят на мысль о том, что в районах Сев. Двины, а в особенности в междуречье Сев. Двины и Ваги новгородские влияния могли быть очень и очень значительными.

Ю. И. Марченко

В период 1983—1986 гг. Отделом народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР проводилась экспедиционная работа в Пинежском районе Архангельской области. В серии экспедиций принимали участие филолог Н. И. Хомчук (1985—1986 гг.), инженеры звукозаписи Г. В. Матвеев † (1983 г.) и В. П. Шифф (1985—1986 гг.), а также автор настоящих строк (1983—1986 гг.). Участниками экспедиций выполнено 1359 звукозаписей, которые дополняются пинежскими материалами, собранными А. Ю. Кастровым в межведомственной экспедиции Ленинградской государственной консерватории и Ленинградского отделения Музфонда СССР в 1982 г. (520 фонограмм хранятся в Кабинете народной музыки ЛО Музфонда СССР, 35 из них составляют записи эпических произведений).

Основная задача экспедиций заключалась в ретроспективном исследовании местной эпической традиции, необходимость проведения которого была продиктована особенностями собрания и изучения пинежского эпоса. В современной фольклористике утвердилось представление о пинежской эпической традиции, опирающееся на выводы экспедиций А. Д. Григорьева¹ и Государственного института истории искусств (1927, 1930 гг.), как об изначально «слабой» и неустойчивой традиции «с признаками упадка и разложения». Устоявшееся суждение, долгое время служившее препятствием собирательской работе эпосоведов на территории Пинежья, было поколеблено результатами фольклорных и диалектологических экспедиций 1960—1970-х гг., организованных Ленинградским и Московским государственными университетами. Фронтальное обследование территории бассейна р. Пинеги фольклористами ИРЛИ позволило не только зафиксировать реликтовые образцы традиционного эпоса, но и, в соотнесении последних с материалами предшествующих экспедиций, воссоздать достаточно полную картину бытования местной эпической традиции в период начала — первой четверти XX в.

Анализ типологии эпических напевов, их исполнительских форм дает основание для выделения на исследуемой территории трех музыкально-стилистических зон: нижнепинежской (от низовьев реки до Шотогорского сельсовета включительно), центральнопинежской и верхнепинежской (от Сосновского сельсовета вверх по течению). Территория Покшеньги и Суры представляется в качестве переходных зон. Различия в формах исполнения эпоса во многом обусловили неравномерность его со-

³ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север — Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1978. С. 7, 39, 59—61.

¹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1.

хранности на всей обследованной территории. Традиция сольного сказительства предопределила практически полное исчезновение музыкального эпоса на территории первой и третьей зон. В низовьях Пинеги удалось зафиксировать только несколько отрывков духовных стихов — «Михайло Архангел» (2), «Распятие Христа» (4), «Расставание души с телом» (4), а также небольшой фрагмент былины «Козарин». В памяти наиболее старых жителей нижнепинежских деревень остались единичные образцы эпического репертуара М. Д. Кривополеновой, непосредственно от нее усвоенные: «Небылица» (3) и «Кострюк» (3). Верхнепинежская традиция музыкального эпоса в отличие от нижнепинежской, широко представленной в публикации А. Д. Григорьевым, может быть лишь гипотетически реконструирована на основе реликтовых образцов. Сопоставление структуры напевов записанных фрагментов духовного стиха «Страшный суд» (6) и небылицы «Кашка прела-горела» (3) с зафиксированным напевом былины «Дюк Степанович» в записи 1927 г. позволяет предположить существование в прошлом на данной территории расчленившихся тирадных музыкальных форм эпоса. А фиксация подробных пересказов сюжетов былин «Ставр Годинович» (1), «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (1), а также сводных версий «Исцеление Ильи, Илья и Соловей-разбойник, Илья и Идолице» (1), «Добрыня и Змей, Добрыня и Алеша» (1) дает возможность для частичной реконструкции сюжетного корпуса верхнепинежских былин. Необходимо отметить, что записанные в Пинежье пересказы былин (часто с включением стиховых фрагментов), как правило, представляют собой результат детских воспоминаний местных жителей о произведениях, слышанных в напевном исполнении своих родных.

Наибольшей сохранностью отличается центральнопинежская традиция, концентрирующаяся вокруг территории бывшего Кеврольского стана. Специфическая особенность данной традиции, заключающаяся в преобладании артельных форм исполнения эпоса, обеспечила ее жизнеспособность. Экспедиционные разыскания подтвердили высказанное А. Д. Григорьевым суждение о дифференцированном бытовании пинежских эпических сюжетов в мужской и женской среде.² Мужская традиция, связанная преимущественно с исполнением былин, известна, к сожалению, лишь в незначительной степени (ее разрушению во многом способствовали факторы исторического порядка). До настоящего времени в публикациях не представлены местные типы напевов коллективных форм исполнения былин. Поэтому исключительно важной оказалась запись в 1984 г. былины «Илья Муромец и станичники» от Вассы Алексеевны Кузнецовой, усвоившей ее от своих родных (отметим, что в 1927 г. от В. А. Кузнецовой были зафиксированы лишь тексты двух баллад и плясовой песни).³ Сходство ее напева с неопубликованным напевом И. А. Ломтева (запись 1927 г.) подтверждает достоверность первого и позволяет отметить его устойчивость во времени. Строгий напев указанной былины обнаруживает черты типологического родства не только с эпическими напевами мезенско-кулойской и белозерско-каропольской групп, но и с калужскими былинными напевами.⁴ В центральнопинежских деревнях зафиксированы пересказы былин «Исцеление Ильи Муромца» (4), «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (1), сводных версий указанных сюжетов (3), а также «Святогор и тяга земная, Святогор и гроб» (1).

Особенности бытования эпических баллад и духовных стихов на территории средней Пинеги заключаются в преимущественном их распространении среди женского населения, а также в преобладании групповой формы исполнения. Именуемые в народном обиходе стихами, они исполнялись на «вечерянках» или «гостебах» в период Великого поста. Ряд духовных стихов входит в состав похоронного ритуала старообрядческого населения центральнопинежских деревень. До настоящего времени наиболее популярными остаются «стихи» «Князь Михайло» (34), «Дмитрий и Домна» (26), «Мучения Егория» (16), «Сон Богородицы» (25), «Расставание души с телом» (21). В экспедициях ИРЛИ записаны также следующие сюжеты в полноценных исполнительских вариантах: «Роман и Настасья» (15), «Михайло Архангел» (11), «Братья-разбойники и сестра» (4), «Страшный суд» (7), «Распятие Христа» (3), «Милосердная жена» (2), «Две вдовы и Христос» (3), «Алексей, человек Божий» (6), «Трудник и Пятница» (5), «Петры-Павлы» (3). Примечательна локальная версия духовного стиха «Сон Богородицы» с контаминированным в зачине текстом охранительного заговора «Ангел мой!». К стиливым особенностям «стиха» относится наличие двух его музыкальных форм интонирования — декламационной и распевной. Обратим также внимание на поджанровое бытование напева баллады «Дмитрий и Домна». При этом характерно, что в одном ареале формульный напев воплощается только в двух жанровых формах: на центральнопинежской территории в виде баллады и дожинной припевки «Уж мы вьем, вьем бороду», а в низовьях Пинеги — дожинной припевки и ряда свадебных песен.

А. Ю. Кастров

² Архангельские былины. . . С. 142.

³ Былины Севера. Т. 2: Прионежье, Пинега, Поморье // Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.: Л., 1957. С. 569—576.

⁴ Селиванов Ф. М., Канчавели Л. Г. Песня на былинный сюжет в Калужской области // Музыкальная фольклористика. М., 1986. Вып. 3. С. 69—89.

2—16 августа 1987 г. в деревнях Кречетовского, Хотеновского и Калитинского сельсоветов Каргопольского района Архангельской области совместно с экспедицией Ленинградского отделения Музфонда СССР и параллельно ей работала группа фольклористов в составе двух человек — аспирантки Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР М. В. Рейли и радиопроинженера В. А. Рейли.

Основной задачей группы был сбор несказочной прозы. Выбор региона был подготовлен материалами студенческой экспедиции 1979 г. Ленинградского государственного университета и экспедицией ЛО Музфонда СССР лета 1986-го, зимы 1987 г., которые показали сравнительно хорошую сохранность такого малоизученного жанра народной прозы, как быличка. При записи этого материала фиксировались не только паспортные данные текстов, но и данные о личности и социальном статусе рассказчика, вопросы собирателя, провоцирующие рассказ, характеристика обстановки беседы. Отсутствие подробных деталей в большинстве архивных записей и в текстах публикаций во многом затрудняет полноценное и объективное исследование жанра былички.

Всего было собрано 88 текстов быличек. Наряду с ними записано 57 поверий, 6 рассказов о свадебном обряде (в ряде случаев с песнями и причетами), 10 рассказов о святках и святочных играх, 1 апокриф, 4 молитвы, 7 заговоров, 5 лирических песен, 10 «жесточких» романсов, 2 плясовые песни, 2 песни о гражданской войне, 76 частушек, 6 колыбельных, 18 детских игр и считалок, 3 наигрыша на гармонии.

Все фонограммы переданы в архив ЛО Музфонда СССР, туда же со временем будут передаваться дневники и черновые записи текстов. В настоящее время дневники, отдельные копии фонограмм, а также расшифровки текстов быличек и поверий находятся в личном архиве М. В. Рейли.

М. В. Рейли

© М. В. Рейли, 1990

Кафедра литературы Ульяновского государственного педагогического института им. И. Н. Ульянова в июле 1987 г. провела 13-ю фольклорную экспедицию.

Одна группа (руководитель — старший преподаватель кафедры литературы М. Г. Матлин) проводила комплексное исследование Сызранского района Куйбышевской области. Выбор данного района обусловлен необходимостью завершить изучение фольклорной традиции бывшей Симбирской губернии, в состав которой входил Сызранский уезд. За 18 дней было записано 130 песен (традиционных лирических, свадебных, игровых и хороводных, литературного происхождения и пр.), 864 частушки, 137 произведений детского фольклора (считалки, дразнилки, страшилки, игры и т. д.), 17 рассказов о свадебном обряде и 135 воспоминаний о календарных обычаях (святки, масленица, семик, троица, проводы весны), 14 сказок, 22 предания, 11 легенд, 117 быличек и 25 меморатов (в основном о событиях Великой Отечественной войны). Исследованы следующие населенные пункты: Чекалино, Троицкое, Надеждино, Ивашевка, Заборовка, Жемковка, Трубетчино, Вельяминовка, Балашейка, Старая Рачейка, Смолькино.

Другая группа (руководитель — доцент кафедры литературы М. П. Чередвинова) осуществляла запись меморатов о Великой Отечественной войне в с. Потьма Карсунского района Ульяновской области. Всего было записано 154 текста, а также 67 быличек, 17 преданий, 20 легенд, 8 сказок, 98 частушек.

Третья группа (руководитель — учитель русского языка и литературы школы № 45 г. Ульяновска В. Ф. Шевченко) проводила запись произведений детского фольклора в г. Ульяновске. Ими опрошено более 200 детей в возрасте от 5 до 15 лет. Записано 255 игр (с вариантами), 347 страшилок, 364 дразнилки, 466 считалок и другие жанры.

Все песни и сказки записаны на магнитофонную ленту. Собранные материалы хранятся в фольклорном архиве кафедры литературы УГПИ им. И. Н. Ульянова.

М. Г. Матлин

© М. Г. Матлин, 1990

Научная задача фольклорных практик, проводимых фольклорным объединением кафедры литературы Иркутского государственного педагогического института, — планомерное исследование бытования фольклора в Иркутской и Читинской областях, а также накопление повторных записей от наиболее талантливых мастеров устного поэтического слова.

© М. Р. Ульянова, Р. Н. Афанасьева, 1990

За период с 1984-го по 1987 гг. студенческими группами были обследованы Сретенский и Чернышевский районы Читинской области. В Сретенском районе за этот период было записано 3210 фольклорных единиц. Из них: сказок — 21; устных рассказов — 255; преданий — 60; быличек — 312; анекдотов — 4; описаний календарных обрядов — 94; святочных гаданий — 125; фрагментов семейных обрядов — 64; традиционных крестьянских лирических песен — 86; военно-бытовых песен — 36; песен каторги и ссылки — 28; колыбельных — 9; хороводных и игровых — 2; шуточных — 16; песен городского происхождения, романсов — 62; баллад — 9; песен гражданской войны — 34; песен Великой Отечественной войны — 44; песен литературного происхождения — 31; песен украинского и белорусского происхождения — 5; заговоров — 60; частушек — 1489; примет — 9; загадок — 55; пословиц и поговорок — 135; произведений детского фольклора — 101.

В процессе собирания материала особое внимание было обращено на бытование в регионе различных жанров народной прозы.

В живом бытовании были обнаружены сказки различных типов сюжетов. Так, в 1984 г. в с. Бори от Касьянова Алексея Назаровича была записана волшебная сказка «Про Ванюшку-дурачка» (СУС 530 — «Сивко-Бурко»),¹ В 1984 и 1985 гг. в с. Мангидай несколько социально-бытовых сказок было записано от Плотникова Петра Ивановича. Наиболее интересные из них сказки «Как Иван попа обманул» (СУС 1539 — «Шут») и «О сметливом солдате» (СУС 1544 А* — «Солдатская загадка»). В 1986 г. в с. Алия от Ветуговой Анны Александровны была записана волшебная сказка «Про злых дочерей» (СУС 780 — «Чудесная дудочка»), в с. Нижние Куларки от Макушевой Федоры Афанасьевны записали социально-бытовую сказку «Про Фому-богатыря» (СУС 1640 — «Фома Беренников») и волшебную сказку «Мальчик с пальчик» (СУС 327В — «Мальчик с пальчик у ведьмы»). В том же году в с. Кулан записали несколько сказок от известного, популярного в окрестных селах сказителя Колобова Григория Тимофеевича. Наиболее интересны в его исполнении волшебные сказки «Сивка-Бурка» (СУС 530 — «Сивко-Бурко»; 530 А — «Свинка — золотая щетинка») и «Илья Муромец» (СУС 650 С* — «Илья Муромец»).

Обследуемый район оказался особенно интересным по части бытования таких жанров несказочной прозы, как устные рассказы и предания. Зафиксированы рассказы различных тематических групп: о золотодобыче, о русско-японской войне, о гражданской войне, о коллективизации, о Великой Отечественной войне (фронт и тыл), охотничьи рассказы, рассказы о встречах человека с медведем или волком.

Типы преданий также разнообразны. Записано 10 топонимических преданий, 5 — генеалогических, 39 — исторических. Значительная часть генеалогических и исторических преданий представляет собой народную память о Карийской каторге. В последние десятилетия XIX в. недалеко от поселка Усть-Карск и не существующих уже сегодня сел Верхняя Кара и Средняя Кара находилась тюрьма для содержания в основном политических преступников. Этим фактом обусловлена тематика многих преданий: о карийской тюрьме; о политкаторжанках; о народниках и народовольцах, заключенных карийской тюрьмы; о политкаторжанке Софье Богомолец; о дедах и прадедах, бывших на карийской каторге; о первом начальнике карийской тюрьмы Разгильдееве.

В преданиях Сретенского района нашла отражение история заселения края русскими. Например, в с. Усть-Наринзор записаны историческое предание об эвенкийском князе Гантимуре, вступившем в дружественные отношения с русскими землепроходцами, и генеалогическое предание о прадеде, первом русском поселенце села среди эвенков и бурят (зап. от Истомина Степана Васильевича в 1986 г.).

В период гражданской войны на реке Шилке был сосредоточен один из центров забайкальского повстанческого движения. В селах Сретенского района широко распространены предания и рассказы о командующем партизанской армией Павле Николаевиче Журавлеве и о командире партизанского отряда Федоте Аввакумовиче Погодаеве. Для преданий о Погодаеве характерно особое типологическое сходство. Известно, что Ф. А. Погодаев погиб в январе 1920 г. во время наступления на город Сретенск. В преданиях же обязательно поясняется причина его гибели, при этом повторяется один и тот же мотив: Погодаев не смог совладать с «суровым» конем, который перенес его через реку Шилку к позициям белых. Тем самым причиной гибели любимого командира оказывается «роковой» конь (11 текстов).

Предметом особого изучения были исторические предания о «благородном» разбойнике Павле Ивченко. В связи с этим во время фольклорных практик 1984 и 1985 гг. ставилась задача сделать повторные записи рассказов и преданий о П. Ивченко. Цикл был ранее уже зафиксирован В. П. Зиновьевым и студентами во время фольклорных экспедиций 1974—1978 гг. во многих селах этого района. В период 1984 и 1985 гг. записаны предания, в основе которых сюжеты «Ивченко грабит богатых и одаривает бедных» (13 текстов), «Ивченко скрывается от преследования» (4 текста). Впервые за-

¹ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. Дальнейшие номера сказочных сюжетов даются по этому изданию.

писаны рассказы-мемораты о встрече сказителя с сыном П. Ивченко (зап. от Вторушина Никифора Степановича в пос. Усть-Карск в 1985 г.) и о том, как проходили похороны «благородного» разбойника (зап. от дальнего родственника П. Ивченко Воронина Прокопия Иосифовича в пос. Усть-Карск в 1985 г.).

Фольклорная практика 1987 г. впервые была посвящена исследованию Чернышевского района Читинской области. Записано 1457 фольклорных единиц. Из них: сказок — 14; устных рассказов — 81; преданий — 5; быличек — 77; анекдотов — 15; описаний календарных обрядов — 33; святочных гаданий — 11; фрагментов семейных обрядов — 28; традиционных крестьянских лирических песен — 55; военно-бытовых песен — 13; песен каторги и ссылки, тюремных — 23; колыбельных — 1; хороводных — 6; плясовых — 2; шуточных — 7; песен городского происхождения, романсов — 49; баллад — 3; песен гражданской войны — 13; песен Великой Отечественной войны — 21; песен литературного происхождения — 4; песен украинского и белорусского происхождения — 33; заговоров — 19; частушек — 700; примет — 41; загадок — 19; пословиц и поговорок — 33; игр — 4; произведений детского фольклора — 96.

Среди записанных текстов особо хочется выделить удивительные сказки, в которых детально раскрываются сюжетные темы и сохраняется традиционная сказочная обрядность. Это новеллистическая сказка «Честная жена» (СУС 882А — «Спор о верности жены») и волшебная сказка «Портупей-прапорщик» (СУС 301 Д — «Солдат находит исчезающую царевну»; 318 — «Неверная жена»), рассказанные Корякиным Никитой Николаевичем (с. Ульякан); волшебные сказки: «Иван-царевич и серый волк» (СУС: 550 — «Царевич и серый волк»), «Сын солдата» (СУС 313 А — «Чудесное бегство»), «Липа» (СУС версия 405 — «Иоринда и Иорингель» (отчасти); 407 — «Девушка-цветок»), рассказанные Гусевской Татьяной Иннокентьевной (с. Ульякан); это волшебная сказка «Про Ивана, коровина сына» (СУС: 303 — «Два брата»; 513А — «Шесть чудесных товарищей»), записанная от Тюкавкина Филиппа Назарьевича (с. Аксеново-Зилово); социально-бытовая сказка «О попе и его работнике» (СУС: 1000 — «Уговор не сердиться»; 1002 — «Убытки хозяину (попу)»; 1089 — «Состязание в молотбе»; 1004* — «Медведь в упряжке»; 1132 — «Бегство от работника (от дурака)»; 1120 — «Хозяйка (поп) сброшена в воду» (контаминация шести сюжетных тем)), записанная от Козачка Сергея Петровича (с. Аксеново-Зилово) и новеллистическая сказка «Как зять тещу учил» (СУС 901 — «Укрощение строптивой»; 901 В* — «Исправление ленивой»), записанная от Артемина Василия Лукича (с. Аксеново-Зилово); волшебная сказка «Про двух дочерей» (СУС 480 — «Мачеха и падчерица») в изложении Пискарева Василия Сергеевича (с. Бушулей).

М. Р. Ульянова, Р. Н. Афанасьева

Комплексная фольклорная экспедиция 1987 г., организованная Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (ИЯЛИ), в соответствии с планом подготовки к изданию серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» продолжала работу по сбору фольклорных материалов эвенков, эвенков, якутов и русских. Сбор русского материала был поручен автору этих строк.

Мной было намечено два маршрута на северо-восток Сибири — в Нижнеколымский и Аллаиховский районы Якутии, где издавна живет русское население.

К сожалению, ввиду ряда обстоятельств (ограниченность во времени, непогода, болезнь и смерть исполнителей и др.), не удалось встретиться с некоторыми информантами, с кем были намечены встречи и от которых можно было получить интересный и ценный материал.

Всего в двух районах было записано около 95 текстов от 17 исполнителей разного возраста. Наиболее интересными из них, на мой взгляд, являются С. Е. Борисов, Е. С. Чикачев, А. П. Чикачева, Е. С. Киселев и др.

В Нижнеколымском районе ЯАССР с 19-го по 31 марта в пос. Походск, пос. Черский, с. Колымское было записано 15 песен, 1 сказка, 11 текстов несказочной прозы, 10 частушек, 1 загадка.

В Аллаиховском районе ЯАССР с 1 по 7 апреля в с. Полярное (бывшее Русское Устье), пос. Чокурдах — 13 песен, 3 сказки, 7 текстов несказочной прозы, около 30 частушек.

Все тексты записывались на магнитофон. Собранные записи пополняют архивы ИРЛИ, ИЯЛИ.

Л. Н. Скрыбкина

СО Д Е Р Ж А Н И Е

I. Статьи и сообщения

<i>Иванова Т. Г.</i> (Ленинград). Специфика фольклористической текстологии . . .	5
<i>Власова Э. И.</i> (Ленинград). Принципы текстологической работы А. Ф. Гильфердинга (по записям и изданиям его «Онежских былин»)	22
<i>Азбелев С. Н.</i> (Ленинград). О переиздании былин в записях А. М. Астаховой	39
<i>Еремина В. И., Жекулина В. И.</i> (Ленинград). Практическая текстология былин	54
<i>Новиков Ю. А.</i> (Вильнюс). О творческих контактах прионежских сказителей	69
<i>Горелов А. А.</i> (Ленинград). Критические заметки по текстологии исторических песен, баллад и былин	83
<i>Корепова К. Е.</i> (Горький). Лубок и устная сказочная традиция. (Проблемы текстологии)	93
<i>Овчинникова О. В.</i> (Ленинград). Текстологические приемы изучения рукописных вариантов сказочных сюжетов (на материале «Повести о Шемякинском суде»)	106
<i>Новицкая М. Ю.</i> (Москва). Взаимодействие традиционного фольклора взрослых и детей. (Текстологические наблюдения над стихотворными жанрами)	115
<i>Хроленко А. Т.</i> (Курск). Своеобразие фольклорного слова	122
<i>Климас И. С.</i> (Курск). Специфика названий растений в фольклорной лексике	134
<i>Черепанова О. А.</i> (Ленинград). Типологическая и лингвистическая интерпретация некоторых элементов заговоров	143
<i>Юдин Ю. И.</i> (Курск). Нескудеющее наследие. (К 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского)	155

II. Материалы и публикации

<i>Альбинский В. А., Шумов К. Э.</i> (Пермь). Святочные игры Камско-Вишерского междуречья	171
<i>Марченко Ю. И.</i> (Ленинград). Замечания о напевах вологодских причитаний	189
<i>Гусев В. Е.</i> (Ленинград). К публикации русских песен, записанных В. Караджичем. (Текстологические заметки)	203
<i>Смирнов Ю. И.</i> (Москва). Материалы к изучению русской эпической поэзии Сибири и Дальнего Востока	208

III. Обзоры, рецензии, библиография

<i>Губанова Г. А.</i> (Челябинск). Библиографирование русского фольклора (обзор)	229
<i>Мельц М. Я.</i> (Ленинград). Биобиблиографии русских фольклористов	238
<i>Еремина В. И.</i> (Ленинград). Е. А. Костюхин. Типы и формы животного эпоса. М., 1987	244
<i>Новичкова Т. А.</i> (Ленинград). Н. А. Криничная. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987	248
<i>Иванова Т. Г.</i> (Ленинград). Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987	252
<i>Матренина М. М.</i> (Ленинград), <i>Якунина Г. Т.</i> (Москва). Фольклор на страницах курской дореволюционной периодики. (Библиография)	255
<i>Максименко М. Д.</i> (Ленинград). Зарубежные исследования сказочного сюжета «Амур и Психея»	266

IV. Хроника

<i>Азбелев С. Н.</i> (Ленинград). Фольклористика на Десятом международном съезде славистов	268
<i>Архангельская В. К.</i> (Саратов). Памяти Т. М. Акимовой (1898—1987)	271
<i>Экспедиции</i>	278